МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Е.В. Иванцова

РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Томск
Издательство Томского государственного университета
2024

УДК 81'282 /571.1/. 5/
ББК 81.411.2 – 5 – 4
И23

Иванцова Е.В.
И23 Речевая культура диалектной языковой личности. – Томск : Томский государственный университет, 2024. – 446 с.

ISBN 978-5-907890-24-4

Монография посвящена исследованию речевой культуры диалектной языковой личности – типичного представителя говоров Среднего Приобья. Объём и состав лексикона сибирской крестьянки, особенности создания текстов, изучение языковой рефлексии, выявление правил речевого поведения подтверждает высокий уровень народной речевой культуры, базирующийся на основе традиций, этических норм, стратегий и тактик, отражающих кооперативный принцип коммуникации – дружелюбный, бесконфликтный, выразительный. Источники исследования представляют собой уникальный архив спонтанной речи информанта, собранный на протяжении 23-х лет, и серию словарей, созданных на его основе. Материал позволяет также изучать систему ценностей диалектной культуры крестьянства как составляющую часть народной культуры в целом.

Для специалистов в области лингвистики, диалектологии, лингвокультурологии, лингвоперсонологии, а также для всех, кого интересует русская народная культура и речь.

УДК 81'282 /571.1/. 5/
ББК 81.411.2 – 5 – 4

Рецензенты:
О.В. Фельде – доктор филологических. наук
Е.А. Оглезнева – доктор филологических. наук

Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042

© Томский государственный университет, 2024
© Иванцова Е.В., 2024

ISBN 978-5-907890-24-4

-

> Разговорный язык простого народа… также достоин глубочайших исследований. Они говорят удивительно чистым и правильным языком.
>
> *А. С. Пушкин*

1. Речевая культура и языковая личность

1.1. От термина «культура речи» к «речевой культуре»

Проблемы изучения культуры и языка всегда находились и находятся в центре внимания носителей и исследователей этих феноменов. Выдающийся лингвист и фольклорист, известный славист Н.И. Толстой считал, что «язык может быть воспринят как компонент культуры или орудие культуры (что не одно и то же), в особенности когда речь идёт о литературном языке или языке фольклора»; в то же время он не исключал автономности языка, которого «можно рассматривать отдельно от культуры (что и делается постоянно)» или в сравнении с ней как как равнозначными и равноправными» [Толстой 1995, с. 16].

Пристальное внимание к выработке и соблюдению языковых норм стало развиваться в отечественной науке ещё начиная с «Российской грамматики» и «Риторики» М.В. Ломоносова, в XVIII в. заложившего основы нормативной грамматики и стилистики русского языка. Это направление было продолжено А.Х. Востоковым, К.С. Аксаковым, А.А. Потебней, Я.К. Гротом Ф.И. Буслаевым и другими выдающимися учеными.

«Если в конце XIX века и в начале XX века в стране была прослойка достаточно высоко культурного населения – дворяне, высшее духовенство, офицерство, профессура и учительство, то с революцией она исчезла» [Стернин 2000, с. 8]. После смены политического строя особенно актуальной стала задача овладения грамотностью и литературным языком рабочими и крестьянами,

вовлекаемыми в общественную деятельность. В этот период проблемам нормализации много внимания уделяли Д.Н. Ушаков, В.В. Виноградов, С.И. Ожегов, Л.В. Щерба, Г.О. Винокур, А.М. Пешковский, Р.И. Аванесов, позднее – Д.Э. Розенталь, К.С. Горбачевич, Л.П. Крысин, Н.И. Формановская и многие другие [Скворцов 1979; Ширяев 2003].

К концу XX в. термин «культура речи» (реже – «культура языка») прочно закрепился в лингвистической терминологии. Он отражается во многих энциклопедиях, словарях, публикациях и учебниках. Приведём некоторые определения.

Вот описание Л.И. Скворцова в энциклопедии «Русский язык»: «Культура речи − владение нормами устного и письменного языка (правилами произношения, ударения, грамматики, словоупотребления и др.), а также умение использовать выразительные языковые средства в разных условиях общения в соответствии с целями и содержанием речи.

Термин «К. р.» иногда употребляется в широком смысле (и тогда имеет синоним «культура языка»). В этом случае имеются в виду образцовые тексты письменности, а также потенциальные свойства языковой системы. В узком смысле под К. р. понимают конкретную реализацию языковых свойств и возможностей в условиях повседневного – устного и письменного – общения. Понятие «К. р.» включает в себя две ступени две ступени освоения лит. языка: 1) правильность речи и 2) речевое мастерство.

Правильность речи – это соблюдение норм. (…) Речевое мастерство в отличие от правильности речи – это не только следование нормам лит. языка, но и умение выбирать из сосуществующих вариантов наиболее точный в смысловом отношении, стилистически уместный, выразительный, доходчивый и т.п. (…)

Высокая К. р. предполагает достаточно высокий уровень общей культуры человека, сознательную любовь к языку, культуру мышления. Вершиной речевой культуры, эталоном и «точкой отсчёта» явлений, осознаваемых в качестве нормативных, признается литературный язык, где закрепляются и накапливаются, как

в сокровищнице, культурные традиции народа, достижения мастеров слова, писателей» [Скворцов 1979, с. 119–120].

Б.Н. Головин, автор ряда вузовских учебников и пособий, проявлявший большой интерес к вопросам культуры русской речи, внес значительный вклад в становление теории этой области знаний. Обращаясь к ее дефиниции, исследователь сделал акцент на коммуникативных качествах современной русской литературной речи при её изучении и практическом описании. Ученый сформулировал определение понятия «культура речи» в двух значениях: это «совокупность и система ее коммуникативных качеств» и «учение о совокупности и системе коммуникативных качеств речи» [Головин 1988, с. 8].

Автор подчёркивает, что культура речи не сводится к правильности. Он отталкивается от работ С.И. Ожегова, утверждающего, что «высокая культура речи заключается не только в следовании норм языка», но и в точности, доходчивости, уместности средств выражения мысли [Ожегов 1974, с. 287−288] и Л.И. Скворцова, разделяющего правильность речи низшей ступени (правильно/неправильно) и высшей ступени, где «оценки вариантов на уровне культуры речи иные: лучше – хуже, точнее, уместнее и т.п…» [Актуальные проблемы… 1970, с. 84]. В «Основах культуры речи» он подробно описал такие коммуникативные качества речи, как правильность, точность, логичность, чистота, богатство (разнообразие), выразительность и уместность [Головин 1988, с. 41–248]. Эти идеи нашли отражение и в последующем понимании новой научной дисциплины.

В определении культуры речи появились новые элементы. В современных учебных изданиях, энциклопедических словарях и справочниках понятие «культура речи» обозначается не только как владение нормами литературного языка, но и «умение осуществлять выбор языковой единицы| в зависимости от ситуации общения, умение достигать поставленных задач в коммуникации, соблюдение этики общения (нормативный, коммуникативный и

этический компоненты| культуры речи). Культура речи говорящего и пишущего обнаруживается в *коммуникативных качествах речи*, предполагает *богатство словарного запаса*, соблюдение правил *речевого этикета*, умение пользоваться стилистическими ресурсами языка. Важной характеристикой культуры речи является умелое использование синонимов, учет языковых вариантов». [Русская речевая культура 2006, с. 56].

В энциклопедическом словаре-справочнике «Культура русской речи» словарная статья о культуре речи также уделяет внимание коммуникативному аспекту. Она представлена в двух значениях: «1) владение нормами лит. языка в его устной и письменной форме, при которой осуществляется выбор и организация языковых средств, позволяющих в определенной ситуации общения и при соблюдении этики общения обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных задач коммуникации; 2) область языкознания, занимающаяся проблемами нормализации речи, разрабатывающая рекомендации по умелому пользованию языком. К. р. содержит в себя, таким образом, три компонента: нормативный, этический и коммуникативный» [Ширяев 2003, с. 287]. Близка к процитированному определению Е.П. Ширяева и трактовка в «Учебном словаре…» Т.В. Матвеевой [Матвеева 2003, с. 121–122].

С распространенным термином «культура речи», закрепившимся прежде всего в педагогике и вузовском обучении языковым нормам профессиональной деятельности учащихся, в конце XX в стало утверждаться также новое обозначение «речевая культура». Б.Н. Головин считал обе номинации синонимичными [Головин 1988, с. 8]. В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротинина рассматривают новый термин иначе, считая речевую культуру составной частью культуры народа, связанной с использованием языка. По мнению этих авторов, понятие «речевая культура» шире, чем «культура речи» [Гольдин, Сиротинина 1997, с. 414]. Расширяя представление об этом понятии, ученые очертили круг составляющих его элементов: «Р. к. включает язык в его социальных и

функциональных разновидностях, формы воплощения речи (устную и письменную), совокупность общезначимых речевых произведений на данном языке, систему речевых событий и речевых жанров, обычаи и правила общения, речевой этикет, закрепление в языке картины мира, присущее данной культуре соотношение словесных и несловесных компонентов общения (коммуникативное использование пространства, поз, жестикуляции, мимики и т.п. в процессе речи), способы передачи, сохранения и обновления языковых традиций, языковое сознание народа в бытовых и профессиональных формах, науку о языке» [Там же. 1997, с. 413-414][1].

Наряду с обозначением «речевая культура», в публикациях стали появляться близкие по содержанию аналоги «хорошая речь» и «эффективная речь» – вероятно, как более понятные широкой общественности [Хорошая речь 2001; Сиротинина URl; Эффективное речевое общение (ЭРО) 2014; Шмелева 2011 и др.].

Развивая мысли своих предшественников, Т.В. Шмелёва подчеркивает, что «идеальная в нормативно-языковом отношении речь может быть фатально не эффективной» [Шмелёва Т.В. 2011, с. 77]. В статье «Эффективная речь с позиций речеведения» автор неоднократно использует и термин «речевая культура» [Там же, с. 81, 83, 86, 87]. Исследователь считает, что эффективность, успешность речевого общения зависит от четырех выделенных исследователем факторов: поведения, фактуры, сферы и жанра.

Поведение зависит от речедеятелей (коммуникантов). Оно «определяется как серия речевых действий (поступков, актов), основанных на сознательном выборе из имеющихся возможностей. Поэтому в речевую культуру входит представление обо всех возможностях и условиях или правилах выбора из них, а также эффектах, которые можно таким образом достичь» [Там же,

[1] Несколько измененный вариант этого определения представлен в «Стилистическом энциклопедическом словаре русского языка» [Сиротинина 2003, с. 343–347].

с. 81]. Коммуникант выбирает речевую роль (автор/адресат), тип коммуникации (молчание/говорение, монолог/диалог, стратегии и тактики речевого поведения, опирается в высказываниях на правила речевого поведения [Там же, с. 84].

Под фактурой речи понимаются виды речи: устная/письменная/печатная/телефонная и т.д.

Сферы речи соотносятся с социокультурными реалиями и функциональными стилями. Последним из показателей автор рассматривает речевой жанр как «итог всех усилий речевого поведения» [Там же, с. 82, 84].

На рубеже XX–XXI вв. наряду с пристальным вниманием к кодификации норм языка и их систематизации в словарях и справочниках лингвисты обращают внимание также на этические и коммуникативные нормы, которые акцентируются в концепции речевой культуры. Значимость отраженной в речи национальной культуры, несомненно, было вызвана сложившейся языковой ситуацией.

В период перестройки и распада СССР политический и экономический кризис и реформы, массовая ротация кадров, провозглашение политики гласности и ряд других преобразований отразился на резком снижении уровня речевой культуры. Негативное воздействие на неё отмечается также вследствие длительного распространения тоталитарного языка, вседозволенности употребления сниженной лексики как результат процессов демократизации общества [Козырев, Черняк 2008, с. 35]. И в настоящее время О.Б. Сиротинина пишет о том, что состояние русской речи показывает взрывной рост лексических заимствований, заменяющих русские номинации, обеднение языка за счет слов диффузной семантики; огрубление речи при вербализации обсценной лексики; нарушение норм литературного языка в СМИ и художественной литературе, утративших статус образцовых [Сиротинина 2019].

Пристальный интерес к русской речевой культуре очевиден. Ежегодно проходят, например, посвящённые этой проблематике

международные научные конференции «Русская речевая культура и текст», которые проводятся в Томском государственном педагогическом университете, где рассматривается эта культура в синхронии и диахронии, освещаются проблемы коммуникативной стилистики медиакоммуникации, семантики и прагматики научных текстов; много внимания уделяется новым подходам к преподаванию русского языка в школьной практике. Издаются коллективные монографии [Хорошая речь 2001; Рискогенность…, 2015 и др.], журналы, посвящённые лингвоэкологии [Экология языка…, 2013-2020; Вопросы культуры речи, 1955 – по наст. время], новые учебники для студентов [Гольдин, Сиротинина, Ягубова 2003; Граудина и др., 2020], учебные словари, отражающие понятия речевой культуры [Матвеева 2003; Русская речевая культура 2006; Культура русской речи 2007; ЭРОе 2014 и др.], а также научно-популярная литература (см., например: [Русский язык и русская культура, 2003]).

Стимулом к изучению и сохранению русской речевой культуры, национальной идентичности, культурного достояния этноса, несомненно, способствовали и формирующиеся в данный период функциональная, когнитивная и динамическая парадигмы, коммуникативистика и прагмалингвистика [Воркачев 2001, с. 64; Кубрякова 1995, с. 228; Кудреватых 2020 URL]. В развивающихся сферах этнолингвистики и речеведения был поднят вопрос о типологии речевой культуры.

1.2. Типы речевой культуры

Выдающийся лингвист и фольклорист, известный славист Н.И. Толстой в каждой славянской национальной культуре впервые выделил 4 её разновидности: культуру образованного слоя – «книжную», или элитарную, у носителей литературного языка; культуру народную, крестьянскую – у носителей говоров; промежуточную между ними просторечную культуру и традиционно-профессиональную субкультуру, отраженную в арго. Сравнивая

их, ученый выявил изоморфизм между структурой культуры и структурой языка, отмечая в каждой из подсистем свой набор дифференциальных признаков: нормированность/ненормированность, наддиалектность/диалектность, открытость/закрытость, стабильность/нестабильность [Толстой 1995, с. 16]. Сильной стороной этой классификации является удачное объединение распространённых социальных типов и основных форм национального языка с соответствующим им характером языковых норм и языковой картины мира. За внешне единым основанием типологизации здесь скрыто несколько разнородных показателей (лингвистических и нелингвистических), но находящихся в тесной взаимозависимости. Не слишком точным можно считать наименование «элитарный» для типа речевой культуры, связанного с литературным языком, так как состав его носителей неоднороден.

Развивая классификацию Н.И. Толстого, В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротинина предложили разделить типы речевой культуры среди образованных горожан, владеющих литературным языком, на элитарную, среднелитературную, литературно-разговорную и фамильярно-разговорную (по снижению уровня этой культуры в порядке перечисления) [Гольдин, Сиротинина, 1997][1]. Элитарная речевая культура характеризуется как «выросшая на основе владения литературным языком, связанная с профессионализацией общения и усваиваемая путём специального изучения (через школу и другие формы образования). (…) Э л и т а р н а я Р. к. – эталонная Р. к., означающая свободное владение всеми возможностями языка, включая его творческое использование. Элитар-

[1] В более поздних публикациях этих авторов частично изменились номинации данных типов: так, в [Сиротинина 2003] выделяются такие внутриязыковые типы речевой культуры, как полнофункциональный, неполнофункциональный, среднелитературный, литературно-жаргонизирующий и обиходный, а за пределами литературного языка − просторечный, арготический и народно-речевой. Уточнение типологии речевых культур О.Б. Сиротининой предложено также И.А. Стерниным [Стернин 2009, 2013].

ная Р. к. позволяет её носителям целесообразно и уместно пользоваться языком в любой сфере общения и ситуации, применяя в каждом случае выработанные в языке соответствующие функциональные стили, их разновидности и формы речи. Для элитарной Р. к. характерно строгое соблюдение всех норм культуры речи (ортологических, этических, стилистических, функционально-стилевых). Для носителей элитарной Р. к. безусловен запрет грубых, тем более нецензурных выражений, что порождает развитую систему эвфемизмов и умелое их использование. Уважение к собеседнику вызывает строгое разграничение устной и письменной форм речи, не допускающее, в частности, использования в устной речи причастных и деепричастных оборотов, излишней книжности, а в письменной речи − смысловой неполноты информации; с ним связано «ты- и Вы-общение» в зависимости от возраста, степени близости и социальной роли адресата речи. Элитарная Р. к. − искусство речи, поэтому она характеризует далеко не всех образованных носителей лит. языка» [Там же, с. 414].

Для среднелитературной культуры характерны неполное соблюдение всех норм, владение двумя-тремя функциональными стилями (из которых один, как правило, разговорный, другой − профессиональный), насыщение речи книжными либо разговорными и просторечными словами. Литературно-разговорный и фамильярно-разговорный типы опираются преимущественно на разговорный стиль, допускают лексическую и синтаксическую небрежность, фамильярно-разговорный тип широко использует слова-паразиты, сниженную лексику, во многом сближаясь с просторечием [Там же].

Изучение этих типов в речевой практике носителей языка стало новой задачей лингвистов.

В конце XX века утверждается антропоцентрическая парадигма науки. Антропоцентризм предполагает, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчёта в анализе тех или

иных явлений, что он вовлечён в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели» [Кубрякова 1995, с. 212]. Закономерным становится интенсивное развитие лингвоперсонологии – самостоятельной молодой науки [Иванцова 2010, с. 18−35]. Выделяются её объект и задачи, складывается терминологический аппарат и методология, намечаются различные аспекты исследований, соотносимые с различными областями лингвистики, в том числе с культурой речи, которую Н.С. Болотнова относит к речеведческим дисциплинам [Жеребило 2010; URL].

Центральным понятием лингвоперсонологии стало понятие «языковая личность» (далее также ЯЛ). Это словосочетание впервые появилось в начале XX в. почти одновременно в публикациях Й.Л. Вайсбергера (1927) [Вайсбергер, 2024, с. 81] и В.В. Виноградова [Виноградов, 1930], однако только в 80-е гг. это наименование приобрело статус термина.

В настоящее время данный термин полисемичен; существует не менее десятка его дефиниций, часть которых восходит к определениям Г.И. Богина [Богин 1980, с. 29] и Ю.Н. Караулова [Караулов 1987[1]]. Наиболее точно содержательные различия, которых придерживаются лингвисты разных направлений и взглядов, систематизированы в энциклопедическом словаре «Культура русской речи»: «Языковая личность − носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в нее речевого коллектива, совокупный или усредненный носитель данного языка; в) как представитель вида homo sapiens …, неотъемлемым свойством которого является использование … естественного языка» [Шмелёва Е.Я. 2003, с. 804].

[1] В монографии Ю.Н. Караулова определение ЯЛ дано в нескольких вариантах, значительно отличающихся друг от друга.

Как можно видеть, значения рассматриваемого термина отличаются по уровню абстракции.

В пункте в) представлен первый уровень абстракции: ЯЛ характеризуется как любой говорящий субъект; б) – второй уровень абстракции, здесь имеется в виду ЯЛ говорящего как носителя национального языка и культуры. Эта обобщенная ЯЛ (называемая в публикациях иногда «коллективной» или «совокупной») может члениться на социолингвистические подтипы: ЯЛ ребёнка, жителя деревни, городского подростка, русского эмигранта, интеллигента и т.д. Наиболее конкретным, в отличие от обобщенных категорий в) и б), представляется определение а). Оно восходит к одной из формулировок Ю.Н. Караулова [Караулов 1987, с. 38]. Близки к нему дефиниция Д.Н. Мурзина («личность, атрибутом которой является язык в его речевом воплощении» [Мурзин 1995]) и автора, рассматривающего ЯЛ как «личность в совокупности социальных и индивидуальных черт, отраженную в созданных ею текстах» [Иванцова 2002а, с. 10]. Т.В. Кочеткова отмечает: «В настоящее время наиболее актуальным представляется не исследование в области создания абстрактных моделей носителей языка, а комплексные практические исследования в области изучения ЯЛ реального носителя языка» [Кочеткова 1996, с. 16].

1.2.1. Элитарный тип речевой культуры

Из всех выделенных типов речевой культуры активно исследуются элитарный тип и его представители − элитарные ЯЛ. Эти достаточно редкие феномены интересуют ученых в качестве эталона овладения языком как важнейшей частью национальной культуры.

Наиболее часто для лингвоперсонологического анализа обращаются к речи вузовских педагогов и/или учёных (Ю.М. Лотман, А.Ф. Лосев, В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев, О.Б. Сиротинина,

К.И. Бендер, В.Н. Комиссаров, П.В. Чесноков), писателей и поэтов (А.П. Чехов, А.И. Солженицын, С. Довлатов, А. Вознесенский), исторических деятелей (Петр I, Иван Грозный), в более редких случаях − рядовых носителей современного литературного языка.

Лингвоперсонологические источники изучения ЯЛ разнообразны (см. подробно [Иванцова 2005б]), но в данном случае исследователи опирались чаще на письменные тексты: эпистолярные [Парсамова 2004; Попова 2004; Гайнуллина 1995], научные [Федорченко 2002; Дружинина, Ворожбитова 2005], публицистические [Куроедова 2005; Романова 2006]; мемуарные [Рощина, Яковлева 1995], дневники и записные книжки [Баскакова 2003] и др. В некоторых трудах источники анализа конкретных ЯЛ учеными комбинируются [Куприна 1998; Опыт описания… 1989].

В ряде работ исследуются также записи устной речи ЯЛ в различных условиях общения: в официальной и неофициальной обстановке, в области профессиональной и бытовой коммуникации. Здесь анализировались публичные речи современных политиков, их интервью, выступления на пресс-конференциях [Романцова, Филатова 2007; Соколовская 2002], лекции для студенческой аудитории, прочитанные К.И. Бендером − ученым-фармакологом, профессором Саратовского государственного медицинского университета, заслуженного деятеля науки РФ [Кочеткова 1998], речь журналистов в информационных и игровых передачах [Канчер 2002, Беспамятнова 1994], репортажи спортивного комментатора [Малышева Е.Г. 2000] и др.

Изучая письменную или устную речь ЯЛ в зависимости от поставленных задач, ученые обращают внимание на словарный запас автора, соблюдение языковых норм или отклонение от них с определенными целями субъекта, стилеобразующие признаки текста и жанра, степень проявления творческого начала; опираясь на вербальные средства личностного тезауруса, реконструируют языковую картину мира индивида ЯЛ и его прагматический (мотивационный) уровень, отражающий интересы, мотивы,

цели[1]. В устной речи выявляются тональность общения, манера речи, коммуникативное поведение, орфоэпическая нормативность, экспрессивность речи и т.д.

Т.В. Кочеткова, детально исследовавшая ЯЛ носителя элитарной речевой культуры К.И. Бендера, дополнила характеристики В.Е. Гольдина и О.Б. Сиротинина. Она выделила следующие признаки этого типа культуры: «высокая свобода в текстопорождении любой тематической и жанрово-стилистической оформленности; высокая продуктивность переработки всех услышанных и прочитанных текстов; большой объем активного словаря; владение всеми функционально-стилевыми разновидностями литературного языка; сочетание разностилевых элементов речи, адекватное целям и задачам общения; свободное владение письменной и устной формой речи; соблюдение этических норм, уважение к адресату» [Кочеткова 1996, с. 22]. Называет автор также условия формирования ЯЛ элитарного типа (интеллигентность семьи с богатыми духовными традициями, окружение с правильной литературной речью; ранние навыки чтения и приобщение к различным и высокоценным текстам, хорошее образование и постоянное самообразование), личностные качества индивида (интеллектуальные, волевые и моральные), а также обширную и разнообразную речевую деятельность, большой объём словаря, использование прецедентных текстов, представляющих культурную ценность, дар внушения и убеждения с целью позитивного воздействия на человека, высокий самоконтроль речи [Кочеткова 1996, 1998 и др.].

Остальные типы речевой культуры в сфере литературного языка, по мнению авторов, «в большей или меньшей степени «ущербны» с точки зрения возможностей полноценного и творческого использования языка» [Гольдин, Сиротинина 1997, с.

[1] Структурированная модель ЯЛ, включающая несколько уровней, была предложена Ю.Н. Карауловым в книге «Русский язык и языковая личность» [Караулов 1987, с. 48–68].

415]. Они лишь поверхностно характеризуются, чем отличаются от «хорошей речи», однако практически пока не изучены.

Противопоставлены между собой и в то же время тесно связаны «вторичный тип, элитарная Р. к., выросшая на основе владения лит. языком», и «первичные типы, усваиваемые в практическом общении (народная Р. к. сельских жителей, говорящих на диалекте») [Гольдин, Сиротинина 1997, с. 414]. Обратим внимание на этот первичный тип и его носителей, рассматриваемых в нашем исследовании.

1.2.2. Народная / крестьянская / народно-речевая / речевая культура и её изучение

Обозначение данного термина не является устойчивым. Впервые ставя вопрос о типах речевой культуры в славянских языках, Н.И. Толстой публикует статью под заголовком «Язык и народная культура». Далее он пишет: «подобно тому как мы различаем литературный язык и диалекты (…), в каждой славянской национальной культуре можно выявить (…) культуру образованного слоя, "книжную", или элитарную, культуру народную, крестьянскую, культуру промежуточную, соответствующую просторечию, (..) и для полноты картины традиционно-профессиональную субкультуру (пастушескую, пчеловодческую, гончарную и др. на селе, торгово-ремесленную – в городе), фрагментарную и несамостоятельную, как арго» [Толстой 1995, с. 16–17]. Обратим внимание, что словосочетание «народная культура» не прижилось в лингвистической практике – видимо, в связи с многозначностью лексемы «народ». В академическом толковом «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой указаны следующие значения этого слова: «1. Население, жители той или иной страны, государства. 2. Нация, национальность, народность. 3. Основная трудовая масса населения страны (в эксплуататорских государствах − угнетаемая господствующим классами). 4. Люди» [МАС. Т. 2. 1993, с. 388−389]. Сема ″крестьянство″ отчасти прослеживается в

более раннем толковом словаре Д.Н. Ушакова. Ср.: «3. только ед. В эксплоататорском государстве − основная масса населения (преим. крестьяне) в противоположность правящему, господствующему классу. (…) • простой народ (дорев.) − то же, что народ в 3 знач.» [ТСУ 1938, стб. 413]. Думается, не случайно Н.И. Толстой к словосочетанию «народная культура» добавил уточняющее прилагательное «крестьянская». Позднее в работах диалектологов появилось обозначение «народно-речевая культура» (иногда добавляется также эпитет «традиционная»), хотя в терминологических словарях оно встречается редко.

Тем не менее в отечественной науке о языке не ослабевает изучение народных говоров и внимание к речевой культуре диалектоносителей.

Продолжается сбор диалектного материала в разных регионах, создаются областные словари различных типов, активно работают диалектологические центры нашей страны в Москве, Санкт-Петербурге, Томске, Саратове, Екатеринбурге, Архангельске, Красноярске, Перми, Вологде и многих других вузах.

Нельзя не отметить выдающийся вклад В.Е. Гольдина, обосновавшего в докторской диссертации новое научное направление – коммуникативную диалектологию [Гольдин 1997]; в ряде его публикаций анализируются также факторы, отражающиеся на специфике речевой коммуникации сельчан [Гольдин 2002, 2009; Гольдин, Крючкова 2008 и др.]. Интенсивно работают в коммуникативном аспекте диалектологи Вологодского государственного университета: изучается речевая культура диалектоносителей одного из сёл Вологодской области [Речевая культура Белозерья 2021], традиции речевого поведения, народный речевой этикет, паремии как отражение системы ценностей сельских жителей в этом же регионе [Зорина 2015; 2017; 2020; Новожилова, Зорина 2017].

Много внимания речевой культуре диалектоносителей уделяла и О.И. Блинова. Диалектолог указывает, что «ядерную зону речевой культуры составляет совокупность речевых средств,

представляющих собой результат длительного отбора и совершенствования лучшего, что выработано сотнями поколений говорящих на данном языке» [Блинова 2005, с. 78]. В эту зону исследователь включает изобразительно-выразительные средства языка на всех его уровнях: «Целесообразность и правомерность их изучения как объекта НРК[1], выразителем которой является местный диалект, обусловлена тем, что они широко представлены в диалектной речи, исторически первичной по отношению к литературному языку, органически связанной на протяжении столетий с языком фольклора, где «шлифовались» эстетически значимые средства диалекта, имеющего высокий народно-поэтический стиль, возникновению которого способствовало эстетическое сознание носителей говоров» [Там же, с. 79]. Образным языковым средствам (метафорам, сравнениям, олицетворениям, фигурам речи) в текстах старожилов Среднего Приобья О.И. Блиновой посвящен цикл статей [Блинова 1996, 2002, 2005 и др.] В этом же плане рассматривались мотивационные отношения лексических единиц в речевой практике диалектоносителей [Блинова 1979] и парадигматические отношения антонимов [Блинова 2005] на основе новых лексикографических трудов, послуживших источниками.

На среднеобском материале были изданы «Словарь образных слов и выражений народного говора» [Словарь образных… 2001], двухтомный «Мотивационный диалектный словарь» [Мотивационный диалектный… 1982–1983], «Словарь антонимов сибирского говора» [Блинова 2003]. Наряду с явлением мотивации в Томской диалектологической школе стали изучаться смысловые отношения мотивационно связанных слов, метатексты и феномен обыденного языкового сознания, которые также были квалифицированы О.И. Блиновой как составляющие речевой культуры диалектоносителей [Блинова 1984, 1989; Демешкина 1984;

[1] Автор цитаты под аббревиатурой «НРК» подразумевает термин «народно-речевая культура».

Ростова 2000 и др.]. Появились исследования этого же направления у авторов других регионов: статья О.В. Фельде о языковом сознании сибиряков [Фельде 2011], О.Ю. Крючковой о рефлективности диалектной речи [Крючкова 2008] книга С.М. Беляковой «Эстетическое начало народной речи» [Белякова 2018] и т.д.

Способствует изучению коммуникативной диалектологии и развитие корпусной лингвистики. В составе национального корпуса русского языка пополняется диалектный подкорпус; растёт количество региональных областных корпусов: в их числе мультимедийный Саратовский диалектный корпус (Саратов), электронный текстовый корпус лингвокультуры Северного Приангарья (Красноярск), электронный корпус диалектной культуры Кубани (Славянск на Кубани), вологодский мультимедийный корпус «Жизненный круг» (Вологда), Устьянский корпус (Москва) и Томский диалектный корпус (Томск). Последний из перечисленных на данный момент превышает 3,5 млн слов. Он «задуман с целью изучения своеобразия традиционной народно-речевой культуры, репрезентированной в дискурсивной практике носителей сибирских старожильских говоров Среднего Приобья. (...) Ориентация на текст как единицу представления диалектного дискурса дает возможность изучать тематику общения на диалекте, систему речевых жанров, метаязыкового сознания диалектоносителей, своеобразие проявлений речевой культуры, роли фольклора в повседневной речи сельчан, влияния интенционального дискурса на бытовую личностно-ориентированную сферу общения и др.» [Земичева, Иванцова 2018, с. 198−199]. Привлечение корпусов способствует изучению сохранившихся обычаев и обрядов, речевой коммуникации носителей традиционной культуры, реконструкции диалектной концептосферы, служит ценным источником для пополнения уже существующих и создания новых областных словарей.

Всё более прочно утверждающаяся в системе лингвистических отраслей лингвоперсонология с середины XX в. начала активно влиять на объекты исследования диалектологов: обследование территориальных диалектов стало дополняться

изучением отдельных языковых личностей диалектоносителей.

Первые шаги исследования диалектной ЯЛ сделал филолог из Шадринска В.П. Тимофеев, выбрав в качестве объекта свою мать, Е.М. Тимофееву, 1897 г. рождения. Двадцатилетняя фиксация речи информанта, записываемая от руки, позволила автору составить «Диалектный словарь личности» [Тимофеев 1971а] − не имевший тогда аналогов в лексикографической практике. Результатами работы стали не только издание толкового дифференциального словаря, но и ряд ценных наблюдений в книге «Личность и языковая среда» [Тимофеев 1971б], впоследствии внесших свою лепту в теорию ЯЛ. Его эстафету продолжили пермские диалектологи. Собирая в полевых условиях материал для словаря говора деревни Акчим Пермской области, в 1963 г. они начали специальное изучение А.Г. Горшковой – жительницы этого села, задумав также создание полного словаря её языка. К сожалению, работа осталась незавершённой в связи с кончиной информанта. Составленная картотека дала возможность издать небольшой словарик в формате учебного пособия – «Идиолексикон сквозь призму лексикографии» [Малышева В.А. 2007]. Анализ наблюдений над лексиконом данной ЯЛ сохранились в цикле статей, посвященных в основном сопоставлением Акчимского говора и идиолексикона А.Г. Горшковой [Грузберг, Егорьева 1969; Андреева, Горланова 1971; Скитова, Огиенко 1971; Малышева В.А., Скитова 1997, 2000; Малышева В.А. 1998а, 1998б].

Отметим также лингвоперсонологическое изучение Е.А. Нефедовой экспрессивных лексических единиц в речи представителя архангельского говора А.И. Пономаревой. Этот фрагмент лексикона диалектоносительницы отражен в «Экспрессивном словаре диалектной языковой личности» [Нефёдова 2001].

Особого внимания заслуживает докторская диссертация В.Д. Лютиковой «Языковая личность: идиолект и диалект» [Лютикова 2000а] и опубликованная по её материалам монография

«Языковая личность и идиолект» [Лютикова 1999]. Это пока первая обобщающая работа по языку конкретной ЯЛ диалектоносителя – матери исследователя В.М. Петуховой из Курганской области, 1920 г. рождения. Диалектная ЯЛ осмысливается автором, с одной стороны, как представитель родного говора, сохраняющий его особенности, с другой – как индивидуальность, творчески преобразующая его. Описываются черты народно-поэтического стиля информанта, области его языковой рефлексии, словотворчество и некоторые тропы; имеются отдельные наблюдения над лексиконом. В.Д. Лютиковой [Лютикова 2000а] опубликован также дифференциальный «Словарь диалектной личности» своего информанта (3407 слов и фразеологизмов) [Лютикова 2000б], аналогичный по концепции словарю В.П. Тимофеева. Однако в центре анализа находятся собственно диалектные языковые средства индивида; устройство лексикона исследователь рассматривает лишь в самом общем виде (констатируя его богатство, наличие в нем слов различных тематических групп, многозначных слов, синонимов и т.п.). Выводы данного исследования, как представляется, раскрывают лишь одну из граней диалектной ЯЛ, не давая целостного представления о сути означенного феномена. В связи с этим изучение языка конкретного диалектоносителя не утратило актуальности и по сей день.

Подводя итоги лингвоперсонологического анализа конкретных ЯЛ к началу XXI века, следует отметить, что

– доля исследований, в которых рассматривается так называемая коллективная ЯЛ, значительно больше, чем число работ с углубленным анализом конкретных носителей языка;

– объектом изучения чаще являются ЯЛ прошлого, реже – наши современники;

– преобладают наблюдения лингвистов над представителями элитарной речевой культуры и творческими ЯЛ – писателями, поэтами, филологами. Самый массовый в обществе тип − рядовые носители языка – изучен гораздо слабее. Вероятно, здесь сказывается мнение Ю.Н. Караулова о том, что «на уровне ординарной языковой

семантики, на уровне смысловых связей слов, их сочетаний и лексико-семантических отношений ещё нет возможности для проявления индивидуальности» и общение на этом уровне «…не относится к компетенции языковой личности». «Языковая личность, – утверждает он, – начинается по ту сторону обыденного языка, когда в игру вступают интеллектуальные силы» [Караулов 1987, с. 36]. Такой подход вызвал возражения многих лингвистов. Важность изучения повседневной речи обычных людей не раз подчёркивалась в работах известных ученых [Богин 1973, с. 3–4; Шмелева Т.В. 1992; Сиротинина 1996 и др.]. Б.Ю. Норман считает, что речь рядового носителя языка «…тоже творчество, и оно заслуживает не меньшего внимания ученых, чем профессиональное сочинительство… Речевая деятельность обычного человека – это массовое, типичное явление, это то, к чему причастны все мы» [Норман 1994, с. 3].

Интерес лингвистов, культурологов, историков к представителям диалектной страты общества обусловлен рядом причин, в числе которых - сохранение в говорах древних черт языка исчезнувших в го кодифицированной форме, богатство и выразительность народной речи, достаточно широкая распространённость коммуникации на диалекте, однако прежде всего этот интерес связан с пониманием того, что «тип языковой личности носителя диалекта… является первоосновой национальной языковой личности» [Маслова В.А. 2001, с.77]. Н.И. Толстой отмечал: «стабильность более присуща "нижним" слоям культуры − культуре народной и традиционно-профессиональной, − чем элитарной, переживающей постоянное развитие (…) в истории культуры обнаруживаются процессы взаимодействия, наслоения культур на культуры, т. е. явления культурных субстрата, адстрата или суперстрата и т. д. (…) Так, при подъеме "снизу вверх" выявляется

следующая последовательность: идиолект[1], микродиалект (культура одного села, небольшого социума), диалект (соответствующий говору), макродиалект (соответствующий наречию), народная культура в целом (соответствующая диалектному континууму всего языка), "книжная" или элитарная культура (соответствующая литературному языку), культурная семья, группа (соответствующая языковой семье), культурный союз (соответствующий языковому союзу)» [Толстой 1995, с. 18–19].

1.2.3. Изучение феномена языковой личности сибирского старожила

В Томской диалектологической школе более 40 лет (с 1981 г.) под руководством автора этой книги и при участии многих членов кафедры русского языка, аспирантов и студентов филологического факультета Томского государственного университета осуществляется комплексное исследование диалектной ЯЛ – типичного представителя русских старожильческих говоров Сибири. Работа шла поэтапно.

1.2.3.1. Выбор языкового ландшафта. Первый этап проекта предполагал интенсивный сбор речевого материала. В этот период студенты и их руководители в рамках диалектологических практик записывали речь жителей села Вершинина для составления полного словаря Вершининского говора.

[1] В примечании к термину «идиолект» автор писал: «Понятие это важно для установления еще одного звена соотношений для выяснения соотношения идиолекта и диалекта или микродиалекта и т. п., то есть для определения места носителя идиолекта в целостной народной или иной культуре. Заметим также, что Э. Сэпиру принадлежит заявление: "Существует столько же культур, сколько индивидуумов в населении" – цитата по работе Р. Бенедикта. см.: [Benedict 1939, p. 467]» [Толстой 1995, с. 19].

Вершинино, расположенное в 33 км к югу от г. Томска, − типичное старожильческое село региона Среднего Приобья, появившееся в период освоения Сибири русскими насельниками в начале XVII в. Продвигаясь по рекам вглубь территории, первопроходцы строили остроги, а рядом с ними возникали заимки пашенных крестьян, позднее становившиеся деревнями. Одной из таких деревень стала заимка конного казака Емельяна Еремеева, сына Вершинина, основанная вскоре после возведения Томского острога (выстроен в 1604 г.).

Специфика формирования Вершининского говора во многом определялась тем, что селение возникло «…в точке пересечения двух магистралей старой Сибири: сухопутной (Московско-Иркутский тракт) и водной (по Томи – Оби)»; в результате говор испытал воздействие старожильческих говоров сел по водному пути с Иртыша на Енисей и влияние потрактовых диалектов с северной, южной и среднерусской основой» [Блинова 1991, с. 8]. Одной из исторических особенностей этого говора стало его сложение на территории, изначально занятой коренными народами Западной Сибири – так называемыми сибирскими татарами. Следы влияния аборигенных языков сохранили отдельные топонимы в окрестностях деревни.

Несмотря на близость к Томску, длительное время деревня жила достаточно обособленно от города. По рассказам сельчан, до революции Вершинино фактически жило общинным укладом: руководил порядком распределения сенокосов, времени шишкобоя, охраны деревни от пожаров избранный староста; люди, просившие поселиться здесь, получали согласие только при условии прохождения испытательного срока; родители женихов выбирали невест из соседних сел. В такой ситуации Вершининский говор, многие носители которого были родственниками, хорошо

сохранился даже в конце XX века[1], хотя в это время там появились переселенцы из Беларуссии и Чечни.

Выбор языковой личности. Экспедиционная работа, осуществлявшаяся в этом селе и ранее, позволила выявить среди носителей вершининского говора опорный круг информантов, записи речи которых велись постоянно, и остановиться на одном из них для детального исследования его языкового существования.

Объектом исследования стала ЯЛ Веры Прокофьевны Вершининой – русской, коренной жительницы села Вершинино Томской обл. Информант был избран как типичный по условиям формирования личности и биографии: начальный этап жизни, связанный с дореволюционным периодом истории России и традиционным для русского крестьянства ведением единоличного хозяйства; воспитание в большой семье с характерными для сибирского крестьянства занятиями и промыслами; трудовое и религиозное воспитание; овладение родным языком в среде диалектоносителей; усвоение культурных традиций социума через бытовое общение с его членами и фольклорные тексты; отсутствие общего и профессионального образования; в годы зрелости – неквалифицированная работа в колхозе и совхозе; в течение всей жизни – постоянная занятость тяжелым физическим трудом, прежде всего в сфере земледелия; тесные трудовые и бытовые контакты с односельчанами, широкий круг кровных и некровных родственников и активное поддерживание отношений родства.

Вера Прокофьевна родилась 30 сентября 1909 г. В Вершинине диалектоносительница прожила всю жизнь, далее областного центра и окрестных деревень никуда не выезжала. Близкие родственники В.П. также были связаны с этим селом. Мать Веры Прокофьевны, Анисья Ивановна – уроженка села Ярско'е (8 километров от Вершинино), отец, Прокофий Иванович, – местный

[1] Краткая характеристика фонетических, морфологических и синтаксических черт вершининского говора у информанта представлена в [ПССГ. Т. 1, с. 11–13].

старожил. Семья бабушки и дедушки по материнской линии (Иван Дмитриевич и Степанида Ивановна) была зажиточной, родители отца (Агафья Васильевна и Иван Николаевич) умерли рано, и детей-сирот воспитала бабушка. Прадедов своих диалектоносительница не помнила. Она воспитывалась в семье, где, кроме неё, росли ещё четверо детей: Анна, Елена, Николай и Василий. Родители были неграмотными, религиозными, трудолюбивыми. Дети вместе с родителями молились, посещали в религиозные праздники церковь села Ярское. Жили своим хозяйством, сеяли пшеницу и лён, держали скот и птицу, косили сено, ухаживали за огородом, собирали грибы и ягоды, ловили рыбу; отец и братья умели делать телеги, утварь, плести корзины, мать и сёстры занимались домом и огородом, ткали, пряли, шили, вязали, вышивали. Отец воевал в японскую и германскую войну и вернулся домой с тяжёлым ранением. В 20-е годы вступили в коммуну, потом был организован колхоз. Читать и писать Вера Прокофьевна (далее также В.П.) выучилась на ликбезе, уже подростком. В 1921 г. вышла замуж за своего односельчанина, Степана Прокофьевича Вершинина. Оба трудились в колхозе, позже в совхозе: муж был трактористом, она работала в поле и на огороде, на зерносушилке и на ферме, *копала зало'г*, расчищая лесные деляны под посевы, резала вручную дрова, заготавливая их для колхоза и города, таскала на паузки семидесятикилограммовые мешки, отправляемые по реке в город… В 1940 г. муж был мобилизован на финскую войну, а в 1941 – на Великую Отечественную и вернулся только после её окончания. Шесть рождённых в семье детей умерли в раннем возрасте, и только самый младший, Михаил, остался в живых. Вскоре после его рождения муж покинул семью. Вера Прокофьевна вырастила сына сама. Михаил закончил техникум, начал работать, но в 21 год получил тяжёлую травму позвоночника, разбившись на мотоцикле. Мать ухаживала за парализованным сыном 11 лет и похоронила его. С этого времени она жила одна, наиболее близко общаясь с семьёй

племянника, Николая Николаевича Вершинина, живущей неподалёку, и соседками. Умерла В.П. Вершинина в 2004 г. на 95-ом году жизни.

Жизнь нашего информанта – отпечаток судьбы всего её поколения, пережившего и вынесшего на своих плечах все коллизии эпохи: детство пришлось ещё на время единоличного хозяйства и Первой мировой войны, в которой участвовал отец, юность совпала с годами революции, колчаковщины и коллективизации, зрелость – с периодом колхозов и совхозов, сталинских репрессий, хрущёвских перегибов, старость – с временем перестройки, обернувшейся потерей накопленных нелёгким трудом сбережений, талонами и пустыми полками в магазинах, развалом совхоза, резким повышением цен. Ей пришлось пережить и смерть всех близких, дорогих для неё людей: родителей, детей, умерших во младенчестве, и единственного выросшего сына, позднее – любимого племянника, который сына заменил, всех братьев и сестер, многих односельчан. Все удары судьбы эта женщина переносила со стойкостью. Может быть, именно такая трудная жизнь помогла сформироваться сильному характеру, способному выстоять вопреки обстоятельствам, обрести мудрость и понимание единства своей личной жизни с жизнью своего народа (*что в миру', то и нам*).

Вера Прокофьевна была гармоничной и цельной личностью. Главным содержанием её жизни был труд, наполнявший быт и бытие крестьянки с раннего детства до глубокой старости. Труд воспринимался и как долг, отказ от выполнения которого не соответствует моральным нормам, и как жизненная необходимость, обеспечивающая человеку возможность поддержания физического начала и сохранения независимости от других, самостоятельного существования. Безусловной ценностью для информанта являлись и родственные связи. Вместе с тем при особом внимании к родне, постоянной заботе о ней и посильной помощи, предпочтении даже имеющих недостатки родственников «чужим» (*худой, да свой; худо' моё и хоро'ше моё*) Вера Прокофьевна

сохраняла добрые отношения с очень широким кругом односельчан, навещавших её жителей Томска и просто случайных знакомых, всегда стремясь поддержать словом и делом, принять участие в судьбе другого. Не случайно в сферу её общения входили люди разного социального статуса и образования, а дом этой женщины был открыт для всех пришедших.

Впитав с молоком матери традиции народной культуры, законы деревенского социума и обладая хорошей памятью, крестьянка жила по календарю, фиксирующему многочисленные названия дней в честь того или иного святого, помнила даты рождения и истории жизни всех коренных жителей села, имена их детей и родственников, знала много пословиц и поговорок. Она не унаследовала религиозности родителей, но строго соблюдала главные для неё жизненные правила: постоянно трудиться, не оставаться в долгу перед оказавшим хотя бы небольшую услугу, говорить правду, быть критичной к себе и терпимой к окружающим, принимать других такими, каковы они есть, не пытаясь исправить или осудить. Позитивный настрой по отношению к жизни и к людям, доброта, оптимизм, открытость и искренность, сопереживание и стремление помочь составляли основу её взгляда на мир.

В то же время избранная нами личность отличалась ярко выраженной индивидуальностью, проявившейся и в обыденной жизни, и в языке. Она живо интересовалась событиями в селе и в стране, имела свой взгляд на мир, обладала нестандартной, выразительной речью. Значимым фактором являлся также открытый, общительный, дружелюбный характер диалектоносительницы, немаловажной оказалась и возможность проживания в её доме. Эти обстоятельства позволили в течение многих лет записывать крестьянскую речь «изнутри».

Общая детерминированность ЯЛ экстралингвистическими обстоятельствами ее бытования позволяет предположить, что языковые и ментальные особенности исследуемого индивида в основных чертах также можно считать типичными для носителя

традиционной речевой культуры. В то же время нельзя не учитывать влияния различных факторов (возрастных, психологических, гендерных, территориальных, воздействия макро- и микросреды, личного жизненного опыта и др.), которые в совокупности порождают индивидуальные вариации типических ЯЛ.

1.2.3.3. Методы сбора материала. Устные речевые произведения оцениваются как наиболее ценные источники исследования ЯЛ. Т.Г. Винокур отмечает, что «письменная речь, находясь на порядок дальше от личности, чем устная, т.е. предполагающая более формальный, технический и потому неэлементарный способ осуществления, неизбежно объективируется в большей степени, чем устная» [Винокур 1993, с. 132–133]. В написанном индивидом тексте, таким образом, личность раскрывается не так быстро и не так явно, как в произнесённом, однако фиксация спонтанной устной речи, отражающей непринуждённое общение в привычных условиях коммуникации, представляет для собирателей нелегкую задачу.

Главным требованием при сборе материала было получение данных, максимально близких к естественной речевой коммуникации. С этой общей установкой соотносится ряд частных: запечатление преимущественно диалогической речи индивида, в том числе с привычными партнёрами по общению; отображение разнообразия коммуникативных ситуаций и речевых жанров для наиболее полного представления идиолектного дискурса; применение современных технических средств, по возможности точно отражающих разные стороны речевой деятельности носителя языка (от фонетических особенностей до организации текста).

Поиск действенных способов и приёмов отражения речи Homo Loquens, отвечающих обозначенным требованиям, осуществлялся нами с учётом существующих методов сбора устного речевого материала.

В полевом обследовании бесписьменных языков и русских народных говоров широко применяется сочетание фиксирования

произвольного речевого потока с различными вариантами опроса (от опоры на вопросники до использования разной степени «жёсткости» целенаправленного интервьюирования обследуемых), так как «создание условий, максимально приближенных к естественным, оптимально, но не всегда осуществимо» и в краткосрочных экспедициях «фактов спонтанной речи для систематического изучения языка совершенно недостаточно» [Кибрик URL]. Все разновидности опроса ускоряют сбор материала, но не способствуют постижению сущности спонтанной речи. Поэтому элементы свободного вводного интервью целесообразно использовать лишь в начале знакомства с ЯЛ для того, чтобы ознакомиться в общих чертах с её биографией, родственниками, образом жизни. В дальнейшей работе предпочтительны другие методы, ориентированные на получение собирателем фактов непринуждённой речи.

Наиболее распространённым среди таких методов является наблюдение, применяемое в разных вариантах. Распространённое в диалектологии и коллоквиалистике стороннее наблюдение не позволяет в достаточной мере сблизиться с информантами. Его использование целесообразно на предварительном этапе анализа, когда формируется представление об изучаемой языковой среде (факторах, влияющих на ее функционирование, обычаях, поведенческих нормах, отношениях членов коллектива, речевых особенностях социума) и окончательно определяется выбор непосредственного объекта исследования.

Применяемое в некоторых случаях скрытое наблюдение недопустимо в лингвоперсонологических целях. Пристальное внимание к речи конкретного индивида неизбежно затрагивает личные, иногда и интимные стороны жизни человека, и её фиксация без ведома говорящих не соответствует этическим нормам. Согласие избранной личности является обязательным при записи речи.

В качестве дополнительного метода встречается также опосредованное наблюдение, предполагающее привлечение анкет

или сообщений третьих лиц. Этот метод неперспективен при изучении носителей местных говоров и других типов бесписьменной речевой культуры, относящихся к просторечию и жаргонам.

Таким образом, экспериментальные подходы к сбору материала, а также скрытое и опосредованное наблюдение по тем или иным причинам нельзя было признать оптимальными для решения поставленных задач. Мы обратились к иным методам, позволяющим максимально приблизить ситуацию открытой записи к условиям порождения непринуждённой речи и дающим возможность получения фактов как об индивидуальном дискурсе, так и о личности говорящего.

На этапе сбора материала собиратели сочли в наибольшей степени отвечающим целям проекта метод включённого наблюдения. Он известен в ряде гуманитарных наук (социологии, культурологии, психологии, антропологии, этнографии), во второй половине XX в. стал применяться и языковедами. Примеры его использования в русистике немногочисленны, а особенности практически не описаны.

Название этого метода еще не устоялось[1], однако наиболее точно его суть отражает наименование «включение в языковое существование говорящего». В нем обозначен как объект лингвоперсонологического наблюдения, так и главное обстоятельство, позволяющее получить неспровоцированные тексты – «слияние» лингвиста с языковой средой изучаемой личности.

В качестве общих принципов данного метода Т.С. Коготкова выделила два взаимосвязанных основания, на которых он базируется: психологическую контактность между исследователем и

[1] Отмечен ряд вариантных терминообозначений: «включенное наблюдение» (Л.П. Крысин, В.Д. Лютикова), «долговременное панельное наблюдение», «соучастие» (В.П. Тимофеев]), «лонгитюдное наблюдение» (Н.И. Ленская), «включение в языковое существование говорящего» (Н.И. Конрад, Т.С. Коготкова), «сосуществование» (И.А. Осовецкий), «языковое включение» (Е.В. Прокофьева).

информантом и долговременность сроков наблюдения [Коготкова 1975, с. 287]. Именно эти принципы можно считать идеальными при фиксации речи индивида.

Опыт томских диалектологов показал, что реализация метода включения в языковое существование говорящего предполагает соблюдение ряда условий:

– непосредственное неформальное общение исследователей с информантом (взаимное знакомство с биографией, образом жизни, интересами, кругом знакомых и родственников, сведение к минимуму элементов опроса, невмешательство в общение ЯЛ с постоянными партнерами по коммуникации). Круг собирателей был сознательно ограничен: включённое наблюдение осуществлялось в основном Е.В. Иванцовой и Л.Г. Гынгазовой[1]. Способствовала укреплению связей, напоминающих родственные или дружеские, взаимопомощь в трудовой деятельности (члены экспедиций во время приездов в село помогали крестьянке в повседневных домашних делах, уходе за огородом и т.п., она, в свою очередь, оказывала посильное содействие в налаживании контактов диалектологов с односельчанами, организации студенческой практики) и совместный отдых (участие в деревенских праздниках, хождение с информантом в гости к другим жителям села, празднование дней рождения…). В целом можно сказать, что главенствующим был приоритет личностного общения над прагматическими целями сбора языкового материала;

– создание комфортной для ЯЛ обстановки в период записей Эта комфортность поддерживалась, с одной стороны, доверительностью отношений информанта и собирателей (учет индивидуальных особенностей личности, ее характера, взглядов и поведенческих норм), с другой – организацией технической стороны

[1]Е.В. Иванцовой осуществлено 54 экспедиционных выезда, Л.Г. Гынгазовой – 14; эпизодически принимали участие в неформальном общении с В.П. Вершининой Н.Г. Нестерова, З.М. Богословская, О.А. Казакова, Е.А. Крапивец, Т.Ф. Волкова.

сбора материала. Выбор между ручной записью, использовавшейся диалектологами в первой половины XX в., и использованием магнитофона был однозначно сделан в пользу последнего. Запись от руки меньше настораживает информанта, она не требует времени на подготовку, что позволяет быстро записать услышанное. Однако такой способ не предназначен для фиксирования больших объёмов звучащей речи, не дает возможности сочетать записывание с другими физическими действиями собирателей в процессе общения с ЯЛ, не отражает интонационного рисунка высказываний, наконец, не решает задач при необходимости многократного возврата к первичной ситуации момента речи, расшифровка и интерпретация которого может быть пересмотрена и скорректирована. Применение технических средств также не лишено недостатков, однако оно, несомненно, имеет преимущества при обращении к спонтанной устной речи.

Диалектологи старались минимизировать напряжение, неизбежно возникающее при постоянной аудиозаписи. Необходимость записывания речи В.П. Вершининой впрямую не обсуждалась ни диалектологами, ни исследуемой личностью. Поскольку в течение многих предшествующих проекту лет село Вершинино служило базой диалектологической практики филологического факультета ТГУ, расспросы старожилов со стороны приезжих молодых горожан не воспринимались как нечто необычное. Если вопросы о необходимости записи возникали у собеседников крестьянки, исследователи говорили, что их интересуют рассказы коренных жителей села об истории и повседневной жизни деревни. Как правило, деревенские жители были открыты в своих высказываниях, и аудиозапись настораживала (обычно представителей старшего поколения) только в тех случаях, когда разговор переходил на критику правительства, негативную оценку властей. В таких ситуациях собиратели заверяли вершининцев, что их высказывания не попадут в средства массовой информации (газеты, радио), а сделанные в научных целях записи будут использоваться выборочно, пройдя определённый отбор.

Сбор материала были организован так, чтобы говорящий не был сосредоточен на факте записывания. Мы пользовались только встроенным микрофоном, предпочитая бо'льшую естественность речевого материала его более высокому техническому качеству. Применялся известный в социолингвистике прием «привычного микрофона». Отдельные фрагменты речи В.П. фиксировались также вручную. Лишь в нескольких последних экспедициях начала 2000-х годов появилась возможность использования цифрового диктофона.

– регулярное долговременное наблюдение. Инициированные лингвистами контакты с избранной для изучения ЯЛ должны постоянно поддерживать их. Приезжая в Вершинино, диалектологи останавливались в доме диалектоносительницы. В нашем случае первоначальные двухнедельные летние экспедиции, проводившиеся ежегодно, трансформировались в круглогодичный сбор материала с выездами на 2–3 дня и интервалами примерно в 2–3 месяца; время от времени коммуникация осуществлялась также по телефону и изредка в эпистолярной форме. Долговременность включения собирателей в языковое существование индивида (57 экспедиционных выездов с 1981 г. до кончины информанта в 2004 г.) давала возможность наблюдать ЯЛ во всем многообразии коммуникативных ситуаций, соотносимых с различными историческими периодами жизни общества (годы «застоя», перестройки и последующих социальных преобразований), сезонной сменой времен года (зима, весна, лето, осень) и событиями личной жизни – от бытовых до бытийных. В среднем за один приезд записывалось от 7 до 20 часов звучащей речи. В перерывах между полевыми выездами материал расшифровывался и подвергался первичной систематизации. Обработка аудиозаписей «по свежим следам» позволяла восстанавливать ситуационные комментарии, сведения о мимике и жестах говорящего, общающихся с В.П. сельских жителей.

Эффективность применения метода включённого наблюдения видится в том, что с его помощью диалектологи успешно решили

задачу получения данных о ЯЛ в привычной для неё речевой среде. В полевых условиях было зафиксировано диалогическое общение сибирской крестьянки с постоянным кругом коммуникантов – односельчан, родни и знакомых, живущих в областном центре и окрестных сёлах. Этот круг был весьма широк – с одной стороны, в связи с большим числом родственников, поддержание контактов с которыми очень значимо для носителя традиционной культуры, с другой – в связи с общительным характером информанта. В число партнёров диалектоносительницы по коммуникации входили лица разного социального статуса и типа речевой культуры – от подруг В.П. и привлекаемых за плату для помощи по хозяйству деревенских жителей до горожан с высшим образованием, работающих в сфере педагогики, юстиции, экономики, инженерного дела и др. Контакты с проживавшими в доме В.П. собирателями, воспринимаемыми в качестве близких знакомых или родственников, в этом контексте также можно считать составной частью естественного дискурса диалектной ЯЛ (в годы войны, например, у В.П. жила эвакуированная семья из Ленинграда, в 50-е – приехавшая из Томска племянница, в 70-е – некоторое время работавшая в вершининской школе молодая учительница, с семьёй которой все последующие десятилетия поддерживались дружеские взаимоотношения).

Используемый метод позволяет запечатлеть образцы непринуждённого речевого общения не только главного информанта, но и многих его собеседников. В процессе записи диалогов наблюдаемого диалектоносителя собиратели получили также сведения о речи других жителей села, некоторые из которых не слишком охотно общались наедине с городскими «чужаками»-собирателями. Их беседы с диалектологами при участии В.П. разительно отличались как тематикой, так и богатством языковых ресурсов, коммуникативных стратегий и тактик, степенью эмоциональности и образности текстов. Таким образом, дискурсивная практика общения представителей речевой культуры между

собой, обычно закрытая для исследователей, благодаря «проводнику» стала более доступной для наблюдения, а полученные материалы спонтанной речи значительно расширились[1].

Недостатками метода являются необходимость преодоления негативной реакции, возможной при вторжении в личную сферу индивида, трудоёмкость (в том числе большие временны'е трудозатраты), меньшая информативность полученных материалов для тех, кто не участвовал непосредственно в их сборе.

Полевое изучение речи В.П. Вершининой осуществлялось систематически в течение 23-х лет (1981−2003 гг.). Результатом многолетнего включения в языковое существование сибирского старожила стал архив объёмом около 10.000 стр. набранного на компьютере текста, дешифрованного с магнитофонных записей, часть их (около 200 часов звучания) отражена в фонотеке. Собранная библиотека текстов обширна по тематике и является, насколько нам известно, самой значительной как по длительности наблюдения над объектом, так и по объёму фиксации дискурса одной диалектной ЯЛ.

1.2.3.4. Формирование источниковой базы. На основе текстовой базы, репрезентирующей дискурсивные практики сибирской крестьянки, с 1996 г. начался новый этап проекта, − создание ряда лексикографических источников, отражающих речь В.П. Вершининой. Разработанная концепция «Полного словаря диалектной языковой личности» (ПСДЯЛ) предполагала

а) недифференциальный принцип включения в полный словарь всех лексических и фразеологических единиц, зафиксированных в её речи;

б) по характеру представления лексикографического труда – толковый словарь;

[1] Некоторые эпизоды обыденной коммуникации старожилов с. Вершинина, в том числе в диалогах с В.П. Вершининой, опубликованы в [Иванцова 2007].

в) максимально информативные словарные статьи, отражающие в ПСДЯЛ толкования значений, фонетические и грамматические особенности речи, сведения о частотности употребления вокабул, пометы, указывающие на экспрессивность слов, ограниченность сферы употребления (детское, официальное, в чужой речи), пометы о стилевой приуроченности единиц, их новизне или устарелости, образности словоупотребления, парадигматических отношений синонимии, антонимии, формального варьирования; пословицы и поговорки, обширный иллюстративный материал. Для подготовки работы над словарными статьями из текстовых записей была сделана выборка, ставшая после её систематизации картотекой (100.000 карточек).

Четырёхтомный словарь создан коллективом лексикографов из 40 человек. В его создании участвовали сотрудники Томского госуниверситета и ряда других вузов Томска, Кемерова, Новосибирска и Кокшетау (Казахстан) [ПСДЯЛ 2006−2012].

Постепенно к базовому толковому словарю стала создаваться серия словарных изданий, отражающих лексикон диалектной ЯЛ сибирского старожила в разных аспектах: вышли в свет идиолектный словарь сравнений, словарь прецедентных текстов [Иванцова 2005, 2016], ономастикон [Иванцова, Берестова 2015], электронный идеографический словарь [Земичева URL].

Параллельно с лексикографической работой по созданию словарей диалектной ЯЛ анализировались фонетические, морфологические, синтаксические и лексические черты идиолекта, был описан ряд ключевых концептов данной личности, выявлены особенности крестьянского мировидения, ценностные доминанты индивида, состав типов имён собственных и др.[1] Были также защищены докторская и 5 кандидатских диссертаций; изданы не только статьи и словари, но и монографии [Иванцова 2002а, 2009; Гынгазова 2007, 2019; Демешкина 2000], в том числе

[1] Перечень публикаций работ по этой проблематике за период с 1995 по 2012 гг. опубликован в [ПСДЯЛ. Т.1, с. 22-24, Т. 4, с. 358–360].

молодых ученых [Казакова 2007; Земичева 2016]. В некоторых из этих трудов авторы затрагивают тему диалектной речевой культуры, однако комплексное описание этого феномена началось в настоящее время. Попытаемся восполнить этот пробел, опираясь на созданные источники.

Итак, в монографии представлена ЯЛ Веры Прокофьевны Вершининой, типичного представителя сибирского старожильческого говора среднеобского бассейна. Предмет изучения – проявления речевой культуры в лексиконе, метаязыковом сознании и текстах этой личности.

2. Идиолексикон

Исследование феномена ЯЛ невозможно без детального анализа ее лексикона.

По определению Ю.Н. Караулова, под лексиконом конкретного человека (идиолексиконом) понимается словарь языковых единиц, известный данному говорящему и характеризующий его как языковая личность [Человеческий фактор… 1991, с. 91].

Ещё в 1870 г. Бодуэн де Куртенэ наметил два основных подхода к исследованию лексикона личности. Он писал, что индивидуальный язык можно рассматривать по отношению к *количеству* выражений и слов, употребляемых индивидуумом, и по отношению к *качественным* характеристикам состава этих единиц [Бодуэн де Куртенэ 1963. Т. 1, с. 77].

Рассмотрим характеристики лексикона исследуемой ЯЛ в этих аспектах.

2.1. Количественные оценки идиолексикона

Идиолектный лексикон – важный показатель уровня речевой культуры языковой личности. Выявление этих показателей оказалось для первопроходцев нелёгкой задачей.

Трудности в определении объёма словарного запаса человека обусловлены как отсутствием текстовой базы в качестве источника объективных подсчетов, так и сложностью выявления пассивной части лексикона – то есть тех слов, который человек знает, но почти никогда не использует в собственной речи. При этом есть мнение, что пассивный словарь индивида примерно втрое превосходит его активный словарный запас.

Оценки количественного состава лексикона человека, имеющиеся в зарубежной и отечественной литературе, очень неоднозначны.

Первые результаты зарубежных и отечественных лингвистов были получены с опорой на художественные тексты известных национальных писателей. Так, у Шекспира подсчеты показали 15 000 или 24 000 слов; у Мильтона – от 8 000 до 17 377; у Гомера – около 9 000 [Вандриес 1937, с. 177].

Существенные разночтения в некоторых подсчетах (ср., в частности, сведения о лексиконе Шекспира и Мильтона) свидетельствовали об отсутствии выработанной методики получения таких данных. В начале XX в. (1914) Жозеф Вандриес подверг критике исчисления объёма словаря. Он утверждал, что а) нельзя смешивать словарь писателя со словарём его произведений: словарь книги всегда составной; б) недостаточно перебирать в алфавитном порядке словаря единицы, вызывающие в нашем сознании представления – такие подсчёты он считал искусственными условиями; в) исчисление словарного состава – сложная задача, поскольку трудно выделить понятия отдельного слова [Там же, с. 177–178].

Была также поставлена задача выяснить, каков же объём идиолексикона рядового интеллигентного человека. Макс Мюллер считал, что «хорошо воспитанный человек в Англии, бывший в общественной школе и в университете, читающий библию, Шекспира, газету Times и т.д., редко употребляет в разговоре более 3000 или 4000 слов». [Вандриес 1937, с. 177]. Г.П. Марш утверждал, что «немногие писатели или ораторы употребляют 10 000 слов, обыкновенный интеллигентный человек не выходит за пределы 3000 или 4000; как исключение, может найтись лицо, пользующееся 50000 слов или половиной всех английских слов…» [March 1862, p.181]. Эти данные позднее повторяли в публикациях некоторые другие учёные [Вандриес 1937, с. 177], однако как были получены эти данные, не указывалось.

Попытка выявления словарного запаса индивидов была проведена в виде экспериментов, построенных на сравнении общего словарного состава нации с индивидуальным, прежде всего собственным. Подобный эксперимент провел Е.С. Холден (1874-

1878). Отметив в словаре Уэбстера известные ему языковые единицы и, оценив свой лексикон в 33456 слов, он пришёл к выводу, что «30 000 слов вовсе не необыкновенное число слов в употреблении отдельного человека». Позднее учёный провёл аналогичный эксперимент с библиотекарем из бюро патентов, и объём лексикона испытуемого оказался ещё больше [Тимофеев 1971б, с. 54].

В связи постепенным развитием лингвоперсонологии в отечественной лексикографии во второй половине XX в. стали активно составляться словари языка писателей и публицистов. По данным новых источников были получены сведения об объёме лексикона творческих личностей: в «Словаре языка Пушкина» – 21101 слово [Словарь языка Пушкина, 1956–1961], в словаре поэзии и прозы Есенина – 18890 слов [Тимофеев 1971б, с. 65], в «Словаре языка русских произведений Шевченко» – 17000 слов [Словарь языка… 1985–1986], в «Частотном словаре языка Лермонтова» – 15000 слов [Частотный словарь… 1999]. В картотеке «Словаря языка Ленина» (впоследствии не изданном) представлено примерно 38000 вокабул [Русский язык… 1997, с. 180]. Лексикон Ф.М. Достоевского в словаре, задуманном Ю.Н. Карауловым, насчитывает 35000 лексических единиц [Шайкевич 2003].

В российских просветительских брошюрах 40-х гг. XX в. утверждалось, что элементарно грамотный человек употребляет от 1000 до 2000 слов [Ефимов 1948], «…интеллигент нашего времени … пользуется словарем примерно в 1500 слов» [Блинов 1946], а всесторонне развитые люди – 6000 и более [Ефимов 1948]. Эти цифры повторялись многими авторами работ по культуре речи. Несколько позднее В.Н. Перетрухин утверждал, что «у неразвитых малограмотных людей в активном запасе имеется от 2 до 3-4 тысяч слов; образованные, начитанные и много знающие люди владеют 8–12 тысячами слов» [Перетрухин 1962, с. 40]. Как можно видеть, и здесь аргументы для этих фактов также не были опубликованы.

Ещё более сложным можно считать выявление словарного запаса людей бесписьменной культуры – диалектоносителей. Макс

Мюллер «ссылается в своей публикации на сведения, полученные ″от достоверного авторитета, деревенского священника, что некоторые работники в его приходе имеют не более 300 слов в своем словаре″». [цит. по: Вандриес 1937, там же]. Л. Блумфилд в книге «Язык» заявлял, что «мифы о крестьянах, рабочих или дикарях, которые используют лишь несколько сотен слов, ни на чем не основаны. Насколько можно подсчитать (…), каждый взрослый говорящий употребляет примерно от 20 тысяч до 30 тысяч слов…» [Блумфилд 1968, с. 306].

Остановимся на более доказательной основе интересующих нас изысканий. Впервые объектом исследования стал лексикон малограмотной диалектоносительницы Е.М. Тимофеевой, 1897 г.р. Вот как описывал эксперимент (текст частично сокращён) с использованием словаря С.И. Ожегова В.П. Тимофеев:

«Для начала я избрал самый «портативный» словарь – «Словарь русского языка» проф. С.И. Ожегова (М., 1960, около 5300 слов). После зачтения мною слова по словарю информант подтверждала или отрицала знание его, создавая для известных слов приходящие на память контексты (словосочетания, предложения). (…) Если слово было известно, информант легко создавала привычный контекст или, если слово многозначно, несколько контекстов – в словосочетании, в предложении, в диалоге, в ситуации и т.п. Например, алюминий? – «железо»; анатомия? грамматика? – «ребята вот в школе учат» (…), восторг? – «знаю, по-нашему радость», впрячь? – «это ваш брат говорит, а мы «запрягчи». (…) Некоторые литературные слова отождествлялись с диалектными: (…) басистый, басовитый? – «баской», (…) глазет? – «взглядывает, смотрит» (в Словаре: вид парчи). (…) Были случаи определения смысла слов по составу морфем: безупречный? – «никого не упрекает»; беспосадочный? – «в огороде не садит». (…) Многочисленны случаи своеобразной диалектной огласовки литературных слов (…): ава'нес, опто'бус, антере'с, ва'лес, ера'нь, фами'ль. Многие слова известны информанту, но непосильны для

проговаривания: газифицировать, демонстрировать (фильм), (…) инвентаризировать («это вот в ревизионной комиссии») и т.д. Эти слова необходимо признать известными информанту, но и они, конечно, должны быть отнесены только в его пассивный словарь слушания и понимания» [Тимофеев 1971а, с. 15–17].

В результате проведённого опроса было установлено, что носительнице традиционного говора известно около 27 тыс. литературных единиц. Учёный осознавал недостатки своего эксперимента: «конечно, метод ассоциативного опроса-стимула, – писал он, – не позволяет абсолютно точно установить общую цифру известных информанту слов, не разделяет, главное, на те, которые репрезентируются, то есть известны ему в сфере аудиции. Метод ассоциативного стимула не может также указать и на качество употребления известных слов, так как для этого потребовалось бы неграниченно большое исследование записанных текстов» [Там же, с. 65] Чтобы компенсировать эту неполноту результата, В.П. Тимофеев добавил к 27 000 литературных слов из словаря Ожегова 2793 записанных им от руки диалектных слова и включённых их в свой «Диалектный словарь личности». В итоге общий объём идиолексиона неграмотной домохозяйки Е.М. Тимофеевой насчитывает около 30 тыс. слов.

Имеющиеся на сегодняшний день данные о словарном запасе диалектных ЯЛ очень разнородны. Библиотеки или корпусы текстов, фиксирующие спонтанную речь индивидов, созданы только для нескольких русских диалектоносителей. На их основании называются лишь цифры активного словарного запаса: 8000 слов у А.Г. Горшковой (без учёта числительных и имен собственных) [Скитова, Огиенко 1971, с. 3], более 12 000 слов у В.М. Петуховой [Лютикова 2000б, с. 3]. Есть также данные письменных источников, частично отражающих разговорную речь информантов: объём лексикона уральского заводчика А.Н. Демидова, отражённый в его письмах – около 6300 единиц [Иванова Е.Н. 2008], в эпистолярных текстах Агафьи Лыковой – 2977 слов [Толстова 2004]. К сожалению, и здесь не оговариваются приципы подсчётов.

Представляется, что основным условием для получения достоверных сведений о количественных характеристиках словарного запаса личности должна быть опора на первичный источник – естественные тексты достаточно большого объёма, отражающие все формы и жанры речи индивида. Таким требованиям отвечают текстовые и словарные источники, полученные при изучении языковой личности В.П. Вершининой, речь которой записывалась в течение 23-х лет (1981-2003 гг.) методом включения в языковое сознание говорящего. Дешифрованные аудиозаписи составляют около 10.000 страниц. В созданных на основе этих материалов словарях – 4-хтомном «Полном словаре диалектной языковой личности» [ПСДЯЛ 2006–2012] и «Идиолектном ономастиконе сибирского старожила» [Идиолектный ономастикон… 2015] – в общей сложности лексикографировано 27435 единиц (без учета ссылочных статей). Фактический объём идиолексикона несколько больше, поскольку часть периферийной, редко употребляющейся лексики осталась за пределами фиксации и не нашла отражения в названных словарных трудах. Эти данные убедительно подтверждают тезис Леопольда Блумфилда о том, что «мифы о крестьянах, рабочих или дикарях, которые используют лишь несколько сотен слов, ни на чём не основаны». Наши подсчеты убедительно свидетельствуют о богатстве лексикона представителя диалектной языковой личности. Качественные характеристики идиолексикона В.П. Вершининой рассмотрены в следующих разделах главы.

2.2. Состав и функционирование единиц идиолексикона

2.2.1. Общерусская, просторечная и диалектная лексика

Вопрос о слагаемых словарного запаса местных говоров является одним из принципиальных для диалектологии, поскольку он связан с определением статуса диалектов как формы национального

языка. Выявление признаков диалектного слова, определение места общерусских единиц в лексической системе говора, исследование взаимного влияния литературного языка, говоров и городского просторечия всегда находилось в центре внимания многих языковедов (Ф.П. Филин, Л.И. Баранникова, Л.А. Ивашко, О.С. Мжельская, Н.А. Лукьянова, О.Г. Порохова, Ф.П. Сороколетов. И.А. Оссовецкий, О.И. Блинова, Т.С. Коготкова, Е.В. Борисовская и др.).

Состав идиолексикона с точки зрения соотношения с основными формами национального языка – литературным языком, городским просторечием и местными говорами – почти не исследован. Как представляется, этот параметр значим для характеристики словаря любой личности, и в особенности диалектной.

Установлено, что лексика говора включает общерусские единицы (общие для всех трёх основных форм национального языка), диалектно-просторечные (общие для диалектов и городского просторечия, но отсутствующие в литературном языке) и собственно диалектные (локально ограниченные в употреблении) [Блинова 1975а, с. 38–41]. Соотношение этих категорий слов в говорах изучено недостаточно. «Имеющиеся немногочисленные исследования проведены с учетом двух групп слов – общенародных и диалектных, причем авторы проведённых исследований обычно не раскрывали понятий "общенародного" и "диалектного" слова, поэтому их итоги носят не только приблизительный, но и предварительный характер» [Там же, с. 42].

Процент диалектных слов по отношению к общерусской лексике, по опубликованным данным, сильно колеблется; ср.: 4–5% [Мельниченко 1962, с. 4], 12−20% [Сенкевич 1973, с. 55], около 25% [Бухарева 1968, с. 97], до 32,5% [Лукьянова 1966, с. 5]. Последняя цифра расценивается Ф.П. Сороколетовым и О.Д. Кузнецовой как «…очевидное преувеличение, вызванное методикой подсчёта» [Сороколетов, Кузнецова 1987, с. 142].

Томские лексикографы в 90-е годы ввели в областные словари пометы, отражающие отнесённость лексикографируемых единиц

говора к формам национального языка, опираясь на показания академических [БАС, МАС] и областных словарей. На этой основе О.И. Блиновой были сделаны подсчёты распределения лексики говора с. Вершинино в «Полном словаре сибирского говора» (отрезок А–З) [ПССГ. Т. 4. 1995, с. 271]. За единицу анализа при подсчётах брался лексико-семантический вариант (ЛСВ); учитывались отношения формального и лексико-семантического варьирования между единицами словаря (в процентах):

Разряд слов	**Кол-во слов, %**
Общерусские слова	58,2
Диалектные варианты общерусских слов	21,4
Диалектно-просторечные варианты общерусских слов	0,9
Диалектно-просторечные слова	3,5
Собственно диалектные слова	14,6
Диалектные варианты диалектно-просторечных слов	1,2

Согласно материалам «Полного словаря диалектной языковой личности» (ПСДЯЛ), соотношение интересующих нас категорий слов в нем таково:

Разряд слов	**Кол-во слов**	**В %**
Общерусские слова	13848	59,23
Диалектные варианты общерусских слов	4851	20,75
Собственно диалектные слова	2757	11, 79
Диалектно-просторечные слова	682	2,91
Диалектно-просторечные варианты общерусских слов	670	2,87
Диалектные варианты диалектно-просторечных слов	361	1,54
Прочие комбинации	131	0,56
Помета не определена	78	0,33
Итого	23378[1]	

[1] Общее количество случаев, вошедшее в подсчёты, превышает количество ЛСВ, поскольку в него вошли также пометы при некоторых словоупотреблениях, ряде устойчивых нефразеологических словосочетаний и др. Прочие комбинации помет описаны во введении к «Полному словарю языковой личности». Помета не указывалась при окказиональных образованиях и украинизмах, цитируемых как элементы чужой речи.

Отметим, что полученные нами результаты очень близки к выводам, сделанным О.И. Блиновой на основе «Полного словаря сибирского говора».

Сопоставительные данные по аналогичным источникам почти отсутствуют. Исходя из данных В.П. Тимофеева, в лексиконе Е.М. Тимофеевой соотношение диалектного и общерусского 1:10 (2 732 диалектных слова и фразеологизма на 27337 литературных слов) [Тимофеев 1971а, с. 17, 19], нельзя расценить как точные. Уязвимость данных, полученных методом прямого опроса, очевидна и при обследовании совпадающей с литературным языком части лексикона (о чём уже говорилось выше), и при выявлении количества диалектных слов. Дифференциальный словарь личности не даёт ответа на вопрос, сколько слов остались не зафиксированными при наблюдении. Очевидно и то, что полный словарь личности, созданный на основе непринуждённой речи, является более достоверным источником подобных подсчетов, чем данные прямого опроса.

Известно также, что в словарном запасе А.Г. Горшковой доля просторечной лексики колеблется в пределах 6–11% [Ерофеева, Скитова 1988, с. 67]. В.Д. Лютиковой из 9000 слов лексикона В.М. Петуховой более 3000 квалифицируются как собственно диалектные, столько же – как разговорные и более 2000 – как просторечные, но содержание этих терминов не раскрывается [Лютикова 1999, с. 41]. А.М. Кошкаревой был проанализирован текст одной диалектоносительницы архаичного говора деревни Сергеевка Тюменской области в 1400 слов, исключая незнаменательные. Из них 65% лексических единиц составили общерусские, 31% – диалектные варианты общерусских, 0,4% – просторечные, 3% – собственно областные [Кошкарева 1978]. Приведённые данные не вполне совпадают с нашими, но это можно объяснить как различным пониманием исследованных категорий слов, так и различием в характере говоров, которые представляют данные языковые личности.

2.2.2. Активный и пассивный словарный запас

В диалектной лексикологии ядро и периферия словарного запаса местных говоров рассматривались главным образом в аспекте его трансформации (новое/устаревающее), обусловленной, с одной стороны, общественно-историческими изменениями в реальной действительности, с другой – собственно языковыми процессами. Новая для говоров лексика изучалась прежде всего при анализе результатов воздействия на них литературного языка, в меньшей степени – как результат спонтанного развития лексической системы (И.А. Оссовецкий, Т.С. Коготкова, Ф.Л. Скитова, А.А. Грузберг, С.М. Белякова, А.Н. Соколова и др.), архаические элементы – при исследовании устаревающей терминологии местных промыслов, описании номинаций в сфере традиционной материальной и духовной культуры (В.В. Палагина, О.И. Блинова, Ф.П. Иванова, Н.И. Толстой, С.Е. Никитина, Т.Б. Банкова, Г.Н. Калиткина и др.).

Соотношение элементов активного и пассивного словарного запаса является важной характеристикой не только языка социума, но и лексикона отдельного индивида. Наблюдения над языком диалектных ЯЛ в этом плане отсутствуют.

Непринужденные условия общения позволяют выявить в первую очередь лексику активного употребления, легко и свободно воспроизводимую в естественной речи и составляющую ядро лексикона индивида. Активный словарный запас связан с обозначением предметов привычного повседневного быта, природы, с характеристиками человека, не ограниченными рамками каких-либо речевых жанров и высокочастотными в речи ЯЛ.

Пассивный словарь составляет низкочастотная часть лексикона (единичные случаи словоупотребления), использование которой ограничено определёнными типами текстов и жанров речи,

нередко вызывает затруднения при его воспроизведении диалектоносителем.

Постоянные изменения, которым подвергается на протяжении жизни лексикон человека, отражают трансформацию активного и пассивного словаря. Активные элементы могут переходить в пассивную часть словарного запаса, и наоборот.

В языке В.П. можно выделить 4 основных категории слов, которые отражают видоизменения её лексикона с точки зрения активного/пассивного употребления. Это новая лексика, архаические единицы, так называемая «лексика чужой речи» и окказионализмы. Рассмотрим каждую из этих категорий.

2.2.2.1. Новая лексика. Исследование новой лексики позволяет проследить процесс обогащения словарного запаса ЯЛ.

Под новой лексикой понимаются все лексические единицы, вновь усвоеннные личностью на протяжении жизни. Неологизмы в узком смысле как слова, новизна которых осознается носителями языка, являются составной частью новой лексики[1].

Практически во всех работах до настоящего времени эта категория слов рассматривается только в составе языка нации[2] В связи с растущим интересом к человеческому фактору в языке все более актуальным становится утверждение Т.Г. Винокур: «Языковое движение одушевляется исследователями как бы без учета метафоричности положений типа "Язык пополняет свой состав…", "Язык отбирает средства для номинации…" и т.п. То есть традиционная лингвистика слабо учитывает тот факт, что язык изменяют люди, и только люди» [Винокур 1989, с. 363].

Обогащение словарного запаса В.П. происходило на протяжении всей жизни информанта. Так, в 20-е гг. были освоены слова

[1] Оба значения термина «неологизм» используются в лингвистической литературе (см. [Котелова 1990]).

[2] Некоторые наблюдения над новыми словами в лексиконе А.Г. Горшковой имеются в статье [Малышева В.А., 1998а].

сельсовет, коммуна, выбора', в 30-е – *трактор, конба'йн, колхоз, дисциплина, фирма* "ферма", *по линии НКВД, автобус,* в 40-е – *стройбат, майор, фронтовик, вакуи'рованный* "эвакуированный", в 50-е – *транв'ай, мичуринский* "индивидуальный земельный участок для огородничества" , в 60-е – *телеви'зер, совхоз, синтетика*, в 70-е – *дефицит, бройлер, химчистка, пенал* и *стенка* "виды мебели", в 80-е – *формовка* "вид шапки", *фазенда* "земельный участок", *перестройка,* в 90-е – *амалине'з* "майонез", *лектро'нный* "электронный", *бутеброˈдный* "бутербродный", *ваучер, аренда* и др. Примерная датировка производилась с учетом а) экстралингвистических сведений о новизне реалии, обозначаемой данным словом; б) показаний словарей; в) показаний метаязыкового сознания информанта.

Время появления новых слов в лексиконе личности при этом далеко не всегда совпадает с моментом их вхождения в узус. Временной разрыв объясняется в первую очередь условиями жизни деревни, в которой многие реалии или представления о них появляются позднее, чем в городе (телефон, такси, бассейн и др.) или в стране. Например, слово *хурма* освоено информантом лишь в 1994 г., хотя даже в словаре под ред. Д.Н. Ушакова помета «новое» при нем отсутствует [ТСУ. Т. 4, 1940, стлб. 1199].

В тематическом отношении новые слова в лексиконе крестьянки разнообразны.

1. Наиболее разветвлённым и объёмным является поле «медицина», включающее названия лекарств *(аллохол, бесалол, дибазол, нальги'н* "анальгин", *ношпа, стеклови'дно тело, тетрациклин…)*, болезней и болезненных состояний *(алкоголизм*, *гриб* "грипп", *инфаркт сердца, ирги'я* "аллергия", *мастит, травма, энцефалит…)*, медицинской техники (*ампула/а'нпула, аппарат (И)лизарова, пистолет* "аппарат для удаления зубов", *система, стерильные материалы, укол* "шприц"…), процедур *(блокада, кардиогра'мма, массажи'ровать, медосмотр, облучать, стеризова'ть* "стерилизовать", *ретге'н…)*, медицинских и социально-

медицинских учреждений *(дом инвалидов, синато'рий/синато'рия, поликлиника, профилакторий)*, органов человека *(глазно' дно, нервная система, тара'нна кость, ягодица)*, врачебных специализаций *(нервопато'лог/нервнопато'лог)* и др.

2. Другая крупная группа новых слов связана с полем «работа». В основном это названия лиц по роду занятий, должности *(а'гент, буга'хтер, ветврач, зоотехник, журналист, инженер-плановик, космонавт, ле'ктрик/электрик, оператор, прораб, секлета'рь, спортсмен, фермер…)* и названия учреждений и предприятий *(ателье, ба'нок,* "банк", *военкомат, КБО* "комбинат бытового обслуживания", *лаболато'рия, ниститу'т* "институт", *райлесхоз, химкомбинат)*.

3. Бытовая лексика составляет наиболее разнообразные и дробные группы: названия бытовой техники, приборов, механизмов и их частей *(антенна, батарейка, вентилятор, газ, калорифер, магнитофон, розетка/ризе'тка, стабилизатор, стиральная машина, телефон, электроплита)*, названия транспортных средств *(автобус, ве'лик, "камаз", маршрутка, молоковоз, "москвич", "рафик", самолёт, троле'бус)*, инструментов и сельскохозяйственных механизмов *(бульдозерная лопата, грейфер, кир, конба'йн/конба'йна, маркёр, циркулярка)*, видов пищи *(битебро'д* "бутерброд", *витаминный* "с большим количеством витаминов", *вармише'ль, газировка, геркулёс, дэже'м/жем* "джем", *комбинжир, чавыча)*, тканей и материалов *(болоневый, ДВП, жа'мша* "замша", *капроновый, лизоле'нта* "изолента", *нержавейка, плёнка* "полиэтилен", *селофа'новый* "целлофановый"*)*.

4. Довольно активно лексикон пополняется отвлечёнными словами, заполняющими лакуны в словарном составе традиционного говора: названиями абстрактных понятий, признаков и действий *(абсолютно, дефект, вторичный, естественный, жертва, конбини'рованный* "комбинированный", *конфликт, кризис, курсировать, момент, морально, недоброкачественный, обеспечить, промле'ма* "проблема", *расследование, сигити'ровать* "сагитировать", *скоропостижно, смертность, трагически, фактически,*

эксплуатировать), обозначениями новых общественно-политических и экономических понятий *(ваучер, глюнита'рная по'мочь* "гуманитарная помощь", *дотация, кандидатура, сплошна(я) коллективизация, ле'нда/ре'нда* "аренда", *перестройка, президент, притеризи'ровать* "приватизировать", *самоокупаемость, сессия, социальный работник, фермер)*.

Кроме того, в составе новых слов можно выделить тематические группы:

– преступность: *амни'сия* "амнистия", *возбуждать дело, наркоман, наркомания, преступник, расследование, судебные издержки;*

– обучение: *доцент, заочно, кандидат высших наук, очно, продлёнка, практика, преподаватель, техникум, факультет;*

– культурные растения и их сорта: *"адеа'л", "адрэ'са", берли'нка* "сорта картофеля", *"новинка"* "сорт огурцов", *маргари'ты* "маргаритки", *шафраны;*

– деньги, ценные бумаги и выплаты: *доллар, дотация, лиме'нты* "алименты", *лимон* "миллион", *пенсия/п'ензия, стипендия, чек;*

– документы: *автогра'фия* "автобиография", *диплом, корочки* "удостоверение";

– праздники: *Восьмое марта, День Красной Армии, День Конституции, День сельского хозяйства, Октя'брьска* "7 Ноября", *День престарелых;*

– помещения: *вестиби'ль* "вестибюль", *зал, кормоцех, кухня, нардом* "клуб", *хрущовский* (о квартире);

– обозначения человека по различным признакам (кроме рода занятий): *алкоголик, антеллиге'нтный* "интеллигентный", *вакуи'рованный* "эвакуированный", *двоюродный, папа, ударница;*

– удобрения и корма: *калийная соль, комбикорм, навоз, гринюри'рованный* "гранулированный";

– термины точных и естественных наук: *киловатт, математика, процент, физика, энергия* "электричество", *почва, прогноз погоды;*

– искусство, культура: *барели'на* "балерина", *кино, клуб, концерт;*

– фразеологические обороты: *всю дорогу* "постоянно", *не в курсе дела, играть роль, сбиться с правильного пути.*

Данная классификация, как и всякое деление слов по тематическим группам, весьма условна: часть единиц может быть отнесена как к одной, так и к другой группе; возможно выделение более широких и более узких объединений. Однако она ярко отражает ядро и периферию в процессе пополнения лексикона ЯЛ неологизмами. Наиболее обширными являются поля "медицина", "работа" и "быт"; каждое из них включает более ста единиц. Развитость данных полей обусловлена в первую очередь их коммуникативной значимостью. Обилие медицинской терминологии объясняется также пожилым возрастом информанта и длительным пребыванием с сыном в больнице, во время которого были усвоены многие термины, в том числе узкоспециальные. С уровнем образования и рода занятий личности связано минимальное количество слов из сферы науки и искусства.

Хотя все приведённые слова не являются для говора исконными и были освоены информантом в течение жизни как новые, к истинным неологизмам можно отнести лишь часть из них. Многие единицы уже не воспринимались в период записи в качестве новых; часть из них перешла в разряд устаревших *(коллективизация, колхоз, молока'нка* "пункт приёма и продажи молока", *путч)* и др. К неологизмам в узком смысле слова, очевидно, относятся лексемы, появившиеся в 80–90-е гг. Неологизмы двух последних десятилетий довольно многочисленны. Несмотря на пожилой возраст, диалектоносительница активно усваивала новые слова. Лексика, пополнявшая словарный запас ЯЛ в преклонном

возрасте, сохраняла основное распределение новых слов по тематическим группам, свойственное информанту вообще.

Большинство новых лексем – имена существительные; доля глаголов, прилагательных и наречий незначительна. Конкретная лексика преобладает над абстрактной.

Источниками пополнения лексикона диалектной ЯЛ служат иные формы национального языка – литературный язык и городское просторечие, а также её родной говор, в котором новые слова появляются в процессе его саморазвития.

Подавляющее большинство неологизмов в лексиконе В.П. имеют литературное происхождение. Среди них собственно русские образования *(МТС, плёнка, продлёнка, заочно, формовка…*) и очень весомая доля иноязычных заимствований *(сэлофан* "целлофан", *ветеран, трафарет, энергия…).* Многие лексемы имеют явно книжную стилистическую окрашенность *(рекомендовать, осадки, предоставлять, почва, продовольствие…)*. Некоторые иноязычные слова, широко известные в литературном языке, не прививаются, поскольку в говоре есть их исконно русские дублеты – вероятно, более старые, традиционные для диалекта *(толчёнка* "пюре", *дрожжа'лка* "желе", *землянички* "примула"). Иногда новое иностранное слово заменяется обозначением родового понятия (*аппарат* вместо *тонометр*, *печенье* вместо *крекер*) или описательной неоднословной характеристикой *(давленье мерить* вместо *тонометр, мух травить/мух травя'т которым* вместо *дихлофос в аэрозольной упаковке)* − но, как правило, новая литературная единица усваивается и формально, и семантически. Одни из таких заимствований употребляются в полном соответствии с литературной нормой (это в основном касается слов с конкретным значением, не имеющих труднопроизносимых сочетаний звуков: *витамины, мохеровый, парафин, президент, талон, этаж* и т.п.), другие осваиваются медленно и неполно.

Чаще имеет место неполное освоение формы новых единиц. Фонетическая освоенность определяется не столько временем

вхождения слова в лексикон личности (ряд заимствований 20–30-х гг. сохраняется в модифицированном виде, тогда как среди более поздних неологизмов есть и точно воспроизводимые), сколько характером сочетаемости звуков в соответствии с фонетическими законами говора. Неполная освоенность слова нередко фиксируется языковой рефлексией информанта. Её текстовыми показателями являются запинки при произношении, неуверенное выговаривание, смешок при осознании искажения, употребление в высказывании лексических маркеров *ли как ли <его там>, ли какой ли <там>, ли кто, ли кто ли, или как, как их называют?, как его правильно говорят?* и т.п.: *Тоже дочка у ей гра'мотна, она преподаёт, только у ей таки' – как их называют? – стеби'льны, ли каки' ли? дураки, в обшем; Таня увидела и приносит мне – как его называют? Де… деманти'н ли как ли. Дверито оббивают; Как её называют? Пласт-пена, ли кто? вот это – Володя привёз… на поплавки; Ну она это… биво'лог или как… било'лог; А ей врачи сказали, у ей эти гиглоби'ны-то, я их называю неправильно, не могу я выговорить… Как их правильно? А это, у ей чё-то шибко мало было; У меня есь мале'нько бутебро'дно [масло]. Как его правильно говорят?; Диабет у ей, шибко много… Как их называют-то? ги'глов!… [смеётся].*[1]

У слов с иноязычными корнями в процессе освоения наблюдается в отдельных случаях смена места ударения (*пре'дмет, медика'менты, шо'фер*). Возможно изменение грамматических характеристик – родовой принадлежности *(синато'рия,* ж., *линолеум,* ж.*)*, падежных флексий *(без осадок* вместо *без осадков)*, отступление от литературных норм сочетаемости *(А она какой-то там… научный человек, тоже).*

[1] Фрагменты связной речи представлены курсивом, отделяются в иллюстрациях точкой с запятой. При передаче диалога указаны инициалы собеседников. В квадратных скобках даны пояснения или реплики диалектологов. Полужирным шрифтом маркируется эмфатическое ударение.

Источником пополнения лексикона диалектоносителя являются литературный язык, городское просторечие и его исконный говор. Среди новых слов преобладают заимствования из литературного языка, осваиваемые в фонетическом, семантическом, грамматическом и стилистическом плане.

Новые слова заполняют лакуны в обозначении новых понятий, обогащают стилистические возможности говора либо занимают место устаревших синонимов.

Заимствование из других форм национального языка осуществляется прежде всего через устные бытовые контакты с родственниками и знакомыми, в разной степени владеющими литературной нормой, молодыми или средних лет. Проводником новых слов является также радио, передачи которого информант слушает постоянно (телевизор смотрит эпизодически, книг не читает совсем, газет почти не читает). Такая лексика употребляется преимущественно при пересказе радиопередач: *Вот по радио передали… девочку трёх ли, четырёх лет… уташшыл там фулюга'н… Ну, "преступник был задержанный"; Передавали сёдня без осадок, а какой-то тоскливый день сёдня; Передавали, пять в воздухе. В Томске передали, не по области, а в Томске. На почве заморозки, а в воздухе минус пять.*

Новообразований, возникших в самом диалекте, немного. Это в основном метонимические ЛСВ от уже бытовавших в говоре слов: *изба* "жилое помещение, в том числе благоустроенная квартира" *(Надо же, собаку купили! И зачем она вам, в избе, главно?), укол* "шприц" *(Уколы пятнадцать рублей однора'зовы)*, *музыка* "магнитофон" *(Сергею музыку надо. Вот ишь какой рассудок: картошки продать, и музыку купить)*[1]. Новых слов, образованных другими способами, мало: *газпечка* и *газплита* "газовая плита", *берли'нка* "сорт картофеля", *ломо'к* "лубок, твёрдая накладка в повязке при переломе", *молока'нка* "пункт приёма и

[1] Ср. также лексико-сематические образования от литературных заимствований: *первобытно, привилегия, афиша* и др.

продажи молока", *молока'нщица* "работница молоканки", *сблатова'ть* "смошенничать", *прошлого'д* "в прошлом году".

К собственно диалектным явлениям можно отнести образование новых устойчивых словосочетаний на базе литературных единиц (*инфаркт сердца* "инфаркт", *кружение головы* "головокружение", *биение сердца* "сердцебиение", *кандидат высших наук* "кандидат наук") и обратный процесс упрощения литературных словосочетаний до однословного наименования за счет эллипсиса прилагательного (*камера* "морозильная камера") или утраты существительного с субстантивацией прилагательного (*мочевой* "мочевой пузырь", *поджелу'дошны* "поджелудочная железа").

Итак, новые слова составляют большую, постоянно пополняющуюся группу в лексиконе личности, обогащая её словарный запас на протяжении всей жизни.

2.2.2.2. Архаическая лексика. Архаическая лексика в идиолекте (под которой подразумеваются устаревшие и устаревающие слова в лексиконе ЯЛ) до настоящего времени не была объектом лингвистического анализа.

Выделение пласта архаизмов представляет некоторые сложности. Следует отметить, что многие слова, уже не употребительные в речи младшего и среднего поколения вершининцев, для нашего информанта таковыми не являются и входят в активный словарный запас. Это большая группа названий старых праздников и постов (*Нико'ла, оспожи'нки, ра'довница, Со'роки святы', устре'тенье, фили'пповки* и т.п.), а также лексемы *тя'тя* "отец", *охлю'иха* "неряха", *ощеле'ть* "сойти с ума" и др.

Процесс утраты слов из лексикона протекает более скрыто, чем процесс обогащения его неологизмами, и имеет меньше лингвистических показателей устаревания лексики. Помимо выхода из употребления самой реалии или понятия, обозначаемого данным словом, прямо или косвенно на переход в пассив указывают преимущественная сфера его бытования (воспоминания) в

естественных текстах, а также показания метаязыкового сознания в метатекстах, где обычно сопоставляется новый дублет с устаревшим *(Счас же "спички" зовут, а раньше "серя'нки")*. Другие показатели – затруднения при воспроизведении, забывание, модификация звуковой оболочки некогда активно употреблявшегося слова – в речи присутствуют редко: *[Рассказывает о крещении ребёнка:] Надо же купа'льницу везти, как её называют? Макали туды'. Кум и кума. [Вспомнила слово:] Купель ставят, три свецьки; [О леднике на деревенском кладбище:] Как заходишь туды', так направо домик этот стоял, холодильник называли, холод… холодни'к. Холодни'к.*

Тематические группы архаической лексики в лексиконе диалектоносителя многообразны. Самыми крупными из них (до 20–30 единиц каждая) являются:

– термины промыслов, занятий и ремесел, утративших свою актуальность для села – обозначения, связанные с обработкой почвы, сенокошением, заготовкой дров до использования современной техники, кедровым и ямским промыслом (*байдо'н* и *колотушка* "приспособления для сбивания шишек", *гоньбу' гонять* "перевозить на лошадях пассажиров, почту, товары", *волоку'ша* "приспособление для перевозки сена", *зало'г* "поле, полученное после вырубки леса и корчевания пней") и, в особенности, терминология обработки льна и ткачества (*бердо', притужа'льник, це'вка* "части ткацкого станка", *золи'ть* "парить в воде со щелочью", *па'смо* "единица измерения пряжи", *па'чесать* "вторично чесать лен");

- названия предметов быта: одежды (*чирки', кали'ги* "виды обуви", *ченба'ры* "широкие шаровары", *гага'тки* "бусы", *пелени'шник* "приспособление для пеленания младенцев"); хозяйственной утвари (*ска'лка* и *валёк* "приспособления для глажения белья", *ла'дка, корча'га* "виды посуды"); пищи (*голова* "крупный

кусок сахара", *ро'занцы* "печенье хворост"), тканей (*товар* "материал", *кашемир, азя'мина*"), средств передвижения (*дорме'з, др'оги, одёр* "виды телег", *па'узок* "лодка");

- лексика, связанная с духовной культурой прошлого: обрядовая (*прида'нщики, поддру'жье, бояры* "участники свадебного обряда", *обзада'читься, баслови'ть* "элементы свадебного обряда"), названия игр и развлечений (*разлуки, огоньки, чижики* "виды игр", *шапочка, подго'рна* "виды танцев", *вечёрка* "вечеринка"), лексика верований – христианская (*ака'фист, херуи'м* "херувим", *купель*) и языческая (*дедушка-сусе'душка, сусе'дка, болу'дница* "нечистая сила"); формулы речевого этикета (*спорина' тебе в тесто, спорина' тебе в пряжу, море под кормилицей, беле'нько тебе в корыте* "пожелания при стряпне, ткачестве, дойке, стирке");

- обозначения человека по различным признакам: *сага'й* "высокий человек", *саранча'* "дети", *пролу'бщик* "тот, кто следит за прорубью", *ча'калки* "прозвище коренных вершининцев", *садо'вски, горёвски, го'рошны* "названия жителей Вершинина по частям села";

- названия помещений: *винопо'лка* "винный магазин", *молока'нка* "пункт скупки и продажи молока", *нардо'м* "клуб", *горница, кабак, изба* "кухня".

Более малочисленны группы названия учреждений *(МТС, КБО, машинтоварищество, госторгфонд)*, общественно-политических явлений (*колтивиза'ция* "коллективизация", *перестройка, путч*), видов земельных наделов (*пай, одноду'шка, двухдушка, трёхдушка),* диалектных топонимов (*Горка, Горёвка, Садо'ва улица, Тата'ры*), мер счёта (*аршин, фунт*), цветовых обозначений (*поднебесный, огоньковый*) и абстрактных понятий (*лони'сь* "в прошлом году", *лони'шный* "прошлогодний"). Прочие группы представлены единичными словами.

В отличие от неологизмов, среди архаических элементов высока доля собственно диалектных. Из слов, свойственных традиционному говору начала XX в. (1910–20-е гг., совпадающие с детскими годами жизни информанта), только одна небольшая

группа лексики христианства не относится к локально ограниченной. Литературное происхождение имеет главным образом архаизированная лексика, первоначально вошедшая в говор (и, соответственно, в язык личности) в послереволюционный период как новая.

Процесс перехода неологизмов в класс устаревающих слов связан со сменой общественных условий жизни, уходом в прошлое каких-либо исторических событий, с исчезновением ряда понятий, учреждений, должностей и т.п. (*колтивиза'ция, ударница, МТС, нардо'м, бригадир* и т.п.). Единственное диалектное слово, в 80-е гг. являвшееся новым, а ныне устаревшее – *молока'нка.*

Рассмотренная лексика находится на разных стадиях архаизации. В лексиконе В.П. можно выделить:

а) слова устаревшие, в непринуждённой речи никогда не встречающиеся. Они выявляются только при контакте с собирателем в результате опроса. Таковы, например, старые этикетные формулы, терминология обработки льна, прядения и ткачества, названия повозок;

б) слова устаревающие, которые воспроизводятся не только при опросе, но и в живой речи. К ним относится большая часть бытовой лексики и названия помещений.

Граница между этими двумя подгруппами нечеткая, и в большинстве тематических групп есть как устаревающие, так и устаревшие слова.

На периферии лексикона находятся фрагменты лексиконов родителей информанта. С их влиянием (особенно со стороны матери) в языковом сознании В.П. связывается лексика язычества, а также некоторые другие слова (*серя'нки* "спички", *сары'нь, сары'нишки* "дети").

Устаревшая лексика верований употребляется диалектоносителем преимущественно в составе прецедентных текстов, в которых семантика архаичных слов перестает отчетливо осознаваться. Десемантизировано выражение *раб рамён* в молитве «Сон

святой Богородицы»: *"Кто эту молитву знает, тот по' три раза в день читает, тот раб, рамён, от огня, от пламя, от воды, от потопа, от зла лиха' человека. Аминь". [Что значит "раб рамён"?] Ну, раб. Раб, рамён.*

Часть архаизированных слов получает вторую жизнь в системе образных средств информанта, реализуясь в составе сравнений, метафор, шутливо-иронических употреблений. В сравнениях используются архаизмы *болу'дница* и *сусе'дка*: *Воло'сья седы' да стра'шны да. Хожу как болу'дница. [Это нечистая сила?] Ну конечно, чё-то тако'. Худо' чё-то. [Мать говорила:] "Болу'дница. Заплети хоть расчеши голову-то, как болу'дница!" А кака' болу'дница, я не знаю.* Древняя семантика слова стирается (ср. в «Словаре русских народных говоров»: *полу'дница* "дух, спутывающий колосья в поле" [СРНГ. Вып. 29, с. 143), слово употребляется как бы по запомнившемуся образцу, по сути, приобретая статус новой фразеологической единицы: *как болу'дница* "непричёсанная". Аналогичным образом используется выражение *как сусе'дка*: *А потом встану, воло'сья большу'чи, я завезу' от так руки [запускает пальцы в волосы] – вот я помню! – "Зазуди'лась тут-ка! [говорил отец]. Как суседка разлохматилась"* (отметим, что и в этом случае имитируется речь одного из родителей). В образном сравнении зафиксировано и устаревшее слово *чи'сменки* "три нитки в мотке на мотовиле, старая единица измерения пряжи": *Маруся умерла, эти уехали. Останемся чи'сменками [одинокие старухи]: Настасья Ивановна, Калашникова [и я].* Метафорический перенос отмечен у термина *сдверя'живать* "сдваивать, ссучивать вдвое": *Он и давай её сдверяживать. Давай лупить да гонять.* В шутливом контексте встречается слово *винопо'лка* "винный магазин": *[Составляя бутылки в буфет:] Винополка открылась.*

Некоторые устаревшие единицы, переходя в пассивный запас информанта, активно используются в составе пословиц и погово-

рок. Так, неуместная, запоздалая похвальба неодобрительно комментируется *После свадьбы все ты'сяцки,* тогда как слово *ты'сяцкий* "главный распорядитель на свадьбе" устарело.

Большинство выходящих из употребления слов у В.П. связано с исчезновением реалий, которые они обозначали. Их включение в текст либо не комментируется, либо поясняется по просьбе собирателя через подробное описание денотата: *Ну вот ла'дочки были. В печку в их картошку ставили. Они как чашка бы… гли'няна. Ну она просто чашка, только чашка разли'виста, а е'та така'.*

Часть устаревающих лексем вытесняется новыми синонимами. Под воздействием литературного языка и городского просторечия они постепенно исчезают из диалекта.

Итак, пласт архаической лексики у В.П. (в силу её возраста и принадлежности к архаическому типу говора) более узок, чем у представителей среднего и младшего поколения вершининцев. В составе терминов местных промыслов, занятий и ремесел полом информанта определяется преобладание "женских" терминов обработки льна и ткачества.

Архаическая лексика данной ЯЛ является преимущественно диалектной и отражает материальную и духовную культуру говора.

В группе архаизмов выделяются устаревшие и устаревающие (на разных стадиях этого процесса) лексические единицы. В устаревших словах наблюдаются процессы десемантизации, а также вовлечения их в сферу активного использования в составе прецедентных текстов, фразеологизмов, образных сравнений и шутливо-иронических употреблений.

Устаревающая и новая лексика тесно связаны между собой в лексиконе информанта.

Часть новых слов, обогативших в процессе жизни диалектоносителя его лексикон, к настоящему времени перешла в разряд

устаревших: *госторгфо'нд, КБО, колхоз, колхозница, колтивиза'ция, ликбез, машинтоварищество, молока'нка, молока'нщица, МТС, нардом, перестройка, путч, точка* "МТС".

Замену старого слова на новое отражают как естественные тексты, так и метатексты. Живая непринужденная речь фиксирует начальную стадию замены одного слова другим – параллельное их употребление: *Красивый товар; Половики ткали, и мешки, и даже носили – не было тода' матерьяла; На платье товар, матерьял; Там видела, соседи привезли сколько навозу?; Он от Вали назём привёз; Назёму нет, надо навоз привезти кра'йно.*

Показания метаязыкового сознания – комментарии по собственной инициативе при общении с носителями литературного языка – иллюстрируют окончательное вытеснение устаревшей единицы в пассивный словарный запас. Отмечается устаревание отдельных формальных вариантов *(Дак она всё пускала вечеринки, посиде'нки эти, сидели-то мы. "Посиделки" зовут так-то, а раньше "посиде'нки" называли),* в основном же осознаётся замена на новый абсолютный синоним: *Это было прошлого'д, а раньше говорили "лони'сь"; Кода уж стали ве'ликами-то звать после, а то "самока'тка". "Ой, на самока'тке проехал".*

Кроме вышеперечисленных, к дублетным заменам в лексиконе информанта относятся также *мотыга → тяпка, рукотёрник → полотенце, играть (с кем), дра'знить (кем) → дружить (с кем)* "о симпатизирующих друг другу юноше и девушке", *изба → кухня, сары'нь, саранча* Вся терминология промыслов уходит в прошлое безвозвратно. Утрачивается говором и лексика, отражающая традиционную нематериальную культуру: разветвлённое, обширное семантическое поле, связанное с обрядами, верованиями, речевым этикетом прошлого сменяется весьма немногочисленной группой неологизмов из области современной культуры. В тематических группах "медицина", "отвлеченная лексика",

"культурные растения", "обучение", "преступность" архаических элементов практически нет, почти все слова являются новыми.

Поля «работа», «общественно-политическая и экономическая лексика» демонстрируют процесс устаревания бывших неологизмов, вследствие смены идеологических установок.

Класс новых слов представляет собой открытую систему, постоянно вбирающую новые единицы; архаическая лексика – замкнутую, значительно меньшую в количественном отношении, пополняющуюся в языке личности единичными элементами. Идиолексикон диалектной ЯЛ пополняется прежде всего неологизмами из литературного языка и образными средствами, создаваемыми информантом на основе устаревающих диалектных лексем.

2.2.2.3. Лексика чужой речи. Категория чужой речи (далее ЧР) достаточно активно изучается лингвистами в синтаксическом аспекте как способ введения конструкций с чужой речью, в основном по материалам художественной прозы и разговорной речи. В этом аспекте начато её изучение и в дискурсе В.П. Вершининой: Л.Г. Гынгазовой проанализированы способы ввода информантом ЧР, соотношение воспроизведённой речи и первичных высказываний, а также авторский план ЧР [Гынгазова 2000а]. Лексика чужой речи как важная составляющая пассивного словарного запаса говорящего практически не изучалась.

Для исследования специфики лексикона значимы не все лексические элементы, содержащиеся в высказываниях с ЧР, а только те, которые не характерны для конкретной ЯЛ.

Критерием выделения этой группы слов было употребление их только в высказываниях, содержащих цитацию ЧР; в собственно авторской речи эти лексемы никогда не используются. Выводы делались на основе двадцатилетних наблюдений над речевым поведением информанта и на базе анализа всего массива записанных от него естественных текстов. Кроме того, учитывался ряд факторов, прямо или косвенно свидетельствующих о

нетипичности данной лексики для диалектоносителя: её денотативная отнесенность, основная сфера употребления, метаязыковые указания на первоисточник, из которого заимствуется слово в лексикон ЯЛ; в отдельных случаях – формальные показатели неосвоенности используемой единицы.

Как правило, лексика ЧР употребляется в естественной спонтанной речи информанта: *Ну, она… на Ивана-то: "Алкаш. Алкаш". А он невзлюбил; А солдатики гыт: "Ступай домой, дед, лу'чче".* Реже такие единицы зафиксированы в виде повторов вслед за собеседником в диалоге *(В.П. И Физа, значит, у ней это всё итошло [гнев прошёл], и она, они айда' разговаривать обо'е. Ю.Н. Наорались? В.П. Наорались, ага)* или выявлены в результате вопроса диалектолога *([Говорят у вас "баско'й"?] Ну баско'й – это говорят: "О, баско'й!" Сч**ас** говорят. "Баско'й, хороший, гыт, такой", баско'й, гыт, ага. Хороший. [То есть красивый?] Нет, как-то работяга такой. Живой человек).* Эти два типа контекстов отражают разное расположение лексики ЧР на периферии словаря ЯЛ: спонтанное словоупотребление единицы говорит о большей близости её к ядерной части лексикона, спровоцированное – о максимальной удалённости элемента от центра.

Большинство контекстов содержит ссылку на источник**,** из которого заимствуется «чужая» единица. В основном это тексты радиопередач (*по радио передавали)* или песен (*песня така' есь*) и речь конкретных лиц (*солдатики; врач; хохлуша, Нина Васильевна, Мотя, Владимир* и т.п.).

Лексика ЧР довольно разнообразна, хотя составляет очень небольшую часть (менее 1%) словаря диалектоносителя. По происхождению она является преимущественно литературной и просторечной, диалектных слов значительно меньше.

В группе литературных элементов ЧР можно выделить:

а) книжную лексику высокого стиля: *"Куды', гыт, делась моя красота, кому я сердце отдала?" – так и правда. [Песня такая?]*

Ну; [Пересказывает радиопередачу:] Сто… сто тридцать два года женшына. "Сто тридцать втору' весну встреча'т";

б) лексику официально-делового стиля: *Но'нче по радио передавали: двадцать семь тысяч*

вкладчиков… дураков [потеряли деньги]; А щас где-то самолёт разбился. ~А он [Рейган], гыт, соболезнование выносит;

в) обозначение реалий быта, отсутствующих в деревенской жизни и неизвестных информанту: *Там сменяли. Ну хоро'ша, гыт, квартира была. Она кака'-то… хрушшо'вски двери, хрушшо'вски квартиры, а каки', я не знаю. Плохи' они, наверно? Ну и она говорит это, сменяла она. "Ой, ешо хрушшо'вска эта, давно'шна!";*

г) наименования человека (преимущественно в обращениях): *Врач меня с ретге'на похлопал: "Вот, бабуля, молодец, перенести таку' боле'зь при таки'м возрасте"; Идёт и: "Бабулечка, дорогу'лечка! Продай мне тюльпаны!"*

Собственно диалектная лексика, употребительная в современном Вершининском говоре, но отсутствующая в активном лексиконе информанта, в большинстве своем выступает в качестве ЧР при номинациях лица, обычно в роли обращений или бранных именований: *В.П. Отчаянный мальчик, шустрый, бойкий. Я прям подивилась. С. И гра'мотна матёнка. В.П. Чё "гра'мотна матёнка" – таки' дети; Она шла возмушшалась: "Пусь он своих вырастит арестантов, они цяс не загоняются до часу домой" [о непослушных, безнадзорных детях].* Зафиксированы и отдельные оценочные диалектные слова: *Это говорила всё, Мотя: "Ой, красивя'ча эта Андрюшкина невеста!"; Ну, баско'й – это говорят: "О, баско'й!" Сч**а**с говорят. "Баско'й, хороший, гыт, такой, баско'й", гыт, ага. Хороший.*

Такими же обозначениями в ЧР представлены в речи сибирской крестьянки просторечные единицы: *"Батя, мне ложки купи деревя'нны и пришли"; А он через городьбу перелазит, через забор: "Извини, мать, извини" [обращаясь к пожилой женщине]; А*

теперь чё: "бабка" – мать свою родну' – "бабка". А раньше никто так не называл; [Свекровь говорит сыну о невестке:] "Зашёл ко мне да наелся бы. А той кобре-то уж я не дам"; А Нина Васильевна говорит: "Я тоже окрошку сделала, поели, гыт, наши охламоны" [о муже и сыновьях]. Кроме обращений и бранных слов, здесь встречаются просторечные экспрессивные прилагательные и глаголы: *Я говорю: "Дак это моя племянница". – "Это капита'льна женшына!" – всё задало'сь мне. "Золото эта женшына, хоро'ша!"; А девчонка-то Ольге: "Вы прямо мамку там заколебали! Жила бы да и жила бы у своей матери. А чё тут-то?" А она… как она? "Заткнись!" – на её.*

Причины этого явления связаны с общим антропоцентрическим устройством идиолексикона, в котором человек занимает главное место. Характер и функции этих имен лица определяются, во-первых, социолингвистическими особенностями языковой личности (ряд обращений не может быть употреблен информантом в силу его возрастного, полового или семейного статуса: *бабуля, бабуся, дедуля, дедуся* – обращения младшего к пожилому; *мать* – обращение мужчины к женщине, *дед* – обращение к пожилому мужу), во-вторых, её представлениями о рамках речевого этикета (многие бранные единицы неприемлемы для диалектоноситтельницы по этическим соображениям). В то же время установка диалектной ЯЛ на максимально точное воспроизведение высказываний с ЧР вызывает их появление в дискурсе В.П. Вершининой.

В составе ЧР другие диалектные единицы относятся к устаревшим, запомнившихся их высказываний родителей (некоторые примеры приведены выше при описании архаической лексики).

Отмечено также несколько иноязычных слов, употребляемых при цитировании речи переселенцев с Украины: *Мы зовём "пластики" [солёной капусты], а она [украинка] "пилю'шки". Мы смеёмся, на' смех зовём "пилю'шки"; Так она зовёт – не "хоро'ше", не "га'рно" – хохлуша-то всё "га'рно" зовёт, а эта тоже как-то.*

Кроме того, как элементы ЧР воспроизводятся индивидуальные особенности словоупотребления других говорящих. Среди них зафиксированы:

а) прецедентные тексты*: Раньше Марина наша говорила: "Старый долг, как но'ва находка". Всё-о говорила так!; Я говорю [односельчанке]: "Гроб-то будете оббивать? Оббили бы". – "О'споди, при бедности да ешо нежности" – ну приду'рошна!;*

б) излюбленные выражения хорошо знакомых В.П. людей: *Говорит, а потом ешо… "в корень", ли чё ли, мать-то [любимое выражение соседа]. Чё-то "в корень"; Катерина Васильевна всё говорила – царьствие ей небе'сно! – "умер да лежал бы уж. Умер да лежал бы". Вот тебе и лежи;*

в) некоторые образные выражения, употребленные кем-л. в конкретных ситуациях: *Как Володя наш говорил, усь-я'мскый: "А у меня, Вера, три мешка. Я не знаю, в который класс". ~ Валя, да Надя, да Михаил. Про детей [говорил]; Ну я утаскываю десятку, хыть дам на горю'че ему, а он: "А ты меня заправля'шь горючим, дак не берёшь? Деньги с меня?" ~ Ну, кода' подаю, кода' есь – бражонку он вы'пет тоже;*

г) индивидуальные образные номинации: *А ноги-то у ей тооненьки таки' то'неньки, у Физы! ~ А Владимир наш её звал. "Овечка", гыт. Что ноги то'нки. Усь-я'мскый. "Овечка, гыт, была"; Палку называ'т конём всё [односельчанка];*

д) словоупотребления, осознаваемые В.П. как нарушение лексических норм: *"Я рыбу сварила да, Ваня рыбу до'был, да сварили, да я так хорошо нашшерба'лась…" – так и я "нашшерба'лась". Ей надо сказать "нахлебалась", а она – "нашшерба'лась". [А "щерба" зовут уху?] Зовут. Ну так-то не говорят, что "нашшерба'лась".*

Многие из приведенных примеров демонстрируют хорошот развитую рефлексию языковой личности, обращающей внимание

на яркие, образные наименования в речи своих знакомых и родных, необычные для вершининского говора слова и нарушения норм.

Появление лексики ЧР в дискурсе говорящего определяется причинами как языкового порядка (отсутствием в системе диалекта книжного и официально-делового стиля, технической терминологии, установкой диалектоносителя на максимально точное воспроизведение высказываний с чужой речью, развитым языковым сознанием личности, позволяющим выделить в речевом потоке нестандартные, образные слова и выражения либо отклонения от норм говора), так и внеязыкового плана (условиями жизни, социолингвистическими характеристиками ЯЛ, определяющими неактуальность номинации каких-либо явлений).

Чаще всего чужая речь представлена у В.П. именами лица и экспрессивами. Примыкают к данной группе лексем единицы, отражающие индивидуальные особенности словоупотребления в ЧР (излюбленные выражения, нестандартные образные номинации, случаи ненормативного употребления слов). Данный пласт лексики формируется прежде всего при общении языковой личности с окружающими – родственниками, знакомыми, односельчанами, в меньшей степени – из радиопередач и прецедентных текстов (в основном песен). Во всех случаях путь пополнения пассивного словаря диалектоносителя – устный, через восприятие речи на слух.

2.2.2.4. Окказионализмы. К периферии словарного запаса информанта можно отнести также окказиональные элементы.

Окказионализмы имеют место в речи любого носителя языка, однако изучались они до сих пор преимущественно в языке творческих личностей – писателей. С недавнего времени начато описание окказиональных элементов в русской разговорной речи в плане исследования этой формы национального языка. Окказиональные единицы в речи конкретных рядовых носителей языка

почти не анализировались; имеется их описание у диалектоносителя лишь в работе В.Д. Лютиковой [Лютикова 1999].

Индивидуальность ЯЛ связана с частотой появления речевых новообразований в ее текстах. Общеизвестно пристрастие к окказионализмам И. Северянина, В. Хлебникова, А. Вознесенского и некоторых других поэтов; в то же время отдельные авторы – по наблюдениям Э. Ханпиры, А. Ахматова, Б Пастернак, А. Твардовский и др. – избегают контекстуальных неологизмов [Ханпира 1972, с. 289]. Вероятно, и среди рядовых носителей языка есть любители окказиональных элементов и те, кто почти не употребляет их. Доля окказионализмов в речи нашего информанта невелика; их отмечено около 30[1].

Специфика лексикона человека определяется также характером образования окказиональных элементов, преобладанием тех или иных типов окказионализмов и способов их образования.

Хотя количество новообразований у диалектной ЯЛ незначительно, виды их в речи довольно разнообразны. В дискурсе В.П. встречаются лексические, семантические и грамматические окказионализмы с преобладанием лексических.

Появление лексических окказионализмов у информанта обычно связано с «отталкиванием» от слова-стимула в реплике собеседника или в собственной речи: *Зашли проведать меня, [иронически:] прове'дальшыки!; [Из-за меня готовили.] Никого! Сколько гото'венья-то? "Наготовила"!* Слово-стимул, порождающее окказионализм, является чаще всего лексическим мотиватором к нему: *Како' горе. [На всю семью напало.] Угу. Напало… нападение; В.П. Да болит у меня, болит ешо. А.М. Ну, ничё. Нормально? В.П. "Нормально"! [ирон.] Не дай бог таку' нормальнось*. Реже стимулом становится структурный мотиватор: *[Всё "дешевеет".] Всё дороже'ет; А это… жена-то у его, стра'шненьку он*

[1] Ср.: в речи диалектоносительницы Петуховой зафиксировано более 200 новообразований [Лютикова 1999], которые в основном являются окказиональными.

взял: нос так долгу'чий, прямо суды' тоже! А у самой широчу'чий да широчу'чий [шутл. о себе]. В отдельных случаях окказионализм связан с мотивирующим его словом и лексически, и структурно: *А я тоже не знаю [размер пенсии], там каки'-то добавки, там отбавки, там прибавки.* Встретился случай цепной мотивации, когда стимулом для создания первого из окказионализмов является узуальный лексический мотиватор, а для второго – окказиональное одноструктурное образование: *[Вы вслух молитесь?] Не-ет! Так от, про себя кода'. Никого! Никого. Никаки' ни вслу'хи, ни вглу'хи, никого не делаю.*

Порождение окказионализмов чаще всего связано с отталкиванием от однокорневого, а не от одноструктурного слова. Это отмечает и Э. Ханпира: «Ряд словообразовательных моделей высокой продуктивности (абсолютной продуктивности) образует слова без посредства образца… Слова образуются прямо по модели. Очевидно, это результат прочно отпечатавшегося в языковом сознании структурно-семантического каркаса» [Ханпира 1972 , с. 270]. Так называемые потенциальные слова, созданные по этим моделям (вслед за В.П. Хохлачевой, В.П. Лопатиным мы включаем их в состав окказионализмов), составляют около половины всех окказиональных элементов в речи диалектоносителя. Отмечены модели: основа глагола + суффиксы -ЩИК-, -ЩИЦ- (*варе'льщик, прове'дальщик, чита'льщик, посо'бщица*), -ЕНИЈ/ЕНЈ- (*нападение, прихожденье, принесенье*), -НЈ- (*вставлянья, подбиванье*), -К- (*вставляшки*); основа наречия + -ОСТЬ (*нормальность*), основа прилагательного + -ЕТЬ (*дороже'ть*) и некоторые другие, в том числе диалектная модель "основа прилагательного + -УЧ-" (*широчу'чий*). Имеются случаи редеривации (*нави'деть*), контаминации *(долготня'* "долгота дня"). Гораздо реже в качестве модели служит конкретное слово в том же контексте: *Ну жива' старушонка. С семнадцатого [года рождения]. Намного моложе. Я-то шибко ста'ренька же. [Но тоже "жива".] Плохо… плохова'. [Шутливо:] Плохова'!*

Для данной ЯЛ типично использование только русских морфем при создании окказионализмов,[1] преобладание аффиксального способа их образования (в виде суффиксации) при полном отсутствии новообразований ряда продуктивных словообразовательных моделей, характерных для книжного (например, сложение) или разговорного (например, усечение основы) литературного языка. Совершенно несвойственным информанту оказалось придумывание новых корней, присущее многим творческим личностям – символистам, футуристам, тому же А.А. Реформатскому.

Случаи возникновения окказиональных единиц без слова-стимула являются примерами звукоподражаний *([Передразнивает скрипящую дверь:] Уа-а-уу! Голосом ревёт)* или семантических окказионализмов, в которых «готовая» звуковая оболочка приспосабливается для сиюминутного обозначения какого-л. предмета или явления (*Так деколо'н стоит тут-ка у меня… Он тут и вся'ки… [усмехается] преподобия* (о лекарствах; окказионализм выступает в роли экспрессивной "губки" для обозначения множества предметов); *Не упала бы, стряпуха моя* (шутливо о стряпне).

Аналоги таких окказиональных единиц широко употребляются в художественной речи. И в литературных произведениях, и в дискурсе информанта они являются средством выразительности текста, выполняя ряд специфических функций. Окказиональные единицы используются в экспрессивной функции для создания шутливого или иронического контекста: *[Вставить бы новые.] Зубы-то? О'споди. Каки' тут вставля'шки; "Поеду варить там буду Вере да". [Кто еще кому будет.] Ага. [Ирон.] Варе'льшыки!* Вместе с тем экспрессивный окказиональный элемент в паре со словом-стимулом, его провоцирующим, служит также своеобразным внутритекстовым средством связи, усиливающим

[1] Ср.: в языковом портрете А.А. Реформатского приводятся примеры многих неологизмов, основанных на иноязычных корнях, на сочетании русских и иноязычных морфем [Опыт описания… 1989, с. 149–212].

его выразительные возможности: *Зашли проведать меня, [ирон.] прове'дальшыки!; [Из-за меня готовили.] Никого! Сколько го-то'венья-то? "Наготовила"!; А это… жена-то у его, стра'шненьку он взял: нос так долгу'чий, прямо суды' тоже! А у самой широчу'чий да широчу'чий [шутл. о себе];* а в диалогической речи – средством поддержания речевого контакта с собеседником: *[Всё "дешевеет".] Всё дорожеет; С. Она его ненавидит. В.П. Кто же будет навидеть-то, ты подумай сама, кто же будет навидеть-то?).* Семантические окказионализмы, в том числе индивидуальные метафоры, а также окказиональные звукоподражания, повышают образный потенциал текста.

В число окказионализмов диалектоносителя попадают также и те, которые для художественных произведений не характерны, хотя широко представлены в разговорном русском языке. Эти новообразования могут появляться:

– в результате оговорки: *Сколь там долготня'? "Долготня!" [смеётся]. Долгота дня. "Долготня"; Вот трёхспа'льна комната, трёхспа'льна квартира, – "трёхспа'льна" назвала! трёхкварти… трёхко'мнатна, ага;*

– при воспроизведении забываемого устаревающего слова (в этом случае типично образование окказиональных вариантов узуальной единицы): *Домик этот стоял [на кладбище], холодильник называли. Холодни'к. И вот туды' утопленника поймают, ли кто удушится – его туды' кладут;*

– в случае незнания слова для обозначения какого-л. денотата: *Спасибо вам, принесли мне… морковницу-то эту* (в узуальном употреблении *морко'вница* "домашнее кушанье из моркови"; формальная оболочка слова используется диалектоносителем для называния нового вида продукта – морковного джема) или при неосвоенности такого слова (*Сварили, вчара' Гена поел только. А Коля два раз две лапшинки взял, два сапога, наверно. Сапо'жки, однако, зовут эти? Взял вилкой. И всё. Валя совсем не ела [о рож-*

ках]; А чё же думаешь, он умрёт в этой… как её называют, лежат-то где? В одиночке… [В реанимации?] В ренима'ции лежал, ауа.

К этой группе можно отнести и такие случаи, когда в процессе речи говорящий затрудняется в выборе точного слова и заменяет его приблизительным эквивалентом. Узуальный "заменитель" с достаточно абстрактной семантикой используется для окказионального выражения более конкретного значения: *Пришла, она вот так от глаза на меня изде'лала ["вытаращила"]: "Я, гыт, ничё не вижу". Глаза вот эдак разодрала' обо'е да так руками [вывернула веки], на меня смотрит; Пошто' к ей [дублёнке] прилипает так шибко-то? Они из какого меха-то? ~ [Сначала светлые красивые, а потом…] Плохо произведё… произведётся ["сделается"; усмехается]*.

В отличие от рассмотренной ранее группы окказионализмов, все эти новообразования объединяет номинативная функция.

Таким образом, явно прообладающим в идиолексиконе информанта составляет полностью освоенная новая лексика активного запаса. К пассивному словарному запасу относятся недостаточно освоенные новые слова; устаревающая и устаревшая лексика, а также слова, используемые В.П. при цитации ЧР, и окказионализмы. Все рассмотренные группы слов находятся в отношениях частичного наложения: и неологизмы, и архаизмы часто связаны в языковом сознании диалектоносителя с воспроизведением их в ЧР; окказиональные единицы также могут возникать при забывании архаизмов или при усвоении новых слов. Подвижной является и граница между активным и пассивным словарем личности: возможно перемещение пассивных элементов в активный словарный запас и обратное движение, связанное с устареванием некогда широко употребительных слов, в том числе и ряда бывших неологизмов. При забывании или искажении говорящим этих слов носитель говора замечает ошибку произнесения и реа-

гирует смехом или комментарием. Такая скрытая оценка ненормативного употребления подтверждает наличие у диалектоносителя представление о норме как составляющей речевой культуры.

2.2.3. Экспрессивно-эмоциональная лексика

Проблемам исследования экспрессивного словарного фонда как важной составляющей словарного запаса языка посвящены многочисленные работы в области общей и региональной лексикологии. Диалектологами внесен существенный вклад в изучение этой категории слов: предметом анализа являлись природа экспрессивов, их формальные типы и семантическая структура, особенности функционирования и лексикографическая интерпретация данных единиц (Н.В. Жураковская, О.И. Блинова, Н.А. Лукьянова, Л.А. Новиков, Т.В. Матвеева, Н.Б. Лаврентьева, Л.В. Хаджаева, Р.Н. Порядина, Е.В. Бельская и др.).

Экспрессивно-эмоциональная лексика является значимой частью лексикона ЯЛ. Как философы, так и лингвисты неоднократно отмечали свойственное русской культуре стремление к оценочному мировосприятию, к открытому проявлению эмоций [Вежбицкая 1996; Киселева 1997]. Н.В. Уфимцева характеризует русского человека как «всё оценивающего». «Вообще стремление всё оценить, приписать всему определенное качество, – утверждает она, – это неотъемлемое свойство русского менталитета» [Уфимцева 1997, с. 157]. Близка к высказанной и точка зрения С.Г. Шейдаевой: «Русский человек т а к видит: объект воспринимается не отстраненно-объективно, а сразу соединенным с оценочным отношением к нему» [Шейдаева 1994, с. 22].

Данное свойство русской ЯЛ находит естественное отражение в языке. Практически все исследователи, рассматривавшие лексикон конкретных личностей, отмечают высокую степень его экспрессивности. Ср. высказывание Е.Ю. Мягковой: «…эмоциональность [как разновидность экспрессивности. – *Е.И.*] является

неотъемлемой характеристикой единиц субъективного лексикона» [Мягкова 1988, с. 124].

Лингвисты, в той или иной степени касавшиеся при описании языка конкретной личности проблем экспрессивности идиолекта, отмечают роль экспрессивных единиц в лексиконе и типичные средства её выражения. Так, в опыте речевого портрета А.А. Реформатского лексика оценки и усиления (наряду с лексикой, обозначающей человека) называется в числе двух самых развитых полей. [Опыт описания… 1989, с. 168]. Затрагиваются в этой работе и более широкие проблемы создания языковой личностью экспрессивности текста. Л.В. Кнорина, описывая наборы излюбленных слов и оборотов как устойчивые характеристики идиостиля нескольких информантов, затрагивает вопрос об экспрессивных единицах идиолексикона [Кнорина1989, с. 119–120]. Имеются также фрагментарные наблюдения над употреблением слов с эмоционально-оценочными суффиксами в устной речи писательницы Е.М. Резановой [Девятайкин 1989, с. 59–60]. На диалектном материале единственная до недавнего времени статья по экспрессивности идиолексиона была посвящена уменьшительно-ласкательным существительным в речи А.Г. Горшковой [Андреева, Горланова 1971]. Е.А. Нефедовой был издан «Экспрессивный словарь диалектной личности», включающий 1400 единиц, по материалам речи жительницы д. Судрома Архангельской области [Нефёдова 2001]. Начато изучение экспрессивной части лексикона В.П. в формально-семантическом, функциональном и когнитивном аспекте в работах Е.А. Крапивец [Крапивец 1996; 1998; 1999; 2000а; 2000б; 2000в; 2001].

Обобщая данные исследований, в которых есть сведения об экспрессивности идиолексикона, можно прийти к выводу, что, во-первых, экспрессивные средства могут быть характерными и нехарактерными для индивидуального набора речевых единиц личности, но наличие индивидуальных экспрессивных средств более типично, чем их отсутствие (так, из шести информантов

Л.В. Кнориной они оказались не присущи только одному); во-вторых, у каждой ЯЛ свой индивидуальный набор средств создания экспрессивности.

Изучаемая нами ЯЛ принадлежит к той (наиболее многочисленной) группе носителей языка, для которой использование экспрессивных средств является типичным. Ср. фрагмент рассказа В.П.:

Меня но'нче шибко приглашала – от кото'ра Лена-то живёт у дочери, Людьмила её зовут. А у ей дочка Наташа. Ну така' во'льна, така'... не дай бог! бе'гла. А она вза'муж вышла. А мужичоночка-то у ей то ли заворовался, то ли кого ли делал… каки'-то документы подделал… Восемь лет дали ему. А ра'зе будет така' девочка ждать? О-ой! Она опе'ть вышла вза'муж, да, однако, ешо уходила. А это… а её свекровь приезжала, хоро-оша женшына! Ну ей пиисят четыре ли три ли года, молода'. Дак она меня шибко приглашала. "Тётя Вера, поедем ко мне, поедем!" – на Пятом она живёт. "Поедем на' зиму, поедем! Летом уж тебя не зову, – дрова не топить, квартира у меня двухко'мнатна, поедем, поедем!" Ночава'ла у меня. "О'споди, – думаю, – пошто' поеду к чужим людя'м?".

Как можно заметить, текст информанта насыщен разнообразными экспрессивными средствами. Экспрессивность повествования создается средствами всех ярусов языковой системы: фонетическими (частотны вопросительные и восклицательные интонации, протяжка гласных – *о-ой, хоро-оша*), грамматическими (синтаксические повторы: *поедем, поедем!,* использование усилителя "такой" (*така' во'льна, така'…*), лексическими (*во'льна, бе'гла, мужичоночка, заворовался, шибко*), в том числе междометиями и фразеологизмами (*ой, о'споди, не дай бог*), а также отсутствующими в данном случае, но широко используемыми В.П. тропами, употреблением синонимов, антонимов и др.

Не рассматривая вопроса о фонетических и граммматических средствах выражения экспрессивности, остановимся на анализе

собственно лексических средств – экспрессивно-эмоциональных единиц словаря диалектоносителя.

По подсчётам Н.Л. Чулкиной, в словаре типичного носителя русского литературного языка экспрессивно-эмоциональные единицы составляют около четверти всех единиц – 24,5% [Чулкина 1987, с. 11]. Экспрессивная часть лексикона В.П. составляет около 17% всех ЛСВ[1].

Средствами выражения экспрессивности и эмоциональности служат аффиксы (*Коленька набрал мне грыби'шки; Шишечку кто-то дал ему, Женьке; Не хотела [есть], а… разъелась; Стал тоже прибаливаться Николай-то*), корневые морфемы (*А она прямо угодница, всё равно, Валька-то. Ходит суды', корову доить. ~ Вот надо же! Всем дои'т ходит; Она её сковородкой ишшеу'чила по голове*) либо перенос значения (*Всё выбелю, всё вы'звездю там; Ну там у их настояшшый свинарник. Как у меня же. Я тоже ничё не делаю, не подотру, ничё*). Соотношение их в процентах составляет, по подсчетам Е.А. Крапивец, 52: 36: 12 [Крапивец 1996]. При этом у каждой из знаменательных частей речи имеются более распространённые и менее типичные средства: так, для существительных и прилагательных характерен аффиксальный, а для глаголов и наречий – корневой способ выражения экспрессивности. Почти две трети экспрессивных лексических единиц (72%) несут эмоциональную оценку, реже встречаются слова с экспрессивно-интенсивной коннотацией (23%), еще боле редки в экспрессивах случаи сочетания эмоционально-оценочного и интенсивного значений (5%) [Крапивец 2000а].

Специфика экспрессивной части лексикона В.П. состоит в следующем.

[1] Подсчёты произведены по «Полному словарю диалектной языковой личности» (отрезки Ж, З, М, Н, О).

1. Круг экспрессивных лексических единиц в диалекте шире, чем в литературном языке; соответственно шире он и у диалектной ЯЛ в сравнении с носителем литературного языка. Выражается это в наличии, наряду с общерусской, также диалектно-просторечной и собственно диалектной экспрессивной лексики (*охлю'иха* "неряшливая женщина", *вкусня'чий* "очень вкусный", *срозова'* "слегка розовый", *славне'цкий* "очень славный", *мозгови'тый* "умный, сообразительный"). При этом к собственно диалектным экспрессивам, вероятно, следует отнести также и значительную часть диминутивов, образованных от общерусских основ с помощью общерусских же аффиксов, поскольку наличие их в литературном языке маловероятно[1]: *Счас подогреем супи'шечко; Может, дверёнки там покрасить; Лечь в прохла'дку; Я набирала дуршла'чек такой от [ягоды]; Ну то ола'динки испеку, то молоко попью, то чай попью; Накла'ла всё, дровишки, два костёрика так* и т.п.

2. Своеобразен спектр экспрессивно-эмоциональных оценок. Группа оценочных слов в русском литературном языке, согласно перечню помет академического словаря, включает ласкательные, иронические, пренебрежительные, увеличительные, бранные, неодобрительные, презрительные, шутливые и почтительные [МАС. Т. 1. 1981, с. 14–15]. Н.А. Лукьянова, характеризуя экспрессивную лексику разговорного употребления, к набору мелиоративных оценок добавляет оценки одобрения и восхищения, а пейоративных – насмешки и отвращения [Лукьянова 1986, с. 48].

Лексикон В.П. содержит несколько более бедную гамму общерусских оценок. Так, в нем практически отсутствует выражения оценки восхищения, презрения, уничижения и отвращения.

[1] С полной достоверностью это утверждать нельзя, так как даже 17-томный БАС включает лишь небольшую часть функционирующих в литературной речи диминутивов.

Среди слов с эмоциональным значением (передающих негативную или позитивную окрашенность), у В.П. отмечена коннотативная семантика ласкательности (*Рубашечку я ему принесла, маечка была куплена; Прикидала так [лук] ботви'шечкой)* и одобрительности *(Ну у нас мастера были: тя'тя, Николай, Василий – они всё делали в свои'м дому, всё; Мастерица прям хорошо ты состряпала!; Таки' картошки были – мировы'!*). Оттенок почтительности (уважительности), совмещающийся с ласкательным, редок и зафиксирован в нескольких устаревших словах: *Она вышла вза'муж, от тут, к Лёньке от к этому – и тоже пойдёт: "Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня!" – корову пойдёт доить; "Мамонька" звали, сно'хи.*

Пейоративная гамма оценок включает неодобрение, выражающее отрицательное отношение говорящего к каким-либо действиям, качествам, свойствам, отклонение от нормы в худшую сторону (*Медведи'ца – Аксинья. Ну ты вишь, как она разгова'ривает: всё в укол, в укол. Она сердита шибко; О'споди, гли-ка чё! Ты чё не пьёшь-то?; [Напилась.] Модница!; А худо-ой назьми'шка, навоз-то, нехороший так, соло'мишка одна*), пренебрежение, выражающее отношение к субъекту или объекту, чьи свойства постоянно не вызывают уважения, признания высокого качества (*Вчера позвонила матерёнка, чтобы шла домой: "Скажи там Гальке, чтобы домой шла"; Кого пры'скашь [при глажении бельё], махры'. Прямо беда с тобой*), осуждение, связанное с оценкой нарушения каких-л. социальных норм поведения (*Так сорок рублей отдала [не весь долг], и замяла, и затёрла. Несправедли'ва. Бессо'вестна; А она разделась, в пла'вочкав… Говорили ра'нешны люди: "Народ будет бесстыжий" – правда!*) и бранные характеристики (*Я говорю: был бы добрый такой, дак… можно бы даже и… собрать чё-нибудь, послать [передачу в тюрьму] хоть бы сигареты пачек десять, купила бы – а за чё такому подлецу?*).

Среди слов собственно экспрессивных, выражающих количественные (интенсивные или экстенсивные) компоненты семантики, отмечены значения уменьшительности (*Побежала, гыт, под горку и упала; Правда, воро'тчики оставили бы мне туды', полоть огород*), увеличительности или интенсивности (*Я думаю, наверно, котиться хочет она [кошка]. Пузе'нь большу'ча!; В избе морози'шша, холоди'шша; Зубы хоро-оши были, густы' да бе'лы, не чистила никода', а хоро'ши были, не хва'стоваю. Густя'шшы, все завидовали. Только хрумото'к стоит [когда ешь]; Раньше-то я здорово мела ["ела"]*) и экстенсивности *(Хлеб какой-то как сыроватый; У ей были по'лоны [картошки] – ну, она гыт, плоховато*).

Кроме того, множество экспрессивно-эмоциональных слов имеют многослойную коннотативную семантику, в которой сочетаются, комбинируясь в разных вариантах, эмоциональные и экспрессивные семы. Из общерусских экспрессивов сюда можно отнести в первую очередь обширную группу уменьшительно-ласкательных образований: *Марлечка ма'ленька, со стола сотира'ла я; Хороший такой раскладной диванчик; Надо прибить. Гвоздо'чкими прибить; Вот до'сочки поставим, палочки забьём там где-то.*

Широко отражены в речи В.П. также случаи иронического словоупотребления, когда лексические или словообразовательные средства, выражающие позитивную оценку, вступают в противоречие с неодобрительной интонацией, в результате чего характер оценки меняется на противоположный: *Всё, гыт, это… у Татьяне Васильевне всё головушка болит, всё головушка болит…; И чем-то живут, ни дров не запаса'т путём, ничё; Физа ни за чё не берётся. Рученька у ей болит, то да друго' да; Поспать любит тоже, с сыночком спят; А Гена пальчик сломал у ноги, большой – и просидел от [на больничном]… январь, февраль и в марьте прихватил; Да до'рого всё. Да два миллончика [купить холодильник] – кого там!; Ну и тот-то хороший тоже…*

тоже ба'ловный мальчик. Иронически-неодобрительная интонация в подобных случаях «стирает» ласкательность, заложенную в форме слова. Отмечены и обратные случаи: интонация придаёт позитивную окрашенность слову с пейоративными языковыми характеристиками: *Та пройдоха, везде найдёт [что продаётся в магазинах]! Катя-то, Петровна [одобрительно].*

Как собственно диалектную коннотативную семантику, соединяющую в себе разнородные эмоциональные семы, можно квалифицировать прежде всего своеобразную оценку снисходительности. Помета «снисходительное», по предложению О.И. Блиновой [Блинова 1975а, с. 81] введённая томскими лексикографами в областные словари, отражает сложную эмоциональную оценку, включающую элементы как позитивной, так и негативной окрашенности, связанную с этикетными и прагматическими установками речи. Она используется при обозначении привычных, повседневных реалий из сферы быта, хозяйства диалектоносителя: предметов домашнего обихода (*Думаю, пойду там куплю себе матерья'лишко на рубашонку; Я говорю: "Ты мне што'ришки повешай" – я што'ришки постирала; Пала'зишко постелила с Раей; Всё равно, то посудёнку помоешь, то всё, то чёнибудь…*), домашних животных (*А хоро'ши, гыт, свини'шки три. А две ма'леньки; И там тоже коровёнка, да тельчо'нка, да кобыла, там хозяйство*) и растений (*Нарастут всё картовчо'нки-то дома; Там в подпольях-то ничё у меня лучи'шко*) и т.п. Позитивный элемент в снисходительной оценке связан с восприятием «…свой → хороший», «свой + нужный → хороший», «свой + полезный →хороший» [Резанова 1996, с. 193]. Негативный элемент в семантике оценки вызван обычно невысоким мнением о качестве называемого предмета (свойства вещи оставляют желать лучшего, не заслуживают безоговорочного одобрения, она имеет недостатки и т.п.). Но вещь эта – своя, нужная, полезная; пересечение этих характеристик и порождает оценку снисходительности.

Некоторые исследователи [Калиткина 1990; Порядина 1998] связывают употребление снисходительной лексики с функцией «табуирования», или магической функцией, когда намеренное уничижение, отчуждение «своего» является рефлексом мифологического типа мышления, служит «оберегом от сглаза». Представляется, что трактовка снисходительной оценки как выполняющей охранительную функцию верна исторически, но в современном языковом сознании она отодвигается на периферию. Вероятно, в настоящее время при функционировании такой лексики важнее этикетный момент: нельзя самому подчёркивать достоинства своих предметов, даже если они объективно заслуживают похвалы; нужно говорить о них как бы вскользь, не заостряя на этом внимания собеседника.

Кроме того, в лексиконе В.П. имеется ещё одна специфическая группа экспрессивов со значением смягчительности (сочетающим элементы негативной коннотативной оценки и экстенсивности). Экстенсивность признака может выражаться и в литературном языке (*бледноватый, глуповатый*…), но там чаще всего передается слабая степень выраженности объективного качества предмета. В речи информанта проявление экстенсивности тоже связывается с речевым этикетом. Отрицательная эмоциональная оценка, выраженная словом или общим смыслом высказывания, смягчается заочно, если субъект оценки вызывает симпатию говорящего, и очно, чтобы не обидеть грубым словом, резким суждением собеседника. Видимо, действуют и этические правила «не говорить о других плохо даже в их отсутствие», «не осуждать других»: *Она пришла тоже Рая суды', пья'ненька; А Валя-то знашь чё? связки порвала ~. Она дикоша'ренька! Может, из-за е'того ешо. Бе'гат она знашь как? А толку-то нету; А она-то… не очень: ленева'та, говорят, грязновата и… А он-то хороший; А Гутя, она хитровата, всё равно; А от ба'ушка-то тоже тараторочка хоро'ша, старушка-то; Батюшка [о священнике] молодо-ой! Какой-то как ненормальненькый был, тоже служил.* В отличие от снисходительности, семантика смягчительности в

толковых словарях литературного языка и местных говоров не отражена, хотя её следует, вероятно, считать общерусской чертой разговорной речи.

Отметим, что квалификация экспрессивно-эмоциональной оценки достаточно сложна. Она не связана жёстко со словообразовательными средствами выражения экспрессивности, особенно при передаче эмоциональных компонентов значения. Собственно экспрессивные семы более определённо «привязаны» к конкретным словообразовательным средствам: так, прилагательные с суффиксами

-УЧ/ЮЧ-, -ЯЧ-, существительные на -ЕНЬ, -ОТОК, глаголы на -НУТЬ, -АНУТЬ, с приставками РАЗ- и ИЗ- в сочетании с постфиксом -СЯ всегда несут значение интенсивности (*бодучий, вкусня'чий, картове'нь, стукото'к, грызну'ть, бахану'ть, разъесться, исхвалиться*). Эмоциональные же семы одобрительного/неодобрительного отношения к предмету речи «поддерживаются» в слове обычно не специализированными, а синкретичными аффиксами. Например, слова на -ОНК(а) могут иметь и ласкательную, и снисходительную, и пренебрежительную оценку. Ср.: *А славный мужичонка-то, правда?* (ласкательно, с одобрением); *Запилась, Ленка-то. Мужичонка* (пренебрежительно) *ушёл [от неё] – не мужичонка, а мушшына, хороший мужик. А это, запилась – он её бросил; Наверно, машинёнка своя сломалась* (снисходительно); *А машинёнка-то у его худа', купил каку'-то… "запоро'жицу". Ну она нехоро'ша была* (пренебрежительно). Достоверное определение окраски слова в таких случаях возможно только по контексту с учётом его лексического наполнения, знания ситуации, а иногда и исключительно по интонации. Ср.: *Привет там своей мамочке передай, хоть я её не знаю… передай* (ласкательно); *А потом Ольга приходит, я говорю: "У тебя мамочка вчара' не упивала?"* (смягчённо, для уравновешивания неделикатного вопроса); *Саша, я тебя налуплю, тогда жалуйся мамочке своей, если будешь дверь открывать* (неодобрительно).

Способность интонации определять эмоционально-экспрессивные характеристики слова находит наиболее полное воплощение в единицах с диффузной семантикой типа *варна'к.* Ср.: *А Нине-то итдала' пятнадцать [рублей]. Потому что она всё белила, как… варна'к така', это прово'рна да всё; Ну, она белила, наверьху да, мыла да… Здо'рово, ну варна'к она! Ой, всё равно, хоро'ша она така', работя'шша!* ("подвижный, ловкий в движениях, быстрый в работе человек", одобрительно); *Я этого зову, Женьку, "варна'к". Он сильно непоседный, ой-ой-ой!* ("непоседливый, шаловливый ребенок", неодобрительно); *Смотался тут к одной [муж]... Варна'к, да и всё* ("негодяй", резко неодобрительно, бранное).

Трудность определения субъективной окраски слова усугубляется и тем, что, наряду с регулярным, зафиксированным в словарях совмещением различных коннотативных сем (отражённом в пометах "уменьшительно-ласкательное", "ироническое", "снисходительное" и "смягчительное"), тексты информанта демонстрируют множество других, менее регулярных их комбинаций: *А ста'ра была хоро-оша морковёнка! Она то'ненька така', до'лгенька да сла'дка* (снисх. + ласк. + одобр.); *На столах направили: от таки' тарелочки, колбаска так то'ненька… Ну от таки' ма'леньки… Колбаски там – ну по рядочку – ну кого там? Ну мало. И зелёный лучок от такими, так по' три штучки накла'дено – я думаю: о'споди…* (уменьшительное + усилительное) и др.

3. Специфика экспрессивных единиц лексикона личности заключается и в особенностях их функционирования в дискурсе.

а) Исследователи не раз отмечали повышенный экспрессивный тон диалектной речи. Эти оценки интуитивны, так как полного сравнительного анализа экспрессивных средств в разных формах национального языка пока нет. Имеются лишь некоторые наблюдения о месте экспрессивов в разговорной речи. Так, О.Б.

Сиротинина утверждает, что эмоциональная лексика в разговорной литературной речи не очень употребительна; эмоциональность создается главным образом синтаксическими средствами и интонационно. Эмоционально-оценочные суффиксы используются сравнительно редко: по её данным, на 30000 полнозначных слов встретилось только 92 словоупотребления с экспрессивными суффиксами, причем в 39 их них оценочность утрачена [Сиротинина 1974, с. 56–60]. 53 слова, таким образом, составляют всего 0,1% словоупотреблений. Автором отмечается также индивидуальное варьирование насыщенности текста экспрессивными элементами [Там же, с. 60]. Совпадают с наблюдениями О.Б. Сиротининой и выводы А.И. Девятайкина, исследовавшего разговорную речь писателей и ученых: число слов с эмоционально-оценочными суффиксами охарактеризовано как незначительное [Девятайкин 1992, с. 43].

По подсчетам Е.А. Крапивец, в связном монологе В.П. на бытовую тему из 13000 словоупотреблений знаменательных слов 536 экспрессивных, что составляет 4,1%. Ровно половина из них – единицы с морфологическим способом выражения экспрессивности [Крапивец 2000в]. Даже если учесть, что в работе О.Б. Сиротининой не приняты во внимание экспрессивы с другими способами выражения коннотативной семантики, – и в этом случае насыщенность диалектного текста экспрессивно-эмоциональной лексикой явно на порядок выше, чем в разговорной литературной речи.

Концентрация экспрессивов в тексте неравномерна. На ее «волнообразный» характер, обусловленный чередованием неэкспрессивных высказываний с экспрессивными, обращает внимание Н.А. Лукьянова Как правило, сильная эмоция порождает «пучок» экспрессивно-эмоциональных единиц текста, её угасание отражает нейтральный фрагмент речи и т.д. [Лукьянова 1986, с. 185].

Причины высокой экспрессивности диалектного текста связаны прежде всего с отличными от литературного языка коммуникативными ситуациями, иным характером общения говорящих в диалектной среде. В большинстве случаев это неофициальное общение хорошо знакомых друг с другом людей – отсюда его бо'льшая по сравнению с литературным языком непринуждённость, высокая степень субъективности, отражения личностного начала в речи. Дискурс информанта представляет собой повествование от первого лица, которое обладает ярко выраженной субъективной модальностью [Лукьянова 1983, с. 31]. Одной из причин является и особый круг речевых жанров, многие из которых насыщены экспрессивными элементами. Так, в диалогическом общении у В.П. частотен жанр угощения, где широко используется диминутивы: *Катя! Дай вареньице там. ~ Кладите, ешьте! В тарелочки кладите, кушайте, так ли. На! Мале'нечко поешь хоть! Помидорчик, яичко съешь!* В монологе распространён жанр бытового рассказа, включающий описание позитивной или негативной эстетической оценки: *Тёмненький [младенец], ага. Воло'ски чё…[рные], от таки' воло'ски, косматенький. Хорошенький мальчик так. Хороший, это… чёрьненький, глазёнки чёрненьки; А он [мужчина] постылый какой-то, итврати'тельный, правда? брюхо-то большу'че, да голый… Пошто' уж так это… Наш-то [племянник] голый мог бы ходить, он аккуратненький. А это… не люблю тако', брюхо-то. Зубы хоро'ши. ~Ни один зуб не выпал, ничё, прямо размы'лы. Хороший он, красивый так был, брюхо бы не было большу'че; Только за огород выйдешь – и пошли грибы! Ой! А дожжык пройдёт, бе'лы грыбы' только блестят!* Отмечена лексика с неодобрительной коннотацией в речевом жанре ссоры, но для информанта он нехарактерен и встречается редко.

б) Показательно для характеристики ЯЛ сравнение частоты употребления лексики с различной экспрессивно-эмоциональной окрашенностью.

В соответствии с общерусской закономерностью интенсивность признака (*сгро'хать* "построить что-л. очень большое", *селёдища* "увелич. к селёдка", *синёхонький* "очень синий", *снежный* "обильный снегом", *соленю'щий* "очень солёный", *сорваться* "внезапно, с силой возникнуть, о ветре") выражается в лексиконе ЯЛ гораздо чаще, чем его экстенсивность (*светловато* "слегка освещено", *сголуба'* "с голубым оттенком"). Иначе обстоит дело с соотношением классов оценочной лексики.

Практически все исследователи экспрессивов отмечают асимметрию оценочных характеристик, проявляющуюся в преобладании негативной оценки над позитивной [Черемисина, Рыжкина 1977, с. 13; Лаврентьева 1980, с. 13 и др.]. Однако эта общеязыковая закономерность, распространяющаяся на лексическую систему русского литературного языка и диалектов, преломляется в лексиконе В.П. в диаметрально противоположную.

Ласкательная оценка наиболее частотна в текстах В.П. Диминутивные образования редко отражают объективно малый размер предмета: *Там вся'ки игрушки у его [мальчика] эти: машинки от таки' малю'сеньки; А там кого, семь теле'жечков привёз маленьких.* Семантика реальной уменьшительности в чистом виде почти не встречается, либо сочетаясь с коннотативными семами ласкательности, либо полностью вытесняясь ими: *А у его [о взрослом племяннике] ножка-то ма'ленька была, сороковой [размер] сапоги-то, а… ма'ленька ножка была! Пальчики аккура'тненьки, коро'теньки – вот таки' у его пальцы были, как мои, от это… у рук-то* (ум.-ласк.); *Ой! Ба-атюшки мои! два метра [рост у школьника]. Поди, ножка больша' тоже, и всё* (только ласк.).

Обилие лексем с коннотацией ласкательности можно объяснить прежде всего описанными выше условиями коммуникации в диалекте. Ласкательные формы употребляются по отношению к жизненно важным объектам, основные из которых – явления природного мира *(А днём-то ничё, солнышко было; Идёт снежок? Нет?; С ветерком, снежок-то!)*, растения и животные

(Прикидала так [лук], ботви'шечкой; В декабре, наверно, родился, от год доходит, бычок. Да от этой тёлочка, от этой коровы-то), пища *(Постряпаю пельмешков мале'нько; Марусе я заказывала конфеточков, она привозила мне; Ну то ола'динки испеку, то молоко попью, то чай попью; А мо'же, поставлю, супик свеженький сварю?),* предметы домашнего обихода *(А это моя тарелочка или Гутина?; А счас пришёл, по… два ножичка, два взял, ли один ли он? Два взял, да решёточку взял [от мясорубки]; Но'венька даже есь там тёрочка лежит; А у меня там ешо были битончики – бегу'чи есь, и таки').*

Внешне однотипные образования при этом выполняют в тексте разные функции.

Зачастую диминутив отражает не столько ласкательность, направленную на объекты материального мира, сколько доброжелательное отношение говорящего к собеседнику, как бы отсвечивающее в ласковом названии самих предметов[1]: *А ты бы селёдочку увезла одну домой? ~ В сэлофа'нчик положишь, да… дома поешь; [девушке:] Хоро'ши воло'ски. У меня тоже были хоро'ши.* Частной разновидностью его можно считать случай, когда сочувственное отношение к объекту высказывания распространяется на все высказывание в целом, порождая употребление ласкательных форм: *В Курле'к её увезли к дочери. Она пять денёчков там полежала, не пила не ела и умерла; Свои едят [дети], а ей [падчерице] не даёт. А Пана ~ пришла ко мне: "Вера, чё де'лат-то, гыт! Валя хотела, гыт, котлеточку взять – ну Физа ни за что не дала!"*

Кроме того, диминутивы употребляются В.П. при передаче общей положительной оценки *(Они же с ей жили-то хорошо, вчетверо'чком)*, при выражении значения приблизительности *(Я*

[1] Ср.: «Диминутив выступает в этом случае транслятором положительного эмоционального отношения либо к слушающему, либо к третьему лицу» [Резанова 1996, с. 179]. Целью при этом является «…создание положительного эмоционального фона коммуникации» [Там же, с. 180].

говорю: "Вася, ты кода' поедешь?" А он гыт: "Через часик поеду"), усилительности *(Он и воду таска'т, и там колонку эту долбит всё времечко)*, а также как форма вежливости в жанрах просьбы и угощения *(Я говорю: "Таня, купи мне коври'шечко!"; [Вам чаю?] Мне кружечку… полкружечки; С пряничком попей, чай).*

«Текучесть», субъективность коннотативной семантики проявляется не только в возможности комбинирования разнородных сем в одном экспрессивном слове, но и в смене коннотации при оценке одного и того же объекта или однородных объектов в рамках одного фрагмента текста. Регистр оценки может меняться в зависимости от принадлежности объекта называния: *Полуша'лишка бы надела. Тёпленьки сапоги у тебя?* (полушалок – собственность говорящего, отсюда его снисходительная оценка, сапоги принадлежат собеседнику, доброжелательное отношение к которому вызывает семантику ласкательности); от ситуации общения: *Ножины-то каки' у ей [девочки] толсту'чи; А это, у Нины девчонка – от таки' ножины прямо то'лсты, а ростом ма'ленька.* Ср. в присутствии матери ребёнка: *Кака' у тебя девочка хоро'ша. Ножки то'лстеньки, хоро'ши* (заочная оценка с увеличительной коннотацией кажется информанту грубой, при личном контакте корректируется ласкательной формой). Наконец, суть коннотации может оставаться неизменной, но меняется способ её выражения: *Потом она [кошка] тут после'дне время одного родила, на печке. Чёрный. От такой котишше прям. От я: "Коля, возьми его, выкини!" – "Да он пусь подрастёт. Я его после на фи'рму унесу". Гена приехал: "Гена, возьми выкини!" – "А он пусь подрастёт, я его там возьму там к себе на работу там, в эту, в столярку" – опе'ть не берут! Андрюша приехал. Я говорю: "О'споди, прям кы'ска окотилась" – глядя-ат уже, он большой уж стал, большой! А я говорю: "От куды' бы его девать, котёночка мне этого, прямо неохота мне…"* (негативное

отношение выражается сначала через увеличительную форму, затем – через форму, внешне совпадающую с ласкательной, но сопровождаемую неодобрительной интонацией).

В составе экспрессивно-эмоциональной части лексики идиолексикона встречаются сниженные языковые единицы. Понятие сниженных единиц языка не имеет на сегодняшний день чёткой формулировки и критериев выделения. В самом распространённом варианте их трактовка подразумевает «употребление как собственно разговорных, так и более грубых обозначений, а также находящихся за пределами литературного языка диалектных, просторечных, жаргонных и обсценных слов и устойчивых оборотов, образующих стилистически сниженные пласты лексики» [Матяшевская 2014, с. 3]. В речи носителей диалектов критерии сниженности языковых единиц и их состав значительно отличаются от названных. В отличие от литературного языка, здесь нельзя говорить об отнесённости всех «нестандартных» элементов к сниженным: жаргонизмы для традиционных говоров нетипичны, а многие диалектные и диалектно-просторечные лексико-фразеологические единицы (ЛФЕ) в них нейтральны. Здесь «точкой отсчёта» при выявлении сниженного является не литературная норма, а нормы диалекта. Они не закреплены в письменных текстах и словарях, но базируются на общем принципе следования правилам речевого этикета, тесно связанным с этическими нормами сельского социума, поддерживаются через устную традицию и отражаются диалектоносителями в проявлениях метаязыковой рефлексии.

Пласт разнородных сниженных языковых средств в диалекте, на наш взгляд, объединяют такие признаки, как «выражение говорящим неодобрения кого- или чего-либо», «грубость используемого слова» и «нарушение этикетной нормы».

В сферу сниженных ЛФЕ диалектоносителя с учётом названных показателей входят обсценизмы, бранные слова и фразеологизмы необсценного характера, скатологизмы, злопожелания, а

также отдельные лексемы, не составляющие целостного объединения.

В речи информанта отмечены единичные случаи вербализации шести обсценных слов и выражений (**обсценизмов**), причём 5 из них (84%) являются цитатным употреблением высказываний других лиц. Фактически в идиолексикон диалектоносительницы входит только одна лексема.

Обсценизмы отличаются максимальной степенью сниженности. В речевом кодексе крестьянки использование обсценных единиц ограничивается множеством факторов, в числе которых – семейные связи, возрастные характеристики коммуникантов, общение в официальных условиях и в присутствии «чужих». В то же время в некоторых случаях эпизодическое употребление обсценизмов воспринимается носителем традиционной речевой культуры как допустимое. Оно отмечено в рамках дружеского бытового общения с близкими собеседницами[1].

В условиях меньшей близости коммуникантов при цитатной передаче чужих слов и паремий со сниженными элементами информантом используются приемы вуалирования табуированных единиц: понижение тона голоса, эллипсис и эвфемистические замены клишированных посылов, содержащих мат.

Бранная необсценная лексика и фразеология понимается как «слова и выражения, содержащие резкую обобщенную неодобрительную оценку объекта номинации» [Основные понятия… 2013, с. 5]. Они занимают в идиолексиконе диалектной ЯЛ значительно большее место, чем обсценизмы.

В «Полном словаре…» [ПСДЯЛ] с пометой «бранное» даны около 60 ЛФЕ в отдельно взятых значениях. Такие единицы являются неодобрительными или осудительными наименованиями человека, нарушающего представления об этических нормах (*ал-*

[1] Возможность такой коммуникации в гендерно однородном женском коллективе диалектоносителей отмечается и Г.М. Ярмаркиной [Ярмаркина 2019, с. 84].

ка'ш "человек, злоупотребляющий спиртным", *двухвостка* "изворотливая, ленивая женщина", *проходимец* "недобросовестный, не заслуживающий доверия человек"…), а также не конкретизированными обозначениями негативного отношения к кому-либо (*про'пасть, паразит, стрекули'ст, позо'рник, издева'тель* и др.). Около 40% необсценных сниженных элементов идиолексикона ЯЛ составляют языковые средства чужой речи.

ЛФЕ этой группы отличаются значительной степенью сниженности. Ограничения касаются вербализации инвектив в присутствии объекта оценки. Обращает на себя внимание редкое, в отличие от обсценизмов, проявление метаязыковой рефлексии в отношении этой категории ЛФЕ.

Бранные единицы в чей-либо адрес преимущественно используются ЯЛ заочно при комментировании аморальных поступков или нарушения норм поведения, выполняя оценочную функцию: *Смотался тут к одной [муж]. Шу'стра была [односельчанка].* ***Варна'к,*** *да и только; Уме'т всё делать, ну ленивый,* ***холера.*** *Взял бы да замазал [печку].* Изредка бранная лексика может использоваться и с позитивной оценкой как средство выражения восхищения *(Ну, хыть на комо'ду ставь [пойманного зверька]! То блестя'шша, то чёрна-пречёрна! И. гла'вно, тут бе'ла, а тут как вроде бантик. И лапки бе'леньки. Ну така' красива,* ***холера****)*, а также удивления и одобрения *([О маленьком ребёнке:] "Почему, гыт, не до'ржишь коровку?" – вот* ***сволочь*** *какой, а! – "А дядя Коля же держит")*. Инвективная насыщенность текста служит средством разрядки психологического напряжения. Чаще всего в этом случае используется лексема *чёрт* или словосочетания с ней в состоянии сильного раздражения, негативной оценки чьего-либо поступка. Иллюстрацией к этому

утверждению может служить, например, монолог В.П., расстроенной тем, что родственник окучил

картофель нескольким семьям знакомых и сделал это, как она предполагает, некачественно: *Надо же. Выпил, наверно, пошёл. Пьяный же он. ~ Поди, выворотил картошки, да всё. Чужи' –*

зачем брался, кто просил? ***кой чёрт?*** *А три-то ряда Валька-то и так бы окучили, без него бы.* ***Чёрт везде суётся.*** *~ Ну надо же, я прямо расстроилась. Ну* ***чёрт ли чё ли его пихнул*** *туды'? ехать. Завалил траву всю. Да мне не гля'нется: ну зачем* ***чёрт поташшыл*** *на крошко'вы [принадлежащие Крошко] картошки?* ***за каким чёртом?*** *Сидит, всё делать надо, чтобы всё итломи'лось, чтобы по'дали [выпить]!*

Эпизоды, в которых бранная лексика употребляется ЯЛ при непосредственном контакте с адресатом, немногочисленны. Отмечены в основном случаи, где инвективы вербализуются информантом для оценки в речевом жанре упрёка, вызванного нарушением поведенческих норм – взаимопомощи, имущественных прав, дружественного речевого общения и т.п.: *А я да'йче выговорила [семье племянника, которая не помогла В.П. в ремонте бани]. Я говорю: "Сколько вы мылись у меня, год, больше ведь мылись в бане-то?" Я говорю: "Ну,* ***бесчёстник****" [о племяннике] – вроде его ругаю; Она: "Ну семь ли девять ли, восемь ли [тюльпанов] я сорвала [в огороде В.П.], не знаю, сколько. Я тебе, бабулька, деньги отдам". Я: "На чёрта мне твои деньги". Я говорю: "****Бессо'вестны****-то каки' ", говорю; Ну наш [о родственнике] рабо'тат, ну ка'жный день тоже выпьет всё помале'ньку, кружечку да выпьет – ну надо же такому! Я говорю: «Ты чё? Ты* ***дурачок*** *ли чё ли? Ты не пей!»; Я говорю ей [сварливой соседке]: «Ты* ***колючка!****» В глаза говорю. «Прям колючка, ка'жного человека ука'лывашь».* В последнем примере акцентировано нарушение нормы речевого этикета – употребление слова с пейоративной оценкой «в глаза».

Информант может использовать разные приёмы смягчения отрицательной оценки собеседников. В качестве таких приёмов отмечены намёк (ругая болевшего племянника *бесчёстником*[1], она фактически адресует упрёк в отсутствии помощи его жене и

[1] В говоре имеет значение "бессовестный, непорядочный человек".

взрослым детям), генерализация (озвучивается форма множественного числа *бессо'вестны* при обращении к единственной виновнице кражи) и выбор инвективы с уменьшительно-ласкательным суффиксом в сочетании с риторическим вопросом, снижающим категоричность утверждения *(Ты дурачок ли чё ли?).*

Гораздо свободнее, чем по отношению к людям, диалектная ЯЛ использует бранные единицы для характеристики представителей животного мира – от собак и кошек до мышей и насекомых: *[Пёс укусил:] От* ***каторжный*** *какой! Собака собака и есь;* ***Сволочь****, всё перевернёт [кот].* ***Постылый****; Скребутся,* ***сволочи*** *[мыши]; Ну что [бы] молоко ись?* ***Пакость.*** *На,* ***паду'ча!*** *[даёт коту мясо].* Такая особенность речевого поведения связана с представлением крестьянки о животных как существах низшего порядка в сравнении с человеком.

Под **скатологизмами** в лингвистике понимаются «слова, связанные с обозначениями телесного низа и физиологическими отправлениями человека» [Матвеева 2010, с. 81]. С семантикой «низкой физиологии» в идиолексиконе В.П. выявлено 36 таких единиц. В дискурсивной практике информанта отмечено много случаев употребления скатологизмов без каких бы то ни было показателей сниженности. Говорящий может свободно использовать их для прямого обозначения части тела ниже спины, функций и продуктов выделения мочеполовой и пищеварительной системы: *Сс*т, тряпку нама'чиват [мочой для лечения]; У меня задница уж замёрзла там сидеть, сыра' досточка-то была;* Обращают на себя внимание замены скатологических лексем на менее сниженные синонимы, что последовательно проявляется в разговорах о маленьких детях и с детьми: *Хорошо говорит [ребёнок]. А не просится. Ни писить, ни какать не просится; А потом писить захотел [двухлетний ребёнок] ~. Я говорю: "В ведро попи'сишь*?".

Как можно видеть, скатологизмы выполняют номинативную функцию. В присутствии малознакомых городских собеседников

наблюдается замена скатологических компонентов на менее сниженные или их эллипсис.

В составе сниженных языковых средств лексикона диалектоносительницы выделяется также отдельная группа **злопожеланий** – относительно устойчивых выражений желательности осуществления чего-л. негативного для объекта вследствие его действий, в том числе речевых (Н.И. Толстой квалифицировал их как «народную полуфразеологию» [Толстой 1995, с. 24–25]). В дискурсе информанта зафиксировано 36 таких оборотов; 22% из них относятся к категории чужой речи.

Ограничения вербализации этих сниженных единиц проявляются прежде всего для злопожеланий с компонентами обсценизмов. Информант старается избегать их. При воспроизведении чужой речи табуированные элементы последовательно эвфемизируются: *Валя говорит [матери]: "Ты на кого дом подпишешь?" Она гыт: "На Колю". – "Раз на Колю подпи'сывашь, я тебя – туды'-то… подальше. ~ Я ничё не буду делать, ничё, пусь разва'ливатся всё!"*

Большинство негативных пожеланий вербализуются как заочный комментарий: *Бе'дна Людьмила Гево'ргевна, шапочку-то потеряла [об украденном]. ~ Чтобы ему руки отпали, тому человеку бы; Картошки из погреба [в войну] выгребли все до капельки… Ой, сволочи-то каки' были, это стройбат был, чтобы им ни дна бы ни покрышки!*

Значительно реже зафиксировано употребление негативных пожеланий при коммуникативном контакте «в глаза». Как правило, оно наблюдается в ситуациях конфликта, ссоры. В таких диалогах сниженные средства служат для открытого выплеска эмоций, разрядки психологического напряжения: *Он [муж] смотался [к другой женщине]. ~ Он придёт но'ччу там-ка, налюбуется да придёт, а я: "Уходи к чёрту совсем туды', иди!"*

Устойчивые «полуфразеологические» единицы восходят к древним представлениям о магической силе слова и реализации

того или иного возмездия, которого заслуживает, по мнению говорящего, объект недоброго пожелания. Наиболее частотны злопожелания с мифологическими образами нечистой силы (*подь он к чёрту, к чёртовой матери*), сексуальные мотивы с обсценными элементами и их эвфемистическими заменами, мотивы насылания болезни (*я'зви тебя*; *холера с ём*), реже встречаются мотивы телесного низа (*уйди в жопу носом*), единичны инвективы с причинением ущерба хозяйству (*чтоб у вас ничё не родилось* – только при передаче чужой речи), увечья (*чтобы ему руки отпали*) или смерти (*чтоб ты пропал*). Отдельные выражения (*ни дна ему ни покрышки, якорь тебя*) для диалектной ЯЛ десемантизированы.

Наряду с перечисленными, в идиолексиконе ЯЛ имеется также небольшая группа из пяти слов, которые являются сниженными на фоне нейтральных или более смягчённых эквивалентов в синонимических рядах. К их числу относятся *су'чить* "изменять супругу" – ср. *бегать; сню'хаться* "вступить в любовную связь" – *смотаться, связаться; полюбовник – друг; сдохнуть* "умереть (о человеке)" – *помереть, умереть, пропа'сть, сковырну'ться, спечься; нажраться* "напиться допьяна" – *напиться.* Степень сниженности таких единиц незначительная. Регулярных ограничений их употребления в присутствии диалектологов не отмечено; спорадически наблюдались показатели в виде замены лексем (*У ей был муж. Не муж, а… ну полюбо'вник, верне'… друг. Она ребёнка прижила от него)* и прямой оценки грубости слова (*А бабёнка беспу'тна тоже, она и счас бе'гат су'чит, бе'гат без ума. Вы уж это не пишите, слово-то худо').* В большинстве парадигматических противопоставлений сниженные компоненты выполняют оценочную функцию, обозначая нарушение поведенческих норм, и чаще всего соотносятся с областью животного начала.

Итак, в идиолекте ЯЛ выделяется пласт сниженных языковых средств, в состав которых входит несколько групп. Количественно эта часть лексикона составляет незначительную долю в

словарном запасе индивида – менее 1% от его общего объёма. К ядерной зоне таких элементов – и по числу единиц, и по их функциональной нагруженности – относятся бранные необсценные, к периферийной – отдельные компоненты синонимических рядов; обсценизмы, скатологизмы и злопожелания занимают промежуточное положение между ними. Границы групп не вполне чёткие, наблюдаются частичные наложения.

Дискурс диалектоносительницы отражает высокий уровень контроля при вербализации сниженных элементов, множественные приемы смягчения их ненормативности при личных контактах, а также «неприсвоенность» информантом многих языковых средств, связанных исключительно с категорией чужой речи.

Область сниженного находится за пределами нормативного словоупотребления в говоре. В то же время функциональные особенности сниженной лексики и фразеологии свидетельствуют о связях базовых принципов её использования с принципами речевого этикета. На эти связи указывают учёт говорящим ситуации общения, выбор языковой единицы из ряда вариантов в зависимости от интенции; контролирование речевого потока, предпочтение субъектом менее сниженных единиц более сниженным.

Итак, специфика экспрессивной части лексикона информанта состоит:

– в более широком круге экспрессивных лексических единиц (по сравнению с лексиконом носителей литературного языка), включающем, кроме общерусских, диалектно-просторечные и собственно диалектные экспрессивы (в том числе созданные только с помощью общерусских словообразовательных средств);

– особенностях палитры экспрессивно-эмоциональных оценок. Шкала оценок одновременно богаче и беднее литературной. В ней отсутствуют крайние звенья литературной гаммы (восхищение, отвращение), а также оценки презрения и уничижения – то и другое можно считать индивидуальной особенностью ЯЛ. Коннотации снисходительности и смягчительности вуалируют

негативные характеристики человека, исключая резкую критику даже в его отсутствие;

– более высокой насыщенности текста экспрессивными образованиями (в сравнении с разговорной литературной речью), что связано с отличающимся от литературного языка характером общения диалектоносителей, распространённостью речевых жанров, для которых свойственны экспрессивы, иными коммуникативными установками говорящих в диалектной среде;

– частотности употребления лексики с различными видами коннотации. Негативная эмоциональная оценка выражается в тексте гораздо реже, чем позитивная, а интенсивность признака – значительно чаще, чем экстенсивность. Наиболее распространённой у информанта является ласкательная оценка. Диминутивы в речи В.П. имеют целый ряд функций – от обозначения объективно малого размера предмета до этикетной.

Состав экспрессивно-эмоциональной части лексикона информанта и характер её функционирования позволяют выделить как типические черты диалектной ЯЛ, так и индивидуальные черты крестьянки – открытой, искренней, доброжелательной, следующей этическим нормам традиционной речевой культуры.

2.3. Системные отношения единиц идиолексикона

Рассмотрим наиболее широко представленные системные отношения в лексиконе диалектной ЯЛ. К их числу относятся мотивационные отношения, синонимия, антонимия, формальные варианты и полисемия.

2.3.1. Мотивационные отношения слов

Явление мотивации, занимающее важное место при характеристике словарного состава языка, получило свое осмысление в

работах О.И. Блиновой и её учеников. Основателем томской мотивологической школы были определены основные теоретические понятия лексикологической теории мотивации [Блинова 1974; 1984]; в исследованиях О.И. Блиновой, Т.А. Демешкиной, В.Г. Наумова, Н.Г. Нестеровой, Г.В. Калиткиной, А.Д. Адиловой, И.В. Тубаловой, Е.В. Михалевой, И.Е. Козловой, К.В. Гарганеевой, Л.В. Дубиной, Е.В. Найдён и др. разрабатываются методологический, онтологический, функциональный, динамический, сопоставительный и лексикографический аспекты данного феномена; на материале среднеобских говоров издан двухтомный «Мотивационный диалектный словарь» [Мотивационный диалектный… 1982–1983]. До сих пор источником исследования мотивационных отношений являлись говоры, литературный русский язык (в том числе – в сопоставлении с другими литературными языками) и язык художественных произведений. Речь одного носителя языка с точки зрения ее мотивированности анализу не подвергалась.

Мотивированные слова занимают значительное место в словарном запасе информанта: по нашим подсчетам, в «Полном словаре диалектной языковой личности» (отрезки Г и М) их 75,9%[1]. Итак, 2/3 лексикона В.П. составляют мотивированные единицы.

Словарный запас диалектоносителя демонстрирует наличие всех типов мотивированных слов, выявленных в теории мотивации.

Довольно широко представлены единицы с абсолютной мотивированностью, которая создается при соотнесении слова с внеязыковыми явлениями. Причем наряду со звукоподражаниями, носящими узуальный характер, – общерусскими и диалектными (*бах, бряк, буль-буль, гав-гав, гром, зык-зык* "имитация стука", *ку-ку, пи-пи* "имитация писка цыплёнка", *р-р-р* "имитация рычания

[1] По подсчетам О.И.Блиновой, в нескольких отрезках 4-томного МАС (Бровь–Бязь, К–Кино, Ла–Ля) мотивированные слова составляют 69,2%, в диалекте – 73,1% [Блинова 1984, с. 50].

собаки", *свистать*, *скок, скрып* "скрип", *топ-топ, хлюп* "имитация всплеска воды", *ча'блить* "чавкать", *швырк / шварк* "имитация звука при бросании предмета", *шебарча'ть / шебарче'ть* "шуршать", *шум* и др.), информант постоянно создает окказиональные звуковые комплексы для передачи шумовых эффектов, звуков, издаваемых живыми и неживыми объектами: *Только ит Лекса'ндре Степановне выезжа'м, из переулка-то, а это... А Илья ф-фык! На тракторе проехал; [Передразнивает скрипящую дверь:] Уа'-а-уу! Голосом ревёт; Гутя гыт: "Я скоблила, скоблила [холодильник], да ф-ф-с! – полетели брызги".* Обилие звукоподражаний порождает даже развитие дублетных синонимических рядов*: Машина та'мо-ка – вишь, у меня "Малютка" де стоит [под кроватью]. ~ А она легла, ну чё же – от така' толшыной! то'лста. Она её там-ка, на её ля'гет… она станет наворачиваться, она: вж³ж! вж³ж!; Вчара' легла, а там [под кроватью] у меня "Малютка" стоит. Она же чажёла. ~ Придавила, она там "зю-зю, зю-зю"; А она та'мо-ка, как по… поворо'чатся, она же здоро'ва! А там – "скыр-скыр!" эта машина-то [стиральная машина задевает за сетку кровати].*

Относительная мотивированность, создаваемая при соотнесении лексических единиц, является преобладающей у мотивированных слов лексикона. При относительной мотивированности возможны семантические (*медведи'ца* "злая, сварливая женщина", *кряж* "сильный, здоровый человек", *малина* "плоды кустарника малины") и морфологические (*аккурати'ст* "аккуратный человек", *загореться* "начать гореть", *пырьево'й* "содержащий пырей") средства выражения мотивированности.

Широкая представленность относительной мотивированности связана с наличием в лексиконе личности развитой полисемии, а также обширных гнезд однокорневых слов и слов, образованных по продуктивным словообразовательным моделям.

Мотивационные отношения слов в речи В.П. являются самыми частотными среди всех видов системных отношений лексических единиц. На одной странице текста в среднем встречается 3–4 случая их актуализации.

Наиболее частотна в речи неполная актуализация, причем чаще лексическая *(А они тут песни пели вся'ки-ра'зны, в гармонь играли. А гармонис-то рядом живёт, хорошо играет),* реже структурная *(Они у меня их съели все [о печенье], полу'чче-то кото'ры были на одне'м белыше'… желтыше').*

Полная актуализация предполагает одновременное употребление в тексте и лексических, и структурных мотиваторов к мотивируемой единице: *Стряпают много, настряпают, наготовят [на похоронах]. Ла'дют, ва'рют, гото'вют там; Совсем берёзовы [дрова] не родня этим, осиновым да сосновым. Прямо накладу'-накладу' осиновых, они горят, а толку… А берёза – у, жа'рка!*

Мотивационные отношения слов можно наблюдать в текстах разного типа. Естественная речь информанта насыщена случаями актуализации мотивационных отношений, не осознаваемыми В.П. Метатексты могут возникать в спонтанной речи говорящего, а могут быть спровоцированы вопросами собирателей материала. В дискурсе В.П. преобладают метатексты второго типа.

Механизм осознания мотивированности лексемы в спонтанной речи (когда информант по собственной инициативе рассуждает о причине наименования) наблюдается достаточно редко. Случаев непринуждённой мотивации нарицательной лексики зафиксировано всего несколько: *«Зарьни'чка» называли [звезду], «зарьница». А чё она зарьница – на заре бува'т она, ли как, чё – я не знаю, в чём дело; Разбо'ристый [пирог, состоящий из отдельных частей]. Разбира'тся как вроде бы; Широкопёр [трава] – его даже и скотина ес, пораньше выкосить – его хорошо едят. Ну, таки', широ'ки листья, его «широкопёр» зовут.*

Подавляющее большинство примеров с естественной актуализацией мотивационных отношений составляют антропонимы (реже топонимы). Наиболее частотны случаи их мотивировки, если информант знаком с историей (ситуацией) номинации: *У тяти-то моёго смыло же тода'. Прям повесился дом. Обвалился берег. Его даже звали «Прокофий береговой»; Ф.Г. Света Москва помидоры посеяла. Она Матвеева фамилия, а они Москвичи. В.П. Она – чё Москвичи? верши'нинска была. Уезжала мать её в Москву и де-то работала, в банке, где деньги делают там де-то. Ну и приехала она оттэ'дова, долго там была. Потом приехала, и так Москвичкой прозвали. Мать звали Москвичкой, и Светка Москвичка. Так и зовут.*

Реже мотивация отталкивается от знания свойств денотата: *Клю'квенно болото – дак там родится клюква. А от это не знаю, пошто'.* Еще реже мотивация является гипотетической: *Построил [дом] на'нял, Сергей Лысый. А он никого, какой-то, видно, лысый был, его так «Сергей Лысый» [звали]...*

В условиях лингвистического эксперимента наиболее охотно диалектоносителем давались ответы на вопрос о мотивированности имен собственных: *У Коли Толю звали «Мясо». [За что?] Толстый был. Принесли в садик, они: «Вот мясо дак мясо», так и прозвали «Мясо». Толька Мясо; [А Бесом почему назвали?] Ну, прозвишше. Ну, бесился шибко он, к этому и прозвали.* В случаях же с именами нарицательными мотивировка, как правило, осуществлялась без желания, так как информанту была явно непонятна её коммуникативная необходимость.

Актуализация мотивационных отношений предполагает только контактное употребление мотиватов в рамках одного (*Я прям заплакала, плачу – не могу совершенно потти)* или двух высказываний – чаще всего в составе смежных предложений (*Ага, на берегу жил. Прям на бережке),* иногда перемежающихся с предложениями без актуализации мотивационных отношений

(*Иди в баню, мойся, да поезжайте. Закроете дом? Али Ленка дома? Она дома, вымылась али нет?).*

В отличие от лексической, отношения структурной мотивации чаще актуализуются в рамках одного предложения, в основном с бессоюзной сочинительной связью: *Руками копают [погреб], выкопали уж, вы'клали; Всё забуре'ло, всё закоптело; С клубочка на клубочек, с клубочка на носочек… Четыре пары вязала [носков].*

Хотя группа слов, находящихся в отношениях мотивации, в идиолексиконе может быть достаточно обширной, в пределах одного контекста одновременно актуализуются обычно две, реже – три-четыре мотивационно связанные единицы: *Да я шью, вчара' сидела шила, третёвни, а кроить – худо я скрою; Он стал рубить но'нче баню-то – ну, не со желанием, срубил та'мо-ка, ешо ряд ли два ли надо нарубить ешо; О'споди, чай! Чё, худо чай пить? Аксинья, айда', чашку чаю-то выпей! [А вам?] Нет, я напилась. А вы-то попейте.*

Среди разнообразных функций мотивационно связанных слов, выделяемых в работах О.И. Блиновой [Блинова 1984], В.Г.Наумова [Наумов 1985], Г.В.Калиткиной [Калиткина 1990], Е.В.Найден [Найдён 2001] и др., наиболее частотной в условиях естественного говорения является **текстообразующая функция** употребления мотиватов, при которой они фиксируют определённые логические этапы развития повествования:

– тезис – доказательство тезиса: *Ишь како' внимание! Если бы были внимательны они, дак не написали. Ле'ва за пра'ву ногу написали [в бюллетене]; А Коля-то же не вор, не фулюга'н никакой, ну упива'т он, ну упива'т – не ворует же;*

– логическое противопоставление: *Вот уж «недосол на столе, пересол на спине»; А кто ё знат, может, неправда. Ну, мне чё-то кажется, как правда;*

– обозначение стадий развития действия (начало – продолжение – конец): *Я стану ташшыть из капкана-то, а он [колонок] уска'кыват, кусать меня. Я пошла, говорю: "Айда', – говорю, –*

там мне кто-то попал в капкан", – он пришёл да его выташшыл да уташшыл; И всё расцвело, и горох расцвёл – пропал, и бобы эти свели'-свели' – пропали, и всё пропало у ей там-ка, не знаю;

– обозначение действия и его результата: *Его брали в дети, тётка ро'стила его. Тётка и дядя. У них свои дети были, и вот они его вырастили тоже; А Нюра, она коро'тку стрижку носит, стригёт; А там она де-то работала – хорошо зарабатывала;*

– видовое перечисление: *Кра'сны, это из аржано'й муки, так кисель, ягода калина, смородина там; Шерсь наши'ньгаю да пряду, напряду да;*

– пояснение: *Ну и вот, приезжа'т [жених], обзада'чутся они с парьнем… Обзада'чутся, задатки дадут.*

Так благодаря мотивационным отношениям текст становится «плотным», тесно связанным семантическими нитями мотиватов и близкими по форме звуковыми облочками.

Разновидностью текстообразующей функции, вероятно, можно считать также функцию **разнообразия языкового выражения**, проявляющуюся в повторах мотивационно связанных слов: *Принёс [грибы], дак вот я их пожарила, картошку с имя', а там так изжарила; Племянница родна'. Се'стрина дочка. Сестры моей.*

Мотиваты играют текстообразующую роль и при **оформлении эмоционального / нейтрального тона изложения**, организуя единый фон повествования, особый для каждого из речевых жанров. Так, воспоминания, связанные в памяти информанта с понятием прекрасного, вызывают в речи аттракцию (притяжение) эмоционально-экспрессивных мотиватов: *Вот глину кра'сну намесим, да с песочком, да вся'ки формочки там, ла'дочки, да чашечки, да тарелочки, да ванночки, да всё налепим, да ешо белой глиной вымажем, выкрасим [в детстве].*

Аналогичное явление наблюдается в речевых жанрах просьбы *(И сахарок заодномя' захвати, Катенька, ми'ленька, до'бренька)*

и угощения *(Садись, Аксинья! Яичко съешь, от колбаски мале'нько, капу'ски, а?).*

Информативные жанры предполагают либо преимущественное употребление нейтральных мотиватов, либо чередование нейтральных и экспрессивных единиц в мотивационных цепочках: *Стирали дома. На реке чё вы'стирашь?; А потом Вера Волошина приходит, а я давай бражо'нку делать, браги изде'лала, огурцы намариновала.*Типичным для высказываний информативных жанров является смена нейтрального мотивата, задающего тему, последующим экспрессивным, отражающая противопоставление по признаку "чужое / своё": *Ну, мясо там дают, а там ничё нету [о пайке для фронтовиков]. Ничё, гыт, нету. А там всё брали они: и мяско' брали, и яйца брали, и всё, чё было, чё брали; Гутя пришла на стол наладила, она села пелеме'ни ела, а я только что блины-то наелась – не захотела ись. А она-то это, поела. Я-то штуки две или три пелеме'шков съела, и чашку чаю выпила.*

Встречается использование мотиватов также в функции **уточнения семантики** *(Помог ему: выправили её [машину], выгнули*), а также в собственно экспрессивной функции (*Ну народ-то говорят: "Ну что было Татьяне позвонить к Николаю, либо к Георгию позвонить". Уж вывора'чиват всё, прямо развора'чиват всё [пьяный ломился в дом]).*Имеют место и переходные случаи экспрессивного уточнения, в которых сочетаются обе эти функции: *Город маленькый та'мо-ка, малюсенькый прямо*.

Эстетическая функция мотивации, создающая эффект образности речи, малотипична для В.П. Широко используемое в художественной литературе сознательное сближение мотивированных слов с целью выделения ключевых элементов повествования, звуковой организации текста (звукопись, аллитерации, ассонансы и т.п.), свойственное творческим языковым личностям [Блинова 1984, с. 147–161], для нашего информанта не характерно, хотя иногда встречается и в диалектной речи [Наумов

1985; Найден 2001]. Образный компонент метафоры может раскрываться в метатекстах В.П. через однокорневое сравнение: *Суслоны ставили, "шляпы" называли… Пять снопов поставишь суды', а потом… а шестой сноп разла'мывашь и накрыва'шь, как шляпа.*

В отдельных случаях мотивационная пара служит **для создания рифмы и/или ритма повествования**: *Жили в такой работе да в заботе, да в горе – кого?; Пришли, только… дымочки… пепело'чки [дом сгорел]; А пошла ему майку Мишину приташшыла, да носки наладила, да всего его нарядили – а он хоро-ошенький! Лицо-то кру'гленько да хоро'шенько, как счас гляжу. Набрился, намылся…* Эту подфункцию можно отнести одновременно к разновидностям текстообразующей, экспрессивной и эстетической функций.

Многие из выделенных функций в тексте накладываются друг на друга, поэтому их изолированное рассмотрение возможно лишь теоретически. Так, использование рифмы и ритмизации связано с общей организацией текста, с его экспрессивными и эстетическими характеристиками; такие функции, как экспрессивная, уточнительная и эстетическая, являются более частными по отношению к тексто- и жанрообразующим, совмещаясь с ними: их наличие / отсутствие является характеристикой конкретных речевых жанров и строения текста в целом.

Функционирование мотивационно связанных слов в метатекстах имеет свои особенности.

В метатекстовых высказываниях мотиватор используется, как правило, в **функции пояснения**:

Жига'ло – прожигали. Ну, как гвоздь длинный, такой железный. А тут ручка. В печке накаливают, так цевки прожига'т, эти деревяшки-то; Рябчик птички. [Почему так называется?] Потому что он ря'бый; И такие [телеги], долгу'шка зовут – до'лгие.

Метатексты демонстрируют противоположные тенденции осмысления мотивированности знака метаязыковым сознанием диалектоносителя. С одной стороны, они отражают принципиальную возможность осознания им внутренней формы слова. При этом степень осознания мотивированности у информанта может быть различной:

- Связь между мотивирующей и мотивированной единицами легко выявляется и чётко формулируется: *"Сеянка" назывался [лук], потому что посеян; Обсемьи'лись – семьёй завелись, потому так и называ'м;*

- Мотивационная связь, вероятно, осознается, но причинно-следственные конструкции и глаголы речи в метатекстах отсутствуют: *Ну два колеса – двухко'лка; Введеньё у нас было четвёртого [декабря]. Введеньё, это говорили так, богородицу завели в божий храм – Введеньё.*

- Мотивировочный признак называется предположительно. Мотивировка при ответе на вопрос лингвиста даётся В.П., как правило, очень осторожно, гипотетически; в таких текстах постоянны показатели неуверенности *наверно, ли чё ли, видно, не знаю, может* и т.п.: *Чашки деревя'нны были: в их суп наливали, и так. «Кита'йки» их звали. [Почему?] Ну, наверно, китайцы с их ели ли чё ли; Зовут в огороде траву, растёт карто'вница. [Это сорняк?] Сорняк, ага. [Почему так называется?] На картошках, видно, растёт, картовница, гыт; Синицу-то знам. Ну синичка, вот летают птички ма'леньки. [А почему «синица»?] Не знаю, пошто' их так зовут. Может… дак они не шибко синие; [Почему пирог называют «ку'рник»? Он не из курицы?] Нет. А кто ё знат. Раньше из курц, наверно, делали, так и назвали*. Подобные высказывания являются наиболее типичными для информанта.

4) Наряду со всесторонне рассмотренными в теории лексической мотивации случаями, в которых мотивационная связь единиц в высказывании обнаруживается через соотнесенность моти-

вированного и мотивирующего слова, у диалектоносителя встретились также отдельные примеры, где отражено представление ЯЛ о мотивированности слова, но актуализация мотивационных отношений отсутствует. При этом мотиватор либо соотносится с мотивемой только на семантическом уровне без формальной поддержки: *Его звали Костя Сопляк. А это… всё под носом мокро у его было* (лексический мотиватор «сопли» заменен эвфемистическим оборотом); *[А Лёня Ема'н?] Да Лёнька от. [Почему его так зовут?] Не знаю, пошто'. Я не знаю, чё. Кудрявый такой, кучерявый был, ли чё ли* (названо основание сравнения, но опущен его объект – «как ема'н»; *ема'н* в говоре – "козел"), либо мотивационная связь вообще только подразумевается, никак внешне не выражаясь: *"Ты похудела" – мне не нравится так говорить, а "постарела" скажут – так ничё* (*похудеть* ассоциируется с *худой* "плохой").

С другой стороны, можно говорить о затруднённом осознании мотивационных отношений слов у данной ЯЛ. Обращают на себя внимание случаи отказа от мотивировки слов с прозрачной внутренней формой: *Это "ро'занцы" вот их называли [о печенье в форме цветка]. "Хво'росты" зовут, ну и "ро'занцы" звали, раньше. [Почему?] Ну как? Ну булка, кирпич ли булочка. Ну как их назовёшь? Имя такое им* (характерно приравнивание мотивированного *ро'занцы* к немотивированному *булка*: названия обоих типов воспринимаются как данность – *имя такое им*). Не осознаётся мотивированность таких прозвищ односельчан, как *Чайник, Изюминка, Молдаван, Тоболяк* и др. Сравним комментарий по поводу прозвища *Карась* в диалоге В.П. и её более молодой односельчанки (разница в возрасте 23 года): *В.П. А от у Татьяне Васильевне брат – ну, он… мужик как мужик, не знаю… «Карась»! [зовут]. [Почему?] А кто… тоже не знаю. Таниного брата звали. [Может, он толстый?] П.М. А-а, да, он такой… плечи широ'ки у него… Ну и такой коротенький, шейка у его коро'тенька.* У информанта нет представления о закономерности такой номинации.

В способах реализации мотивационных отношений у информанта можно видеть отражение образа мышления, характерного для традиционной крестьянской культуры: для них типичны причинно-следственные связи, опирающиеся на личный опыт.

2.3.2. Формальное варьирование

Разработка теории формального варьирования слова – во многом заслуга томской лингвистической школы. В работах О.М. Соколова, О.И. Блиновой, З.М. Богословской, О.Ю. Галузы на диалектном материале определены границы тождества слова, выявлены основные разновидности формальных вариантов, причины их возникновения и характер функционирования в языке. З.М. Богословской составлен первый словарь вариантной лексики вершининского говора [Богословская 2000].

Согласно общей гипотезе социолингвистики, процесс развития вариантов находится под сильнейшим влиянием различных социальных факторов, наиболее значимыми среди которых являются возраст, образование и место жительства [Лютикова 1984, с. 8]. Уровень вариантности ниже у носителей литературно-нормированной разновидности языка и выше у диалектоносителей [Черепанова 1976, с. 77]. Соответственно, в диалекте менее вариативной должна быть речь представителей архаического типа говора (старшей возрастной группы, неграмотных или малограмотных), где употребительны в основном диалектные члены вариантных оппозиций, и передового слоя говора (сельской интеллигенции, людей молодого и среднего возраста, со специальным средним или высшим образованием, использующих преимущественно литературные единицы). Наибольшее количество вариантов, обусловленное взаимодействием литературной и диалектной языковых систем, должно быть у представителей «среднего» слоя говора, промежуточного между архаическим и передовым.

В.П. Тимофеев, автор первого «Диалектного словаря личности», сделал вывод о нетипичности вариантных отношений в лексиконе Е.М. Тимофеевой, 1897 г. рождения: «Мала в речи одного носителя говора… лексическая вариативность и вариативность фонетического и морфологического состава слова» [Тимофеев 1971б, с. 20]. Такое утверждение позволило Т.С. Коготковой предположить, что высокая вариантность в диалекте «…есть сумма идиолектного варьирования, полученная из большого количества слагаемых» [Коготкова 1979, с. 47].

Однако наблюдения над речью нашего информанта не соотносятся с этой стройной схемой прямой зависимости количества вариантов от социально-речевого типа говора. В.П. несомненно является носителем архаического типа говора, так же, как и Е.М. Тимофеева, не имеет даже начального образования, но варианты в её речи встречаются довольно часто. Не касаясь акцентологического и фразеологического варьирования (*о'тдали – отда'ли, ки'сти – кисти', посо'дим – поса'дим, какого году – с какого году, пойти не по путе' – не пойти по путе' – пойти по плохой пути' – пойти не по правильной пути' – сбиться с правильной пути'…*), остановимся лишь на формальном варьировании в узком смысле слова как на изменении звуковой оболочки лексических единиц, не нарушающем границ тождества слова.

Всего в речи информанта зафиксировано 577 вариантных цепочек.

В сферу варьирования входит прежде всего лексика активного словарного запаса информанта. На его периферии вариантные единицы возникают у лексики пассивного словарного запаса (устаревающей или входящей в лексикон из литературного языка). К периферии варьирования можно отнести также случаи воспроизведения в речи В.П. фрагментов чужого лексикона, когда «чужая» единица вступает в вариантные отношения со «своей», а также случаи окказионального словообразования.

Вариантные цепочки в лексиконе ЯЛ насчитывают от двух до шести звеньев (*пи'вка – пиявка, желочь – жёлочь – желчь, тут – ту'та-ка – тут-ка – ту'та, счас – сейчас – сеча'с – щас – чеча'с, отсэ'да – отсу'да – отсу'дова – отсе'дова – отсюда*), но наиболее типичны двучленные. Для сравнения: в Вершининском говоре число компонентов ряда доходит до 18 [Богословская 1984, с. 11].

Подавляющее большинство вариантных рядов состоит из общерусского члена (О) и его диалектного эквивалента (ДО): *зря – здря, со'ты – соты', чесотка – чесо'та* и др.

Довольно часты случаи, когда ряд представлен только диалектными вариантами общерусской единицы (ДО-ДО), но сам общерусский член отсутствует: *давно'шный – давны'шный, малинэ'з – мулинэ'з* "майонез", *ле'нда – ре'нда* "аренда", *откэ'да – откэ'дова* "откуда", *пай – паёк* "земельный надел", *про'са – проса'* "просо", *свети'стый – светно'й* "цветной", *табаре'тка – тубаре'тка* "табуретка", *штрафова'ть – штрахова'ть* "страховать".

Часть оппозиций общерусские, свойственные и литературному языку: *высоко' – высо'ко, видеть – видать, жар – жара, дочь – дочка, изломать – сломать, изломаться – поломаться, корзина – корзинка, кринка – крынка, колено – коленка, несчастный – несчастливый* и др.

Другие типы оппозиций немногочисленны. Отмечено в том числе варьирование собственно диалектных (*ерда'нь – иорда'нь, зало'жный – залёжный, ко'пщица – ко'пальщица, маркита'н – маркита'нт, моги'лки – моги'льники, сара'пка – сара'палка)* и диалектно-просторечных слов (*вишь – ишь).*

В языке диалектной ЯЛ имеют место все виды формальных вариантов слова[1]:

[1] В работе используется классификация формальных вариантов слова, предложенная О.И. Блиновой [Блинова 1975а, с. 97–124].

Фонематические варианты имеют различия в количестве, качестве или порядке следования фонем, составляющих корневую морфему.

Качественные различия вариантов связаны:

– с ударными гласными (*клещ – клёщ, кварте'ра – квартира, ноль – нуль*; *туда – туды…)* и гласными в безударном положении (*бува'ть – бывать, вармише'ль – вермишель, о'кань – окунь, анвали'дность – инвалидность…);*

- с согласными фонемами, противопоставленными по глухости/звонкости (*бидончик – битончик, пензия – пенсия, сладость – слатость…),* твёрдости/мягкости *(гриб – грыб, может – можеть, кручо'к – крючок…),* месту и способу образования *(а'нгель – а'ндель, бумажечка – гума'жечка, люкза'к – рюкзак, свести – цвести…);*

Количественные различия "ноль звука – звук" встречаются у гласных (*гроно'м – агроном, мышца – мы'шица, чтоб – чтобы, уж – уже'…)* и у согласных (*о'споди – господи; по'здо – поздно, радио – ра'диво, напро'ти – напротив…).*

Варианты могут различаться одновременно качеством и количеством гласных и согласных: *механизатор – мехлиниза'тор, мура'ш – муравей, мла'же – моложе…*

Отмечены также варианты с меной порядка звуков: *институт – ниститу'т, кара'хтерный – хара'ктерный, концэ'вра – концэ'рва.*

Акцентные варианты различаются местом ударения: *воро'та – ворота', до'ска – доска', ква'шня – квашня', по'хороны – похоро'ны, пре'дмет – предме'т, тво'рог – творо'г, про'са – проса', ве'село – весело', ло'жить – ложи'ть…*

Грамматические варианты – однокорневые лексемы, различающиеся при тождестве основы и лексического значения грамматическими показателями.

У имен существительных они различаются родом и типом склонения (*дитё – дитя, жар – жара, фамилия – фами'лие, фо'то – фо'та…),* парадигмой склонения без родовых различий (*веса' – весы, зада' – зады, постель – посте'ля…),* формой числа *(витами'на – витамины, картошка – картошки, отход – отходы, подполье – подполья…*).

У глаголов грамматические варианты различаются классом и характером парадигмы спряжения: *кричать – криче'ть, намазать – нама'зить, дорожать – дороже'ть, одолеть – одоли'ть, набре'ться – набриться.*

Лексико-морфологические варианты – однокорневые лексемы, которые при тождестве лексического и грамматического значения различаются аффиксами: *пахта – па'хтанье, лягуша – лягушка, скот – скотина, белы'ш – беляш, вдова – вдову'ха, родственник – сро'дственник, крутой – крутля'вый, свети'стый – светно'й, бра'тнин – братов, замуж – вза'муж, ска'зывать – рассказывать, изде'лать – сделать…*

Около трети всех вариантов в речи информанта составляют фонематические (36,3%), на втором месте лексико-морфологические (29,0%), третье место занимают грамматические (7,0%) и акцентные (6,7%). Значительную часть вариантных цепочек (21%) можно отнести к смешанным, сочетающим разные виды варьирования: *неу'жли – неуже'ли* (фонематическое + акцентное), *игла – иголка* (фонематическое + лексико-морфологическое), *вы'боры – выбора'* (акцентное + грамматическое), *вёрткий – вертлявый* (фонематическое + акцентное + лексико-морфологическое) и т.п. Ср. в Вершининском говоре: лексико-морфологические варианты – 46%, фонематические – 34%, акцентные – 11%, грамматические – 9% [Богословская 1984, с. 13]. Таким образом, при одинаковом распределении формальных вариантов по типам

налицо их разное соотношение в говоре и языке личности. Особенно заметно различие в количестве лексико-морфологических вариантов.

Причины возникновения вариантов специфичны у каждого из их видов.

Фонематическое варьирование у слов иноязычного происхождения связано с их приспособлением к русской фонетической системе (устранение зияния: *биолог – биво'лог, иорда'нь – ерда'нь;* упрощение структуры сложных для произношения слов: *пастеризовать – стеризова'ть, илерги'я – ирги'я, аккумулятор – кумуля'тор*). В отдельных случаях варианты иноязычных слов появляются под влиянием живых диалектных фонетических особенностей. Например, в вершининском говоре начальное О регулярно переходит в И (*игоро'д, игуре'ц* и т.п.) – в результате у прилагательного *атрофированный* возник вариант *итрофи'рованный*, так как начальные А и О в безударном положении не различаются.

У русских слов варьирование обусловлено редукцией безударных гласных, утратой начальных и конечных согласных, упрощением групп согласных при беглом произношении (*о'кань*[1] *– окунь, вот – от, только – то'ко, хоть – хыть, дак – дык, су'против – су'проти, маркита'нт – маркита'н, рубль – рубь, куртка – ку'рка, некогда – не'кода, сегодня – сёдня*), связано с отражением фонетических явлений, свойственных более ранним периодам развития языка (*мла'же – моложе, душеврёдный – душеверёдный, осужа'ть – осуждать, новорожде'нный – новорождённый, держаться – доржа'ться*), а также с законами сочетаемости звуков в потоке речи (*из – изо, с – со, от – ото*).

Для всех лексических единиц независимо от их происхождения причиной появления фонематических вариантов могут быть

[1] Написание отражает редукцию безударного гласного (о'[къ]нь).

процессы ассимиляции (*пенсия – пе'нзия, свободный – слобо'дный, лучше – лу'чче, вчера – вчара', ночевать – ночава'ть, нынче – но'нче, бывать – бува'ть, фулига'нство – фулюга'нство, мариновать – меринова'ть*), реже диссимиляции звуков (*мимо – ни'мо, вермишель – вармише'ль, компот – конпо'т*), влияние произношения однокорневых слов (*сладость – сла'тость*, ср. *сла[т]кий, нервопато'лог – невропатолог,* ср. *нервы*), постепенная утрата говором бывших регулярных фонетических закономерностей, которые сначала становятся лексикализованными, а затем разрушаются и в лексикализованных единицах (так, наряду с регулярным переходом Ц → С *свести', свет, свето'чек, свети'стый* – отмечено более редкое *цвести*; следы некогда регулярного перехода К → Т, Г → Д, А → Е отражены в вариантах *букет – буте'т, кипятильник – типяти'льник, гля – для, герань – дера'нь, опять – опе'ть, а'нгель – а'ндель*; более ранние нормы произношения отражены в парах *цалова'ть – целовать, ничё – нича'*).

Акцентное варьирование обусловлено в основном взаимодействием акцентных типов (*темно – тёмно*, ср. *весело', давно';* но *ши'бко, пло'хо…, пья'ный – пьяно'й,* ср. *гри'бный, ста'рый,* но *бойко'й, ловко'й…* и т.п.), а также влиянием ударения в однокоренных словах (*по'хороны – похоро'ны*, ср. *похоро'нка, похоро'нят…*).

Грамматическое варьирование связано с взаимным влиянием продуктивных и непродуктивных глагольных классов и типов склонения, отчасти с фонетическими и историческими процессами. Причины лексико-морфологического варьирования кроются в десемантизации аффиксов, вариантности мотивирующих основ, взаимодействии словообразовательных моделей и др.[1]

[1] Более подробно конкретные причины формального варьирования слова изложены в работах [Блинова 1975а, с. 91–147; Богословская 1984].

К общим причинам существования формальных вариантов в говоре можно отнести интенсивное взаимодействие диалектов с литературным языком, а также отчасти с городским просторечием.

Если говорить о функционировании формальных вариантов в речи информанта, то наиболее характерным для диалектоносителя является употребление формальных вариантов слов в условиях непосредственного, естественного монолога или диалога, без влияния извне. Оно типично для всех видов варьирования: *А счас тля-тля там [на смородине], как тенёта; Де'на но'нче говорит белить надо, большу'чи тено'та; А я пошла да ворота'-то отодвинула. ~ А он чё-то пошёл, да в воро'та-то упал; Сколько мучился! Сколь перетерпел; Ты видала у меня в этой, в бане – чугунка-то така', чугун-то большой?*

Как частную разновидность такого употребления можно рассматривать появление вариантов у лексики из пассивного словаря ЯЛ. В этом случае варьирование звуковой оболочки возникает:

– при освоении новых слов (воспроизведение трудных для диалектоносителя произношения слов с иноязычными корнями) – в результате появляются фонематические варианты: *А он нигде не рабо'тат, работать нечего там, там мехлиниза'тором… механизатором работал, а счас убрали его; Ну у ей признали как… хрони'тельска… хрони'ческа эта боле'зь;*

– при воспроизведении в речи устаревающих слов («вспоминание» их, отражающее начало процесса утраты этих единиц даже из пассивного словарного запаса) образуются лексико-морфологические варианты. Ср. рассказ о крещении: *Надо же купа'льницу везти, как её называют? Макали туды' [ребёнка]. Кум и кума. [Вспомнила слово:] Купель ставят, три свецьки.*

Реже варьирование возникает при повторе слова за собеседником в диалоге. Такое явление отмечено для всех видов вариантов, кроме лексико-морфологических: *Ю.В. Телевизор он себе купил,*

– ну, через Валю. Ну, через сестру. С дистанционным управлением. За тыщу двести. В.П. За тыщу двести – телевизор Вале пришёл, ну как вроде по талонам ли по чему ли (повтор за молодым племянником; нормативное для В.П. произношение – *телеви'зер); [Вас клещ кусал?] А кто ё знат? А чё? Охота тебе, чтобы меня клеши укусил?* (повтор за собирателем; обычно произносит *клёши*); *В.П. Кто был? Е.Н. Дак а это шофёр его. В.П. Шофёр?* (повтор за дочерью племянника; нормативно для В.П. *шо'фер).*

Возможно также проявление варьирования при передаче чужой речи (воспроизведение речи собеседника): *Лена вчара' прибежала – она меня в баню звала – она там де-то криче'ла, а я не слыхала. Сижу тут-ка, она: "Баб, ты чё, не слышишь, ли чё ли?" Я говорю: "Нет, а чё?" – "Да я тебя кричала, кричала… В баню пойдёшь? Ступай мойся"* (передаёт речь дочери племянника, сама произносит *криче'ть,* как видно в первой части предложения*); Она фуфайку надева'т, я говорю: "Ты мою… ты не мою фуфайку надева'шь?" Она: "Нет. У меня вот предме'т" – сигареты ута'скиват [из кармана]* (передаёт речь дочери односельчанки, сама последовательно произносит *пре'дмет*); *Я зашла, он гыт: "К ба'ушке?" Я говорю: "Можно?" – "Можно". Я зашла. Он гыт: "К бабушке?" я говорю: "Ага"* (воспроизводит речь городского мальчика, заменяя привычный вариант *ба'ушка* на литературный *бабушка*).

Во всех подобных случаях в речи В.П. появляется низкочастотный вариант, свойственный носителю литературного языка (реже – носителю другого языка) и не характерный для крестьянки.

У фонематических и акцентных вариантов преобладает дистантное расположение, а грамматические и лексико-морфологические варианты встречаются как в дистантной, так и в контактной позиции. Наиболее ярко особенности функционирования таких вариантов проявляются при их контактном расположении.

Центральная функция для всех видов формальных вариантов слов – **замещения** (или **самокорректирования**), в которой отражается ориентация диалектоносителя на нормативное словоупотребление. В современных условиях существования диалекта на него интенсивно влияет литературный язык. В сознании диалектоносителя даже старшего поколения живёт представление и о диалектной, и отчасти о литературной норме. Понятие нормы связано также с частотой употребления единицы в говоре в целом и в языке отдельной личности. Эти факторы, иногда разнонаправленные, определяют возможности контактной замены вариантов по параметрам "более частотное – менее частотное", "общерусское – диалектное". Ср.:

а) замена на более частотный у информанта вариант: *Уходила она замуж, дочка-то её. А это… тоже, гыт, вышла вза'муж, тоже, гыт, разошлась; И вот она гыт: "Я стирала. Но'нче… сёдня, гыт, две верёвки, и но'нче, гыт, четыре верёвки я настирала, и сёдня надо потти' ешо стира'ться"* (общерусские единицы *замуж, стирать* меняются на диалектные варианты общерусских *взамуж, стираться:* О → ДО); *Утром это пошли, гыт, Рая гыт корову угонять – из зау'лка там, переулком тем, угоняют они* (замена диалектного варианта общерусской единицы *заулок* на общерусское *переулок:* ДО → О);

б) замена на менее частотный у информанта вариант: *Такси наняли бы да приехали ба; Сколько же он – я говорила? Сколь тысяч дал? Двенадцать?* (*замена* О → ДО); *А он бы туды' бы не пошёл, если бы – так уволился, ли как ли. А то он ходил туда, на свою работу; Карт'ошкими начинишь их [кишки]… Сырыми картошкими.* (*замена* ДО → О).

Функция уточнения встречается с целью конкретизации грамматических характеристик слова у лексико-морфологических вариантов, осложненных грамматическими различиями: *Без похоронной не отпевают. Да, надо похоронку, обязательно; Я ему дала триста рублей, три со'тельных. Он приходит ко мне,*

получил деньги, приходит. Две сотни подал, одну пятисотку – за сотню же. В обоих случаях форма субстантивированного прилагательного уточняется формой существительного, в которой нет несоответствия между частеречным значением предмета и средствами его выражения.

Есть также случаи речевой замены лексико-морфологических вариантов для семантического уточнения: *А у ей сестра её, она моя хре'сница. Она: "Поезжай к хрёсне! вставь окошки хыть!" Это, "поставь ей окна, вставь хоть ей"* (приставка в- уточняет направление действия и, кроме того, образует регулярную антонимическую оппозицию с *выставить* "вынуть оконные рамы"); *Ну, они скоро выкопали, машиной трактором этой… сара'пкой… сара'палкой… копалкой* (суффикс -к- многозначен; подбирается слово с более специализированным суффиксом и образованное по продуктивной модели, созвучное с *копалка*); *На что она до'ржит гусей-то? Только, может, неслась гуси'ца-то ра'зе летом? А так – гуся', гусака, да гуси'цу до'ржит* (уточняется принадлежность к мужскому полу в противопоставлении женскому).

При контактном употреблении лексико-морфологических и грамматико-морфологических (реже для грамматических) вариантов типична **экспрессивная функция** для создания или усиления экспрессии высказывания. Чаще всего нейтральный вариант заменяется на субъективно окрашенный, не имеющий четкой эмоциональной оценки: *Он гыт: "Я на свои'м паю косил, на свои'м пайке'"; Кино было, дак мать и дочь влюбились в идного. И дочка моло'денька, и вот влюбились, не знаю, чё дальше будет…*

Информативный, нейтральный план повествования переводится в субъективный, «отстранённый» объект начинает восприниматься как часть мира ЯЛ, что находит выражение в изменении варианта. З.М. Богословская, О.Ю. Галуза относят подобные случаи к стилистической функции, где различие в употреблении еди-

ниц связывается с информативным и обиходно-разговорным стилями [Галуза 1982; Богословская 1984], но отнесение таких вариантных образований к разным стилевым пластам диалекта представляется спорным. Современный диалект – очень слабо дифференцированная в стилевом отношении форма языка, реализующаяся главным образом в обиходно-разговорном варианте; другие стили (официальный, народно-поэтический, публицистический…) фрагментарны. Речь В.П. выдержана в рамках этого стиля, с небольшими вкраплениями иных стилей. Контексты, в которых употребляются «стилистические» варианты, не отличаются по условиям, тематике, целям общения и не различаются, следовательно, стилистической принадлежностью.

На выбор варианта в экспрессивном контексте могут влиять особенности его употребления: *Дед у их получает четыре тысячи. Ну и вот он [его сын] козыря'т за деда как вроде. А кого? А деда жырёт тоже так… не дай бог.* Замена нейтрального *дед* на слово *деда*, используемое обычно при непосредственном близкородственном контакте как этикетная доброжелательная форма (так же, как *баба* в сравнении с *бабушка*, *мама* в сравнении с *мать*…)[1] в сочетании с грубым *жрёт* создает контекст иронически-неодобрительный.

Усиление экспрессивности контекста может происходить и за счет повтора: *Я говорю: "Ну ты на меня не загадывай [что попадётся рыба в сеть], я, – говорю, – несча'стна така', несчастли'ва, не попадут".*

В.П. не свойственно стремление говорить грамотно, «по-культурному» (в отличие от некоторых других жителей этого села) при беседе с более образованными собеседниками. Поэтому функция «**языкового перевода**» (с сознательным отказом от более привычного для себя словоупотребления), выделенная З.М. Богословской у вариантов Вершининского говора [Богословская

[1] Такие варианты, находящиеся в отношениях дополнительной дистрибуции, О.Ю. Галуза называет неполными [Галуза 1982, с. 13].

1984], для В.П. нетипична. Лишь несколько примеров с некоторой долей условности можно отнести к проявлению этой функции: *Замесила [тесто] да легла. [В пять часов темно'?] Ну, тёмно! И в шесь тёмно. Темно'; Ты видала у меня в этой, в бане – чугу'нка така', чугун-то большой? [при разговоре с собирателем].*

Любую замену диалектного варианта на литературный нельзя признать «языковым переводом», так как общерусский эквивалент может свободно использоваться информантом и при общении с диалектоносителями (*помере'ть – умереть, изде'лать – сделать* и др.).

При дистантном употреблении вариантных единиц выбор одной из них также определяется, очевидно, прежде всего её соответствием норме.

Для части формальных вариантов в дистантной позиции тоже можно говорить и об экспрессивной функции:

– редукция звуков в таких лексических единицах, как *ить*, *прям* по сравнению с более нейтральными *ведь*, *прямо* – один из показателей повышенной экспрессии контекста. Ср.: *А у Гути прохладно прямо; Прям много, много набрала; Мне Вера Павловна сказала, я прям радёхонька;*

– сдвиг ударения на флексию в ряде имен прилагательных связан с подчёркиванием проявления признака. Ср.: *Окошки замарала тряпкой гря'зной; Наберу карто'вочек я. Ешо надо намыть, набрать. Грязны'-прегрязны'!; А нос исчеса'лся – чё к чему? Говорят, выпить да на пья'ного смотреть; Петраков сидит , и он – пьяны' в дым!*

Говорить о функции уточнения при дистантном расположении вариантов сложно. Кроме таких факторов, как частотность, системная соотнесенность вариантных единиц с основными формами национального языка, степень эмоциональности контекста, на выбор лексической единицы могут оказывать воздействие:

– темп речи (у фонематических вариантов, ср.: *дак, хоть* – и *дык, хыть* при убыстрённом произношении);

– сочетаемость. Ср.: *Он не разбира'т, чтобы ему принесли, налили, – как Коля наш. Ему надо, чтобы пода'ли всё. А тот без рук, без ног воро'та иткрыва'т* (основной вариант у В.П. – *ворота'*, менее частотное *воро'та* закреплено в поговорке и связано с её ритмической организацией). Сочетаемость влияет на выбор акцентных вариантов;

– парадигматические связи варианта. Так, в вариантном ряду *морковь – морковка – морковки – морко'шка* "растение" и "собир. плоды этого растения" (частотность 20: 7: 1: 1) суффиксальные варианты в пяти случаях из девяти «поддержаны» наличием структурных мотиваторов (*картошки, картошка*), но ни в одном из двадцати словоупотреблений варианта *морковь* одноструктурные образования в тексте не отмечены.

Два последних фактора играют важную роль в функционировании лексико-морфологических вариантов.

В целом можно сказать, что разным видам формальных вариантов свойствен разный характер функционирования: условий появления в речи, типичных позиций, функций, факторов, влияющих на выбор вариантной единицы. По этим параметрам фонематические варианты близки к акцентным; лексико-морфологические и грамматические имеют меньше общих черт. Отметим, что контактное употребление, при котором возможность осознанного выбора варианта резко возрастает, чаще наблюдается у аффиксальных вариантов (грамматических, лексико-морфологических и грамматико-морфологических). Все типы вариантов объединяются функциями замещения (самокорректирования) и экспрессивной; грамматическим вариантам присуща также функция уточнения грамматических характеристик, лексико-морфологическим – уточнения семантических характеристик слова.

Формальные варианты в языке личности различаются частотностью употребления. При этом возможно:

а) регулярное употребление одной формы и единичное – другой: *туды'* – 113 словоупотреблений, *туда* – 3, *во'семьдесять* – 22, *восемьдесят* – 1, *ворота'* – 10, *воро'та* – 2, *пи'вки* – 7, *пиявки* – 1 и др.;

б) явное преобладание одного из вариантов при достаточной употребительности другого: *де* – 93, *где* – 28, *кто* – 87, *хто* – 28, *куды'* – 81, *куда* – 12, *может* – 59, *мо'жеть* – 19, *от* – 332, *вот* – 161 и др.;

в) теоретически вероятно равночастотное употребление единиц, но говорить о нем пока представляется преждевременным, поскольку оно представлено низкочастотными словами и вывод на ограниченном материале может быть ошибочным.

По мнению О.Ю.Галузы, группа а) образует зону слабого варьирования, а две другие – зону сильного варьирования [Галуза 1982, с. 10–12]. Но если, по её наблюдениям, в Албазинском говоре Амурской области многие варианты слабой зоны находятся в стадии угасания (один из членов вариантной пары устаревает, высокочастотным является общерусский компонент, низкочастотным – диалектный), то в отношении речи нашего информанта этого утверждать нельзя.

Отметим ряд тенденций в частотности употребления вариантов исследуемой ЯЛ:

– Среди вариантов, различающихся количеством звуков, чаще употребляются более лаконичные (*это* – *е'то, этот* – *е'тот, там* – *та'мока, т'амка, о'споди* – *господи, о'бшем* – *в обшем, в о'бчем, де* – *где, де–то* – *где-то, де-нибудь* – *где-нибудь, ить* – *ведь, мо'же быть* – *может быть, ли* – *а'ли, или, уж* – *уже', прям* – *прямо, счас* – *сейчас, тут* – *ту'тока, ту'тка, ишь* – *вишь, пи'вки* – *пиявки* и др.), что соответствует тенденции к экономии речевых усилий и устной форме существования диалекта.

– В оппозициях О – ДО высокочастотным чаще является диалектный член пары, чем общерусский (*бува'ть* – *бывать, куды'* –

куда, пе'нзия – пенсия, вчара' – вчера, тёмно – темно, изде'лать – сделать, стира'ться – стирать, це'рьква – церковь, карто'шки – картошка и др.). Вероятно, объясняется это в первую очередь архаическим социально-речевым типом говора информанта, принадлежащего к старшему поколению.

– В парах общерусских вариантов (О – О), как правило, более частотен тот, который имеет разговорную окрашенность в литературном языке (*счас – сейчас, нету – нет, дочка – дочь, схоронить – похоронить* и др.). Исключение составляют *только* и *тысяча*, более частотные, чем *токо* и *тыща*.

Формальное варьирование в языке личности имеет сложное соотношение с варьированием во всем говоре. В речи информанта отмечено около 1/5 всех формальных цепочек слов вершининского говора[1]. Имеются и такие варианты, которые в говоре не зафиксированы. Сопоставление показывает, что при общности типов рассматриваемых единиц Вершининский говор и язык одного диалектоносителя отличаются количественным наполнением каждого типа, их иерархией и особенностями употребления.

2.3.3. Полисемия

Явление полисемии широко изучалось в литературном языке, значительно меньше оно исследовано в говорах. На диалектном материале рассматривались типы смысловых отношений между лексико-семантическими вариантами (ЛСВ) слова (Э.В. Васильева, А.П. Чудинов, В.В. Резцов), ставился вопрос о разграничении полисемии и омонимии (В.Г. Арьянова, О.И. Блинова, Т.А. Корованенко), о связи многозначности с другими лексическими явлениями (О.И. Блинова, Г.А. Мординова); исследователей интересовало также отражение семантической структуры диалектного

[1] З.М. Богословской проанализировано 3002 ряда формальных вариантов в Вершининском говоре [Богословская 1984, с. 13].

слова в словарях (О.В. Загоровская, Ф.П. Сороколетов). Идиолектная многозначность практически не анализировалась; имеются лишь отдельные упоминания о количестве многозначных слов в лексиконе конкретных диалектоносителей [Тимофеев 1971б, с. 22; Скитова, Огиенко 1971, с. 31].

Прежде всего встает вопрос о пропорции многозначных и однозначных лексем в словаре личности. Пока ясной картины нет даже в отношении языка коллектива. По мнению Р.А. Будагова, «Подавляющее большинство слов любого современного живого языка, имеющего длительную литературную традицию, являются многозначными» [Будагов 1976, с. 237]; такова же точка зрения К.А. Левковской [Левковская 1956, с. 38]. Существует даже мнение, что «…в языке нет абсолютно однозначных слов», и что это «общеизвестный факт» [Долгова 1980, с. 12]. Как утверждает Р.А. Будагов, около 80% слов в русском литературном языке (а также в польском, французском, испанском, английском, немецком) полисемичны [Будагов 1976, с. 263]. Э.В. Кузнецова считает, что «Такие слова составляют примерно половину лексического состава современного русского языка» [Кузнецова 1989, с. 119]. Подсчеты, произведенные Н.А. Лукьяновой на материале новосибирских говоров по словнику в 4000 единиц [Лукьянова 1966, с. 9], совпадают с выводами Э.В. Кузнецовой.

Результаты подсчетов по материалам «Полного словаря диалектной языковой личности» резко расходятся с приведёнными выше данными. Распределение слов и фразеологизмов по количеству значений в лексиконе ЯЛ выглядит так:

Количество значений в слове	Количество слов	Количество значений в слове	Количество слов
1	11298	16	4
2	1884	17	2
3	632	18	3
4	314	19	1
5	136	20	2
6	73	21	1

7	50	23	1
8	29	26	2
9	26	27	2
10	19	29	1
11	13	30	1
12	10	35	2
13	6	36	1
14	5	55	1
15	7	57	1

Всего 14 514 слов.

Фразеологизмы распределяются по количеству значений следующим образом:

Количество значений во фразеологизме	1	2	3	4	5
Количество фразеологизмов	1335	75	9	6	1

Всего 1438 фразеологизмов

Таким образом, несомненно преобладающими в нем оказались однозначные лексико-фразеологические единицы (12633 из 15954, т. е. 79,2% против 20,8% многозначных)[1].

Является ли это типичным для лексикона личности, утверждать сложно из-за отсутствия сопоставительных идиолектных материалов и противоречивости сведений даже для русского литературного языка. Выборочные подсчеты по «Полному словарю сибирского говора» ближе к нашим данным, чем к цифрам Н.А. Лукьяновой: на букву "М" из 671 слова 524 однозначных (78%), на "Г" из 701 слова однозначных 579 единиц (82,6%). Исследование Н.Я. Сердобинцева по «Словарю современного русского литературного языка» [БАС. Т. 1: А–Б, Т. 2: В)] показало, что на

[1] При подсчетах учитывались ЛСВ нарицательных слов и фразеологизмов (за исключением формальных вариантов слов). Оттенки значений подсчитывались на равных правах с самостоятельными ЛСВ.

10515 анализируемых слов однозначными оказались 83,5% [Сердобинцев 1981, с. 9]; В.А. Девкин определяет количество полисемантов в немецком языке на уровне 13–15% [Девкин 1979, с. 170]. Пермские ученые лишь констатируют, что в словарном запасе А.Г. Горшковой много слов с двумя-четырьмя и более значениями [Скитова, Огиенко 1971, с. 31], но их соотношение с однозначными не приводят. В.Д. Лютикова отмечает, что в идиолексиконе В.М. Петуховой многозначных слов более 3000 (из 9 000) [Лютикова 1999, с. 61]. У Е.М. Тимофеевой из 2705 слов 220 (т. е. всего 8,1% словника) имеют 2, 3, иногда 4 значения [Тимофеев 1971б, с. 22]. В последнем случае следует учесть, что это словарь дифференциального типа, а диалектные слова менее многозначны, чем общерусские [Херольянц, Кретова 1966, с. 192].

Распространённость моносемичных единиц в словаре диалектоносителя, таким образом, возможно, является отражением общеязыковой картины, а также связана, на наш взгляд, с обилием в говоре конкретно-предметной лексики, экспрессивных образований и фразеологических единиц, которым обычно не свойственно развитие полисемии (среди фразеологизмов В.П. однозначных – 92,84%). Очевидно, как коннотативные семы, так и связанность значения препятствуют развитию многозначности.

Если говорить о характере полисемии, то многозначные лексемы в языке диалектной личности чаще всего двузначны (12,11% от общего количества, или 55,5% от количества полисемантов). В меньшей степени распространены трех-четырёхчленные структуры (от общего количества – 3,96 и 1,98% соответственно, от числа полисемичных лексем – 18,15 и 9,06%)[1]. Многозначные слова с количеством ЛСВ от 5 и выше более редки, свыше 12 значений – единичны (в каждой группе меньше 10 слов). Чётко прослеживается общая закономерность: количество

[1] Ср. подсчеты Н.Я. Сердобинцева: двузначных – 80%, трехзначных – 14%, четырехзначных – 3% от количества полисемантов [Сердобинцев 1981, с. 9].

полисемантов в языке личности обратно пропорционально числу ЛСВ в многозначном слове. Иными словами, чем больше у слова значений, тем меньше таких лексем в лексиконе личности[1]. Не раз отмечалась связь многозначности слова с его принадлежностью к грамматическому классу. В лингвистической литературе сложилось мнение, что «…смысловая структура глагола шире, чем имени существительного, и круг его значений подвижнее. Еще более эластичны значения качественных прилагательных и наречий» [Виноградов 1972, с. 19]. По нашим данным, среди пяти основных знаменательных частей речи, для которых характерна многозначность, картина выглядит так:

Часть речи	Количество лексем	Из них многозначных в %
Глагол	5515	27,67
Наречие	791	24,15
Категория состояния	174	24,14
Прилагательное	1673	20,03
Существительное	5785	15,93

Подсчёты распределения слов у диалектной ЯЛ с разным количеством значений по грамматическим классам, опубликованные в [Иванцова 2004а], показали, что наибольшее число многозначных слов в сфере глаголов, наименьшее – среди имен существительных. Наречия, слова категории состояния и прилагательные занимают промежуточное место.

Максимальное число отмеченных ЛСВ у существительных – 10–12 (это лексемы *дело* – 12, *место* – 10, *время* – 10), прилагательных и местоимений – 11–13 (*большой* – 13, *худой* "плохой" – 13, *чё* – 13, *какой* – 12, *маленький* – 11), наречий – 12–15 (*как* –

[1] В русском литературном языке эта зависимость тоже прослеживается, хотя не так ярко. Е.А. Минаковой проанализировано 106 полисемантов-существительных. Ср. соотношение числа ЛСВ и количества слов: 3 – 18, 4 – 17, 5 – 22, 6 – 22, 7 – 13, 8 – 7, 9 – 1, 10 – 3, 11 – 2, 12 – нет, 13 – 1 [Минакова 1991: 33].

15, *так* – 13, *где* – 12)[1]. Особенно многозначны глаголы: 35 ЛСВ зафиксировано у *идти*, 30 – у *пойти*, 27 – у *брать* и *взять,* 20 – у *ходить.* Среди служебных частей речи рекордное число значений имеют предлоги: *на* – 57, *в* – 55, *за* – 36, *с* – 35 [Там же].

Все ЛСВ многозначного слова связаны между собой наличием общих сем, но они могут быть как непроизводными, так и производными непосредственно друг от друга. Приведём примеры производности:

– ЛСВ могут изначально формироваться добавлением к некоему семантическому ядру дифференциальных сем, характеризующих каждое значение. Между ними наблюдаются отношения равноположенности: *Я ломала помело, руки все вымазала; Все налепим [посуду], да ешо белой глиной вымажем, выкрасим этой белой глиной* (***вымазать*** 1. загрязнить, выпачкать, 2. окрасить); *Из кадочки все огурцы выклали; Руками копают [погреб], выкопали уже, выклали* (***вы'класть*** 1. извлечь что-л. откуда-л., 2. вымостить, обложить чем-л. стены).

– ЛСВ полисеманта связаны отношениями производности. При этом основные способы развития многозначности совпадают с общенародными. Ими являются метафорический и метонимический перенос:

а) Метафорический перенос на основе ассоциаций по сходству отражает подобие по форме, внешнего вида (*Я говорю: "Галстук надели бы на него"; Она [собака] чёрна вся, а здесь белый галстук и лапки бе'леньки, и хвостик мале'нько бе'ленькый* (***галстук*** 1. полоска ткани, охватывающая шею, 2. светлая полоска на груди животного); *Надо же, прямо своего гнезда не име'т [кукушка]; Я одно гнездо выкопала – шесь штучек, хоро-оша [картошка]*

[1] Исключение в «Полном словаре диалектной языковой личности» составили прилагательное *хороший* (29 ЛСВ) и наречие *хорошо* (26 ЛСВ), но, возможно, в данном случае необычная многозначность обусловлена индивидуальной интерпретацией материала автором этих словарных статей.

гнездо (***гнездо*** 1. место для кладки яиц, 2. скопление клубней, развившихся из одного корня); качества признаков, свойств (*Чё-то по'моха на наш край. Боле'зь привязалась; А счас мотор сгорел [в холодильнике]. Она взяла да позвонила. А ей сказали: "Са'ма больша' боле'зь у нас на триста пятьдесят тысяч, са'ма дорога' "* (***боле'зь*** 1. нарушение нормальной жизнедеятельности организма, 2. неполадка механизма); действия (*Она гыт: "Мне некогда, потти надо, бежать"; Ну кровь-то бежала сильно, гыт* (***бежать*** 1. поспешно направляться, 2. быстро течь, литься); местоположения (*Поля гыт: "Я номер телефона дам"; Когда хороший лён родится, тогда тонкий, как нитки двадцатый номер* (***номер*** 1. порядковое число предмета в ряду однородных, 2. размер предмета, обозначенный особым словом).

б) Метонимический перенос на основе ассоциаций по смежности представлен такими моделями, как: действие → место действия (*Так они уж, наверно, близко к выезду; А Мокрушина [улица] – это на выезде* (***выезд*** 1. отправление куда-л. на транспорте, 2. место, путь, по которому выезжают); вместилище →вместимое (*Там траву рвала да всё, складывала в ведро; Моркови восемь ве'дер, однако, наре'зала* (***ведро*** 1. сосуд с дугообразной ручкой, 2. количество чего-л., вмещающееся в такой сосуд); часть → целое (*Катя-то де, там морковки не дёргат?; Буду стряпать пироги с маком, пироги с черёмхой, пироги с морковкой и с яйцом* – ***морковка*** 1. огородное растение, 2. его съедобные утолщённые корни); предмет → изделие, материал, продукт из него (*А я уташшыла Леночке туды' – алой да какой-то такой цветок; И он прописал мне алой, алой прописал [ставить] уколы* – ***алой*** 1. многолетнее растение, 2. лекарство из этого растения); действие → предмет (*К венцу едут, в це'рькву, раньше всё венчались; Венцы надевают, венцы таки' были, как колпаки;* – ***венец*** 1. венчание, 2. предмет ритуала венчания) и др.

Обращает на себя внимание дефектность семантической структуры многих названий плодовых растений в лексиконе диалектоносительницы. В литературном языке они обычно двузначны, обозначают как дерево, так и его плод. В языке крестьянки, как и в Вершининском говоре, подобные слова (*банан, виноград, вишня, гранат, груша, хурма*…) моносемичны и служат только для обозначения плодов соответствующих растений, что можно объяснить внеязыковыми причинами. В то же время бинарность структуры полисемантов сохраняется в названиях местных растений (*малина, виктория, морковка, картошка*…).

Наличие словаря личности и словаря коллектива, представителем которого является данная личность, позволяет сопоставить реализацию явления полисемии в идиолекте и в говоре. Основные случаи соотношения полисемантов сводятся к следующим:

а) Совпадение системы ЛСВ многозначного слова:

	говор	идиолект
грязный		
– Покрытый грязью	+	+
– Запачканный, нечистый	+	+

б) Система значений многозначного слова в говоре богаче, чем в идиолекте:

	говор…	идиолект
вести		
– Идя вместе, направлять движение	+	+
– Идти во главе, направляя движение	+	–
– Управлять движущимся предметом	+	–
– Управлять, руководить чем-л.	+	+
– Преподавать учебную дисциплину	+	–
– Прокладывать, протягивать, проводить в определённом направлении	+	+
– Служить путём куда-л.	+	+
– Сводить	+	–

в) Система значений многозначного слова в говоре беднее, чем в идиолекте:

говор	идиолект
горе	
– Душевное страдание, глубокая печаль	+ +
– Событие, вызывающее душевное страдание	+ +
– О чем-л. тяжёлом, трудном	– +
– Тягостная обязанность, долг	– +

Реализация явления полисемии в языке личности обнаруживает в первую очередь общеязыковые характеристики этого феномена. Соотношение многозначных и однозначных слов, распределение полисемантов по грамматическим классам и по числу значений, модели развития полисемии и типы связей ЛСВ в многозначном слове являются, видимо, универсальными для всех разновидностей русского национального языка и для идиолектов его носителей. Специфика диалекта состоит, вероятно, главным образом в наполнении моделей развития многозначности конкретным материалом и в отличной от литературного языка их продуктивности (регулярности). Об индивидуальном начале в реализации полисемии можно говорить при изучении системы значений каждого многозначного слова в сравнении с её представлением в говоре. При этом возможны случаи их полного совпадения и частичного наложения в нескольких комбинациях. Частотность отдельных ЛСВ в речи языковой личности также не всегда совпадает с частотностью, зафиксированной в говоре.

2.3.4. Синонимия

При изучении синонимии предметом внимания в региональной лексикологии являлись: соотношение синонимики говора, группы говоров и диалектного языка в целом, источники образо-

вания синонимических парадигм, типология синонимов и синонимических рядов, функции разных типов синонимов в речи диалектоносителей (Н.А. Лукьянова, Р.В. Херольянц. В.Н. Кретова, Ф.Г. Андреева, Н.Т. Бухарева, С.Р. Качинская, Л.И. Омельченко, О.И. Блинова, Г.А. Раков, Г.А. Мординова, В.Г. Маслов и др.).

На материале языка отдельной личности проблемы синонимии почти не рассматривались. Есть лишь отдельные работы по изучению этого явления в языке писателей – М. Горького [Кривонкина, 1967], И.А. Крылова [Шершевская, 1980], А.С. Пушкина [Рымарь 2008]. Синонимия в идиолексиконе рядового носителя языка, в том числе диалектоносителя, исследованию не подвергалась.

В дискурсе В.П. Вершининой приемом сплошной выборки из архива текстов выявлено 1144 единицы (не считая вариантных и экспрессивных образований от них), входящих в 467 синонимических рядов.

В отношения синонимии в лексиконе информанта вступают слова всех знаменательных частей речи, а также отдельные служебные слова, некоторые устойчивые словосочетания и фразеологические обороты. Преобладают однородные синонимические цепочки из глаголов (202 ряда, или 43,3%), существительных (118, 25,3%), прилагательных (68, 14,6%), наречий (24, 5,1%) и слов категории состояния (13, 2,8%). Единичны ряды вводных слов (*видно, может/мо'жеть, может быть, однако, поди*), местоимений (*всякий, всякий-разный; кого, чё*), междометий (*зык-зык, стук-стук*), частиц (*ага, да, ну, угу*), фразеологизмов (*в дым, в дужи'нку*) – в совокупности 1%.

В речи диалектной ЯЛ отмечены также регулярные синонимические отношения между словами разных частей речи – в тех случаях, когда существительное или глагол выражают значение признака или состояния, а прилагательное – значение счетной единицы: *Недавно построили дом – вот они <u>другой</u> год живут, ли*

третий ли, второй год, наверно (прилагательное – числительное); *А он глухой был у нас, недослы'шал* (прилагательное – глагол); *А меня мани'т париться. Охота попариться* (глагол – категория состояния); *Кого там. Песте'рь. Смирный* (существительное – прилагательное), а также между лексическими и фразеологическими единицами: (*"Матрёна в положении, Матрёна брюха'та"; Ну а чё она, ни холеры не де'лат. Мне-то ничё не де'лат она; Прям рёвом ревёт вот, горькими слезами плачет, а… ревёт прямо!).* Смешанный характер носят 37 рядов (7,9% от общего количества).

Средняя длина ряда составляет 2–3 синонима. Самыми объёмными являются ряды глаголов и прилагательных, у других частей речи цепочки не превышают 4–5 единиц.

Рекордным по объему – 17 слов – является ряд синонимов, обозначающий отклонения в психике человека. Проиллюстрируем его примерами из речи В.П.:

И она така' же, не понима'т, дурочка. И дети. Один совсем дурак, а двое-то, ну, сла'беньки умом, ну ничё вроде ба. А брат совсем ненормальный; А эта Анна Петровна чудна' кака'-то. Она придёт, молчит, молчит. Не скажешь, что дурна', а вот каки'-то заскоки; Поди, уж не все дома у него, папочки с мамочкой нету; Тепер'ича работал и работал, и на него нашло. Тяти с мамой не было, как раньше говорили; Она мале'нько потеряла колечко, ну маленько дуркова'та стала, а он-то ничё; А с ём чё? Он тоже повёрнутый, тоже мале'нько чух-рюх; Она же ненорма'льна, куды' люди, туды' и мыслете; Кто поруга'тся, шибко набросится: "Вот шшыльна' так шшыльна'. Дурочка"; Дикарь, дикоша'рый, дурачок – говорят на таких [об орущем коте]; Вот, Арсентий стал. Дурачок был в Ла'риной. Мно'ги так говорят; У ей часто шарики за ролики заходят. Она меша'тся.

Наиболее длинные цепочки связаны также с обозначением физического воздействия *(бахану'ть, ба'цкнуть, долбану'ть, дробалы'знуть, ощеу'чить, поддеть, полысну'ть, стегнуть, ударить,*

хлестануть; набу'цкать, набить/избить, навози'ть, надавать, нажва'рить, налупить/отлупить, нахлестать, нащелка'ть) и насильственного удаления откуда-л. (*выгнать, выдворить, выпереть, выпихнуть, выкинуть, выключить, вышвырнуть, отжить, отправить, попросить).*

Немного короче ряды со значением перемещения в пространстве (*отправиться, побрести, пойти, покостыля'ть, попереть/попереться, поползти, потянуться),* внешней привлекательности человека *(видный, красивый, красавец/красавица, синпати'чный, славненький, смазливенький, хороший/хорошенький)*, его темперамента *(бедовый, бойкий, вёрткий/вертлявый, ёмкий, крутлявый/крутой, непосе'дный, отчаянный, отчаю'га, подвижный, пробитно'й, пробо'истый, проворный, сорванец, шоботно'й, шустрый)*, роста *(коротенький, маленький, небольшой, невысокий, низенький, шпингалет)*, телосложения *(жирный, здоровенный, полный, солидный, толстый, хороший)*, а также глаголов с интегральной семой "есть" *(жрать, исть, кушать, лопать, мести, наворачивать, хря'мкать)*, "умереть" *(замереть, погибнуть, пропасть, скончаться, спечься, убраться, умереть)*, "сойти с ума" *(ощеле'ть, подури'ть, помешаться, сойти с ума, трахну'ться, чёкнуться)*, прилагательных с размерным значением *(большой, богатый, громадный/огрома'дный, корыстный, крупный, хороший)* и общей отрицательной оценки человека *(неважный, никудышный, нехороший, отвратительный, плохой, постылый, худой)* или предмета *(негодный, неважный, незавидный, нехороший, плохой, худой)*, наречий со значением усиления *(без ума <без разума>, до сме'рти, до упаду, здо'рово, сильно, шибко)* и положительной оценки *(здо'рово, неплохо, нормально, размило, славно, хорошо)*, вводных слов, выражающих предположение *(бышно, видно, может/мо'жеть, может быть, наверно, однако, поди)*.

Такое деление синонимических рядов на многочленные, объёмные и включающие минимальное количество элементов далеко не случайно. С одной стороны, оно связано с причинами их

образования в языке. У ряда слов, прежде всего из области предметной лексики (но не только), возникновение синонимической цепочки обусловлено взаимодействием различных форм национального языка, когда исконное для говора слово вступает в синонимические связи с единицей, пришедшей из литературного языка или городского просторечия (*сила* О, *о'дяг* Д; *окосе'ть* П, *опьянеть* О). Формирование синонимической парадигмы отчасти происходит и при саморазвитии каждой из этих подсистем, в результате которого возможно возникновение некоторой избыточности различных форм для выражения одного и того же содержания (*базар* и *рынок* О; *навя'литься* и *нале'зть* "навязаться" Д). Появление объёмных синонимических рядов объясняется также свойствами денотатов со сложными многоаспектными характеристиками: каждый член ряда обозначает различные грани этих свойств. Но несомненно и то, что, с другой стороны, длина цепочки (как и частотность употребления синонимов) тесно связана с языковой картиной мира личности и наиболее пространные ряды отражают наиболее значимые для говорящего стороны окружающей действительности.

Выделяются различные типы синонимических рядов.

1. Члены синонимического ряда характеризуются разной соотнесенностью с основными формами национального языка.

В составе парадигм имеются собственно диалектные, диалектно-просторечные и общерусские элементы, а также их варианты. Большинство рядов носит смешанный характер: *ленивый* О, *охлю'истый* Д; *кормить* О, *потчевать* П, *угощать* О; *глянуться* Д, *любить* О, *ндра'виться* ДО; *махры'* Д, *шмутки* П, *тряпки* О и т.п. Наиболее широко представлены парадигмы с соотношением компонентов О – О (*варежки, рукавицы*), О – ДО (*давно'шный, старый*), О – Д (*льдина, глы'за*). Цепочки синонимов, где общерусские единицы отсутствуют (Д – Д), встречаются редко: *захря'деть, захуде'ть* "зачахнуть"; *объе'дистый, обжо'ристый*

"прожорливый"; *подрабо'таться, подъе'сться* "частично утратиться при еде, о зубе".

2. В подавляющем большинстве случаев в плане формальной организации синонимы являются разнокорневыми единицами (*берег, яр; недовольный, сердитый* и т.п.). Однокорневые синонимы немногочисленны: *бить, убивать* "отстреливать животных"; *молчать, помалкивать; скоро, скоропостижно* и некоторые др.

3. В языке исследуемой личности отмечены все семантические типы синонимов, традиционно выделяемые лексикологами.

Доля дублетов, абсолютно тождественных по значению, достаточно высока (не менее 222 рядов, т. е. около 47,5%), что обусловлено в первую очередь интенсивным взаимодействием говора и литературного языка, а также некоторой избыточностью форм выражения у каждой из этих подсистем: *А холостой, неженатый счас; Я это в чи'сленнике, в календаре видала, Макар кода' родился.*

При этом часть из них является абсолютными синонимами по семантическому критерию, но не вполне тождественна с точки зрения функционирования (частотности, сочетаемости, устарелости/новизны в речи информанта). Г.А. Раков выделяет их как особый подтип функционально-лексических дублетов [Раков 1988, с. 35].

Относительные синонимы, которых около 52,5%, различаются оттенками значения: *А он глухой был у нас, недослы'шал* (интегральная сема "нарушение слуха", различия – в степени проявления признака); *Я так… кого, неграмотный человек, тёмный* (интегральная сема "необразованный", дифференциальные – "плохо умеющий читать и писать" и "невежественный").

Как разновидность относительных можно рассматривать эмоционально-экспрессивные синонимы, которые отличаются от

других членов ряда эмоциональными и собственно экспрессивными компонентами значения[1].

Показательно, что в группу относительных синонимов входят слова только знаменательных частей речи. Отмеченные в лексиконе синонимичные междометия, частицы, а также местоимения являются дублетами – вероятно, в силу их семантической опустошенности, высокой степени обобщенности и "грамматичности" значения. Граница между абсолютными и относительными синонимами нежесткая, поскольку последние могут нейтрализовывать в контексте свои различительные признаки и употребляться как дублеты (*кадка, бочка; день рожденья, именины; папиросы, сигареты*).

Члены синонимического ряда могут различаться с точки зрения экспрессивно-эмоциональной окрашенности. Выделяются цепочки, состоящие только из нейтральных компонентов (*А так на кладбище видала. На моги'льниках там, на кладбище*), но около трети всех рядов включают экспрессивные лексические единицы или состоят только из них: *А это, только пришли – и она нарисовалась. Ну она надоела, правда!; Владимир был, три ведра привёз грибов, да как один, гыт, все – размиʼлы, хороʼши; Да лаются, матерятся. Ой! Ну с кем-нибудь так если свяжутся, ругаются.*

Экспрессивные компоненты ряда могут вносить оттенок интенсивности проявления признака или действия (ср. *смеяться – хохотать, заливаться, рёвом реветь* "сильно и долго смеяться"; *сильный – лютый* "очень сильный") либо выражать общую негативную или позитивную эмоциональную оценку (в разных вариантах, от смягченно-иронической до резко неодобрительной, ср.:

[1] Многие выделяют дублеты, относительные и экспрессивные синонимы на равных основаниях. Ср. классификацию Г.А. Ракова, где собственно синонимы в отличие от дублетов делятся на семантические и эмоционально-экспрессивные [Раков 1988, с. 35–36].

украсть – нейтральное, *взять* и *утащить* – смягченно-неодобрительное, *свистнуть* и *упереть* – резко неодобрительное; *беленький* и *светленький* – ласк. "светловолосый"). При этом в составе ряда могут объединяться экспрессивно-эмоциональные синонимы с комбинацией сем "интенсивность" + "неодобрительная оценка", "интенсивность" + "одобрительная оценка", но нетипичными являются цепочки с разнополюсной оценкой на шкале эмоциональности[1]. Согласно общей языковой закономерности, негативная оценка представлена у синонимов гораздо шире, чем позитивная, эмоциональных синонимов несколько больше, чем собственно экспрессивных, а у последних чаще выражена интенсивность признака, чем экстенсивность.

Стилистическая дифференциация синонимов, достаточно разветвленная в литературном языке, где выделяются высокое, поэтическое, книжное, официально-деловое, нейтральное, разговорное и просторечное (см.: [Новиков 1982, с. 237]), в языке диалектной личности представлена гораздо беднее. В говоре хорошо ощущаемое носителем литературного языка различие нейтрального, разговорного и просторечного нередко стирается. Так, слова *жрать, морда, брюхо, переть* часто используются В.П. как нейтральные. Ср.: *Он недоносок был у ей, вынули через брюхо; Беременна-то. Я думала, что она… маленький живот-то будет, а теперь большой; Счас на брюхо лягу, попробую ешо. Ой! Вобше-то я любила на животе лежать, спать кода' – а счас не могу, прямо ноет; Он заворотил, попёр прям [бревно]. Это вот такому мужику надо, под потолок, а он прям ташшыт; Они [родственники] здо'рово жрут, всё. И покупают всё, помногу – но'нче шесь ячеек [яиц] взяли, Валя им купила. Молоды', жрут. Он ничё не ел, а сердце-то дю'жило, здоро'во, видно.*

[1] Ср.: «Часто в контексте встречаются, наряду с исследуемыми синонимами, еще несколько эмоционально окрашенных слов, причем они имеют одинаковую "направленность": или все положительную, или все отрицательную» [Раков 1988, с. 64].

По данным «Словаря синонимов русского языка» [Словарь синонимов… 1970], в литературном языке *болеть* – нейтральное, *хворать* – разговорное; *наверно* – нейтральное, *поди* – просторечное, *видно* – разговорное; *здесь* – нейтральное, *тут* – разговорное. Ср. в идиолекте В.П.: *Она хворала; Мать-то болеет шибко; Ну, в октябре, наверно, в первых чи'слав, а это легла в больницу; Она, поди, думает, что много [варенья]; Ну она выросла тут, здесь*. Стилевые различия в подобных высказываниях отсутствуют, синонимы могут употребляться в функции замещения.

С низким стилем в лексиконе информанта связаны слова грубые или грубоватые (на фоне нейтральных или более смягченных эквивалентов): *су'чить* "изменять супругу" (ср. *бегать*), *засу'читься* "стать распутной" (ср. *забе'гаться*); *полюбо'вник* (ср. *друг*), *снюхаться* "вступить в любовную связь" (ср. *смотаться, связаться*), *нажраться* "напиться допьяна" (ср. *напиться*), *выжрать* "выпить спиртное" (ср. *выпить*), *засрать* "запачкать" (ср. *загадить*).

Книжный оттенок сохраняют несколько слов из области медицины (*удалять*, ср. *дёргать* /зуб/, *ягодица,* ср. *хо'лка*), а также слово *супруга* (ср. *баба, жена*).

Синонимов высокого стиля меньше, чем сниженного: *погубить* (ср. *убить*), *погибнуть, скончаться* (ср. *умереть, пропасть, замереть*). Несколько особняком стоит прагматически доброжелательное *кушать* (ср. *исть*).

Большинство компонентов синонимической цепочки находятся в активном употреблении личности. К пассивному словарному запасу относятся прежде всего новые и устаревающие лексические единицы. Синонимические ряды отражают процесс диахронического изменения лексикона информанта. Они пополняются за счет новых слов, проникающих в говор из книжной речи (*скоропостижно, удалять, ягодица*). Иногда цепочки включают лексические единицы из чужой речи, отражая первый этап

усвоения неологизмов (*разбежаться*, ср. *разойтись*, *алкоголик* и *алкаш*, ср. *пьяница*). Отдельные члены синонимических рядов находятся в стадии устаревания (*брюха'та* "беременная", *о'дяг* "сила", *товар* "ткань", *назём* "навоз") или устарели (*мотыга, сары'нь* "дети").

Синонимы встречаются в естественных текстах информанта – как в монологической, так и в диалогической форме: *Тёрка у меня была така', как баночка. Шинковочка; В.П. Иван Степанович тоже молодец, хороший. Ну он тиховатый был. Г.Д. Иван Степанович? В.П. Ну он спокойный, просто спокойный.*

Наиболее часто синонимы продуцируются в монологах В.П. Видимо, динамичный монолог с быстрой сменой реплик не способствует актуализации синонимических отношений.

В редких случаях синонимы воспроизводятся в тексте под влиянием чужой речи: *В.П. Ну он худо учился, шибко, гыт, худо. С. Плохо? В.П. Плохо, сильно плохо.*

В исследованных текстах наблюдается как дистантное, так и контактное расположение синонимов.

При дистантном употреблении каждый из членов синонимического ряда употребляется изолированно, в разных речевых отрезках: *А он гыт, ну говорят, что похудел. Брюхо было, а счас нет; А я вижу, что пузе'нь-то большу'ча; Я говорю:"Зачем брал [замуж]? зачем с ей связался?" А он говорит это: "Да я чё, она сама налезла"; Навалили, отгуляли [свадьбу]. А теперь и говорит: "Ты сама навя'лилась"*.

Более типична контактная позиция; при этом синонимические отношения актуализируются главным образом в составе одного предложения с сочинительной связью в роли однородных членов. Случаи бессоюзной сочинительной связи (конструкция Х, У) являются наиболее распространёнными: *Окна страмны' таки', шибко гря'зны; Я счас каюсь, жалею: надо было мне взять от неё денег-то; На кровать там, на койку положь; Рожковой-то налила немножко, мале'нько, грамм пиисят; А я легла на это, как её? на скамейку, на лавку-то* и т.п.

Самым типичным является парное употребление синонимов: *Ты им подписала домик-то, избушку-то?; В избе холоди'шша, морози'шша; Я пошла туды'. А там рёв, стоно'та. Аня там ревёт, плачет; Ну он такой проворный, как вроде шустрый; Танцевали, плясали… всё делали; Да лени'ва она, охлю'иста, никого не де'лат; Ну упала, гыт, растянулась*. Изредка встречаются синонимические триады: *Набре'тся – хорошенькый, красивый, синпати'чный; Бедо'ва, отча'янна, да бо'йка [женщина]; А попадёте [в тюрьму], говорю, это ж стыд, страм, позор!* Более трёх синонимов подряд не отмечено.

Многие пары синонимов имеют стабильный порядок употребления в контактной позиции. Ср.: *На моги'лкав. На кладбишше растёт [чистотел]; В нашем краю много его на моги'лкав, на кладбишше; Поеду… к сыну на моги'лки скоро… на кладбишше; А все, как приезжают, так наряжаются в рабо'чу одёжу и пошли вкалывать, работать; А муж-то помер, она как начал**а** вкалывать работать!*

В общерусских рядах (О – О) на первое место нередко выдвигается компонент, имеющий в толковых словарях литературного языка помету "разговорное": *А у нас тоже хворали, болели кото'ры*; *Ничё не поела. Худа' девка. Нехоро'ша.*

Общерусские синонимы с оттенком книжности обычно занимают второе место в паре: *Я хорошо ела. Питалась я хорошо; Она умерла. Сразу, скоропостижно*.

Причины такого явления, вероятно, связаны прежде всего с частотностью членов синонимической парадигмы: при контактном употреблении первым воспроизводится более частотный.

В отличие от письменной речи и в особенности от художественных текстов, где возрастает роль сознательного начала в отборе слов, спонтанная устная речь отражает интуитивный выбор языковых средств. Функции их употребления определяются поэтому только с позиций исследователя-лингвиста, извне, по объективным характеристикам текста.

При контактном употреблении информантом синонимов в условиях естественной речи можно выделить следующие их функции.

1. **Замещение одного синонима другим** в речевом потоке (без изменения семантики высказывания) наиболее характерно для В.П. Эта функция свойственна дублетам. Распространённость ее обусловлена высоким процентом абсолютных синонимов в лексиконе диалектоносителя. Однако внешне сходные случаи замещения используются в речи с разными целями.

Л.А. Новиков отмечает, что замещение «…позволяет избежать повторения одних и тех же слов, однообразия в изложении», при этом «чаще всего функция замещения реализуется в сменяющих друг друга частях текста, предложениях (или его частях)» [Новиков 1982, с. 230]. Такое стремление к разнообразию повествования, присущее прежде всего авторам письменных литературных текстов, достигается сознательной авторской правкой. В устной речи это стремление проявляется бессознательно, интуитивно, но также имеет место: *В.П. Ну я их [мелкие помидоры] не люблю. Т.В. Мне тоже они не понравились. В.П. Нет, мне не гля'нутся они; Да тебе же худо будет, тебе же плохо будет; Погодю' маленько, ешо дня два, три, подожду; Тяжёла жизь счас, тру'дно время, всё говорят; "Ты мне принеси баночку". А он мне припёр, баночку, трёхлитро'ву.*

Замещение может происходить также в случаях нарушения акта коммуникации и служит при этом для устранения коммуникативных помех. Не услышанное, не понятое собеседником слово говорящий заменяет на дублетную единицу: *В.П. Ткать, я говорю, тоже хочу, резать [тряпочки для половика]... и никого. С хворью связалась. С. С чем? В.П. С хворью. С болезнью; В.П. "Я, гыт, нажарила, поела [грибы] да захворала". Г.Д. Чё? В.П. Заболела.* Естественно, что такую роль синонимы выполняют только в диалоге.

Функция языкового перевода, выделяемая рядом исследователей диалектной синонимии, для естественной речи В.П. нетипична. Спонтанное пояснение диалектного слова литературным эквивалентом носителю иной формы национального языка практически отсутствует в дискурсе. Объясняется это и долговременными условиями сбора материала, когда собиратели не воспринимаются как чужие, посторонние люди, и естественным характером записанных текстов, и, наконец, индивидуальными особенностями речи информанта, которому почти не свойственно «приспособление» к речи окружающих, изменение манеры выражения при общении с более молодыми и образованными собеседниками. «Языковой перевод» обычно провоцируется вопросами лингвиста «Это что?», «Что это значит?» и т.п.: *Тоже род ягоде этой. [Что?] Урожай; Ну, так-то верста'ться со мной чё? [Что значит «верстаться»?] Ну, сравниваться*. Однако такие случаи можно рассматривать и как разновидность замещения для устранения коммуникативных помех.

2. Регулярно представлены в исследуемом материале и фрагменты речи, в которых синонимы отличаются друг от друга отдельными элементами значения. Такие случаи квалифицируются лингвистами как проявление **функции уточнения**. Уточнение – «…способ многогранного, разностороннего представления в языке того или иного явления действительности» [Новиков 1982, с. 181]. Сложное, многоаспектное обозначаемое недостаточно полно выражает свою сущность с помощью одной из единиц лексикона. «Возникает необходимость одновременного употребления сразу нескольких сходных и вместе с тем различных единиц, несовпадающие стороны (семы) которых с разных точек зрения были бы "направлены" на обозначаемый объект (явление), вскрывая в нём все новые и новые стороны, делая его "выпуклым", как бы стереоскопически воспринимаемым. Этот процесс… напоминает наложение "мазков", красок в живописи, постепенно уточняющих очертание предмета, делающих его выразительным и

многогранным, богатым разнообразными ассоциациями» [Там же, с. 232].

В функции уточнения могут выступать и дублеты, когда второй из них вводится для устранения вероятности неоднозначного понимания высказывания (многозначное слово поясняется через однозначное): *А потом бабы-то поехали, жёны-то и'хны, они одёжу им отдали; А я говорю: дак это, купишь кода'-нибудь, побольше будешь, постарше, да купишь; А Валя приходит ко мне: "Тётя Вера, скажи, как тесто ставить, заводить"; А там две бутылки вина у меня стояли, водки, и брага эта*[1].

Уточняться может сама информация – при этом можно говорить о самокорректировании как подфункции по отношению к функции уточнения: *А он глухой был у нас, недослышал* (*глухой* "полностью или частично лишённый слуха", *недослышал* "о частично лишённом слуха"); *Ну и это, и машину всю разбил, девочку эту искале… [чил], изувечил* (*искалечить* "сделать калекой", *изувечить* "нанести увечья").

В таких случаях используются относительные синонимы, которые, в отличие от дублетов, изменяют семантику высказывания. Синоним с более обобщённым значением сменяется синонимом с более конкретной семантикой: *Мужики-то меня взяли да не пускают никого, взяли да под лавку поло'жили. Запихали* (уточняется способ действия: "поместить что-л. в лежачем положении" + "быстро, втиснув куда-л."); *После, гыт, зашёл в автобус, заскочил* (конкретизируется характер движения: "войти, проникнуть куда-л." + "скачком, быстро").

Возможен и обратный порядок синонимов – от более частного значения к более общему: *Валя, же она разгу'льна, весёла* ("любящий погулять, повеселиться" + "полный веселья, жизнерадост-

[1] *Вино* в лексиконе В.П. имеет значения не только «алкогольный напиток, получаемый в результате брожения из винограда» и «водка», но и «общее название спиртных напитков» [ПСДЯЛ. Т. 1. С. 123].

ный"); *"Поля, ты там это, замаскируй мале'нько, чтоб не видать было" [брагу] – она замаскировала, там чем-то закрыла* ("прикрыть чем-л., чтобы не было видно" + "пряча, чтобы не могли найти, заметить").

Синоним в постпозиции нередко применяется для смягчения более категоричной характеристики качества, выраженной первым из относительных синонимов: *А он [чеснок] меленький, некрупный; А куды' к деду? Там некуда. Ну близко так-то, недалёко; От така' [девушка], да ма'ленька, небольша'.*

3. Коннотативная функция проявляется в тех случаях, когда употребление синонима создает или усиливает (либо ослабляет) экспрессию контекста. В этой функции используются как дублеты, так и относительные синонимы. Слабую экспрессивность высказыванию может придавать контактная актуализация даже нейтральных синонимов: *Мотя говорит: "Ой, что ты раскидываешь, разбрасываешь всё"; И расходились, и разводились, и сам хотел поджигать эту квартиру.*

Более яркая экспрессивность проявляется при употреблении ряда оценочных синонимов: *Он же не пойдёт. Такой твердолобый, настырный* ("упрямый", неодобр.); *И вот таки' картошечки, ну прям таки' неприя'тны они, непригля'дны* ("вызывающий негативные эмоции" + "непривлекательный на вид", неодобр.).

4. Использование экспрессивно-эмоционального синонима на фоне его нейтрального эквивалента можно рассматривать как промежуточную между уточнительной и коннотативной функцию экспрессивного уточнения, при которой конкретизируется степень проявления признака, качества, свойства, действия (+ возможная оценка обозначаемого): *Гляжу, она воды налива'т [в тесто]. Я говорю: "Да ты куды' столь набуро'бливашь-то?"* ("наполнять что-л., вливая жидкость" + "излишне много, неодобр."); *А потом [священник] говорит: "Не ели ли моло'сно?" А*

сам, гыт, творогу намешают, да мяса накладут – он навора'чиват тоже ("принимать пищу" + "с жадностью, в большом количестве, неодобр."); *Много у ей одёжи, она хорошо одевалась. Здо'рово даже* (положительная оценка + её усиление); *"Вовка проехал?" – это Танин брат. А я говорю: "Хоть бы и проехал, я его не узнала, на мотоцикле пролетел да и всё"* ("проследовать куда-л". + "быстро, миновав кого-л.").

Кроме обычно отмечаемой функции создания или усиления экспрессии у В.П. часто наблюдается смягчение экспрессии в экспрессивном синонимическом ряду, переход от более категоричной оценки к менее категоричной. Очень типичными являются конструкции: *Она уж окосела, опьянела; А мужик красивый, синпати'чный* и т.п. (ср. выше в функции уточнения: *меленький, некрупный; близко, недалёко; маленький, небольшой*).

5. Наряду с контекстами, где синонимы выполняют одну из перечисленных функций, в речи информанта встречается множество высказываний, в которых их использование является, по существу, афункциональным. Подобное явление характерно для дублетов. В отличие от контекстов, где синонимия служит для устранения монотонности речи, абсолютные синонимы актуализуются в этих случаях в близкоконтактной позиции: *Знашь чё, гардероп, шифонер-то убери отсэ'дова; Моточек один, кулубо'чек у меня остался; От ишь, как рукомо'йка бежит, умывальник* и т.п. Данная особенность, видимо, следствие некоторой избыточности лексической системы говора.

В немногочисленных у исследуемой ЯЛ, как уже отмечалось, метатекстах синонимы употребляются в особых функциях:

– перечисления (перечисляются основные компоненты синонимического ряда): *Ну, "са'нки" говорят, и "сано'чки". "Салазки" говорят; Спицами зовут, и игла… иголкими;*

– противопоставления (противопоставляются, сопоставляются члены синонимического ряда, обычно устаревшие и новые): *Теперь от говорят "ребятишек много" или "детей много", а*

раньше "сары'нь". "Сары'нь много"; А мы тятей звали раньше, отцов-то, "мама" да "тятя";

– языкового перевода – только при вопросе собирателя (примеры см. выше).

В исследованиях по синонимии отмечается, что разным семантическим типам синонимов соответствуют разные речевые функции. Так, Г.А. Раков на материале Нарымского говора Томской области приходит к выводу о том, что для дублетов характерно прежде всего употребление в целях языкового перевода и для устранения монотонности речи; синонимы эмоционально-экспрессивные используются в уточнительной и коннотативной функции, а относительные семантические – главным образом в функции уточнения, конкретизации [Раков 1988, с. 63–67]. Наш материал дает основания для несколько иных выводов. Тексты информанта свидетельствуют о том, что дублеты концентрируют весь спектр возможных функций употребления синонимов – языковых (замещение, уточнение, коннотативная) и метаязыковых (перечисление, сопоставление, языковой перевод), причем доля последних очень незначительна. Для тесно связанных разновидностей семантических и экспрессивных относительных синонимов характерны функции уточнения и/или усиления/смягчения экспрессии.

Члены синонимического ряда различаются в языке личности частотностью употребления. Статистика показывает, что частотность диалектных и просторечных синонимов в большинстве случаев выше, чем общерусских. Ср. подсчеты в тексте объёмом 850 страниц:

шибко 73, *очень* 21, *сильно* 18, *до смерти* 1;

пособить 11, *помочь* 1;

дополна' 19, *много* 1.

Исключение составил один ряд: *наверно* 96, *однако* 28, *поди* 8, *может* 8, *видно* 2.

Общерусские синонимы, имеющие в литературном языке разговорную окрашенность, также употребляются чаще нейтральных: *хворать* 23, *болеть* 15; *худо* 21, *плохо* 7.

Преимущественно нелитературный характер доминанты синонимического ряда можно объяснить типом языковой личности информанта, представляющей архаический слой говора.

Различаются по частотности употребления и синонимические ряды в целом. Предварительные подсчёты позволили выделить те из них, которые наиболее часто встречаются в речи информанта (естественно, в каждом высказывании актуализуется только часть ряда, если он многочленный):

видный, красавец/красавица, синпати'чный, славненький, смазливенький,

хороший/хорошенький "внешне привлекательный, о человеке"	49
полный, толстый, хороший, жирный, здоровенный	23
хороший, славный, добрый	15
мале'нько, немножко/немного, мало, маленечко, крошечку, чуточку	14
украсть, утащить, взять, упереть, свистнуть	14
сухой, тонкий, худой, щуплый, кожа да кости	12
принести, припереть, притащить	9
меленький, небольшой, некрупный	8
хорошо, здорово, неплохо, нормально, размило, славно	8
шибко, сильно, без ума <без разума >, до упаду, до смерти, очень, здо'рово	8
нравиться, гляну'ться, любить	7
плохой, неважный, негодный, нехороший, незавидный, худой (о предмете)	7
криче'ть, орать, реветь, рёвом реветь	6
исть, жрать, кушать, лопать, мести, наворачивать, хря'мкать	6
кладбище, могилки/моги'льники	6
близко, недалёко/недалёчко, рядом	6

Большинство высокочастотных синонимических рядов многочленные (среди рядов с частотностью 7 и выше нет ни одного двучленного), включают экспрессивные единицы или состоят только из них. Цепочки, обозначающие признак (прилагательные, наречия), преобладают над обозначающими действие или предмет. Самые частотные ряды, занимающие первые три позиции, связаны с оценками человека (с точки зрения красоты предмет оценивается всего в двух высказываниях, животное – в одном, 49 контекстов характеризуют людей). Главенствующей в оценке субъекта является для информанта внешняя привлекательность. Это постоянный объект описания: *Он синпати'чный был так-то на личико, хорошенький; А там от этого мужа-то девочка бе'ленька така', хоро'шенька, ну не така'. Эта красавица прям, чёрна така', краси'ва; Да и вобше синпати'чна, Мотя-то была. Хоро'ша; Она краси'ва была, синпати'чна; Хоро'шенька така', на мордочку ничё, смазли'венька; Парень-то видный, хороший так* и т.п.

Наряду с общей оценкой привлекательности как непременным атрибутом характеристики индивида (думается, что она определяется в первую очередь представлением о красоте лица), В.П. обращает внимание прежде всего на особенности фигуры, связанные с её полнотой. Небольшая полнота в крестьянской эстетике расценивается как привлекательная, чрезмерная тучность воспринимается негативно: *Полну'ча была! Не скажу, что то'лста, ну по'лна, хоро'ша; А на лицо-то ничё, а така' то'лста, неподви'жна. Мать-то по'лна была.*

Третью по частотности позицию после эстетических оценок занимают этические оценки личности: *Мне приходила врач, там Валентина Максимовна, в о'бчем она до'бра, хоро'ша; Сла'вна женшына, хоро'ша; Он мне нравится, хороший парень, славный; От эта Маруся – она сла'вна так, хоро'ша женшына, мне гля'нется!*

Очень показательна асимметрия в частотности синонимических рядов. Так, привлекательность человека отражается в 49

случаях, а непривлекательность – всего в двух; полнота – в 23, а худоба (всегда связанная с негативной оценкой) – только в 12; общая позитивная этическая оценка поведения *(хороший, славный, добрый…)* встречается в 5 раз чаще, чем негативная *(худой, нехороший, плохой…)* и соотносится как 15:3. Всё это несомненно свидетельствует о свойственных данной ЯЛ доброжелательности, неконфликтности в отношениях с окружающими.

Сопоставительные данные, которые бы позволили разграничить в явлении идиолектной синонимии общеязыковое, обусловленное формой национального языка и индивидуальное, фрагментарны.

Нет единства выводов относительно частеречного распределения синонимов. По сведениям Л.К. Лыжовой, в одном из воронежских говоров из 215 синонимических рядов 96 – субстантивных, 85 – вербальных и 34 – адъективных. [Лыжова 1969]. Такая же картина – в литературном «Кратком словаре синонимов русского языка» В.Н. Клюевой, где из имён существительных – 286 рядов, из глаголов – 184, из прилагательных – 113 [Клюева 1956]. Наши выводы расходятся с этими, но соотносимы с подсчётами на материале русской разговорной речи и языка художественных произведений: в обеих сферах преобладают глагольные синонимические ряды, существительные занимают второе место [Разговорная речь в системе… 1983, с. 15–16].

Словарный запас В.П. подтверждает наблюдения многих диалектологов [Херольянц, Кретова 1966, с. 316; Коготкова 1967; Раков 1988, с. 13] о распространённости лексических дублетов и экспрессивно-эмоциональных синонимов в говорах в отличие от литературного языка.

Типичным для диалекта является смешанный характер синонимических рядов с точки зрения соотнесённости с формами национального языка (ср.: [Блинова 1975а, с. 157]).

Интересный материал для сопоставления даёт монография «Разговорная речь в системе функциональных стилей русского

языка. Лексика», где анализируется синонимия в русской разговорной речи и в языке художественных произведений современных писателей. Наблюдения над разговорной литературной речью свидетельствуют о бедности в ней синонимических отношений. Утверждение «…синонимы в разговорной речи довольно редко встречаются в речи одного и того же лица» дополняется ещё более категорическим: «…синонимические ряды в пределах речи одного лица практически отсутствуют, в пределах одного разговора встречаются редко, обнаруживаются лишь во всем массиве записанных разговоров, но даже в нем обычно представлены одним компонентом, как правило, самым частотным» [Разговорная речь в системе… 1983, с. 17, 20]. Многочленные ряды очень немногочисленны, даже четырёхкомпонентная цепочка является исключением [Там же, с. 15]. Большинство синонимов в разговорной речи нейтрально. Редкие случаи контактного употребления двух синонимов не имеют ни уточняющих, ни градационных, ни эстетических функций, их использование тавтологично., причем разговорная речь рядовых и творческих носителей языка в этом плане принципиально не различается. Это подтверждают наблюдения над устной речью семи писателей и пяти ученых из Москвы и Саратова [Девятайкин 1992, с. 31]. В художественной речи те же авторы широко используют синонимы [Там же]. Художественные тексты включают как двух-трех-, так и многокомпонентные ряды, для которых типично сочетание разностилевых (нейтральных, сниженных и возвышенных) элементов, разнообразие функционального употребления: для создания образов персонажей, для выражения отношения автора к изображаемому, с целью избежать повтора или для передачи градации [Разговорная речь в системе… 1983, с. 11–20]. Таким образом, сравнение с нашими данными свидетельствует об очень существенных отличиях (в отношении богатства синонимических рядов, разноплановости их компонентов и развитости

текстовых функций синонимов) явления синонимии в речи диалектоносителя от его реализации в разговорной речи и в то же время о его значительном сходстве с синонимией в литературных текстах.

У творческой ЯЛ – носителя литературного языка – выявлены резкие различия, связанные с характером употребления синонимов в письменной (художественной и научной) и устной, разговорной речи. Языковая личность диалектоносителя, владеющего почти исключительно только устной формой речи, не отличаясь такой раздвоенностью, более целостна в этом плане. Как это ни парадоксально, но рядовая ЯЛ (в её диалектном варианте) по особенностям реализации синонимии оказывается более близкой к ЯЛ писателя в её наиболее творческих проявлениях – художественном слове.

2.3.5. Антонимия

Лексикологи, занимающиеся проблемами антонимии, ставят задачи разграничения подлинных и квазиантонимических оппозиций, исследуют типологию антонимических пар и словообразовательных гнезд антонимов, их функционирование в речи. Работы на диалектном материале в данной области

немногочисленны: анализировалась специфика диалектной антонимии в целом (Р.В. Херольянц, В.Л. Козлова) и в связи с ее частеречной организацией (А.П. Шварц, Н.Т. Свистунов), взаимодействие антонимических и синонимических отношений (Б.Д. Воробьев, А.Д. Ли). Антонимия в рамках одного говора (сёл Нарым и Вершинино Томской области) исследовалась Л.М. Райской и Н.В. Кононовой.

Если синонимия в идиолексиконе уже начинает привлекать внимание лингвистов (хотя ещё только на материале языка писателей), то антонимические отношения в этом аспекте до сих пор не рассматривались. Лишь в небольшой статье Л.М. Райской

[Райская 1997] есть некоторые наблюдения над антонимическими противопоставлениями, которые не совпадают с системой нарымского говора и воспроизводятся только в речи отдельных информантов.

В дискурсе В.П. Вершининой выявлено 318 пар антонимов.

Антонимические оппозиции имеют место среди существительных *(парень – девка, день – ночь)*, прилагательных (*больной – здоровый, мягкий – жёсткий*), наречий (*раньше – тапе'рь, редко – часто*), глаголов (*забыть – вспомнить, любить – ненавидеть*), слов категории состояния (*охота – неохота*), местоимений (*тот – этот*).

Отдельные пары носят смешанный характер: прилагательное – существительное (*Она дурочка, а я шибко у'мна; "Тётя Вера, Вовка дурак ли умный?"; [Ощупывая бока кошки:] Сухарь. Маленько полу'чче стала ешо. Дак от я кормила бы, мясо бы ела она дак... по'лна была бы. Я ей не даю шибко мяско'-то*);

– местоимение – прилагательное (*Ну пусь Шаламов чужой человек, приезжий, но свои-то, дереве'нски были; Чужо' носить не люблю, и не люблю, чтоб моё носили; "Дак а Рамиль-то чужой!" – "Ну, а это тоже наш!"*);

– числительное – прилагательное (*Разбежались, гыт [супруги]. Один там, друга' тут; Первый блин, гыт, комком, а у меня последний комком*);

– прилагательное – глагол (*Я мать её знала, жива ли умерла ли она?*);

– категория состояния – глагол (*Ну вот, а ты напомни ему – правда или, может, врут?*).

В этих случаях один из членов пары приобретает грамматические признаки другой: прилагательное субстантивируется (*умный*), прилагательное и глагол приобретают значения категории состояния (*врут, жив – умер*). Порядковые числительные типа

первый некоторые лингвисты исключают из состава слов этой части речи, находя у них больше свойств прилагательных [Шанский, Тихонов 1981, с. 128−129].

У информанта отмечены также отдельные антонимические оппозиции с неоднословным наполнением одного или обоих членов пары: *Бесплатно, дак ездит, а за плату бы не стала ездить ка'жный день в город; Поди, правда говорит, ли врёт?; А мать совсем редко-редко [пила], в рот не брала. А тётка запивалась до смерти. Это… пила, шибко!; Тоже маленькый ростиком, коренастенькый, а так маленькый ростом, небольшой, в Кольку он [сын]. А Лена высо'ка, та ничё.*

Такого рода явления не отмечаются словарями, но обычны для живой разговорной речи и отвечают всем основным признакам антонимов (контрастность семантики, сходная сочетаемость, употребление в характерных для антонимов синтаксических конструкциях). Появление этих противопоставлений вызвано отсутствием в языке однословных наименований (*говорить правду, за плату, не брать в рот*) или развитием устойчивых сочетаний у многозначных слов (*маленький ростом*).

Исследователи отмечают количественную неравномерность в распределении антонимии по частям речи. В.А. Иванова утверждает: «…прилагательные являются наиболее типичной частью речи для антонимов» [Иванова В.А. 1982, с. 119]. Согласно подсчетам Л.А. Введенской, большую часть её словаря антонимов русского литературного языка занимают прилагательные, ненамного меньше доля существительных [Введенская 1973, с. 28]. Не совсем совпадают с этими наблюдениями данные по языку диалектной личности. Антонимичные прилагательные явно преобладают (около 35% всех пар) над антонимами других частей речи; 20% составляет доля наречий, 17% – глаголов, 15% – существительных, 3% – слов категории состояния, 1% – местоимений, 9% приходится на остальные (смешанные) пары.

Общепризнанно деление антонимов на разнокорневые, однокорневые и энантиосемичные в зависимости от формальных средств выражения семантической противопоставленности.

В лексиконе диалектоносителя разнокорневые антонимы составляют большинство (около 77%). В русском литературном языке они также являются наиболее представительным классом [Новиков 1973, с. 70]. Однокорневые пары образуются обычно с помощью префиксов.: *вставлять – выставлять, включить – выключить*; *включать – отключать*; *вылететь – залететь, выпустить – запустить*; *вывезти – привезти*; *выиграть – проиграть, выписать – прописать*; *вы'класть – скласть*; *закрываться – открываться, закрыть – открыть* и др.

Регулярнее других используется модель Ø – НЕ: *красивый – некрасивый, ладно – неладно, самостоятельный – несамостоятельный, правда – неправда, удобный – неудобный* и т.п., всего 31 пара. Для части оппозиций, обозначающих половую принадлежность (включаем их в состав антонимов на основании контрастных сем "мужской – женский", отмеченных всеми словарями антонимов), средством её выражения являются суффиксы (*правнук – правнучка, свёкор – свекровь, сам* "самец" – *саму'шка* "самка"). Есть переходный между однокорневыми и разнокорневыми случай выражения противоположности первыми частями сложного слова (*высокодо'йная – низкодо'йная*).

По поводу диалектной энантиосемии у исследователей нет единой точки зрения. И.А. Оссовецкий утверждает, что «В русском диалектном языке энантиосемия встречается достаточно часто» [Оссовецкий 1982, с. 61]. Н.И. Толстой считает, что «…семантическая система диалекта (языка) избегает энантиосемии» [Толстой 1969, с. 101]. Второе суждение, вероятно, ближе к истине. Во всех среднеобских говорах обнаружено 7 энантиосемичных слов [Тюрина, 1983]. При детальном изучении антонимии в одном из них – нарымском – энантиосемия отмечена не была [Райская 1985, с. 5].

В языке В.П. зафиксирован один случай энантиосемии: *Ну хоро'ша [мука]. Хоро'ша, басловлёна. Мука хоро'ша. Высший сорт* (*басловлёный* "о чём-л., вызывающем одобрение"); *А семя-то сколь на ей [мокрице], басловлёной, на траве-то! Не дай бог!; А он тоже, басловлёный, выпить любил. А работать не шибко любил* (*басловлёный* "о ком-чём-л., вызывающем неодобрение").

Кроме того, в дискурсе информанта достаточно широко распространена присущая всей разговорной речи энантиосемия, создаваемая ситуацией и определенным «интонационным контуром» иронии [Брагина 1986,с. 73]: *Я говорю, поди, "милый" какой придёт к жене-то своей [о пьяном], постылый-то какой!; А они худо едят, кого там! "Едоки"*.

По соотношению с основными формами национального языка можно выделить общерусские пары антонимов (*густой – редкий, новый – старый*), просторечные оппозиции (*баба – мужик*), собственно диалектные (*по-белому – по-чёрному* "о бане с печью, имеющей дымоотвод или без него", *по-новому* "по новому стилю" – *по-старому* "по старому стилю") с их вариантами в разнообразных комбинациях. Большинство пар общерусские, довольно много антонимов с соотношением О – ДО (*туды'* "туда" – *обратно*, *большой – ма'сенький* "маленький", *хороший* "красивый" – *некрасивый, чистый* "предназначенный для приготовления пищи" – *поганый* "предназначенный для нечистот"), остальные группы немногочисленны.

По типу выражаемой антонимами противоположности (следуя классификации Л.А. Новикова) в языке личности можно выделить те же группы, что и в литературном языке. Широко распространены контрарные антонимы, выражающие качественную противоположность (*бедно – богато, холодный – тёплый*) – 50%; несколько реже встречаются комплементарные, обозначающие дополнительность противопоставления (*свой – чужой, благоустроенный – неблагоустроенный*) – 27%; ещё меньше векторных антонимов, служащих для отражения противоположно

направленных действий, свойств и признаков (*жениться – разжениться, залететь – вылететь*) – 23%.

По наблюдениям Л.М. Райской, «Антонимия является таким типом системных отношений в лексике, которые актуализуются (воспроизводятся) значительно реже, чем отношения синонимии, полисемии или мотивации» [Райская 1985, с. 2–3]. В речи изучаемой личности антонимия занимает более значимое место. Дискурс информанта отражает примерно равную вероятность актуализации антонимических и синонимических связей, уступающих по встречаемости лишь мотивационным отношениям. Средняя частота появления одной пары – 0,13 на страницу печатного текста.

Обычно исследователи рассматривают синтаксические конструкции с антонимами только в составе предложения. В нарымском говоре основным структурным типом является Х, а У (около 45% всех контекстов), затем Х // У, Х и У [Райская 1985, с. 15]. В речи информанта особенно частотны конструкции Х. У; Х, а У; Х. А У; Х // У (*Неохота Гале жить в городе. Охота в деревне*; *Кухня-то ма'ленька. А комната-то больша'; Ну, от в субботу приехала, в воскресенье уехала в Па'ску*). К среднечастотным можно отнести Х ли У; Х, не У; Х. Ну У; Х. Ли У ли (*Люди больны' ли здоро'вы; Ну, ряды коро'теньки там, не до'лги; У меня есь, ста'ры [картошки]. Ну я све'жи копала*; *С ума сошли бабы. Ли мужики ли)*, прочие низкочастотны.

Синтаксические конструкции тесно связаны с функциями использования антонимов в дискурсе данной ЯЛ.

У В.П. преобладает употребление антонимов в функции противопоставления (74% всех контекстов), в первую очередь логического: *Счас на талоны, а раньше на паи давали; Дорогой стал [сахар] – кто возьмёт там дешёвый-то?* Реже встречается экспрессивно-эмоциональное противопоставление:*; Тре'звы-то все люди, а напьются, так… все не'люди.*

В функции взаимного исключения отмечено 13% всех примеров. Наиболее частотны конструкции Х ли У; Х. Ли У ли: *Ну ты*

её потряси, она жива ли мёртва ли?; Может, лу'чче бы? Ли хуже ли было?; А я даже не знаю, много ли мало он чита'т.

Отметим, что обычным для информанта является значение сильной дизъюнкции, что совпадает с наблюдениями на материале литературного языка [Новиков 1985, с. 22] и говора [Райская 1985, с. 16].

Функция соединения до общего целого составляет 9% всех контекстов: *Сын-то дурачок, да и дочка-то дурочка; Так старух семьдесят ли восемьдесят шшытаю, таких – молодых и старых*. Редкой является функция чередования (4% контекстов): *Утром пробудилась. И это, заснула; Я выключу. Включи-ка!; То туды', то суды' пальцы тянет.*

Не отмеченным в текстах диалектной ЯЛ оказалось употребление антонимов в выделенных Л.А. Новиковым функциях превращения одной противоположности в другую и охвата всего класса предметов [Новиков 1985, с. 23]. Не свойственна данному информанту и подфункция классификации, выявленная Л.М. Райской [Райская 1985, с. 16] на диалектном материале: она присуща главным образом метатекстам и в естественной речи встречается редко.

В речи диалектоносителя выделяются пары антонимов с высокой и низкой частотностью. Большинство антонимических противопоставлений низкочастотно. Среди высокочастотных первое место со значительным отрывом от других занимает оппозиция *большой – маленький* (20 случаев актуализации антонимических отношений). Далее, по степени убывания частотности, стоят пары:

мало – много	13	*пе'рва – потом*	5
хороший – плохой	11	*включить – выключить*	5
молодой – старый	11	*красивый – страшный*	4
суды'/сюды' – туды'	10	*дешёвый – дорогой*	4
хороший – худой	9	*по-новому – по-старому*	4
баба – мужик	7	*тепло – холодно*	4

вечером – утром	7	*сын – дочь/дочка*	4
пьяный – трезвый	6	*мать – отец*	4
хорошо – худо	5	*раньше – счас/сечас*	4
хорошо – плохо	5	*новый – старый*	4
хороший – нехороший	5	*один – другой*	4
девочка – мальчик	5	*долгий – короткий*	4

Таким образом, наиболее частым в речи В.П. является противопоставление по размеру, величине, количеству (*большой – маленький, много – мало, долгий – короткий*). В равной степени значимы также общие оценки предмета или явления как положительного или отрицательного (*хороший – плохой, хороший – худой* "обладающий положительными качествами" – "обладающий отрицательными качествами"), *хорошо – худо, хорошо – плохо, хороший – нехороший*) и обозначения пространственных ориентиров (*суды'/сюды' – туды'*). Достаточно частотна также группа характеристики человека по полу (*баба – мужик, мальчик – девочка, сын – дочь/дочка, мать – отец*), внешности и поведению (*хороший* "красивый" – *худой* "некрасивый", *хороший* "с хорошим характером" – *худой* "с плохим характером", *хороший* "упитанный" – *худой* "тощий", *пьяный – трезвый, красивый – страшный*) и обозначения временных координат (*вечером – утром, пе'рва – потом, по-новому – по-старому, раньше – счас/сечас*). Сопоставительные данные по частотности употребления антонимов в литературе отсутствуют, и можно лишь предполагать, что выявленные противопоставления отражают как общеязыковые закономерности, так и индивидуальное восприятие мира языковой личностью.

Отметим, что все высокочастотные пары антонимов, за исключением просторечной *баба – мужик*, являются общерусскими или (реже) диалектными вариантами общерусских. Ни один из членов высокочастотных антонимических оппозиций не относится к собственно диалектным словам.

К индивидуальным речевым особенностям диалектной ЯЛ можно отнести существование оппозиций с экспрессивными "наслоениями" на один из членов пары: *Хоро'шенько ничё не приснится, всё плохо'; "Принесу", – пья'ненька-то. А тре'зва не принесла; Ну он высочу'шшый, она ма'ленька, цалу'ет ему руки – давно не видала [сына]; Нос у ей долгенькый узенькый… А у меня нос широкый [в]он какой* (наряду с ними функционируют пары *хороший – плохой, пьяный – трезвый, высокий – маленький* и т.п.

Специфика речи информанта проявляется также в наличии квазиантонимов с неполярной, смягчённой противопоставленностью: *А селезе'нь так неважный бы. А уточка хоро'ша*. Такие пары нередко образуются с помощью лексемы *ничё: Она мале'нько потеряла колечко, мале'нько дуркова'та стала, а он-то ничё; А у ей кухня-то ма'ленька, комнатки-то ничё; Плохи' [картошки] посерёдке, а на горке вроде ничё*.

Итак, в лексиконе и в дискурсе изучаемой ЯЛ отражены такие виды системных отношений лексических единиц, как формальное и семантическое варьирование (полисемия), мотивационные, синонимические и антонимические связи. Варьирование представляет собой тип внутрисловных, синонимия и антонимия – межсловных оппозиций, мотивационные отношения занимают между ними промежуточное место.

По данным «Полного словаря диалектной языковой личности», около 76% всех лексем являются мотивированными. Количество слов, способных вступать в речи в синонимические или антонимические отношения, на порядок меньше. При этом синонимические связи значительно богаче и разнообразнее антонимических (467 синонимических рядов с цепочками до 17 слов включают 1144 единицы против 318 пар антонимов). В области внутрисловных отношений полисемия, охватывающая около 21% лексем, преобладает над формальным варьированием, которое покрывает 4% словника (577 цепочек от 2 до 6 звеньев). Зафиксированные в «Полном словаре диалектной языковой личности»

полисеманты, включающие лексику и фразеологию, составляют 15953 единицы, т.е. 20,8% от общего числа вокабул.

Анализ обнаружил наличие тесных связей синонимии с антонимией, той и другой – с отношениями мотивации, а также мотивационных отношений с полисемией. Связи формального варьирования с другими видами системных отношений более слабые.

Межсловные системные отношения синонимов, антонимов, мотиватов проявляются в разнообразии их функций: самокорректирования, пояснения, уточнения, текстообразования, разнообразия языкового выражения, создания образности, эмоциональности и др. Следует обратить внимание на то, что реализация этих функций совершенствует речь говорящего в соответствии с нормой, создавая более яркий, точный, выразительный текст.

2.3.6. Идеографическая организация лексикона

Изучение лексической системы на основе выделения классов семантически близких слов имеет в диалектной лексикологии давние традиции. Описание лексико-тематических групп (среди работ томских ученых можно назвать труды по предметно-бытовой, производственно-промысловой, непредметной лексике, лексике флоры и фауны Е.П. Молчановой, Ф.П. Ивановой, В.П. Палагиной, О.И. Блиновой, В.А. Сенкевича, В.Г. Арьяновой, Р.Я. Тюриной и др.) с развитием теории лексической семантики начало перерастать в исследования полевой организации лексического состава языка (на диалектном материале известны работы К.И. Демидовой, Л.Г. Гынгазовой, В.Л. Козловой, Л.А. Чернейко, А.В. Печниковой и др.).

Идеографическая организация индивидуального лексикона долгое время не была предметом исследования лексикологии, в том числе и диалектной. В.П. Тимофевым выделены тематические группы внутри «Диалектного словаря личности», но какой-либо системы в их расположении нет, и идеографический словарь

как таковой в этой работе отсутствует. Тематическая классификация идиолексикона в работе В.Д. Лютиковой [Лютикова 1999, с. 45–50] также охватывает только собственно диалектные слова.

Концепция диалектного идеографического словаря (на материале Нарымского говора Томской области) впервые была разработана и воплощена на практике Г.А. Раковым [Раков 1988].

Классификация понятийных групп, реально представленных в идиолексиконе, способствует пониманию его устройства и является важной характеристикой ЯЛ. В период ещё незавершенного издания «Полного словаря диалектной языковой личности» был создан пробный фрагмент идеографического словаря, охватывающий поле «Человек» В.П. Вершининой. Он охватывал 2800 слов на А–Я из лексикона В.П., характеризующих непосредственно человека, его внешние и внутренние качества, действия и поступки. Анализируемый фрагмент включал 195 семантических полей. Семантическое поле вслед за Л.А. Новиковым понимается как «…иерархическая структура множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением» [Новиков 1989, с. 231]. Осознавая неполноту представленного во фрагменте словаря материала, мы полагали, что наполнение полей, характер их организации, а также соотношение объёмных и мелких групп единиц в нем отражают реальное положение вещей.

Результаты анализа отразили самые крупные семантические поля идиолексикона информанта.

При характеристике человека как биологического существа были выделены поля "пол", "возраст", "телосложение", "рост", "тело": последнее являлось наиболее обширным (108 единиц)[1]. Его величина и разветвлённость, вероятно, связаны с полифункциональностью этой лексики, служащей и для обозначения внешнего облика человека, всегда отмечаемого В.П., и в частотных у

[1] Наличие формальных вариантов у отдельных слов при подсчётах не учитывалось.

неё темах болезни. Большим является также поле "рост", представляющее значимую для информанта черту внешности.

Среди полей, отражающих восприятие действительности через органы чувств, наиболее объёмные связаны со зрением (30 слов), в меньшей степени – со слухом (21 слово). Вкус, обоняние и осязание представлены слабо.

Большая группа семантических полей включает единицы, обозначающие потребности человека ("одеваться", "спать", "отдыхать", "еда", "справлять нужду" и др.). В центре данной группы находится макрополе "еда" ("питаться" – 74 слова, "готовить" – 36, "кусать" – 9, "вкус" – 6 слов). Крупным является поле "спать" (25 слов). Значительно поле "пристрастия" (47 слов), в основном содержащее единицы с обозначением пристрастия к спиртному.

Чрезвычайно обширно и разветвлённо макрополе "болезнь", отражающее названия разнообразных заболеваний, болезненных состояний и их проявлений, лечения, выздоровления и здоровья (поля: "болезнь" – 36 слов, "выздороветь" – 15, "сумасшедший" – 33, "инвалид" – 17, "лечение" – 20).

Семантические поля, отражающие психические характеристики человека, разнообразны, но обычно невелики. Наиболее обширные поля в этой области – "мышление" (20 слов) и "память" (14 слов). Многочисленные микрополя отражают имеющиеся в лексиконе информанта обозначения черт характера и поведения человека ("добрый", "грубый", "ба'ловный", "капризный", "спокойный" и др.). Самые большие в этой группе поля – "аккуратный" (20 слов), "быстрый" (16 слов) и "ругаться" (33 слова), одновременно входящее в макрополе "речь".

Среди полей, обозначающих эмоции, душевные состояния и настроения ("плакать", "переживание", "сердиться", "напугаться", "брезговать" и др.), значительным является поле "весёлый" (21 слово).

Многоаспектны социальные характеристики человека, представленные в лексиконе ЯЛ. Несколько полей отражают общее

понятие о человеке как члене коллектива ("коллектив", "посторонний", "национальный"); имеются в идиолексиконе поля с различными характеристиками связей и взаимоотношений людей в обществе ("знакомый", "одинокий", "общение", "отношение", "помогать", "гость", "заботиться" и др.). Наибольшее количество единиц включают поля "любить" (21) и "дружба" (17 слов). Однако самыми объёмными среди социальных характеристик являются макрополя "труд", "родня" и "речь".

Трудовая деятельность человека отражена в 36 семантических полях. Наиболее абстрактное поле "труд" включает 34 слова. Весьма велики поля "профессия" и "должность" (65 и 22 единицы). Прочие содержат названия конкретных видов работ, преимущественно в области домоводства и огородничества. Крупными являются поля "готовить (еду)" – 36 единиц, "рукоделие" – 25, "дёргать" – 28, "лить" – 22, "копать" – 20, "грести" – 19, закономерно отражающие основные повседневные занятия данной ЯЛ. Несколько особняком стоит большое семантическое поле "драться" (33 слова), которое лишь условно можно отнести к трудовой деятельности. Обширно семантическое поле "торговля" (34 единицы), отражающее и вид трудовой деятельности крестьянина, и способ приобретения чего-л. в собственность, а также связанное с понятием собственности семантическое поле "забирать" (23 слова).

Очень объёмны поле "родня" (87 слов) и примыкающее к нему "жениться" (39 слов), свидетельствующие об особой важности родственных, общинных связей в традиционном говоре.

В макрополе "речь" наиболее значимы объединения "говорить" (58 слов), "ругаться" (33), "кричать" (17), "обмануть" (15), "имя" (12) и "хвалить" (11).

Среди априорных понятий доминирующее положение занимает макрополе "движение": "навещать" – 5 слов, "бежать" – 18, "скакать" – 13, "упасть" – 4, "лазить" – 17, "плавать" – 7, "вер-

нуться" – 4, "останавливать" – 5, "искать" – 9 слов и др. Максимальное наполнение в нём имеют семантические поля "перемещать" (62 единицы), "идти" (47), "ехать" (28) и "кидать" (21 единица). При обозначении априорных качеств и состояний особенно выделяется макрополе "чистый", в которое входят группы "замарать" (18 слов), "мыть" (12), "выметать" (4), "стирать" (15), "белить" (8) и "аккуратный" (20 слов).

В области характеристик социальных институтов выделяются на общем фоне поле "преступление" (21 слово), относящееся к сфере права, и "религиозный" (31 слово) из сферы идеологических понятий. Объём первого из них определяется кругом интересов ЯЛ, второго – особенностями воспитания, полученного информантом.

Показательны малый объём или полное отсутствие в идиолексиконе тех или иных семантических групп. Так, слабо представлены в нём понятия из области образования и воспитания, науки и техники, литературы и искусства (некоторое исключение составляет поле "грамотный" из 19 единиц), промышленности и строительства, ремёсел и промыслов, неактуальные для данной ЯЛ в силу её образования, воспитания, места жительства, рода занятий и времени исследования лексикона.

После издания 4-хтомного «Полного словаря…», С.С. Земичевой на основе этого источника была разработана концепция электронного «Идеографического словаря диалектной языковой личности». Разработав его принципы, автор создал новый вариант идеографического труда, отличающегося полнотой и современным подходом цифровой лексикографии в онлайн-формате [Земичева URL]. В новый словарь вошло более 23000 единиц с учетом значений многозначных слов и фразеологизмов; не лексикографировались предлоги, союзы, частицы, местоимения, междометия и вводные слова. Электронный ресурс включает 3 раздела: «Природа», «Человек», «Человек и природа»; словарь представляет 858 словарных статей с группами и подгруппами; продумана система гиперссылок [Земичева 2021].

Полученнные данные об индивидуальной картине мира диалектной ЯЛ, как отмечает лексикограф, подтвердился вывод об антропоцентризме лексикона: раздел «Человек» насчитывает в словаре 14068 единиц, «Человек и природа» –8573, «Природа» – 2742» [Земичева 2018, с. 318].

Исследователем отмечено, что для крестьянки «живая природа более важна, чем неживая (1687 и 978 единиц соответственно); при этом группы «Растения» и «Животные» оказались равными по объему», как и макрополе «Воздух. Атмосферные явления. Погода». В разделе «Человек» подтвердился также вывод о том, что для носителя традиционной культуры значим прежде всего его социальный и физический статус, а в меньшей степени - психический и эмоциональный. Показательно для картины мира жительницы села макрополе «Человек в труде», отражающем гендерную специфику женских занятий. Выделяется также расчлененное микрополе «Потребность в еде» с диалектными номинациями, в подразделе «Человек общественный» – «Связи и взаимоотношения людей в обществе» (828 единиц), «Язык и речь» (567), «Семья» (272) [Там же, с. 320–321]. Значимые данные отражают в словаре духовную сферу жизни крупными группами «Традиции и обычаи» (207 единиц) и «Вероисповедание и религия» (200 единиц) с подгруппами в обоих случаях. [Там же, с. 322].

В разделе «Человек и природа» наиболее обширными оказались подразделы «Пространство, «Время», «Восприятие», насчитывающие до 1000 единиц. [Там же, с. 322].

Анализируя словарный материал, С.С. Земичева отмечает в статье общеязыковые закономерности и диалектную специфику картины мира диалектоносителя. Пока это ещё неполный анализ, однако недавно созданный словарь, несомненно, является ценным источником для углублённого исследования мировосприятия представителя традиционной речевой культуры.

3. Текст и языковая личность

Характеристики текста, традиционно изучавшиеся в стилистике художественной речи, а позднее ставшие предметом исследования в работах по психолингвистике, синтаксису, лингвистике текста, в диалектологии пока не получили развернутого освещения. Некоторые общие особенности организации диалектного текста выявлены В.Е. Гольдиным, Т.С. Коготковой, Т.А. Демешкиной; на материале говоров анализировались отдельные виды тропов (С.А. Бойцов, Н.В. Горланова, Э.В. Васильева, Н.Б. Билева, В.А. Малышева, М.Э. Рут, Е.А. Юрина, О.И. Блинова, С.М. Белякова).

Исследования, в которых предметом анализа является текст, уже в силу самой постановки решаемых задач (процессы понимания и конструирования текста, вопросы его атрибуции, определение лексического богатства речевых произведений и др.) затрагивают в той или иной мере индивидуальные особенности восприятия текста и текстопорождения. Однако в центре внимания таких работ находится выделение общих свойств и типов текстов, а не конкретные тексты как продукт речевой деятельности реальных ЯЛ [Общение. Текст. Высказывание 1989, с. 57]. Между тем специфика ЯЛ проявляется не только в характере лексикона, но и в особенностях создания текста: он отражает способ формирования и формулирования мысли и индивидуален у каждого говорящего [Калентьева 1989, с. 77]. Для каждого человека типичен свой набор сфер и форм речи и организации текста в них.

Под текстом в данной работе понимается часть дискурса, обладающая признаками связности, цельности и эмотивности [Сорокин 1988, с. 8].

Недостаточная изученность речевой культуры местных говоров порождает ее неоднозначные оценки. Наряду с признанием высокой степени образности, выразительности народной речи, более пристального, чем в городской среде, внимания к этической стороне общения, встречаются также утверждения о низком уровне текстовой организации диалектного дискурса. Отмечается, что диалектоносители могут лишь воспроизводить фольклорные тексты, что для них «характерна неспособность отвлечься от конкретной ситуации, как-то обобщить ее, поэтому вместо организованного текстового построения (с началом, развертыванием темы и ее завершением) речь формируется на основе возникающих в сознании ассоциаций, отсюда бесконечные повторы, вопросы к непосредственному слушателю, если это устный рассказ, постоянные уточнения, фактически ничего не поясняющие» [Сиротинина, Беляева и др. 1998, с. 3–4]. Таким образом, умение создавать текст связывается только с достаточно узким кругом элитарных языковых личностей, хорошо усвоивших нормы литературного языка [Там же]. Это утверждение требует тщательного исследования.

Обобщающие работы по строению текста отдельной ЯЛ нам неизвестны. Имеются фрагментарные наблюдения на этот счёт в речевом портрете А.А. Реформатского [Опыт описания… 1989] и более частные исследования некоторых языковых средств строения текста индивида (прецедентные тексты, повторы и др.) [Лютикова 1994; Малышева В.А., Скитова, 2000; Букринская, Кармакова 2016]. В рамках комплексного анализа речи В.П. Вершининой томскими лингвистами начато описание системы речевых жанров данной ЯЛ [Демешкина, 1994; 2000, с. 95–101; Гынгазова, 1998; 1999; 2001; Казакова 2007 и др.]. Рассмотрим же в этой главе подробнее тексты сибирской крестьянки, отразившие её спонтанную речь.

3.1. Общие особенности строения текста

Для нашего информанта, диалектоносителя старшего поколения, преобладающей является устная форма речи. Жанры письменной речи немногочисленны (письма, записки, открытки) и занимают факультативное положение. Типично общение при непосредственном контакте со слушателем (с недавнего времени были отмечены также разговоры по телефону). В.П. не свойственны все сферы официально-деловой, профессиональной, научной и художественной речи. Главенствуют тесно переплетающиеся бытовые и личные темы (повседневные происшествия, работа, жизнь родственников и знакомых, воспоминания), реже освещаются события общественной жизни. В дискурсе имеют место диалог, монолог и полилог.

У носителей литературного языка с высоким уровнем образования состав жанров устной и письменной речи значительно шире[1].

К индивидуальным чертам строения текста у В.П. можно отнести следующие.

Развёрнутость и конкретность повествования. Информант разговорчив; на вопрос собеседника дается исчерпывающий ответ. При создании монолога практически не нуждается в поддерживающих репликах слушающего. В беседе активна, словоохотлива. Объёмный текст создаётся без усилий, отрывистые короткие реплики не характерны. Средняя длина монолога с развитием одной темы составляет 500 словоупотреблений. Повествование изобилует подробностями: именами конкретных лиц, передачей

[1] Ср. перечень областей языковой коммуникации у А.А. Реформатского: письменная речь – научная проза, художественная проза, поэма, мемуары, дневник, стихи, письма, дарственные надписи на книгах, деловые, официальные жанры; устная речь – лекции, доклады, выступления, общение с коллегами, личные беседы, бытовое общение, разговоры по телефону [Опыт описания… 1989, с. 150].

их высказываний, указанием на время и место действия, количественными характеристиками предметов, действий, явлений и т.п.

Приведём образец типичного рассказа.

*А в воскресенье Гутя сидела тут, ешо' кто-то? Коля… одн**е** гости тоже. А… сидели тут-ка, а потом это, она гыт: "Каки'-то ребятишки идут". А мно-ого! из города, целовек семь ли восемь ли. Пришли, с учительницей. Я спросила, я говорю: "Вы с какой… вы из Томска?" Она гыт: "Аγа". ~ Я говорю: "А из какой школы-то?" Она гыт: "Из тринадцатой". Как она сказала-то? Тринадцатой. Она не «школа» сказала, как это называют-то? [Училище?] Не училишше… Ну а это… п**е**чку фотографировали да, буф**е**т фотографировали, да мен**я** фотографировали опе'ть, аγа. Я говорю: "Не надо, не надо меня!" А тоже… голова-то болит у меня, а прямо глядеть глазами не могу. Ломит глаза, прямо ломит, ши'бко мне ломит. От виски ломит, и… Другой раз дак прямо зак… – ой! ой! задела счас, от вишь чё, больно как. Прямо задеть не даёт ничё. Ну и это, я говорю: "Не надо меня, не-ет, нет! " – "Надо", – учительница. [А про что спрашивали?] Да про чё? Всё «как деревня началась да… как ваши родители жили». [Про старину?] Про старину всё. А я говорю… "Может… вы слыхали, мо'же быть…От у вас отец был… Как его звали?" Я говорю: "Прокофий Иваныч". Она говорит от: "К**а**к от он? Мо'же быть, как тебе чё говорил кода', может, запомнила? Может… как и'хны там дедушки жили, да отцы да, предки-то и'хны?" Я говорю: "Никого, у него не было, он сиротой был. Он шести лет остался. Кака'-то боле'сь была: мать умерла, и отец по'мер. А они остались сироты'. Хрёсна была у меня, тётка, тя'тина сестра, дак ей было три годика, а тя'те было шесь лет. А дяде Ване дак, одна[ко]… то ли… четыре ли чё ли года было, ли пять ли было ему. А его на войне убили, а хрёсна уехала так умерла де-то, во Вла'дивосто'к она уехала. А… никого не было". Я говорю: "Не было у его, никаких родне'й… роди'телев, он сам не помнит их путём никого. Ба'ушка кака'-то ро'стила его". Я говорю: «Никто ничё не говорил». «Как деревня началась да…» А*

я отку'дова знаю, как она началась. Четыреста [лет деревне]… [А ребята какого возраста?] Ну больши' уж… взро'сленьки. Бо'льшеньки. Сидели, один фотографировал, один писал, а тут сидели так, на полу сидели. Кашлял один без ума, прям закашливался! В школе они ночава'ли. "Ну, ладно уж…" [По старикам ходили?] Ходили, куды' они ходили, не знаю. К Вере Палкиной собирались. "Как вы, ткать-то умели? " Я говорю: "Ой, умела, всё делала". А к Вере Палкиной…. "У вас нету станка? " Я говорю: "Нет, нету. Сгорел у нас, сгорели, кросна'-то назывались, они сгорели". А она гыт: "А у Ве'ре Палкиной есь, гыт. У ба'ушки там у одной есь, у Палкиной". Я говорю: «Кака' ба'ушка!» [т.е. «она молодая»] Это… была она у меня, вот недавно. Зубы все повыдергала, вставить хотела, не знаю, вставила ли нет ли. Нет, поди, ешо'. Ли может, вставила. Ну и говорит это… Она тридцать шестого году. Ну и говорит это… "Я вот соберу станок, это я соберу всё". Есь у ей всё. А я говорю: "А у меня ничё нету. Однако, колода там де-то есь кака'-то, и то не моя там. На вы'шке[1]. Ли сожгла я, выкинула, не помню. Лежала де-то. [Ничего не просили?] Нет. Ну, говорили, что вот "вышивать уме'шь ли нет ли, вышивала ли". Я говорю: "Вышивала, и вязала, и всё". Я… скатерть была, я итдала' Мар[ине]… Алке. А это… итда[ла]… полотенце тако' было, я Лене итдала'. Я говорю: "На память пусь тебе будет". А скатерть ешо' была тут, я Нюре итдава'ла нашей. Нету. Вя'зано есь ешо', у меня тако', по-филе'йному[2].

Гутя была тут же. Ну, она гыт: "Каки'-то казаки' тут жили, раньше". А я и то не знаю. Чё-то я слыхала так, вроде говорят, а не знаю. А тут это, татары жили, де Татарскый ко'лок. Всё, гыт, там татары жили, и вот это Татарскый ко'лок назвали. А тут какой-то Вершинин был… Вершинин ли Верши'на ли – и вот Верши'ниной [село] назвали. У нас только

[1] *вышка* – чердак.

[2] *по-филейному* – о способе сетчатой вязки.

*от было две фамилии раньше – от я помню это. Иван Савость-я'ныч в э'тим дому' жил, – дом-то Иван Савостья'нычев это… Кузнецовы фамилия была у их. Матвей Савостья'ныч, Иван Савостья'ныч, Савостья'н Измайлыч – всё помню! Ры-ыжий мужик был, борода кра'сна така' была. А там от Василий Егорьичев [дом]… от Физа Васильевна-то [его дочь] – Тихон был какой-то. Это фамилия Тихон. И [в]от их Тихоновы звали. Миха'л Егорьич, Василий Егорьич был. Больше не было никаких фамилий, всё Вершинины были. [Фамилия Тихон была?] Тихон. Ну Тихоновы они так звали. Тихон какой-то там был. От Василий Егорьич был, Миха'л Егорьич. А эти Иван Савостья'ныч, Матвей Савостья'ныч, и Изма'ил… Савостья'н Измайлыч – вот… Помню я их, помню. Ну этот по'мер де-то в тридцатых годах, может, к сороковому году. А тут на войне прибили. Избушечка ма'ленька была: два окошечка было, третье тут, в это… в ограду, а два в улицу. Ма'ленька избушечка была, меньше моёй-то, кого! И это… стол – поедят – ись все только враз, обедать. Стол выташшат из простенка, так простенок был суды'… От как будто… де комод стоит [у В.П.] – выташшат, пое… поели все, все враз, и никаких кусков не было у их, никого, чтобы таскать. И поставят стол туды' на место. И скамейку… И скамейку к кровати поставят – к**о**йка одна была. А спали на полу. Постелют кочму' так, да всё… И был… Анна была, Ива'нна, Лекса'ндра Иванна, Агафья Ива'нна, Григорий Иваныч… Лександра Иванна… Григорий Иваныч, Максим Иваныч, Степан Иваныч, Иван Иваныч… кто ешо'-то? Кто ешо'-то? Еш**о** кто-то был. Иван Иваныч, Григорий Иваныч, Максим Иваныч, Степан Иваныч, и… всё война, прихлеста'ла, всех. Один остался, Иван Иваныч. Ууу. Григорий… Максим… Степан… Иван… [считает, загибая пальцы] – восемь у их было, человек-то, детей. Десять человек всех было. А девочка одна умерла тут у их, больша' уж была. В тифу хворала да умерла. А Лекса'ндра в Ала'ево вза'муж вышла. Анна куды'-то тоже, в Бату'рину уходила, потом чё-то куды-то опе'ть разошлась, куды'-то вышла, в Бийск, ли куды' ли*

*она уезжала с мужем. Кто же ешо'-то был у их? Я же недошшытываюсь. Анна, Тат… это, Агафья, Лекса'ндра – три; Максим, Степан, Иван, Григорий – чё-то я семь нашшытываю. Ей-богу, прошшыта'лась, не помню! И вот это… Много было. И жили. А окошко брюши'нно… – одно стекля'нно окно, а второ' – брюшину колют, и заква'сют её, это отско'блют, ну а, потом, как солнце станет угля'дывать в апреле, в марьте ли там – они так «бу-ух!» это треснет… [Лопнет?] Аγа, лопнет окошко это. [От температуры?] Видно, от солнца. Накалится, и… Дак они это окно выставят – от это, тёпло-то, и тода' туды' вставят. Это как вроде гля тепла. [Это в каких годах?] Ну, там в двадцатых с чем-нибудь. Уγγ. Ой, это ешо'… я помню хорошо. В двадцать пятом, может, либо каки'м-нибудь – ой, я хорошо помню! Больша' была. А потом от этот дом поставили. А жить не пришлось. От они в двадцать восьмы'м году его поставили – наш тя'тин дом в двадцать восьмы'м, и у их в двадцать восьмы'м году. А там Григорий жил женился, а тут отец жил. А мать умерла у их, в двадцать восьмы'м году. Молода' была. Краси-ива была женшына! Умерла, царьство небе'сно ей. Катерина Осиповна. Он Иван Савостьяныч был. Ну он долго жил ешо' после её. А код**а** он по'мер, не знаю. А Иван-то остался один, от войны-то. Младше всех. С восемнадцатого году он был. Я даже знаю, Максим был десятого году, а Степан одиннадцатого году, Григорий был четвёртого году, а от Иван-то с восемнадцатого. Наверно, больше никого не было. Я восемь сошшытала их. А это… война-то началась кода', там забрали, всех прибили. И он, видно, тут по'мер де-то. Не помню, кода' по'мер он. А это... Этому, Иван-то про'дал дом-то, приехал да про'дал. Де-то туды'. Он в шахте работал, в Ке'меровой. Рано на пенсию пошёл, и всё. И приехал суда', да дом-то про'дал. На почту про'дал, под почту ли чё ли. Сельсовет, наверно, купили.*

Обращает на себя тесно связанная с детальностью предельная точность и конкретность изложения. Она является важной характеристикой диалектного текста. И рассказ о пришедших к

В.П. школьниках, и повествование о родственниках описываются подробно, родня и односельчане упоминаются с полными именами, годами рождения, историей их жизни и их детей (количество которых тщательно пересчитывается); в повествовании есть временны'е и пространственные маркёры (упоминаются двадцатые годы, война, Владивосток, Кемерово, Томск, соседнее село Батурино и топоним *Татарский ко'лок* в окрестностях Вершинина). По возможности точно В.П. передаёт в диалоге вопросы своих собеседников и её ответы.

Стремление рассказчика предельно конкретизировать ситуацию отмечалось как типичная черта диалектной речи В.Е. Гольдиным [Гольдин 2000, с. 228], говорящим о пространственной или социальной «привязке» называемых диалектоносителем объектов. Заметим, что в текстах обязательно присутствует также конкретизация временно'го плана повествования.

Связность и логичность речи

Монологическая речь крестьянки отличается высокой степенью связности: композиционной, логической и внутритекстовой (связь отдельных высказываний внутри текста).

Несмотря на множество деталей, говорящий не нагромождает их, не «вязнет» во второстепенном, всегда помня о цели разговора и последовательно развивая изложение. Многие монологи напоминают маленькие рассказы с завязкой, развитием сюжета, кульминацией и развязкой. Целостность повествования в некоторых случаях подчёркивается кольцевой композицией:

[Поспите!] Да ты чё! Ты знашь чё, я никода', я днём не сплю. Ну так уж – та-ак, не знаю, кода'. Ночью-то чё делать? Ночь-то… и так другу' ночь худо сплю. Кото'ру ночь сплю, кото'ру не сплю. А е'то… я эдак от прилегла, а Коля говорит: это Анна Григорьевна хоронить… А я хотела сходить днём – "ну пойду, говорю, с кем-нибудь схожу туды'". А потом это… думаю: нет,

уж я за'втре пойду, да провожу. А… всё равно в хороших отношениях всё были с ей, раньше-то, давно, кода' они тут приехали. Я вязала ей, сколько перча-атки, рукави-ицы, носки-и… А мне чё-нибудь… на складу' работала – мешки давала. От таки' мешки шириной прямо – ой! поди, по десять ве'дер войдёт. Ну чё ей, жалко было, колхо'зны-то? дас мне. Одея'лу давала, меняла на ху'деньку… две ли… Я Вале дала её. А потом это… тут как-то не стала, не стала ходить, и она так и… Николай-то по'мер лет шесь уж. Ну, кода' после Николая-то – мало походила. А то… тут я говорю: "Пойду я". А Поля пришла, я говорю: "Пойдём за'втре". А у ей корова отелилась, да чё-то там… послед не отходит, ли чё ли… А Поля-то не… Я ждала, всё, собиралась, совсем – пальтишко выташшыла, полушалок поло'жила… только ду…[маю]: как зайдёт Поля, так пойдём. Ну от время… Я говорю: "В час приходи". Время было час. Я подождала-подождала – да "дай прилягу", да прилегла. И легла от так же, да и уснула. И не знаю, как… Ну я тода' всю ночь не спала, чё-то мне не поспалось. От другой раз ничё не болит – уснуть не могу. А другой раз и болит. Ну а, тут это… Я… Татьяна Лексе'вна подошла, гыт, постукала – молчок. А я даже не слышала. Правда, за сон заручаться – дык… Ну, я только задремну'ла. Только я уснула. Я легла в час – дак я не сразу, как легла, так уснула, я ешо лежала, а Татьяна пришла полвторого ко мне. А потом это… А я посыпа'ю здесь! Она гыт: "Я зашла в и'збу", да говорит: "Здравствуйте". А тут никто не отвеча'т. "Я, гыт, то ли хотела там сесь, а потом думаю: посмотрю". Посмотрела, а я от так свернулась, так от, и лежу. Она подошла да гыт: "О'споди… Я, гыт, села тут на стул. А потом думаю: о'споди, она жива ли?" Это, за' руку-то меня дёрнула – ой, я как испугалась, соскочила. Прям испугалась. А она: "О'споди, тебе надо закрываться, пошто не закрылась". Я не подумала, что я усну, даже не подумала! А от уснула да и всё. Ага. Ну она гыт: "Я пошла Анну Григорьевну похоронить да и это… не могу дальше потти, прямо устала". А я

думаю… А мне-то неохота [с ней сидеть], мне охота было сходить. Ну и… так и не пошли мы. За ворота' вышли, кода' несли, постояли и вернулись домой. А так я не сплю, никода' не сплю, чтобы спать мне днём. Летом кода' уж это… бува'т. А счасто…

Несколько чаще рассказ завершается обобщением, подчас нравоучительного характера: *"Убью, гыт, застрелю, гыт". Что дом подписали [не ему]. Всем надо богатство в наследство; И вот неграмотны были и не знай чё выдумали. А может и лучше, что выдумали*. Завершённость повествования подчеркивается также частотными у В.П. присказками *вот такие/какие дела*, *вот такие пироги.*

Иногда кольцевая композиция и сентенция могут совмещаться в одном тексте:

Тоскливо было [когда соседка уехала на зиму в город]. А счас ни черта', привыкла. А пе'рво-то всё у ей свет горит, она подолгу сидит – всё чё-нибудь вяжет да… Она тако' распуска'т ста'ро, да вяжет та'мо-ка… А кого там, раз, два наденут, да пропадёт всё. Из старого, кого уж? Ну, так она аккурати'ска: што'пат всё… Сидит подо'лго, до одиннадцати часов всегда сидит. А я лягу да топо'рю глаза, туды' гляжу всё. А теперь нету свету. Тоскливо было, тоскливо прямо! Вы'дешь – на улицу тоскливо, и дома тоскливо. Как её… А счас ничё кажется. Правда, человек гыт ко всему привыка'т, и в берлоге хорошо. Так и я.

Текст, особенно монологический, строится в соответствии с правилами логики. Повествование последовательное, без «перескакивания» с одного на другое. Информант стремится к словесному выражению всех этапов изложения. Ср. фрагмент диалога с подругой:

В.П. Вчара'… третёвни приехали Валя… не соврать бы… ~А у меня мука – всё равно у меня есь. Я думаю: о'споди, у их там… они возьмут тут-ка дома, дак а оттэ'дова-то они могут

[привезти муки], там же дополна', крысы теперь её съедят! А куды', Поля? Крысы съедят.

П.М. Крысы съедят, съедят, они прям хорошо подъедают.

В.П. Я посмотрела, а у ей така' бочка стоит… ну от така' вышиной. Ну вот как у меня, дак ешо больше бочки, а у их поменьше, таки' были. Ну, сколько там? прям не могу…

П.М. [перебивает] Ну ладно, там муки много, я знаю. Вера, а… вы договорились, ты постряпала, и они увезли всё.

В.П. Ага. Ну и вот. У ей это… Я [шутливо] хочу сказать, обязательно! Бочка стоит, а на бочке крышка, желе'зна же. А тут мешок стоит. А я посмотрела, а он ве-есь проеденный уже! [затем подробно рассказывает о том, что как итог разговора уже обобщила П.М.].

Корректируется также рассказ не с самого начала (с опущенной завязкой):

Я пришла к Рае, а обшем… шла я из магазина, и Рая шла. Поля пошла домой, Рая пошла домой. Она: "Пойдёмте и пойдёмте ко мне, я тебе молока дам, пойдём, подём…" – и я пошла, к Рае. Пришла, мы пельме'ни сварили…;

В обшем, Аксинья говорит… Ну, с краю уж [начну]. Овечек гнали, а к Владимиру забежала чужа' овечка. Ну, там она живёт, далё-око, де Маруся Ермолаева, там живёт эта баба. Анна Ивановна Карпухина её зовут. А забежал баран к им, к Владимиру. Ну, а он гыт: "О'споди, бе'гат, гыт, забежал, и загнали его". А шёл сын и'хный, Лёня. Да говорит: "Дядя Володя, пусь он у вас, гыт, побудет, ночует, а завтра выгонишь". Он гыт: "Ладно, чё". А он его, видно, приэкономил ли чё ли, правда-неправда, ну вот точно, ей-богу, у их мясо было баранина в то время, я помню. А Нюра-то, видно, де-то сказала, что загнали барана, а утром пошли стреча'ть, кода' гнали овечек, посмотрели, а его уже не было в стаде, этого барана-то. А Нюра-то сказала, что он заколол, эта хозяйка барана-то. Заколол Владимир, гыт, закололи. А е'той-то [Аксинье] кра'йно надо, она

шибко така', ей кра'йно надо сказать. Ну я услыхала, а мне-то како' дело? Меня же не задевает, заколол он – не заколол. Не пойманный – не вор. Ну и вот. А она [Аксинья] Владимиру-то говорит, Татьяне: "Баран-то зашёл у их Карпухиных к вам, а вы закололи его, Владимир-то заколол".

Ассоциативный отход от намеченной темы также отмечается (*Да, вот я разговор-то завела, ишь, а перекинула [на другую тему]*) и подлежит корректировке.

В качестве вывода из рассказа В.П. часто подчеркивает, «к чему завела разговор»:

А она пошла в школу – ну она была где-то в августе, в после'днив чи'слав, видно, – а потом это, Поле и говорит: "Вера-то как сдала, гыт, здорово", – вот к чему разговор-то веду; К чему я хотела сказать?; Я к этому-то и хочу сказать; Чё-то я хотела почему-то вывод-то вывести, и забыла. [Смеётся:] Какой вывод-то был?

Диалог – менее логичная форма повествования, но и в нём при отклонениях от темы информант последовательно возвращается к предмету речи (*Десятый раз начинаю!*), пока не расскажет до конца.

Речь диалектоносителя течет плавно, затруднения в выражении мысли очень редки. Поиск слова имеет место только при употреблении некоторых элементов пассивной части лексикона (в ситуации забывания, неуверенности при передаче чужой речи, при воспроизведении неосвоенных неологизмов). Практически отсутствуют у В.П. заменители пауз *э-э-э, и-и, м-м, значит, так сказать, понимаете* и т.п. – кстати, довольно часто встречающиеся в средней и младшей возрастной группах носителей Вершининского говора (показательно в этом отношении сравнение речи В.П. и её племянника, 1948 г. рождения). В ряде случаев их роль выполняет частица *это* (часто в сочетании с союзами и/или с частицей *вот*): *Я была в церькви, дак это, тоже батюшка-то читал проповедь; Тепе'рича это, поехал на Басанда'йку девок*

встречать; Мажу всем [больную ногу], и вот это, вроде отпустит мале'нько; Я говорю: работал-работал, зарабатывал это, квартиру – и вдруг собрался в деревню; Ну и говорит это: "О'споди, Вера, ты всех, гыт, хвалишь"; Морковь сварила, а это, не стала ись-то; "Приедет, – говорит, – она, дак тода' уж это, расспрошу у ней"; Валя, Гена, я, Лена и это, Сергей поехали копать [картошку]; реже – местоимение *этот,* согласование в роде с которым может отсутствовать: *Вот с черёмушкой поешь пирожок, с этой поешь, с рыбкой, поешь!; А я пошто' скла'ла эти-то, помидоры в банку?; А хлеба… этой, муки пятьсот грамм только дают; Там грыбы' поставила, да эти, как они, чеснок да лук; А у нас здесь тоже одна, кончила как вроде этот, училишше, на медсестру; И он привёз нас, свалил: "Поеду курево искать", – у этого, у больницы; А тут ему конфеты дали, этот…"Птичье молоко".* Как отмечает Н.Г. Бойкова, чем меньше степень подготовленности речи и чем меньше контроль за речью, тем парафонов должно быть больше. Однако большое значение имеет уровень речевых навыков говорящего [Бойкова и др. 1988, с. 41]. При полной неподготовленности речи и слабом контроле за ней в диалектной среде высокий уровень организации повествования обусловлен, видимо, прежде всего традициями речевой культуры, сохраняющимися у представителей архаического типа говора, а отчасти – и индивидуальными способностями говорящего.

Связность текста создаётся также за счет связи высказываний внутри него. Последняя обеспечивается за счёт:

а) служебных слов – союзов и частиц (*а, и, теперь, ну, ага, вот, тоже, ладно* и др.), выполняющих одновременно со своей основной текстообразующую функцию. Они служат для развёртывания повествования, являясь средством связи высказываний или их частей, могут фиксировать определённые этапы его развития (зачин, развитие темы, заключение):

В городе они живут. А он директор железнодорожный те'хникум, Фалалеев Валерий Михалыч; Прямо, гыт, это, вылетает, прямо кусками, кровь. И скончался; Ну, он побежал туды'. Сразу побежал! Ага, побежал; Ну и теперь она назавтра-то пошла, попась-то к ним не может, они закрыты; Убежал оттуда у меня мыш, в картошки, в эти, в яшшык. Теперь это, я чё-то выхожу, а – хто же? Коля… брал эту, хлопушку… Однако, он? "Мыш", – гыт! Да хлопушку взял; Вот платье надо было сшить – Катя, ты не уме'шь кроить-то?; У нас Коля… он как раз в Мико'лу родился двадцать второго мая, и вот он тут родился; А Гутя тоже нынче: "Зашла, гыт, я в столовую, на рубь семьдесят поела, и путём не наелась"; Ну и он высадил их, они вышли. Ладно. Прошло это время сколько, он поехал; Ну и ладно, тепе'рича это я стою в коридоре там…;

б) повторов[1]. Типичны для В.П. прежде всего повторы одного и того же слова в смежных высказываниях:

Татьяна Лексе'вна была у меня, на днях кода'-то, а это… мы с ей выпили. Я говорю: "Выпем?" – а рюмки-то больши'… – я говорю: "Выпем давай". О'споди, всегда… пряники, конфеты, всё накупит и деньги не берёт. Ну и… Я говорю: "Выпем?" Она: "Нет, нет, я не буду!" А я выташшыла, рябину, было у меня, выташшыла. Да это, подала ей. Ну и это… выташшыла. Да распечатали с ей. Она: "Давай я распечатаю?" Распечатали, я налила – она така', вроде прия'тна… От ишь, рука-то кака'! загребаю – не могу… а рюмки-то больши' у меня, вон те, – а мы с ей по

[1] Ср.: «Лексический повтор может рассматриваться не только как выразительное средство и стилистический прием, но и как средство выдвижения, обеспечивающего структурную связанность целого текста и устанавливающего иерархию его элементов. (…) В перечне средств связи лексический повтор занимает едва ли не первое место» [Берневега 1994, с. 124–125]; «Функционально повторы служат структурированию текста и обеспечивают тем самым его цельность и единство. (…) Чередование повторов различных слов создает своеобразную сеть переплетений в тексте, делающую текст не только расчлененно структурированным, но и сотканным воедино» [Супрун 1995, с. 139].

одной выпили – она сла'дка, вроде… хоро'ша. И я давай ешо выпила. Обшем, я говорю: "Давай вы'пем по одной ешо?" Она: "Нет-нет-нет!" Я говорю: "Ну давай пополам". Ну и налила. Ага. И выпили.

Кроме обычных внутритекстовых связей замещения "имя → местоимение" (*Татьяна Лексе'вна –> она; рябина –> она*), мало типичных для В.П., и слабых семантических повторов (*прия'тна –> сла'дка, хоро'ша*), бросается в глаза обилие буквальных повторов одних и тех же лексем, как бы «перетекающих» из предложения в предложение и скрепляющих весь текст. Наиболее частотные слова (*выпить* повторяется 8 раз, *давай* – 5 раз), являющиеся ключевыми, обозначают тему текста, маркер *я говорю* (также 5 раз) помечает речь автора при самоцитировании [Гынгазова 2000а, с. 235], остальные единицы дублируются 2–3 раза.

Реже основной тип буквального повтора дополняется повторами однокорневых слов:

Натаскал… А воды-то у нас не было – дня три уже, может, пять – не знаю, сколько. Не было воды. А я снег… – кастрюля у меня така', я принесу ведро снегу, да в кастрюлю. А тёпленька-то станет вода, я ковша два в кастрюлю полью, это… в ведро-то, да накладу – оно много натает-то, опе'ть тут… так кастрюля це'ла была. Ешо голову мыла дома, баню топить холодно, а воду… воды-то не было тут-ка, счас потепле' было, могла бы истопить – а е'то… думаю: не буду топить. А голова чешется, нет терпенья прямо. А всё равно чешется. Я возьму да дома вымою.

В этом случае встречается максимальное количество повторов ключевого слова (*вода* – 5 раз), как и предыдущем тексте, и менее частотные буквальные повторы (*не было, кастрюля, ведро, голова, снег, чешется, топить, дома*) осложняются повторами *топить → истопить, мыть → вымыть*, отражающими мотивационные связи слов. В связи с этим явлением может возникнуть избыточность таких повторов (с точки зрения литературной речи),

гипермотивированность, вероятно, отражающая специфику диалектного текста: *[Валя скупая?] Ну конечно. А Мотя тоже скупа' была. У ей тоже скупось была. Она тоже скупилась*.

В художественных текстах внутритекстовые связи более разнообразны. Т.М. Николаева отмечает, что определение типов связности текста может оказаться полезным и для жанровых характеристик, и для характеристик индивидуального авторского стиля [Николаева 1977].

3.2. Выразительные средства

Каждой ЯЛ присущ свой набор выразительных средств текста. Выразительность речи вслед за Б.Н. Головиным понимается как особенность её структуры, способствующая поддержанию внимания своей организацией. [Головин 1988, с. 182] Рассмотрим некоторые из этих средств, наиболее яркие и интересные с точки зрения характеристики ЯЛ. К ним можно отнести ряд тропов и фигур речи (таких, как сравнение, метафора, ирония, гипербола и каламбур[1]), а также наличие рифмы и ритмизации прозаической речи.

Выразительные средства текста изучались языковедами в связи с исследованием идиостилей, прежде всего у поэтов. На материале языка поэзии были обнаружены:

– тяготение к прямому слову либо насыщенность тропами у разных авторов;

– предпочтение одних тропов и фигур речи перед другими;

[1] В квалификации большинства из них в лингвистической литературе нет единства. Метафора и гипербола обычно причисляются к тропам, а каламбур – к фигурам речи. Сравнение и ирония относятся то к первой, то ко второй группе. Не вдаваясь в терминологический анализ и учитывая объединяющие эти единицы общие характеристики (наличие общих функций в тексте, возможность однословного и неоднословного выражения, формальную близость многих из них и нередкий синтез в одном словоупотреблении), проанализируем эти явления как однопорядковые.

– различный характер конструирования тропов;

– специфика употребления одного и того же вида тропа у отдельных поэтов [Очерки истории языка… 1990, с. 148–150].

В отношении дискурса В.П. можно утверждать, что его нельзя назвать насыщенным тропами, однако они встречаются достаточно часто. Господствующее место среди них принадлежит сравнению.

Сравнения

Уже установлено, что сравнения являются показательными элементами идиостиля [Очерки истории языка… 1990, с. 90]. Идиолектные сравнения рассматривались в произведениях творческих личностей – русских писателей и поэтов: М. Горького, А. Фета, Н. Заболоцкого, Н. Гумилёва, Ю.М. Нагибина в исследованиях Плющ-Высокопоясной, Н.И.Копыловой, Е.А. Цыб, М.Л. Красиной и С.В. Сыпченко; Н.С. Болотновой и др. Е.А. Некрасовой осуществлено сопоставительное описание сравнений как компонентов идиостиля А. Блока, Б. Пастернака и С. Есенина. [Некрасова 1982]. Имеются также диссертационные работы по сравнениям французских, английских и американских писателей: Р. Роллана, Дж. и Д. Даррелов, Р. Брэдбери и др.

Сравнения как часть языковой системы рядового носителя языка пока изучены недостаточно. И.Н. Щукиной рассматривалось функционирование устойчивых литературных сравнений в речи А.Г. Горшковой [Щукина 1991]; В.Д. Лютиковой– компаративные конструкции, их функции и характер создания образности у В.М. Петуховой [Лютикова 1999, с. 135–147]; Т.Ф. Волковой защищена кандидатская диссертация, посвященная сравнениям В.П. Вершининой в формально-семантическом, функциональном аспектах и в плане сопоставления с вершининским говором [Волкова 2004].

Среди выразительных средств текста образные сравнения в речи нашего информанта являются наиболее частотными и разнообразными. Изданный «Идолектный словарь сравнений сибирского старожила» отражает 1744 сравнения [Иванцова 2005а]. По подсчетам Т.Ф. Волковой, в среднем на 20 страниц текста приходится один компаративный оборот [Волкова 2004, с. 94].

Для сравнений информанта характерны различные конструкции: с союзом *как* (*[Снег валит] как лопатой кида'т; Ну круго'м вертю'сь, как на шише'; Дак эта рука была как выточена, хоро'ша), в творительном сравнении (Да кака' сковороди'ша была, сто'гом картошек),* предлогами с существительными в различных падежах (*Разбухла чуть не со стол; Напрядёт шерсть, от в палец толшыной)* и ряд других.

Большинство сравнений диалектной ЯЛ носит конкретный характер. Конкретны обычно все компоненты – субъект, объект и основание сопоставления. Сравниваются конкретные действия с конкретными действиями, конкретные лица или предметы – с конкретными лицами, предметами, животными и т.п., главным образом на основе внешней похожести: *А титьки-то каки'! Как эти, наволочки. Перо вы'сыплено, а матрасовки остались одне'; То'лстенька така' [цепочка]. Вон у Вали, дак… как сороковой номер нитки. То'ненька.* Параллель «абстрактное/конкретное» для сравнительных оборотов В.П. нехарактерна.

Сравнения позволяют исследовать языковую картину мира носителя традиционной культуры.

Образные сравнения отражают прежде всего сопоставление предметов по разнообразным перцептивным признакам: размере (*слёзы как град, плакал шибко*; *как с тарелку которы были* грибы; мелкие ягоды смородины *чу'тошны, как мо'шки*), форме (*вот таки рога у него [барана], калачом; Как чашка [огород]. Ска'тывается с этого боку и сюды'*), цвету (*зубы-то были густя'шшы, да хоро'ши – прям как репа были белы*; *туча зашла. Оттэдова, чёорна прямо, тёмна как ночь*).

Сравнения диалектной ЯЛ характеризуются ассоциативным объединением неоднородных сфер действительности, контрастных с точки зрения носителя литературного языка (живое/неживое, человек/предмет, человек/животное и т.п.). Чем менее однородными являются сопоставляемые денотаты, тем ярче образ. Однако вполне возможно, что в народном языковом сознании быт и природа, живое и неживое не противопоставлены, а тесно связаны между собой. Об этом свидетельствует регулярный характер переносов, демонстрирующий единство природного с бытовым, повседневным (*Мох там драли. А мох, дак как половики больши' бы таки', такой прям мягкый такой – дома' строили; Тут хоро'ша земелька, как чашечка тут внизу-то она, хорошо; [Снег валит.] Угу. Как лопатой кида'т),* характеристику животных через человека *([Муха] лета'т, как сумаше'чча)* и человека через животных *(Кото'ру ночь прямо сплю, как пропа'шша*[1]*)*, распространение свойств живого на неживое и наоборот (*Ну скажи, [лампочки] как ишшеле'ли ["сошли с ума"]. Долго горели. А тут все перегорели; Пошто'-то сковорода пу'пом стала).*

Сравнения дают представление о материальной культуре социума, фиксируя названия предметов быта и их существенные признаки, закреплённые в языковом сознании информанта: *Спираль там рвётся, как от гнила' нитка; Хозяйство как метла на старика навесили; А у ей таки': ну, как ухватиком были [кривые ноги].* Широко распространены также сравнения со знакомыми информанту явлениями мира природы, особенно с животными: *Как коза жую. Редиску сорвала; Хожу как корова. Пристала ["устала"]сёдня; Хожу как овечка топаю ногами; Ташшыт всё [в хозяйство соседка]. Как крыса; Не люблю кра'сно [обувь]. Как гусь; Надоел как го'рька редька; Как ветер лес лома'т в голове.*

[1] *Пропащий* в вершининском говоре – "мёртвый (о животных)".

Языковая картина мира, как уже установлено лингвистами, антропоцентрична. Субъектом сравнений у диалектной ЯЛ в первую очередь выступает человек, в том числе и сам говорящий. Характеризуется его внешний вид (шатающиеся, редкие зубы *как частокол*, дряблая кожа *как тряпичонка; согнулась, сижу как червяк [подогнув ноги],* морщинистое лицо *как ведро изогну'то; опухла [нога] как колотушка;* тело *как воробей обдёрганный)*, обозначаются ощущения физической боли *(Как собаки грызут спину; От сшэмило грудь всю, как когти вцепил кто)* и психических состояний *(как кипятком обварили* [узнав о смерти близкого человека]). Характеризуя внешность людей, В.П. обычно отмечает особенности фигуры (*Здоро'ва женшына, шибко здоро'ва. Как конба'йна здорова'; Вовка-то никудышный, прямо как фитиль. Какой парни'на был здоровый! Сухой, худой; И кака'-то толшына на его пошла от така'. От прямо такой стал, как бочка!; Они его [ребёнка] привезли оттэ'да – я помню, от такой как самоварьчик был. Брюхо большу-уче! Это, рахит он был),* иногда волосы *(Кудрявый, прям как помело; А у Нюры каки'-то ма'леньки были [волосы], густы', как помело)* и выразительные глаза (*да глаза-то прямо как искры горят чёрны – ну, красивенькый).*

Подвижный, здоровый и социально активный человек вызывает ассоциации с белкой, вьюном, огнём, юлой, машиной (*Ну как машина! У ей в руках – кипит*!), ленивый или больной – с коровой, кем-либо скованным, связанным, пьяным: *Да ну. Чё я буду лежать. Как корова. [Почему как корова?] Корова лежит больше; Хожу как связана; Ой, убилась, убилась! Лежу ни тя'ти ни мамы, как пья'на*.

Многочисленны сравнения, раскрывающие деятельность человека в труде. Трудолюбивый человек вызывает ассоциации с образом муравья, огня, метлы: *Она как огонь прямо, шибко уж прово'рна; Молодец она прям, молодец; это всё делают прям, как мураши', гыт, девчонки-то.* Представление о тяжёлой работе связан с образами коня, мужика, серого волка, сивого мерина: *Сам*

работал как конь; Мишу ро'стила, то работала, как сивый мерин. Безделье, праздность отражены в образах барина, барыни: *Я-то сижу как барыня.*

Отмечены также сравнения, характеризующие нормы семейных отношений: *Как сестру родну' ли дочь. Она ходила ко мне. Приходит всегда, придёт поговорить; Хоро'ши они люди, как свои.*

Негативный образ жизни человека, нарушающего нормы поведения, часто раскрывается через образы животных: *Как собаки. Ой! Рады прям со стеклом проглотить [спиртное]! Ой, каки' пьяницы все; Как волк – не могла [мужа] удоржа'ть, как они бегают за бабами за чужими пова'дются.*

В компаративных конструкциях встречаются также эстетические оценки. С эстетически привлекательным в сознании информанта соотносится образ сада, игрушки, чего-то маленького, красивого: *У нас всё завалили, всё замусорили. А там-то [в посёлке Тимирязево] идёшь, дак как вот всё равно где-то в саду. Сильно красиво; Тюль така', худа'. У людей-то, у Поли-то, как снег, бе'лы-пребе'лы!; Тот-то уж красивый шибко был [кот], как зайчик белый.* Отметим, что в сравнениях крестьянки этические оценки преобладают над эстетическими.

В речи диалектной ЯЛ Т.Ф. Волковой выделены информативно-образная и экспрессивная функции сравнений. Цель первой из них – донести объективную информацию об образном видении предметов

(*Каки', шершавы камни, специа'льны, как в баню. На каменку кладут*), второй − выразить эмоционально-оценочное отношение говорящего к предмету речи (*Мать у них горба'та. Така' была хоро'ша, така' стро'йна. И даже не может, вот так вот голову подпират. Ну, она как безья'на, лет во'семисят уж было*). По подсчетам диссертанта, у В.П. экспрессивная функция в сравнении с информативно-образной явно доминирует в соотношении 74,6: 24,5% (ср. в говоре: 55: 45%) [Волкова 2004, с. 166, 100].

У информанта встречаются как общерусские сравнения (*Подмазали, губки подкрасили – ну она [покойница] как жива, гыт, лежала; Ну, кровь-то ручьём бежала;*), так и их диалектные варианты *(А сама как стату'й стоит: "Лена, одень меня! Сергей, одень меня!" – её одевают, она руки совсем не может поднять; Я говорю: "О'споди, куды' девался? Как скрозь земли' провалился?" – от так говорю я).* Встречаются также собственно диалектные сравнения: *Останемся чи'сменками. Маруся умерла, эти уедут… [Как?] "Чи'сьменка" называ'тся [три нитки в мотке на мотовиле]. Три… старухи: Настасья Ивановна, Калашникова… [и я]; Как на ела'ни [нагорожено на столе]. ~ Тесно. Поставить негде.* К диалектным следует отнести и те сравнительные конструкции, которые отличаются характером ассоциаций, не свойственным рядовому носителю русского литературного языка: *Засохла*

[женщина], как бычий хвост. Угу. Курит! Курит, без ума курит. Пьёт и курит; Корова-то, это, привезли солому, она гыт как собака её хвата'т, придёт с полей. А кого там на полях? Заморили их.

Сопоставительное исследование компаративных оборотов в речи В.П. Вершининой и в Вершининском говоре показало, что сравниваемые компаративы во многом совпадают, хотя есть и отличия. Т.Ф. Волкова выявила, что у информанта отсутствуют сравнения из сферы политики, истории, строительства, техники, зафиксированные в речи вершининцев, а у Веры Прокофьевны в силу преклонного возраста больше сравнений, передающих болезненные состояния говорящего, и меньше эстетических оценок красоты растений[1]. Кроме того, «как субъекты, так и объекты компаративных единиц индивида чаще, чем в узусе, принадлежат к классу «Человек». При сопоставлении выявлено также «в экс-

[1] Эта особенность, возможно, связана со сбором материала диалектологов, изучавших номинации фитонимов.

прессивной функции незначительное преобладание отрицательных эмоциональных оценок над положительными» [Волкова 2004, с. 143].

В дискурсе В.П. Вершининой, по нашим наблюдениям, сравнения более частотны, чем у многих других представителей Вершининского говора. Видимо, частоту сравнений в тексте также можно отнести к индивидуальным характеристикам идиостиля.

К другим ярким и достаточно распространенным тропам в дискурсе информанта можно отнести метафору.

Метафора

Метафора постоянно привлекает внимание лингвистов, но в большинстве работ рассматривается язык коллектива, а не индивидуума. В исследованиях изучается преимущественно узуальная метафора в русском литературном языке. Индивидуальная метафора отчасти служила предметом анализа в лингвостилистических и лингвистико-литературоведческих трудах А. Язиковой, Е.Т. Черкасовой, В.Н. Вовк, Л.В. Серёгиной, посвященных художественной речи М. Горького, О. Уайльда, В. Маяковского, Т. Толстой и других писателей и поэтов. Создан также словарь метафор С. Есенина в 1500 словоупотреблений [Туранина 1998]. Метафора в идиолекте рядового носителя языка рассматривалась только в работе В.Д. Лютиковой [Лютикова 1999, с. 156–172].

Метафоризации подвергается лексика, находящаяся в активном словарном запасе В.П. Вершининой. В дискурсе информанта при этом преобладают глагольные метафоры (около 65%), отражающие ассоциативное сходство действий.

Как и у сравнений, субъектом метафоризации в лексиконе В.П. является прежде всего человек (269 единиц). С помощью метафоры обозначаются его части тела, физические и психические состояния и действия, особенности социальных отношений и др.: *норка* "ноздря", *корень* "часть зуба", *лапа* "большая нога", *коп-*

нуть "проткнуть", *мести* "много, быстро есть", *прожарить* "подвергнуть медицинскому облучению", *разламывать* "о сильной головной боли", *расползтись* "о разошедшихся тканях организма", *княгиня* "капризная женщина". Сфера "человек" по активности метафоризиции значительно преобладает метафоризации артефактов, а также растений, животных и явлений неорганического мира (соответственно 44, 32, 12 и 15 единиц).

В качестве объекта метафоризации у крестьянки в первую очередь тоже выступают слова из семантической сферы "человек". Прежде всего, это наименования действий, присущих как человеку, так и животным (164): *охотиться* "проявлять внимание, интерес к женщине", *спать* "находиться где-л. ночью (о предметах)", *потянуться* "медленно, с трудом пойти", *ткнуть* "об ощущении сильной внезапной боли". Широко представлены также обозначения физических характеристик человека: его частей тела, состояний и действий (102): *пуп* "выпуклость на поверхности чего-л.", *посидеть* "находиться где-л. некоторое время (о предметах)", *запечатать* "лишить подвижности при отложении солей (о суставах)", *обмыть* "отпраздновать распитием спиртного". Активно участвуют в процессе метафоризации названия артефактов и их свойств (72): *шляпа* "безвольный человек", *шпингалет* "невысокий, щуплый мужчина", *грабли* "о больших кистях рук", *клеиться* "удаваться, получаться". Крупную группу объектов метафоризации (49 единиц) составляют, кроме того, слова из семантической сферы "животные": *хвост* "задняя часть предмета", *выводок* "группа людей", *яйцо* "об овальной крупной опухоли", *бодать* "отрицательно качать головой".

Основанием метафорического переноса может являться прямое подобие явлений, воспринимаемое зрительно (*рога* "наросты на овощах", *вилка* "штепсель", *ледяшки* "леденцы", *перо* "шелуха лука", *скорлупка* "кожура картофеля", *разбухнуть* "растолстеть", *выбежать* "вытечь") или на слух. Слуховые ассоциации в метафоре встречаются значительно чаще, чем у сравнений: *царапаться* "стучаться в дверь", *реветь* "кричать", *лаять* "бранить",

куковать "надоедать просьбами", *икать* "говорить прерывисто (о радио)", *выть* "плакать" и др. Восприятие через другие органы чувств представлено в метафорах единичными примерами. Типичным для метафор можно считать перенос названия с конкретного явления на более сложное, абстрактное: *откинуть* "убавить", *огрызаться* "отвечать резко, неуважительно", *ветер* "о легкомысленном человеке", *собирать* "рассказывать", *тащить* "красть", *трубить* "много и тяжело работать", *цвести* "находиться в приподнятом настроении".

В связи с тем, что в центре процессов образования метафоры стоит человек, можно выделить 4 направления метафоризации по отношению к нему: мир → мир, человек →мир, мир →человек и человек → человек.

Первый тип представлен разнообразными, но немногочисленными моделями переноса: растение → артефакт (*лист* "часть растения" – "противень"), животное → растение (*бычок* "животное" – "гриб"), животное → артефакт (*крыло* "летательный орган птицы" – "часть автомобиля"), неорганический мир → артефакт (*ледяшка* "кусочек льда" – "леденец"), конкретное → абстрактное (*открыться* "стать доступным" – "начаться, проявиться какому-л. чувству") и др.

Несколько шире представлено второе направление метафоризации, отражённое в таких моделях переноса, как человек → артефакт (*задница* "часть тела" – "нижняя расширенная часть предмета", *льнуть* "нежно прижиматься" – "прилипать после покраски"), человек → растение (*задушить* "умертвить" – "воспрепятствовать росту", *дурить* "совершать нелепые поступки" – "чрезмерно расти в ущерб плодоношению"), человек → животное (*седой* "с побелевшими волосами" – "с примесью белой шерсти"), человек → неорганический мир (*завернуть* "покрыть со всех сторон, помещая внутрь" – "быстро и с силой начаться", *ударить* "нанести удар" – "внезапно или с силой начаться"). Здесь ярко

проявляется антропоцентричность сознания личности, которая весь окружающий мир воспринимает через себя.

Еще более значимым является третье направление метафоризации, представленное продуктивными моделями "артефакт → человек" (*борона* "сельскохозяйственное орудие" – "большая семья", *трепаться* "колебаться от движения воздуха" – "изменять жене"), "животное → человек" (*саранча* "насекомые" – "дети", *выть* "издавать вой" – "громко плакать"), растение → человек (*корень* "часть растения" – "часть зуба", *ягодка* "небольшой сочный плод" – "ласковое обращение к женщине"), неорганический мир → человек (*ветер* "поток воздуха" – "легкомысленный человек", *вода* "жидкость" – "водянистые выделения при насморке"). Эта группа метафор свидетельствует о том, что человек не отделяет себя от окружающего мира, ощущая себя его органической частью. Носитель языка познаёт и обозначает свои качества и действия через наиболее близкие и знакомые ему сущности, в первую очередь через известных говорящему животных и вещи.

Самым активным направлением метафоризации у ЯЛ является направление "человек → человек". Широко представлены переносы "действие человека → другое действие человека" (*заехать* "въехать куда-л." – "ударить", *мести* "подметать" – "быстро и с аппетитом есть", *лепить* "приклеивать" – "говорить прямо, открыто"), "конкретное действие → физическое состояние человека" (*полоскать* "промывать после стирки" – "рвать, тошнить", *ныть* "издавать ноющие, тягучие звуки" – "о тянущей боли", *сжать* "сдавить, крепко обхватывая" – "стеснить, затруднив дыхание"). Особенно продуктивен у информанта перенос действия, присущего любому живому существу (как человеку, так и животным), на действия человека: *обдирать* "оголять, сдирая верхний слой" – "грабить", *лезть* "выходить наружу, цепляясь" – "выпадать (о волосах)", *гнуть* "наклонять, пригибать" – "заставлять много работать". Переносы указывают на то, что человеку в первую очередь интересен он сам и его связи с миром, тогда как

связи между отдельными сферами окружающего мира занимают в его сознании меньшее место.

Общерусская языковая метафора, известная всем носителям языка, наиболее частотна в речи В.П.: *лететь* "быстро идти", *лисички* "грибы оранжевого цвета", *забарабанить* "начать сильно стучаться", *гора* "большое количество чего-л., сложенного в кучу" и др.

Несколько реже представлена диалектная метафора. В основном это диалектные ЛСВ общерусских слов: *барашек* "деталь бороны", *принести* "родить", *выводок* "группа людей", *поливать* "ругать". Собственно диалектные метафорические единицы редки: *сдверя'живать* "бить" (от "ссучивать нитку вдвое"). Имеют место также диалектно-просторечные элементы: *козёл* "автомобиль военного типа с брезентовым верхом", *нажраться* "напиться пьяным", *отключиться* "потерять контроль над собой, сильно опьянев", *обмыть* "отпраздновать распитием спиртного".

Для диалектной метафоры характерны те же типы переноса, что и для общерусской. Наблюдаемая общность моделей переноса свидетельствует об общности национального языкового коллектива, единстве его языковой картины мира. В то же время система метафорических словоупотреблений исследуемой личности имеет свою специфику. Часть диалектных метафор имеет несколько иное образное наполнение, чем в русском литературном языке. Так, *кабан* употребляется информантом в адрес мужчины, который ухаживает за девушкой намного младше его: *"О'споди! Ты же здоровый [в]он какой был, да старый, кабан, а я-то чё была, моло'денька";* (ср. литературное *кабан* "о грузном, толстом мужчине"). Для обозначения здорового, сильного мужчины В.П., в свою очередь, использует метафору *кобель* (ср. литературное *кобель* "о мужчине, непостоянном в любовных связях"): *А.П. Кого там. Володя [в]он какой здоровый. Железя'гой то'ркнет, и всё. В.П. Кобель такой.* Полностью меняется значение метафоры *куковать*. Вместо литературного "быть в одиноче-

стве, терпя лишения, невзгоды" она получает в речи диалектоносителя значение "надоедать, много раз повторяя просьбу": *Ой, прям давай! Не куковала хоть, а… Ну, прям дово'льна [что ей налили водки].* Различными могут быть и ассоциации при обозначении предметов. Например, корневища гладиолуса в литературном языке получили название *луковиц*, а диалектоносителю они напоминают клубни картофеля: *Они [гладиолусы] ста'ры, да пошто'-то пропали все, засохли эти карто'вочки-то.*

Метафора, как и сравнение, содержит богатый материал для изучения языковой картины мира диалектоносителя. Оценочные метафоры способствуют постижению ценностей ЯЛ, давая представление о норме, которая существует в сознании индивида и коллектива, и об отклонениях от неё. Это образное средство отражает привычный мир информанта, хорошо известные носителю языка предметы, явления, их свойства и действия. Так, большие кисти рук ассоциируются с граблями, укромное убежище – с собачьей конурой, большое количество детей – с бороной, имеющей много зубьев, шелуха лука – с птичьим пером и т.д.: *Он [Дудаев] де-то так прятался, сидел де-нибудь в кунуре'; А.П. Молода' тоже овдовела. Ребяти'шек тоже от ро'стить. В.П. А с такой боронкой тоже никто не возьмёт [замуж].*

Метафорические названия предметов в основном отражают их ассоциативное сходство с чем-л. по форме: *"Баба Вера, тебе хлеб надо?" Я говорю: "Нет, не надо. У меня ешо тот живой, – говорю, – кирпич, всё охота мяконький пои'сь"; Я в чай мало кладу [сахара], так… мале'нько, на носочек [ложки] беру да и… ем.* Цветовая палитра метафор (в основном касающаяся предметов, но затрагивающая также растений и животных) несколько богаче, чем у сравнений, хотя в центре её также противопоставление "белый/темный": *Она не чёрна, мука эта, ну и не бе'ла. У Гути, говорю – от есь снег белый! Прямо шибко бе'ла; Да грибов купила… вон каки' цыгане! [о почерневших при засолке грибах];*

Седы' [котята] там-ка я увидала двух, седы', это, стального цвета.

Шире отражён в метафоре растительный мир. Интересно, что сами названия растений практически не подвергаются метафоризации, хотя активно употребляются в речи (*картошка, лук, берёза, огурец* и др.). Переносное значение получают лишь обозначения их частей и действий: *И колбасы принесла – копчёной такой кусочек… и такой [варёной] сучочек принесла, как вроде бы отдельно, полненький; [Рассматривает синяк на руке:] Любуюсь всё, "светочек" отку'дова, не помню, кажется, я не убивала; [О мужчине:] О'споди, сидит цветёт, как молоденький!* Оценочные метафорические словоупотребления дают представление об идеальных требованиях человека к свойствам растений: они должны хорошо расти, быть жизнестойкими, приносить здоровые плоды, пригодные в пищу.

Животный мир представлен в метафоре ещё разностороннее. В отличие от названий растений, переносное значение получают не только обозначения частей тела, действий, результатов жизнедеятельности животных *(Дохожу, гыт, до автобуса – только хвос показал, ушёл; Кать, пей! О'споди, чё головой бода'шь?; У ней заболела грудь – како'-то большо' яйцо сделалось на груде')*, но и сами названия животных *(На бороне барашек. «Барашек» звали. Как такой… калач большой бы, только не совсем круглый он. Продо'лгенький такой; Ну, идного-то [ребёнка] не назовут саранчой. А кода' много детей. Они гыт: "Саранча-то ить налетели дак…")*. Именно они дают большую группу оценочных метафор с переносом признаков животных на человека. Эти метафоры обладают чёткими и постоянными оценочными коннотациями. В таких метафорах отражены русские национальные представления о типичных свойствах тех или иных животных: хомяк – толстый, стрекоза – лекомысленная, змея – злая, коварная, лиса – хитрая, клоп – маленький и т.п. В некоторых случаях можно

говорить о диалектных отклонениях от общерусских стереотипов (*кабан, кобель*).

Человек характеризуется через метафору во всей полноте его физических, психических и социальных характеристик. Метафорические обозначения внешности отражают представление об идеальной фигуре через обозначение отклонений от неё. Нормой является средняя полнота человека (полный ассоциируется с хомяком, чем-то надутым, разбухшим, худой – с сухим, засохшим, высохшим), высокий рост (маленький мужчина именуется *шпингалетом*, женщина – *монголкой*): *А Де'на-то разбух; Она так на лицо-то вроде как помоложе стала. А то надутая така' была!; Матери девяносто четыре года… Прядёт ешо, гыт, суха'-суха'! Вся высохла; А Таня по'лна така', краси'ва, хоро'ша. А он такой… [смеётся] шпингалет такой; Валя сёдня улетит у нас. Монголка. [Почему "монголка"?] Ма'ленька-то. Гена-то [её муж] здоровый мужик.*

Внешняя привлекательность передаётся через метафору *игрушка*: *Да так вроде бы ротик мале'нько приоткрыл [умерший младенец], как вроде бы разговаривать хочет. Прямо игрушка. Как игрушка.* Метафора *кукла/куколка* многомерна: она может отражать и красоту человека *(Ну куколка! Куколка, правда).*

Небольшая группа метафор связана с обозначением возраста. В сознании информанта закреплено представление о детях как беспомощных, неспособных к серьёзным поручениям, их действия оцениваются как отклонение от "взрослой" нормы, а в речи появляются оттенки сочувствия или иронии: *Поймать могли бы [малыша], да задавить машиной: чё, такой клоп идёт; Эта кого. Стрекоза. Кого она [девочка] там уме'т?*

Среди характеристик ощущений и физических состояний подавляющее большинство составляют обозначения болезней. Метафорическое представление о болезнях занимает одно из самых важных мест в языковой картине мира В.П. (более 70 метафор), что связано и с её индивидуальными особенностями (пожилой

возраст, интерес к собственному здоровью, самочувствию близких ей людей), и с важностью темы здоровья как основы жизнедеятельности, значимой для любой личности. Информант не пользуется научными медицинскими терминами; обычно в метафорическом словоупотреблении отражены признаки заболевания и особенности болевых ощущений: *А прямо знашь, у меня желудок станет горе-еть!; А он [укол] не пошёл мне. Да меня всю обсы'пало! Сыпью; Отвалилась спина, совсем, у бабки!; Ой! Ногу дёрнуло!; Нога всё болит… я заору другой раз одна себе. Как ткнёт-ткнёт!*

Психические характеристики, передающие особенности эмоциональных состояний, памяти и мышления, отражаются в метафоре не часто: *Меня так прямо обида берёт; Это, как вроде мысли-то мелькнули, что кто-то кого-то увидал; Я говорю: "Чё, налить тебе сто грамм?" – как-то мне кажется, совесь меня мота'т; Вишь, память-то худа' стала. Уска'кыват всё. А я как вроде бы знала. Забыла.*

Метафорические характеристики поведения неодобрительно обозначают у человека слабоволие *(А у их зять-то, так он… тряпичонка тоже),* безынициативность *(Такой… шляпа*), несерьёзность и безответственность *(Она, гыт, ветер, нехоро'ша девочка-то. Така', несамостоя'тельна),* с одобрением отзывается об энергичном человеке, у которого всё получается быстро и ловко (*У ей в руках кипит! Вот огонь есь – не знаю, кто в деревне таки' есь ли нет ли! Шибко она уда'ла).* Однако главным образом эта группа включает наименования социальных характеристик поведения, также в основном акцентируя внимание на отклонениях от нормы. Метафора образно представляет конфликтные отношения в обществе, человеческую жестокость, неприятие и недовольство друг другом. Ситуация вражды и семейных ссор передаётся через образ огня. Люди могут "затоптать" в доме престарелых больного и беспомощного человека, а в семье – нелюбимого мужа и отца, с которым никто не считается: *Её бы увезли в дом престарелых,*

куды'-нибудь. А там затоптали бы сразу, кого там!; Ну Кольку – совсем ни за чё… [считает жена]. Тфу, затоптали и всё! И дети, и она, и всё. Родственники или члены одного трудового коллектива "ополчаются", "нападают" друг на друга, готовы "заклевать", "съесть", "проглотить".

Значительная группа метафорических наименований связана с речевым поведением. Эти метафоры отражают представление о нормах речи и речевого этикета через характеристики отклонений от них. Ненормальной считается речь излишней громкости (*реветь* "кричать") и слишком быстрого темпа (*сыпать* "говорить быстро"), недостоверная (*собирать* "говорить что-л. вздорное, нелепое"), с нарушением этических норм (*рявкнуть* "грубо, резко сказать", *огрызаться* "непочтительно отвечать", *грызть* "укорять", *уколоть* "уязвить"); особенно широко представлены метафорические обозначения брани *(поливать, скалиться, лаять, громить).* Показательно, что отклонения от нормативной речи зачастую ассоциируются со звуками животных.

Через метафору раскрывается отношение ЯЛ к порокам, в первую очередь к пьянству, которое приводит к плохому самочувствию, болезням, воровству и даже к гибели: *Кода' пьют-то, ничё… и <u>итключился</u>… свалился; <u>Нажрались</u> ешо кода'-то, всё равно совсем сдурели; И мать с вина <u>сгорела</u> у них.*

Значимым в социальном плане является для ЯЛ выделение коллектива, которое находит отражение в метафорах *выводок, саранча, капелла, свита, табун: Я пошла к нашим. Думаю: там хороший выводок-то. Четверо же придут [в гости]; Поди уж никто тапе'рь не придёт, провалили сёдня… свита* [*шутл.*]*; Целый табун был: Витя приехал, Лида, а Наташку раньше привозили, она тоже была тут.* Единичны у В.П., но очень выразительны образные наименования человека в его отношениях с властью. Государство "гнёт" людей, "обдирает" их: *Она говорит: "Нас в войну-то… гнули, ли как ли там чё-то, в войну-то". Ну кто в войну не работал?; Так всё одма'нывают нашего брата… обдирают.*

Распространённым является также использование метафор в экспрессивной функции. Метафорические единицы в этом случае используются для выражения эмоционального отношения говорящего и/или передачи интенсивности/экстенсивности признака: *подмести* "съесть быстро, с аппетитом", *обсы'пать* "покрыть сплошь сыпью", *модный* "неодобр. изнеженный", *козырять* "неодобр. выставлять напоказ свои достоинства" и др.: *Дала мне – бо'ле полбулки, такой… такой серый хлеб… А наши были, подчисту'ю всё подмели. Чёрный, белый, серый – всякий пойдёт; В.П. Мо'дны каки' тоже это! Кого "тяжело"-то? А.П. Ну, они не таскали сроду тяжёлого, это нам дык…*

Сопоставление метафор диалектоносителей В.П. Вершининой и В.М. Петуховой дает основания для выводов о меньшей степени метафоричности речи нашего информанта: по данным В.Д. Лютиковой, у В.М. Петуховой каждые 4–5 связанных предложений содержат метафорическое словоупотребление, широко представлены развёрнутые метафоры [Лютикова 1999, с. 165], редко используемые В.П. Общей чертой дискурса обеих ЯЛ является сочетаемость метафор со сравнениями, гиперболой, литотой.

Итак, у информанта отмечены виды метафор, соотносимые со всеми формами национального языка; большинство из них являются общерусскими. Общерусским является и характер продуктивных типов переносов, в том числе и у собственно диалектных метафор.

Метафорическое словоупотребление служит важным источником изучения языковой картины мира личности, в том числе ценностной языковой картины мира. Анализ этого образного средства свидетельствует об антропоцентрическом характере устройства лексикона диалектоносителя: Обычно понятие о норме раскрывается через обозначение отклонений от неё.

Метафора в дискурсе ЯЛ реализуется, как правило, спонтанно, реже – на основе стимула. Она обладает особым набором текстовых функций (номинативная, экспрессивная, языковой игры) и

связей с другими образными средствами, в первую очередь со сравнением.

Гипербола

Встречается в дискурсе В.П. также гипербола, вообще характерная для непринуждённого устного общения.

Основные объекты гиперболизации – человек и окружающие его предметы быта. С помощью гиперболы передаются такие смыслы, как физическое состояние человека (*Вся в воде лежу, прямо споте'ла без ума; Отвалилась спина совсем, у бабки!),* поведение человека (*Пошла, там уже бутылку выташшыли – ой, как собаки! рады прям. Рады со стеклом проглотить. Ой, ой, каки' же пьяницы все; Ну, и он упивал шибко, приедет, чё – все дыры', мышьи норы вы'шнырит, и вы'пет всё у их – а кому погля'нется?),* величина предмета (*Вот колбасы Катя привезли, чуть не ме'тру палку; Они подушки наладили да перины! как горы*); избыточное количество чего-л. (*на лошади не увезём – столько будем писать; Она знашь чё, вот таки' узли'шшы, э'таки вот прямо привезла этих, гладиолусов: таки' есь, таки', и ме'леньки, а тут ешо деток у ей прямо – миллионы там будут!),* длительность чего-л. *(Припёрла уж карася моёго. ~ Сто лет лежало, не отдала раньше),* постоянность какого-л. процесса (*У Гутьки мясорубка от стола не отвёртывается. Конешно, они сколь скотины до'ржут! Сколь одних рогатых!)*.

Среди стандартных форм гиперболы у В.П. зафиксированы фразеологизмы *(Пятьсот рублей банку [продают]. Я прям глаза на лоб у меня! Грыбы' – полторы тысячи банку; У Аксиньи голос хороший. Я начинаю, она вытя'гиват, поёт. Идём где-нибудь гуля'м, дак аж деревня колется. Здо'рово пели),* узуальные метафоры и сравнения *(То ли она, наверно, аборт изде'лала ли кого ли, не знаю. Столько, Катя, крови было! Море, море!; Спала как уби'та*), но в большинстве своем гиперболы

у диалектоносителя представляют собой индивидуальные речевые новообразования. Ряд из них являются индивидуальными сравнениями (*Татьяна Васильевна ро'стит, картошки вырастит с бычью голову; Разулся, а ноги лохма-аты! Как медведь)* или метафорами (*Я тебе хоть мале'нько за водку деньги отдам… Ну дак ты таку' беду привезла, це'лу цистерну!; Отец если вы'пет кода' – ну не всё время же он пьёт, всё время работал! Дак они рады съесть его, проглотить*). Встречаются развёрнутые метафорические образы: *А выташшыла бутылку – он один её выпил. Вот так осталось мале'нько, я думаю: хоть Кольке оставить… а он всё равно пришёл, опе'ть допил. Ой, только бутылки свистят!*

Литота как разновидность гиперболы употребляется В.П. сравнительно редко, связана с количественными характеристиками предмета речи и также обычно носит метафорический или сравнительный характер: *Да кака' там капуста? Каки'-то десять кулачочков вот таки' вот, как у меня; В погреб просятся [хранить картошку], да у меня какой погреб? Там – о'споди, там от така' кону'рочка!; А там осколки были в ей [ноге], он нет-нет… "Ой, у Володи опять нога заболела, опять в больницу поехал!" А там, гыт, в больнице, бисери'ночку каку'-нибудь вынут, и заживёт; Я это… Рожковой-то налила немножко… мале'нько, грамм пиися'т, мо'жеть, налила. Дак она гыт: "Кого она мне там налила, – Физе гыт, – слезинку!" Я говорю: "Ешо мн**о**го надо!"; Помидоры ме'лки как гнидки; Вот такой поросёночек! Ну, с кы'ску, мале'нько побо'ле!; Ну усыпаны [кусты мелкими помидорами], как мошки.*

Ирония

Ирония определяется обычно как употребление наименования или целого высказывания в смысле, противоположном буквальному [Скребнев 1979, с. 98]. В лингвистике она изучена мало, а в языке рядовой личности вообще не рассматривалась.

Ирония – достаточно распространённое выразительное средство в речи исследуемой ЯЛ. Объектом иронии могут быть самые различные явления внеязыковой и языковой действительности: человек, его качества, состояния и действия, животные, ситуации, а также отдельные слова и высказывания в своей и чужой речи.

Проявления иронии в дискурсе В.П. весьма разнообразны. Она бывает присуща всему высказыванию или может реализовываться на уровне отдельной лексемы.

В некоторых высказываниях ирония представлена только интонационно, переносный смысл контекста лишь весьма приблизительно можно считать противоположным буквальному. В этих случаях ирония направлена на собственную речь говорящего и нейтрализует, «смягчает» морализаторский тон отдельных суждений, являясь своеобразным извинением за вмешательство в чужую жизнь: *Говна' [старую, плохую] машину взяли. Ну зачем взяли? Меня бы спросили [усмехается]; А ей продать бы [трёхкомнатную квартиру], да купить одну комнату. И хватило бы. ~ Одну бы комнату… Без тебя бы мы не знали; Люда гыт, он тоже попива'т хорошо. Придёт, думаю, поговорю ему, скажу: "Ты чё это? Такой человек был, – говорю, – да испортился тоже!" Послу'шат меня так!*

Ирония может относиться и к чужой речи, если какое-л. словоупотребление собеседника представляется В.П. неверным или неточным: *В.П. Жирная [свинина], не рубили так? ~Н.Н. Ну… ну как тебе сказать? Нормальный [поросёнок]. В.П. "Нормальный!" [ирон.] Н.Н. Жирный.*

В большинстве случаев объектом иронической оценки является внеязыковая действительность. Высказывания диалектоносителя часто отражают сомнение в истинности чьего-либо суждения; ирония служит средством его опровержения как ложного: *"Так я работала, да так работаю да…" [хвасталась односель-*

чанка]. Переработала!; "Прокофьевна счастли'ва!" [сказали соседи, так как на её похоронах было много родственников и цветов]. Я говорю: "Ну как не счастли'ва: в гробу лежит, куды' же, како' ешо счастье надо"; Она "хвора'т" – лета'т по деревне как пуля… така' толшыной; "На сердце рубец…" – на заднице, поди, рубец [об односельчанке, которую считает ленивой]; Ф.Г. Аня сказала: "А мы чё, болеем, что ли?" В.П. [ирон.] Здоро'вы, как лошади. Все болеют.

При характеристике человека иронически переосмысливается высокая положительная оценка, восприятие кого-либо как весьма значительного (с точки зрения В.П., неоправданное): *Женечка! Там комок золота родился [о внебрачном ребёнке, рождение которого не одобряется]; Ну, наверно, много положат [подарят на свадьбу]. Что ты, свидетель был! [о 18-летнем родственнике из семьи со скромным достатком].*

Встретился также случай иронической замены отрицательного наименования на положительное, не соответствующее реальному: *[Ночью воры залезли в огород за огурцами.] Те от ходили, "гости", да прямо так, по им [огурцам] ходили.*

Весьма типичным для информанта является ироническое уничижение. В этом случае иронически употребляется слово для обозначения чего-либо, что, по мнению говорящего, не заслуживает такого наименования в силу своей неполноценности: *Молочка добавлю тебе? Ну помидоры ешь хоть. "Ужин"!* (с точки зрения В.П., слишком лёгкую пищу нельзя считать ужином); *"Подарки" там!* (о незначительных подарках); *Да о'споди, "собака" там!* (о маленькой собачке, которую можно не бояться).

Классической разновидностью иронии является оценка отрицательно воспринимаемых явлений действительности (свойств предметов, качеств человека, ситуаций в целом и т.п.) как положительных: *Гли, кака' кофта "наря'дна"!; Свету-то нет, и хлеба-то нет, говорю: "Ну, Кате [приехавшей в гости] "подфарти'ло"!*

Иронически может комментироваться также факт несбывшегося намерения *([Местные пьяницы просили у односельчанки продукты, а та отказала, сказав, что у самой ничего нет.] "Ну соседи, ну соседи!" повернулись, пошли. Всего "набрались"; "От* ***вы****дет на работу, от тод****а****-то вы'дет, от тод****а****-то вы'дет!" И всё: "вышел" [Ельцын опять заболел])* или заведомо невероятный факт *(Ф.Г. [о пьянице]: Она кричит: "У меня завтра день рожденья!" В.П. [ирон.] Ну, собирать будешь. ~ А сёдня заявилась опе'ть пришла: "У меня сёдня день рожденья". Дак а чё по людя'м-то ходить? Делай дома! "Хлеб не' на чего купить мне, не хвата'т на хлеб". На спирт не хвата'т; М.П. При людя'х достаёшь [деньги]. В.П. Ну, вы меня обокра'дете!)*.

Все выделенные разновидности иронии тесно связаны наличием оценочных характеристик, модальных элементов, общим интонационным рисунком, установкой говорящего на опровержение, отрицание словесного обозначения чего-либо. Поскольку точная интерпретация иронических высказываний возможна лишь при условии знания ситуации и контекста, иногда весьма обширного, не исключена их различная трактовка и многие случаи нельзя интерпретировать однозначно.

Ю.М. Скребнев считает, что ирония «…обычно не выражена формально (особая ироническая интонация в звучащей речи и употребление кавычек на письме факультативны), а выявляется на основе контекста или фонового знания, исключающих возможность буквального понимания сказанного (написанного)». [Скребнев 1979, с. 98]. Однако наш материал дает основания утверждать, что ироническая интонация является главным и постоянным формальным средством выражения иронического содержания. В дискурсе В.П. не отмечено ни одного иронического контекста, в котором этот особый интонационный рисунок отсутствовал бы. Кроме того, существуют и лексические показатели иронии (также в сочетании с иронической интонацией). У В.П. это слова *беда* и *брат* в функции междометий (*А.П. Надо*

было Колю с Геной заставлять. В.П. Беда, заставишь! Не шибко разбегутся, Гутя!; Объелась, чисто беда! [не верит, что гостья сыта]; Приедут, да только ходи за имя'. Беда сколько изде'лают всё; Надо вырастить пе'рво [огурцы]. – "Ну, вырастим". Кого, брат, наро'стит тоже?; Затопила печку, она чё-то погасла. ~А он говорит это: "Ты плотно накла'ла". Я говорю: "Ага, первый раз затопила!" [ирон.] Кого, брат, неужели, чё, первый раз затопила? Ну бува'т так, что не загорелось, и всё); фразеологические сочетания *что ты* и *что там ("Ходики" назывались [часы]. Ну, они какие-то, гирькими подтягывают – что ты!; Ну, тапе'рь деньги появились – что ты! Надо и за лопухи рашшытываться, и самому надо горло смазывать!; Поехал по конба'йну, и не его дело было, а вишь, он какой: "Я, – что там, – я, я, я!").*

Ядром иронического словоупотребления можно считать оценочные лексические единицы, употребляющиеся в прямо противоположном буквальному смыслу (*счастливый, нарядный, подфартило, переработать*). К лексическим средствам выражения иронии можно отнести также замену обозначения "высокого" денотата на "низкий": (*сердце → задница*) и наоборот (*воры → гости*). Усиливать ироническую оценку контекста могут гипербола (*здоро'вы, как лошади*) и антитеза (*Она "хвора'т" – лета'т, как пуля по деревне… така' толшыной*), развёрнутый комментарий, раскрывающий мотивы иронической оценки ситуации *(Ну как не счастли'ва: в гробу лежит, куды' же, како' ешо счастье надо).*

Ирония тесно связана с эмоциональной оценкой. Ироническая интонация часто осложняется интонацией неодобрения (*Ой! Как без рук прям были! Как без рук они без него были! без Женечки [внебрачного ребёнка]*) или шутливой интонацией (*Гли, кака' кофта "наря'дна"!).* В иронических контекстах широко используются (хотя и не обязательны) экспрессивные синтаксические конструкции с повторами, усилительными частицами и наречи-

ями, междометиями и т.п.: *Вот у'мны дак у'мны; О'споди, "собака" там; "Ну соседи, ну соседи!" – повернулись, пошли. Всего "набрались"; "Хоро'ши картошки?" Я говорю: "Шибко хоро'ши!"*

Хотя данные для сопоставления очень скудны, можно утверждать, что ирония у исследуемой ЯЛ имеет много общерусских черт: общими являются механизмы создания иронического контекста на базе оценочных слов и некоторых безоценочных характеристик, основные средства выражения иронического содержания (в первую очередь интонационные). В то же время в речи диалектоносителя не отмечено присущее русскому литературному языку ироническое употребление наименований профессий, должностей со значением "неумелый работник", "сомнительный специалист", не встретилась ирония преуменьшения признака, оказались неупотребительными конструкции типа "хорош + существительное" [Ермакова 1997], "этого ещё не хватало", "ничего себе…" [Скребнев 1979]. В свою очередь, у информанта выделены специфические случаи иронической оценки (смягчение морализаторских суждений, уничижение) и нелитературные формальные средства выражения иронии. Являются ли они индивидуальными или присущи всем носителям Вершининского говора, ещё предстоит исследовать.

Каламбур

Каламбур можно считать нетипичным для набора выразительных средств текста В.П. Метаязыковым сознанием отмечаются крестьянкой каламбуры в чужой речи (*Ну и я утаскываю десятку, хыть дам на горю'че ему, а он: "А ты меня заправля'шь горючим, дак не берёшь деньги с меня? ~ Ты меня заправля'шь, гыт, горючим". ~ Ну, кода' подаю, кода' есь – бражонку он вы'пет тоже),* но в собственных высказываниях диалектоносительница их практически не использует. Обусловлено это возрастом или индивидуальными особенностями данной ЯЛ, сказать

трудно. Целый ряд каламбуров отмечен в речи её племянника Н.Н. Вершинина, 1948 г. рождения, речь которого по многим параметрам близка к речи В.П.: *А.П. Ну, ты бросил [пить]? Н.Н. Не знаю, кто подобрал ли; В.П. А нам, говорят, дрова будут давать, лапшу да. Я по радио тоже слышала. Н.Н. Лапшу на уши вешать [смеётся]* и др. За 20 лет регулярного наблюдения над речью информанта нами зафиксирован всего один случай каламбурной игры В.П. значениями многозначного слова: *Мне задало'сь, я пол мою, на коле'нкав. А Валя пришла, гыт "<u>бе'дненька</u>!" <u>Бе'дненька</u> ли бога'та ли.* Два других примера употребления каламбуров, используемых ею, нельзя отнести к сознательному проявлению языковой игры, поскольку они закреплены в прецедентных текстах: *Она же ненорма'льна, куды' люди, туды' и мысле'те* (игра значениями: *люди* "мн. к человек" и "устаревшее название буквы "л"); *В.П. Не дам, никого не дам, у меня никого нет. Никого не дам. Н.Н. Я же вечером отдам [деньги]! В.П. "Отдам"! Да <u>был Отдам,</u> <u>да помер</u>!* (языковая игра с онимизацией апеллятива).

Рифма и ритм

Как отмечает Б.Ю. Норман, фонетические ассоциации не являются прерогативой творческих личностей [Норман 1994, с. 78–79]. Встречаются они и в разговорной литературной речи, и в просторечии [Янко-Триницкая 1968]. Достаточно широко рифмовка слов представлена в прозаическом дискурсе В.П. Помимо пословиц, поговорок и присказок, часть которых отмечена рифмой (*не пойма'шь, так не узна'шь; не бей кнутом, напо'й вином; одна мучка, да не те же ручки; здоро'ва, как корова* и т.п.), это явление наблюдается во многих других типах высказываний (всего их зафиксировано около сорока).

1. В ряде случаев появление рифмы восходит к имеющимся в лексиконе информанта различного рода устойчивым словосочетаниям и выражениям, изначально содержащим созвучные лексемы:

а) типичны фольклорные словосочетания, в которых второй компонент выполняет роль приложения: *Там домов мало было. Ну я не знаю, сколько, вот у Моти никода' не спрошу, своей кумушки-то голубушки; Огород не со'дит, травой-муравой зараста'т всё; [Возвращается из холодных сеней:] О-ой! Мороз… красный нос; [О себе:] Износился конёк… горбунок;*

б) встречаются рифмы и во фразеологизмах: *села да запела, от горшка два вершка, ни дома ни лома, ни стуку ни звуку* и др.

2. Отмечены случаи, в которых рифмовка не воспроизводится, а создается языковой личностью:

а) рифмуются узуальные лексические единицы: *Не моется, не сту'кат, не бря'кат – ницё; В баночке грызётся в кы'скиной, мышка. А Васька та'мо-ка. Я его взяла, бросила туда, он – ничё, даже внимания не обрашша'т. То ли слепой, то ли глухой; А им же жрать надо! Их накормить – легше похоронить; А я… пироги стряпаю, на плите стряпаю. Не обязательно так, ну, с чем-нибудь: с ливером, ли с капустой, ли с картошкой, ли с морко'шкой там.*

Среди них можно выделить группу созвучий, в которых компоненты утрачивают самостоятельное лексическое значение, приобретая статус фразеологических единиц *(Пишут всё, у них там ешо девять де'вочков. Песни да басни* ["образцы народной речи вообще"], *всё пишут да пишут, не пристают; Он как загорелся, этот навоз-то! Да как они там – я их посадила, огурцы-то, они как начали' как пы'шать-ды'шать!* ["интенсивно расти"] *расти-то за грехи-то за вели'ки-то!),* либо один из компонентов частично десемантизируется, усиливая экспрессивность другого

компонента: *Ну вот, буду жарить… парить [блины]; Хто-нибудь-то бы помоложе там побежали бы, она – раз, раз! побежит! То'нка-зво'нка, ноги от таки' то'неньки, и пойдёт рвать.*

Слово-стимул может вызывать также неоднословную реакцию, содержащую рифму к нему: *[Перебирая лекарства:] Все тут, препараты. Аптека… для больного человека; Она гыт: "Он [муж] некрасивый у меня". Ну она-то краси'ва… А то скажет "спасибо"; Дойду до ворот… удивился весь народ; А чё продают? [Пиво.] Пиво… чтоб с ног сбило; Этот-то? Махо'р. [Глаженый.] И чё, что глаженый… под венец налаженный; Ну выпей ты всё-то, выпей! Наме'сто кваску'… заманить тоску; Муха лета'т… Муха тяни за у'хо; Пейте сразу! наме'сто квасу; А но'нче всё лето просидела. Оглянуться не успела.* Некоторые из приведенных реакций, вероятно, являются "отголосками" прецедентных текстов (хотя это нельзя утверждать с абсолютной уверенностью, поскольку в дискурсе информанта такие тексты не зафиксированы), другие могут быть созданы самим диалектоносителем.

Между рифмующимися элементами возможно как наличие семантической связи (*аптека – для больного человека, пиво – чтоб с ног сбило*), так и полное её отсутствие (*глаженый – под венец налаженный, краси'ва – скажет "спасибо").* Как пишет Б.Ю. Норман, «…асемантичность звуковых ассоциаций компенсируется в конкретном тексте игровым эффектом, и в результате формальное сходство приобретает новую, эстетическую значимость» [Норман 1994, с. 80];

б) рифмуется узуальное слово с окказиональным. Окказионализм при этом образуется по модели слова-стимула (*Волни'сто како'-то [стекло в окне]. Волни'сто, говни'сто*), но значительно чаще отличается от нормативной единицы только одним начальным звуком: "*Никуды' он уехал, он сидит". Ой! её как по жопе серьпом, как она забры'гала, как задры'гала!; [Кошке:] Ты не вякай, надоела, прямо надое'с. Будет вякать-мя'кать; У меня ши-*

ро'кенька кастрюлька така', Геночка-Пе'ночка [неодобрительно] увёз её этот раз ~. А он собрал да увёз, Гена… Пена. Такие рифмы служат средством создания экспрессивно-эмоциональных высказываний, выражая отрицательные эмоции говорящего;

в) рифмуются два окказиональных элемента (также различающиеся только начальным звуком). Окказиональный комплекс, как и в предыдущем случае, служит для выражения отрицательной эмоциональной оценки предмета: *Ну-ка, давай, убери-ка там эту свою шу'ндру-му'ндру [о магнитофоне], а я тебе покажу дорожку счас.*

Создание рифмованных высказываний, видимо, можно считать общей чертой речи диалектоносителей: оно отмечено и у А.Г. Горшковой [Малышева, Скитова 2000, с. 244], и у В.М. Петуховой [Лютикова 1999, с. 76], но анализ этого явления в языке личности отсутствует.

К числу выразительных средств текста В.П. следует также отнести его ритм. Известно, что ритм может выполнять структурирующую, текстообразующую и экспрессивно-эмоциональную функцию [Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 416]; в дискурсе информанта все они значимы.

Средствами создания ритма служат чередующиеся объёмные и дробные части текста, конструкции, характеризующиеся синтаксическим параллелизмом, анафорические повторы союзов, вкрапления паремий (как правило, ритмически организованных), а также сегменты высказываний с правильным чередованием ударных и безударных слогов.

Ритмическая структура различных фрагментов текста разнообразна, однако общей закономерностью является преимущественное чередование ударного слога (_) с одним или двумя (реже – с тремя-четырьмя) безударными (^). Синтагмы обычно содержат от 2 до 6 слогов (1–3 слова):

Картошки полола. О'споди, даже так… чисто, да свету'т хорошо – сдаля'-то, туды' не хожу… Полола я, эту грядку полола, и эту полола. А две в серединке не полола. Ну, кажется, там мало, поди, травы. А пошла – и на этой трава, и на этой трава, а там ешо больше, от така' от прямо, така'. Знашь, кака'? Прямо от как ота'ва кака'-то.

– ^ – – ^ – | ^ – – | ^ – ^ | ^ – | – – ^ | – – ^ | – ^ – | – ^ – – ^|

– ^ – – | ^ – ^ – – ^ –| – ^ – – ^ –| – ^ – – ^ –| – – ^ –| – ^ – –|

– ^ – – ^ | – ^ | – – ^ | – – ^ – – ^ | – ^ – – ^ – | – – ^ – ^ –| – ^ |

^ – ^ | ^ – | – – ^ – – ^ –|

Состав выразительных средств, употребляемых ЯЛ, не исчерпывается перечисленными. К ним можно также отнести экспрессивные лексические единицы, окказиональные элементы, антонимы и синонимы, прецедентные тексты, рассмотренные выше, часть тропов и фигур речи, оставшихся за пределами нашего внимания (метонимия, эпитеты, аллегория, антитеза, градация, анафора и др.), а также фонетические, интонационные и синтаксические средства создания нестандартного текста.

3.3. Диалогичность и цитирование

Диалектной ЯЛ присуща как монологическая, так и диалогическая форма речи. «Способность произносить длительные моно-

логи, редкая у современных горожан, – отмечает Р.Ф. Пауфошима – свойственна многим пожилым людям (преимущественно женщинам), живущим в деревне» [Пауфошима 1989, с. 47]. У В.П. нередки обширные монологи. В то же время речь информанта отличается диалогичностью. Соотношение диалога и монолога в имеющихся у нас магнитофонных записях 3:1 (фактическое соотношение еще более контрастно, поскольку диалоги В.П. с собирателями материала отражались неполно). Если вслед за авторами книги «Язык и личность» делить людей на монологистов и диалогистов, то нашего диалектоносителя можно отнести к категории диалогистов. Даже монологи часто представляют собой рассказы в лицах о том или ином происшествии ("диалог в монологе"):

Витька приносил мне этот раз: "Тётя Вера, мёд надо тебе?" Я говорю: "Зачем?" – "Дай тебе полью!" А… такой… ну, как вроде бы… брага ли квас ли там. Жидкий. Я говорю: "Ты де взял-то?" – "Да в Косого'ровой покупал. Сто во'семьдесять тысяч" – о господи, "покупал"! Ни денег, ничё нету. А я говорю: "Чё сто восемьдесят тысяч?" – "Ну, банку я покупал". Я говорю: "Ты не ври! Ты мне не ври, – говорю, – Виктор, я не люблю, кода' врут". Я говорю: "Я покупала, дак по девяносто тысяч". – "Ну я две… я две банки-то брал! [смеётся]. Так и получилось, гыт". То сказал "банку покупал", то две. "Сто восемьдесят тысяч за банку". Я говорю: "Ты не ври".

Диалогичность текста ЯЛ создается за счет включения в свою речь фрагментов чужих и собственных высказываний. Постоянно **цитируется речь конкретных лиц** – односельчан, знакомых, родственников, причём диалектоносительница воспроизводит не только лексику, зачастую нетипичную для неё самой, но и структуру фразы, характерные интонации, подражает тембру голоса, темпу речи, иногда даже особенностям жестов и позы говорящего:

*Ночует – он**а** домой, **о**н домой, он**а** домой, **о**н домой. Ну дак а он чё, к ей пойдёт всё делать ешо? А она: "К ему ра'зе пойду [жить]? " Она и говорит: "Я в раба' не пойду. Тут надо в раба' пойти. Огород большой, всё надо делать"; У его много одёжи. А ничё не носил. Фуфайка… хлястик оторванный, се'ренька фуфайчонка, всё ходил. Я говорю: "Дай я пришью, дай!" – "А-ай!" – "Дай пришью!" – "А-ай! Ла-адно!"; "У нас, гыт, всё, гыт, Андрей… чё-то говорят кото'ры, на меня, походит". А Валерий Михалыч гыт: "Не дай бог, чтобы на тебя!" А он открыва'т, форточку-то, папироску выбросил [изображает, сердито:] "Я не про то говорил! Что на тебя похо… походит ли чё ли там. Я про то говорю… Ты как тёшша: всё умирать собира'шься и не умира'шь".*

Широко применяется и **самоцитирование:** *Она-не она… не знаю прям. Ну подошла к ей, спросила, я говорю: "Вы меня извините, Марья Михална, – говорю, – это вы?" Она гыт: "Я. А ты хто?" Я говорю: "А я Вера. С Вершининой, – говорю, – ездили кода'-то суды'". Она: "Ой, ой!" – поймала меня, поцеловала, прижала, тоже я… – "познакомились" с ей! Ну, узнали друг друга.* Как отмечает Л.Г. Гынгазова, «Передача собственной речи очень типична для В.П. (…) Как представляется, это связано с особенностью восприятия мира носителем диалекта, при котором из всего многообразия мира в зону осмысления попадает прежде всего то, что включено в личную сферу говорящего, то есть фрагменты бытия, центром которых является он сам» [Гынгазова 2000а, с. 235].

Другой вид цитации – включение в речь **прецедентных текстов**. Они заслуживают специального рассмотрения как важный источник изучения прагматических установок ЯЛ. Одним из словарей-спутников к «Полному словарю диалектной языковой личности» был издан «Идолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила» [Иванцова 2016].

Особенности языка личности связаны, наряду с другими факторами, и с характером используемых ею прецедентных текстов – по определению Ю.Н. Караулова, распространённых и часто воспроизводимых текстов, знакомых широкому кругу носителей языка и отражающих культуру данного общества [Караулов 1992, с. 16]. Прецедентные тексты могут включать цитаты из произведений мировой литературы и фольклора, классические крылатые слова, а также цитаты из популярных песен, кинофильмов, рекламы и т.п. Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе; они отражают культурный уровень социума и его членов, национальную принадлежность личности, её мировоззрение и одновременно являются яркой характеристикой конкретного человека.

Анализ речи В.П. Вершининой показал, что центральное место среди её прецедентных текстов занимают тексты фольклорного происхождения. Полностью отсутствуют тексты, источником которых являются произведения художественной литературы, крылатые выражения, средства массовой информации; крайне редки цитаты из классических музыкальных произведений с установленным авторством. Такой круг цитируемых источников можно считать типичным для диалектоносителя старшего поколения, с низким уровнем образования, жителя села.

В число прецедентных текстов изучаемой ЯЛ входят прежде всего пословицы и поговорки – их более 300. Именно эти жанры фольклора не случайно занимают центральное место: они многочисленнее других и значительно шире прочих жанров охватывают разнообразные стороны действительности. Кроме того, обобщающий характер народной афористики, заключённая в ней житейская мудрость и нравоучительный элемент соотносимы с опытом и наблюдениями над жизнью пожилого человека.

Паремии представляют собой своеобразную энциклопедию мира. Они вторгаются во все области человеческой жизни, касаются всех предметов. Анализ прецедентных текстов, используе-

мых личностью, позволяет увидеть систему взглядов на мир, отражённых в языковой форме. В составе прецедентных текстов можно выделить:

1. Тексты философско-мировоззренческого характера, рассматривающие универсальные категории человеческого бытия:

– причина и следствие: *посеяно, да [в]зойдёт; было бы ударено, да вспухнет; даром чирей не садится, и тот почешется; не кладёшь, и (дак) не найдёшь; не пропадёт за собакой палка <: кода'-нибудь укусит>;*

– возможность и действительность: *не отпадёт голова, дак прирастёт борода; сорвал много в поле цветов, да все не сорвёшь;*

– тождество и различие: *те же штаны, да наз'адь; что в лоб, то и по лбу; кака' до бани, така' и после бани; сменял кукушку на я'стрепа; совсем другого ре'зу;*

– сущность и её проявление: *зима не без морозу;*

– время: *ни в пос[т], ни в моло'с; и Петрова дня нет [как что-л. наконец произошло];*

– жизнь и смерть: *живой про живо' и думает; смерть причину найдёт; земля всех примет; смерть не спра'шиват; кому не умереть, дак всему миру не спереть;*

– вечное движение жизни с её утратами и обновлением: *был да сплыл; свя'то место не бува'т пу'сто;*

– старость и болезни: *старось не младось; не бойся смерти, бойся старости; что старый, то и малый; был конь да изъездился; пора костям на место; не ел – не мог, а поел – ни рук, ни ног; шаг по рублю; не умрёшь и время проведёшь; ись ешь, а еда тебя ест; на тем свете найти не могут;*

– молодость и красота: *краси'вы/хоро'ши не были, а молоды' были;*

– любовь: *под крыльцом, да с молодцом; погля'нется сатана лу'чче я'сна сокола';*

– добро и зло: *зло на зло и идёт;*

– законы познания: значимость опыта и практики в познании и достижении результата *(не пойма'шь, дак не узна'шь; кого спрашиваете, больного о здоровье; первый блин <всегда> комом/комком);* бесконечность постижения мира *(век живи и век учись, а дураком помрёшь).*

2. Тексты, отражающие морально-этические нормы поведения в обществе. Иногда такая норма предписывается прямо, иногда она скрывается в негативной или позитивной оценке поведения.

Пословицы и поговорки утверждают ценность родственных связей, приоритет собственного семейного уклада и хозяйства над чужим, даже если они и далеки от идеала: *худо', да своё; худой, да свой; худо' моё и хоро'ше моё; хоть и плохо огород загорожен, да овечки не едят; худой, да хозяин; говённа, да хозяйка; ху'до, да дома, хорошо, да в людях.* Терпимость к недостаткам родственников, умение прощать их – лейтмотив большой группы высказываний. Утверждается отсутствие обязательств перед человеком, если не связан с ним узами родства *(я не венчана с ём; детей не хрести'ть* с кем-л.*);* осуждается корыстность родственных отношений *(муж жену любит здоро'ву, брат сестру бога'ту).*

Народная афористика характеризует отношения детей и родителей, вопросы воспитания *(не та мать, кото'ра родила, а та мать, кото'ра вырастила; у кого детей нету, у того и горя нету; чё худо', то отцово, чё хоро'ше – в меня; от свиньи не будет бобрёнок, всё равно поросёнок; кто ни родится – сама буду водиться; лежит поперёк лавки – тода' только учить его надо. А повдоль ля'гет, тода' уж поздно; хоро'ша дочь Аннушка, хвалит мать и ба'ушка)*, затрагивая проблемы безотцовщины *(чей бы бычок ни скакал, а телёночек наш)* и осуждая избавление женщины от нежеланных детей *(явленных-то нет, а давленых-то сколько хошь)*. Иронично и метко говорится о супружестве: *коренови'к везёт хорошо, а пристяжна' скачет; кому на ком же-*

ниться, тот от того и родится. Поговорка напоминает и о необходимости поминовения умерших *(мёртвый у ворот не стоит, а своё берёт).*

Освещаются правила ведения дома, хозяйства: утверждается труд как его основа *(дом не велик, а стоять не велит)* и необходимость отдыха *(сон дороже всего),* роль женщины в создании домашнего очага *(без хозяйки дом сирота),* говорится об источниках доходов и расходов *(не пил бы, не ел, дак куды' бы чё дел; мале'нько укра'дешь, и то лу'чче купленного),* одобряются запасливость и рачительность, на которых зиждется благосостояние *(запас пазуху не дерёт; пока дают, дак бери; у их и рыбка не уплывёт, и ягода не уйдёт; дорого, да мило),* но отрицается корыстолюбие, жадность *(всех денег не соберёшь).* В высказываниях находят отражение правила ухода за растениями *(ранний урожай к поздно'му не ходит)* и животными *(что телёнок, то и ребёнок; у коро'ве на язычке молоко),* приготовления пищи *(пошла стряпня, рукава стряхня'; недосол на столе, а пересол на спине; съедят свиньи да работники)* и её употребления *(на век не наешься; дай бог отлега'ться, никогда не буду так наедаться; посуда чистоту любит; чем добру пропадать, лучше брюху лопнуть).* Значимой является тема гостеприимства и правил приёма гостей *(соловья баснями не кормят; гостя' встречают по одёжке, провожают по уму; гостей провожают так: богатых провожают, чтобы не упал, а бедных, чтобы не украл).*

В общении с людьми на первое место выдвигается тема взаимных расчётов и обязательств как основы хороших отношений: *чаще счёт – до'ле дружба; уговор дороже денег; как словом, так и делом; Сули'ха Недава'ся родна' сестра; брать да отдавать – не стоит связываться; <в копна'х не сено,> в долгу не деньги; дала руками, а ходи ногами; старый долг как но'ва находка; так и чирей не садится <– и тот почешется>; не с коровой договариваться; был отдам, да по'мер.* Отмечается преимущество точ-

ных измерений *(вес да мера – не попова душа)*. Говорится о правилах дарения и приема подарков: *на', боже, кото'ро нам не гоже; дарёному коню в зуб не смотрят; пока дают, дак бери; дарёно не дарят.*

Наряду с проявлениями взаимопомощи *(с миру по нитке – голому рубаха)* в качестве нормы принято и невмешательство в чужие дела, отстранённость от них *(не наш конь, не наш воз, не нам везти; на чужу' кучу глаза не пучу).*

Народная афористика провозглашает дружелюбие, понимание интересов другого важными факторами добрых отношений между людьми *(не ставь палку в колёса; кошке на хвост наступи, и та окры'сится)*. Утверждается необходимость таких правил поведения, как осмотрительность *(подальше положишь, поближе возьмёшь; плохо не клади, вора в грех не вводи; утро мудрене' вечера; не знашь броду, дак и не лезь в воду; цыплят по осени считают)*, терпимость в проявлении другой точки зрения *(богу молись, а чёрту в глаза не плюй; чё ни худо', то и забавно; хоть горшком назови, то'ко в печь не ставь; вольному воля, спасённому рай; всяк по-своему с ума сходит)*, необходимость компромиссов *(волк в стадо, дак вой по-волчьи; блюй да цалуй; нужда заставит сопливого целовать; надо, чтобы волки сы'ты и овцы це'лы)*. Несоблюдение этого принципа, неумение прийти к взаимным уступкам рассматривается как глупость *(на базаре два дурака: один дорого просит, другой дёшево даёт)*. В конфликтных ситуациях говорится об опасности скрытого врага *(кото'ра собака лает, та лу'чче не укусит, а кото'ра не лает, дак укусит та)*, доказательности предъявленных обвинений *(не поманный – не вор)*, справедливой связи вины с наказанием *(не пропадёт за собакой палка, когда-нибудь укусит).*

Высоко ценится своевременность действий и поступков *(ждать да догонять – не дай бог; до'рого яичко ко Христову дню; кода' свето'к рвут – кода' светёт; рано свёл, на по'здо*

навёл; не вовре'мя гость хуже татарина). Отмечается сила привычки в мотивации деятельности *(привыкла собака за возом бежать, и за простыми санями бежит*) и необходимость выбора для успешного достижения цели *(за семью зайцами погонишься, ни одного не поймаешь).*

Существенное место в этикете отведено нормам речевого поведения: *надсе'кла, дак отрубай; у кого чё болит, тот о том и говорит; вшивый всё про баню; язык-то долгый у неё; рот-то говённый.*

Оценивается статус человека в обществе и соответствие этого статуса возможностям и реальным поступкам человека: *по Сеньке и шапка, <по ядрёне матери колпак>; вшивому поросёнку везде худо; ну кто пьяный свечку богу ставит; но'ва метёлка хорошо метёт; свинье и то в году праздник есть; удалось лягуше в воду скочи'ть, и то заяц напугал.* Выражается неодобрительное отношение к таким качествам, как:

– избалованность, капризность: *губа у него не дура, язык не лопата; дай голому рубаху – толста'; угодить, гыт, трудно – чёрт с рогами;*

– простодушие: *быть проще' – скорей пове'шут; чё на уме, то и на языке; простота хуже воровства;*

– назойливость, проявление излишней инициативы: *в ка'жной дыре затычка / де дырка, там и затычка; не умрёт, дак удушить придётся; как банный лист к жопе прильнул;*

– лживость: *скажет, где огонь, а там вода; и наврёт, дак недорого возьмёт;*

– изворотливость: *в воде будет, суха' вылезет*;

– лицемерие, двуличность: *за глаза костят, а в глаза лестят; мягко стелешь, зёско спать будет; противна нищему гривна;*

– иждивенчество: *рады с зубов кожу ободрать;*

– неосмотрительность: *задним умом живём; пока гром не грянет, до тех пор не перекрести'мся;*

– хвастливость: *после свадьбы все ты'сяцки; хвастливый с богатым в ряд; не похва'стовать, дак не пожить; калина говорила: "Я с мёдом хороша". А мёд ей говорит: "А я и без тебя хорош"; я да я – бе'ла свинья;*

– легкомыслие: *в жопе ветер, в поле дым; куды' ветерок, туды' и умо'к;*

– несговорчивость, упрямство: *с ей пива не сваришь; ему говорят "стрижено", он "брито";*

– скупость: *гости'на еда до поро'гу; собака на сене: сама не ест, и людя'м не даёт;*

– неблагодарность: *ни спасибо, ни насе'рил;*

– чванство: *из грязи да в князи*;

– большие запросы: *не гляди, что по-данному крыта; она мелко не пла'ват / неплохо пла'вате, больша' хрома';*

– завистливость: *господи, господи, убей того до' смерти, у кого денег много да жена молода'*;

– излишняя робость, застенчивость: *<как> из-за угла мешком <мушны'м> напуганы;*

– невнимательность: *вот тут залетело, вот тут вылетело;*

– ограниченность мировоззрения: *залез червяк в редьку, и думает: слаще/лучше нет /нету;*

– пьянство: *нет такого молодца, чтоб поборол винцо, а всё винцо сборет-то; пьяному море по колено; не бей кнутом, напо'й вином; затянули собаку в колесо.*

Важное место занимает оценка умственных качеств человека: *ума нету, дак кожаный не пришьёшь, болтаться будет; ума нету, а жить охота; сила есть, ума не надо; у женщины во'лос длинный, а ум короткий; дак а дураков ра'зе сеют, они сами родятся; век живи и век учись, а дураком помрёшь*. Интересно, что пословицы о глупости в основном звучат при оценке собственных поступков (как элемент самоуничижения), тогда как другие отрицательные качества оцениваются у окружающих.

Среди оценочных прецедентных текстов, как и в эмоциональной лексике, преобладают имеющие отрицательную оценку: положительное качество осознаётся как норма и обычно не выражается в языке.

Пословицы говорят о богатстве (*у них живой воды только нету*) и бедности *(там одна копейка ребром; гол как соко'л; очистил боже, ни куля, ни рогожи; голому собраться – только подпоясаться; на чё купить? – На вши. – А вши-то де взять?)*, именно с бедностью связывая честный труд простого крестьянина *(прожи'ли век за холщовый мех; богатый не будешь, а горбатый будешь; не отдашь душу в ад, так не будешь богат)*. Вероятно, именно в силу тяжести работы, вместо благосостояния приносящей только потерю здоровья, излишнее усердие в работе на общество расценивается народом как глупость *(дурак работу любит, а работа дурака; ума-то не было: брала много, кидала далёко; дорвалась до бесплатного)*. По этим же причинам с понятием труда вообще связана его негативная оценка *(работа не коза, в лес не ускака'т)* – в отличие от всегда позитивной, уважительной оценки мастерства *(дело мастера боится; одна мучка, да не те же ручки)*. Труд рассматривается как вынужденная необходимость, как средство выживания *(не потопаешь, дак не полопаешь)*. Пословицы и поговорки иронически повествуют о сытной жизни без труда и хлопот *(чё солдат гладок? – наелся да на' бок)*, неодобрительно – о работе спустя рукава *(пень колотить да день проводить)*. О лени говорится и с шутливой иронией *(маленький дождишко, а лентяям отды'шка)*, и с сарказмом *(жрать только любит сладко, а срать гладко)*. В то же время в тяжёлой, полной горя, труда и нужды жизни *(горе не по' лесу, а по' людям ходит; хватить мурцовки горького до слёз)* есть место оптимизму: *голенький – "вох", а голеньким бог [помогает]; беда, гыт, это не беда тогда, когда беда придёт во двор, а тогда беда, когда её выжить нельзя.* Терпение *(терпи, казак, атаманом будешь)* и смирение, покорность своей судьбе *(привыкнешь, дак и в*

аду / берлоге хорошо; живёт кошка, живёт собака – и мы так живём) утверждаются как средство, помогающее преодолеть жизненные трудности. Утешением служит и осознание единства частной, личной судьбы с судьбой всего общества: *что в миру, то и нам.* Осуждается бездействие, медлительность *(не шьёт и не порет; не мычит, не телится; не тянули, не везли)*, говорится о необходимости достижения результата в любом деле *(дело по делу, а суд по форме; где сена клок, где вилы в бок; не в коня овёс травить; не кладёшь – не найдёшь)*, о важности деятельной, активной жизни, невзирая на обстоятельства: *меня хоронить, а я боронить; умирай, а зелье хватай; умираю, а ногой дрыга'ю; умирать собирайся, а рожь сей; живой про живо' и думает; надо ходить, конечно [добиваться], где сена клок, где вилы в бок.*

Отношение к религии в фольклоре иронично-критическое: *вес да мера не попова душа; поп кадит кадилою, а сам глядит на милую.* Народное мировоззрение далеко от религиозного фанатизма (*богу молись, а чёрту в глаза не плюй),* поговорки призывают надеяться прежде всего на себя, а не на божественное провидение (*бог-то бог, да сам не будь плох)*.

Народная афористика, таким образом, – «это своеобразный неписаный моральный кодекс народной жизни, пронизанный заботой о создании высоконравственной личности» [Прокошева 1988, с. 9].

3. Тексты, отражающие эстетические оценки. Их немногочисленность по сравнению с предыдущей группой прецедентных текстов свидетельствует о приоритете этических норм над эстетическими в традиционном народном мировоззрении. Это пословицы о соотношении красоты и пользы, внешних и духовных качеств личности: *не доила, лишь бы по' двору ходила; с красоты / с лица воду не пить; красота приглядится, ум пригодится.*

4. В прецедентных текстах проявляются также различные модальные характеристики и эмоциональные состояния: невозмож-

ность осуществления чего-л. (*низачем да ночуешь, бодливой корове бог рога' не дал; маленько ро'жки надо, да их нету; "бы" мешает; близко локоть, его не достанешь, не укусишь; сама бы с избы на' борону упала),* недовольство *(покажется небо с овчинку)*, озабоченность *(не было печали, черти накачали);* неизвестность *(на воде вилами написано, руку-ногу не оставил; ни слуху ни духу; пузырь не сплыл на тем месте)* или определённость, уверенность в чём-л. *(на воде не писано),* трудность осуществления чего-либо (*шутка дурна'*), насмешливо-ироническое неодобрение *(и смех и грех; заявилась не запылилась)*, общая отрицательная оценка действий *(несро'дна ямщина).*

5. Примыкают к пословицам и поговоркам присказки – стереотипные формулы в определённых ситуациях *(не к нам <будь> сказано* – при разговоре о болезни, *лёгок на помине* – о приходе только что упоминавшегося человека, *не к ночи помянуть* – если речь идёт об умершем) либо ситуативные стандартные ответы или возражения на слова-стимулы *(нельзя – нельзя только на небо зале'зти; не хочу – поцалу'й косачу; отдам – был отдам да по'мер; неудобно пить – это не табурет через рот [проглотить], [ёмкость слишком большая] – из большой не выпадет; я сам – сам с уса'м; моряк – с избы бряк; Катя – Катя-Катя-Катерина – нарисована картина; голова болит – жопе легше).*

Среди прецедентных фольклорных текстов, употребляемых В.П., имеются также отдельные заговоры (*у сороки боли, у воро'не боли, а у меня заживи* и некоторые другие), приметы народного календаря *(Илья льдинку бросил в воду; Егорий с водой, а Мико'ла с травой),* загадки *(не лает, не кусает, в дом не пускает)*, отдельные частушки и фрагменты народных песен, сохранившиеся в памяти информанта, сказки *(Николай-то говорит: "Ты сама пья'на, а Лиза тре'зва. Ты, наверно, как эта… лиса… жура'вь лисицу ли чё ли по'тчевал? Сама пила, а её, наверно, мало подавала ей")*, легенды (о хлебе "на собачью долю", о появлении серпа). Из текстов иного характера отмечены молитвы. Зафиксировано лишь

три случая цитирования текстов музыкальных произведений с установленным авторством: *Ну, чё в городе новенького? Цены набавляют, наверно, всё. "Просют цену набавлять" – песня така' есь; Поют же: "Один раз… день рожденья… раз в году"; Пусь горит [электричество]... "Гори, гори, моя звезда".* В отличие от пословиц и поговорок, эти тексты включаются в речь редко, обычно не повторяются и не образуют целостной системы.

Народная афористика, напротив, имеет системный, регулярный характер и высокочастотна в речи информанта. Это типично для рядового носителя языка, особенно диалектоносителя, в сознании которого важнее чувство связи с социумом и опора на его опыт, в том числе и языковой, чем проявление индивидуального творческого начала. Истинность коллективного опыта часто подчёркивается самим говорящим: *У кого детей нету, и правда, и горя нету; Правда, не отдашь душу в ад, не будешь богат; Привыкнешь, гыт, дак и в аду хорошо. Правда, так и есь; Был конь да изъездился. Правда чё говорят, пословица недурна.* Опора на коллективный опыт выражается и в обычной форме пословиц с употреблением частицы *гыт* или глагола *говорят*. В этом плане можно говорить о проявляющейся в прецедентных текстах общности коллективной ЯЛ и её отдельного представителя.

В то же время общий языковой опыт используется личностью не механически. Обычно соглашаясь с народной мудростью, В.П. иногда оспаривает её: *Посеяно, да [в]зойдёт. А кода' и не зойдёт, это непра'вильна пословица.* Ср. фрагмент диалога с односельчанкой:

З.Р. У нас мама говорила: "Была бы, гыт, коровка да курочка…"

В.П. А стряпать будет и дурочка.

З.Р. А от не' из чего – попробуй испеки-ка!

В.П. Ай, и есь из чего, да не испекут!

З.Р. И есь из чего, не испекут, пра'ильно.

В.П. Эта пословица дурна'. И есь из чего…

З.Р. Угу. По-моему, тоже дурна'.

В.П. И есь из чего – не умеют печь.

Диалектоносителем осознается тождественный или противоположный смысл многих высказываний, подмечаются противоречия в них, отражающие разный взгляд на одно и то же явление: *"Не доила, лишь бы по' двору ходила!" А кото'ры гыт: "с красоты воду не пить", "с лица воду не пить", "красота приглядится, ум пригодится", так…*

Поговорка может комментироваться, подвергаясь трансформации с учётом современных условий жизни. Так преобразуется традиционное *шаг по рублю* с увеличением возраста и ростом инфляции: *Шаг по рублю, поди, дороже. Поди, теперь и сто рублей шаг. Не по рублю; Шаг по рублю. А счас, наверно, по тысяче.*

Индивидуальность данной личности проявляется также:

а) в более широком использовании фольклорных прецедентных текстов – пословиц и поговорок по сравнению со многими другими жителями своего села;

б) в характере отбора из общего корпуса пословиц, связанных с условиями жизни, повторяющимися ситуациями, личными взглядами и оценками самого говорящего. Так, с возрастом информанта связана частотность тем старости, болезни, смерти; с мировоззрением и характером – развитость тем «порядочность и обязательность взаиморасчетов», «труд», «важность компромиссов, терпимости и осмотрительности», «необходимость деятельной, активной жизни», отражающие систему ценностей языковой личности;

в) в особенностях использования прецедентных текстов. Пословицы и поговорки используются ситуативно (*Да мужик-то не шибко самостоятельный, врёт: скажет, где огонь, а там вода; Правда говорят, гостиная еда до порогу: только пришла – ись хочу*), другие жанры – ситуативно (байка о расчёсывании волос – при причёсывании, например) или ассоциативно *(Надоел кобель, никакого толку, не лает. Не лает, не кусает, в дом не пускает).*

Информанту свойственно использование пословиц не только в переносном, но и в буквальном смысле. Ср.: *Пошла на завод [племянница]. И там – залезла, как червяк в редьку, и думала: "лучше нету", и сидела тут-ка, на заводе-то; Какой-то гнус [в огороде]. Залез, гыт, червяк в редьку, и ду'мат: "слашше нет"*. *И правда.*

Такие примеры не единичны: так, при обсуждении покупки кур комментируется: *Всё, говорят, правда: куриц, гыт… цыплят по осени шшытают;* если речь идет о холодной зиме – *Зима, гыт, не без морозу*; при выпечке блинов – *Первый блин, гыт, комком, а у меня последний комком* и т.п. Вероятно, здесь мы видим возврат к истокам рождения поговорок, которые возникали в ходе наблюдений над конкретными жизненными ситуациями и лишь постепенно приобретали обобщённый, переносный смысл.

Широкий спектр используемых информантом прецедентных фольклорных текстов с их глубоким смыслом и афористичной образностью, отличающихся отточенной, выразительной формой, свидетельствует о богатстве языка и духовного мира личности.

3.4. Некатегоричность повествования

Эта характерная черта диалектной речи, отмечаемая многими лингвистами, в полной мере присуща и текстам В.П. Категорически утверждается только то, что достоверно известно из личного опыта самому информанту. Вследствие данной особенности высокочастотна обширная группа знаменательных и незнаменательных показателей неуверенности говорящего в истинности передаваемой информации. К ним относятся:

а) модально-вводные слова (*бы'шно, видно, кажется, может / мо'жеть, может быть / мо'же быть, наверно, однако, поди*), выражающие предположительность суждения, вероятность его, неуверенность в точности суждения или передачи информации:

Он много получа'т, я забыла, сколько он тысяч-то бы'шно, не соврать бы. Чуть не триста ли больше тысяч получил; А Ира тоже бы не против в деревню, ну Коля-то, видно, не хочет; Полила [лук], кажется, мале'нько получше стал; Недослышал он [о брате]… Я думаю, может, по породе, у нас мама глуха'; А, наверно, холод будет сёдня, холодно; Они живут Рабочая… не знаю, сколько, девять, однако; А в городе, поди, дешевле за воду;

б) служебные слова и их сочетания: модальные частицы (*вроде, ли,* часто в сочетании с местоимениями, наречиями и другими частицами), некоторые союзы (*то ли*), изолированно или в комбинации друг с другом выражающие тонкие оттенки неточности сообщения: *А я садила свои-то картошки, вот эти бе'лы-то, а они вроде желтоваты; А говорят, как вроде он с тридцать пятого году, вроде бы; Она вот в Троицу ли когда ли умерла, старуха-то; Наверно, на почту ходил, куды' ли – не знаю; Думаю ~, не усну ли. Нет, не могу; Чё это гудит-то? Холодильник ли чё ли?; Второй год уж, как земляной медведо'к ли кто ли там [в огороде]; То ли он приставля'тся куражится, ли чё ли; Напился вчара' пьяный, не знаю, то ли его выгнали с работы;*

в) множество слов и словосочетаний, ситуативно выполняющих эту функцию: *не знаю, то'ко слыхала так, правда ли неправда* и т.п.

Текст обычно сочетает все три типа показателей некатегоричности:

Всё равно посадили [в тюрьму соседа]. Ну и сечас… ну, это, мо'жеть, и врут. При тебе же да'йче Люда говорила. А я до е'того слыхала, что про'сют его пять ли шесь миллионов, как вроде… за чё-то там, заплатить… не знаю, за чё. Ну, может, за мана'тки, кото'ры воровал. Не знаю. Ну это так… говорят, а кто чё. Неправду, мо'же быть, это. А де он возьмёт пять-шесь миллионов? Сидеть будет если так, если правда… Может, неправда. И е'то, может, неправда. Что Люда-то да'йче сказала. Что шибко статья стро'га, больша'. Не знаю. Мо'жеть, неправда. Ли правда, мо'же быть; Я не знаю, какого он года-то.

Ну, в войну такие они [дети] были, большие уж. Наверно, тридцать… какого? не соврать бы. Ну, тридцать, может, пятого, ли какого, не знаю, каки' года, не помню. Некатегоричность текста определяется установкой говорящего на максимальную достоверность, истинность повествования.

Заметим, что отмеченные выше средства дополняются множеством других способов создания некатегорических высказываний. К ним можно отнести регулярно встречающееся у В.П. смягчение полярных оценок – как отрицательной (*А у Гути была настойка, так нева'жненька… ху'денька так…; Ой, така' бо'йка! А учится неважно; Чеснок от неважный, надо полить мне его тоже будет; Хороший [муж]. Жена-то так нева'жна по ему-то бы, ху'денька; Ну четыре-то, гыт, хороших, а пятый-то неважный поросёночек*), так и положительной *(Ленка, та хорошо училась, ничё, а он-то плохо; Ты ездила отдыхать-то? Ну ничё там, хорошо? Пирог ничё, только мале'нько подопрел; Тряпочка у меня была получше… ну и е'та ничё; А он такой синпати'чный молодой-то был. Да он и счас ничё*), смягчение резких отрицательных оценок лица *(Я его помню, он какой-то мале'нько ненормальненькый был; А у Ани-то рука совсем отказала, полуризова'ло, она же горба'тенька; Глу'пенька така' она стала [о пожилой женщине]*), смягчённые способы выражения отрицания *(Я говорю: "Тебе не'кода?" – "Ничё, ничё, тётя Вера, иди")* и побуждения *(Гутя, может, где увидишь, купи мне столовый нож, нету ножа; Маруся! Мо'жеть, ешо выпьешь?).* В этих случаях некатегоричность высказываний обусловлена неавторитарным характером ЯЛ, системой её этических взглядов, преломляющихся в правилах речевого поведения (воздерживаться от осуждения и чрезмерной похвалы, не говорить плохо о других, избегать авторитарных форм общения).

Средства выражения категоричности высказывания значительно беднее и менее частотны в речи В.П. Наиболее регулярными среди них являются наречие *точно* (*У их мясо баранина*

была, это точно; Сводит, сводит, она точно сводит [бородавки]), частица *конечно ("Мало ли пережила, наверно?" Я говорю: "Конешно"; "Чё, до'рого?" Я говорю: "Ну дорого, конечно")* и фразеологическое словосочетание *<а>как же ([А выкуп платят?] А как же!; Полу'чче так [больная нога], ну как же! Ра'зе я смогла бы стряпать?).* Многообразны, но низкочастотны частицы и фразеологизмы для выражения категорического отказа, отрицания *(Ни за что не взял [деньги], а вино надо!; Н.Н. Дак у кого как, дома у всех форточки. В.П. Нима'ло! У вас же нету; Она [врач] посмотрела: "Ничё подобного, у вас нерв воспалился, ничё подобного!"; Рыбу начиняли. [Кашей?] Ну, кашей! Мяско'м каким-нибудь* и др.).

3.5. Личностная окраска речи

«Я» говорящего постоянно видно в разговоре, его дискурс приоткрывает ЯЛ индивида.

Как и для городского просторечия, для диалектов типичен коммуникативный антропоцентризм. Тексты сосредоточены преимущественно на теме «человек», а воплощается она чаще всего как «я и событие», «событие в моей жизни», «событие моими глазами» и т.п. [Матвеева 1990, с. 47; Юнаковская 1998, с. 196].

Личностное начало проявляется не только в выборе тем, которые интересуют В.П., но и при их раскрытии. Информанту присущи определённость позиции, наличие своего взгляда на положение вещей. Формальные признаки текста также свидетельствуют об этом явлении. Ярко выраженное субъективное начало отражено в высокой частотности местоимения *я*, занимающего первое по употребительности место в дискурсе диалектоносителя среди всех местоимений, а также других слов, связанных с менталитетом ЯЛ, свидетельствующих о системе её взглядов, представлений, суждений (*знать, думать, хотеть, говорить, хороший, хорошо, плохой, плохо, худой, худо, любить, гляну'ться* и

др.); в повышенной эмоциональности повествования, создаваемой многообразными средствами всех ярусов языка – от фонетического и грамматического до лексического[1].

3.6. Стилевая стратификация диалектного текста

Вопрос о стилевой организации языковой системы является одним из самых сложных и актуальных в лингвистике. До середины XX века в стилистическом аспекте изучалась только кодифицированная форма русского национального языка, и лишь в последние десятилетия внимание ученых стали привлекать местные говоры.

Анализ стилевой дифференциации диалектов представлен в работах Р.А. Аванесова, Л.И. Баранниковой, О.И. Блиновой, Л.М. Орлова, И.А. Оссовецкого, С.Э. Мартыновой и др. Мнения диалектологов разноречивы: одни говорят о богатстве диалектной стилевой системы, другие – об её относительной бедности. Общепризнанной классификации стилей в говорах пока не выработано: в разных исследованиях называется разное количество стилей; критерии их выделения также различны; при употреблении одних и тех же терминов может подразумеваться не вполне тождественное содержание.

В исследовании ставится вопрос о стилевой организации дискурса[2] одного диалектоносителя в рамках исследования феномена диалектной ЯЛ. С позиций анализа текстов одного говорящего стилевая стратификация диалекта до сих пор никем не проводилась.

Наиболее развёрнутая среди имеющихся классификация стилевых разновидностей говора, представленная в исследовании

---

[1] См. также раздел «Экспрессивно-эмоциональная лексика».

[2] Под дискурсом вслед за Ю.Н. Карауловым понимается «…весь процесс говорения и зафиксированный за относительно длительный отрезок времени результат этого процесса» [Караулов 1987, с. 238].

Л.М. Орлова (он выделяет обиходно-разговорный, профессионально-технический, официально-деловой, публицистический и народно-поэтический стили), во многом соотносима с критериями выделения функциональных стилей в литературном языке [Орлов 1970]. В качестве таких критериев в работах В.В. Виноградова [Виноградов 1963], М.Н. Кожиной [Кожина 1993], Б.Н. Головина [Головин 1988] и др. называются: преобладание одной из доминирующих социальных функций языка (общение, сообщение, воздействие); учет сферы человеческой деятельности, связанной с определёнными формами общественного сознания и содержанием общения; характеристика условий реализации речи (контактное/дистантное, персональное/неперсональное и т.д. речевое общение), а также ее коммуникативных качеств. Наряду с экстралингвистическими факторами признаётся наличие языковых средств, характерных для разных стилей.

Как отмечает Л.М. Орлов, разветвлённая стилевая дифференциация характерна для носителей передового и промежуточного типов говора, испытывающих сильное влияние со стороны литературного языка. И действительно, его функциональная классификация «не работает» при решении вопроса о наличии стилевых подсистем в речи архаической ЯЛ. Главной для диалектоносителя старшего поколения является функция непосредственного, непреднамеренного общения; цели сообщения информации и воздействия имеют место, проявляясь в различных речевых жанрах, но подчинены ей. С точки зрения условий реализации речи типично только неофициальное, спонтанное, персональное, контактное общение. Основная сфера коммуникации – бытовая, соотносимая с областью обыденного сознания. Учёт коммуникативных качеств речи, выделенных Б.Н. Головиным, применим лишь по отношению к литературной норме. Следует ли из этого вывод о моностильности речи представителя традиционного говора?

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, записанные в условиях включения в языковое существование говорящего,

нельзя считать стилистически однородными. В стилевом плане их дифференциация определяется 1) содержанием общения (тематика текста, сфера отражённых в нём понятий); 2) характером коммуникативной ситуации и связанной с ней жанровой принадлежностью текста; 3) стилистически маркированными языковыми особенностями текста.

1. Большинство текстов, записанных от информанта в естественных условиях общения, являются отражением его быта: это описание своей жизни и жизни родственников, повседневных забот и проблем, мелких происшествий, болезней, общения с близкими. Область политики, права, религии служит предметом разговора у данной ЯЛ редко; темы, связанные с искусством и наукой, вообще не затрагиваются. Обыденное стоит в центре жизни диалектоносителя, и отражение представлений о нем является понятийной сферой обиходно-бытового стиля (думается, что этот термин наиболее точно отражает сущность феномена).

Вместе с тем быт не исчерпывает всей системы понятий личности. Если исходить из классической трихотомической схемы, широко используемой в лингвистике начиная со времен М.В. Ломоносова, то, наряду с обиходно-бытовым, ядерным, в дискурсе говорящего должны иметь место высокий и низкий стили[1]. У каждого индивида есть представления о низменном и возвышенном, отражающие его систему этических и эстетических ценностей.

---

[1] О наличии в говорах этих стилей есть упоминания в работах Л.М. Орлова [Орлов 1970] и О.И. Блиновой [Блинова 1975а, с. 18]. Л.М. Орлов утверждает, что в качестве высоких функционируют элементы литературного языка, а диалектные воспринимаются как сниженные; содержание понятия «средний стиль» им не раскрывается. О.И. Блинова соотносит высокий стиль с официально-деловой, публицистической, народно-поэтической речью, низкий – с обиходно-разговорной, что представляется, на наш взгляд, спорным. Разделяя точку зрения Л.И. Баранниковой, считаем, что обиходно-бытовая речь в говоре, в отличие от разговорной разновидности литературного языка, «не представляет собой сниженного типа речи с узкой ситуативной прикрепленностью» [Баранникова 1967, с. 20].

Низменное связано с понятием безобразного, вызывающего неприятие как с этической, так и с эстетической точки зрения. Негативная эстетическая оценка внешности встречается у данной ЯЛ весьма редко. В представлении информанта низменное – это в первую очередь грубое нарушение этических норм поведения в обществе (пристрастие к спиртному, супружеская неверность и др., в том числе ненормативное речевое поведение), область секса и ассоциируемых с ней частей человеческого тела, некоторых физиологических процессов и явлений, в традициях христианского мировоззрения осознаваемая как низкая. К области низкого относится также стереотипное представление о животных как существах низшего порядка в сравнении с человеком.

Как возвышенное осознаются особо значимые для личности ментальные сущности (прекрасное, любимое, сакральное, трагическое, жизнь, смерть…) и соотносимые с этими понятиями реалии. В сфере высокого оцениваются с эстетической точки зрения красота человека, животных и природы, важность для индивида ценностей, составляющих основу жизни: семейные связи (в особенности кровные: мать, отец, дети), источники поддержания жизненной энергии (солнце, хлеб, корова). С возвышенным связано также представление о перелётных певчих птицах, ассоциирующееся у говорящего и с идеей воли, свободы, и с понятием прекрасного, и с наступлением весны. В аспекте трагического воспринимается жизнь, сопряжённая со страданием, а также преждевременная смерть[1].

Понятийная сфера обиходного стиля находится между этими двумя во многом полярными областями.

[1] Во многом близкой к нашему пониманию высокого стиля является представленная в диссертации С.Э. Мартыновой концепция народно-поэтического стиля диалекта, хотя выделяется он на других основаниях (отражение эстетической формы сознания с целью опоэтизации, идеализации предметов и явлений действительности). [Мартынова 1992].

2. Имеет место заданная связь некоторых коммуникативных ситуаций (и связанных с ними речевых жанров) с высоким или низким стилем.

К случаям реализации низкого стиля относятся прежде всего конфликты в межличностных отношениях. В собственной речевой практике информанта – по натуре дружелюбного, склонного к компромиссам – они весьма редки. Конфликтные ситуации представлены в основном при цитации чужих высказываний с прямой речью. Они содержат бранную и / или грубую лексику и имитируют бранные интонации говорящего: *Валю-то давай страми'ть [её дочь]. Ну… "Ты безуме'ха! ~ Ты дурочка! Ты дурочка, ты безуме'ха, ты ничё не уме'шь, ты ненорма'льна, засра'нка…" – ну, как хотела, так её срамила; Ну бо'йка! руга'тся! ребятишек обзыва'т вся'ко-ра'зно: "И вшивых-то всех со… всех вши'вцев собрала, всё мусор весь собрала, всё собрала" – на Таню-то; "Я, гыт, как об стол трахнула: "Выметайтесь к такой-то матери! Щас вон отсэ'да из избы!"*

Встречаются также высказывания низкого стиля в ситуации негативной оценки. Они представляют собой оценочные реплики, отличающиеся от имитации чужой речи 1) преимущественно заочным употреблением бранных слов и негативно-оценочной лексики в адрес конкретного лица; 2) преобладанием неодобрительной интонации над осуждающей и осуждающей – над бранной; 3) меньшей категоричностью (содержится мотивировка осуждаемых поступков): *А то приехала да всё собрала да уташшыла. От сука дак сука! Это чё тако'! Сестра! Ну чё она, пьянчужка, запилась да… засу'чилась*; *[Муж выгнал жену.] От барахло какой, а! от худой кара'хтер у него; Пузе'нь от э'дака, да морда вся так сравнялась – от такой! Сильно уж… безобразный Гена.* В связи с перечисленными особенностями подобные высказывания не так резко противопоставлены обиходно-бытовому стилю, в котором также имеются оценочные суждения отрицательного характера.

Типично для низкого стиля бытовое общение с домашними животными. Неравноценные отношения в сферах «человек – человек» и «человек – животные» являются одной из особенностей крестьянского мировоззрения, присущего и В.П. Вершининой. Излишний гуманизм по отношению к домашним животным, общение с ними ради общения воспринимаются языковой личностью как явление ненормативное – иногда иронически, а подчас и с неодобрением. Показательны подтверждающие это сравнения: *Таня-то как с человеком с ей разгова'ривать, с собачкой; Ну и это, пнул Коля ли чё ли там [Корнета, собаку]. "Ты совсем одичал! Ты чё это?" [стала ругать его жена] – прям ну скажи, как человека! Ой! Ну и подьте вы к чёрту с имя' вместе, с Корнетами; Я говорю: "Вы давайте помале'нечку, складывайтесь [на похороны], говорю, помале'нечку, говорю, всё равно, ить он не собачонка"*. Этические нормы в отношении животных, таким образом, несколько отличаются от норм, принятых между людьми. При общении с животными допускаются более грубые интонации, более широкое использование бранных слов и выражений: *[Коту:] Чтоб ты пропал! Смерти на тебя нет, про'пасти на тебя нет; [Кошке:] Да я'зьвило бы тебя! Худу'. Прямо надоела, как го'рька редька; [Лающему псу:] Хватит тебе! Надоел, как чёрт!*

К наиболее распространённым ситуациям, провоцирующим тексты высокого стиля, можно отнести воспоминания в обстановке дружеской, доверительной беседы (их фрагменты обычно поэтизируют мир богатой дарами, не тронутой человеком природы: *А ки'слица! – ой, пойдёшь, как слеза прямо це'ла ветка. По грыбы' пойдём все – много набирали. И грузди раньше брали, тут от только вы'дешь, на зады – рыжиков таких от дополна', дополна', аж гряда'ми. Ой! Это пошто' счас-то нету? ~ Только за огород выйдешь – и пошли грибы! Ой! А дожжык пройдёт, бе'лы грыбы' только блестят! Глядишь – они так, макушечки так это… оттэ'да вылазят, и дожжык прошёл, они блестят.*

Сильно хорошо было. Сильно хорошо. Возами в город возили) и ритуальные действия, предполагающие воспроизведение ритуальных текстов: *Привыва'ла ешо: "Спасибо тебе, что посо'бил мне малых детушек поро'стить"* (причитание на похоронах)*; Ико'нушкой басловля'ют так: "Будьте вы басловлёны"* (благословение на брак)*; Кушайте давайте, гости дорогие!* (потчевание). Единичны зафиксированные тексты, содержащие сообщение о трагическом событии (*Он гыт: "Вера! Она, гыт, скончалась")* и упрёк *("Я тебя ни в каку' минуту го'рьку не бросала. Ты же от какой остался, ты же на моих руках вырос… Я говорю, я тебе почти что мать…").* Встречаются высказывания высокого стиля в ситуации позитивной эстетической оценки: *Ну она приходила ко мне, эта Ольга-то са'ма: кофта на ей хоро'ша, краси'ва-прекраси'ва прямо, это всё тут как-то расшито-то это, разносве'тна, волосы таки' большу'чи, коса больша'! Наря'дна! Сама краси'ва така', черня'ва. Хоро'ша; Ох, и на Яру'-то, Катя, была красавица кака' це'рьква! Дак её бы только бы не только бы чё – гля красоты бы держали бы. Ой! Ограда была больша', вы'кладена всё кирпичом была, всё было побелено, це'рьква была двухэта'жна – больша', краси'ва!*

3. Описание стилевой стратификации с точки зрения типичных для каждого стиля языковых средств предполагает прежде всего выделение противопоставленных единиц, имеющих соответствия в другом стиле. Сложность состоит в том, что парадигматические противопоставления в стилистике отличаются нечёткостью и размытостью: «…При распределении стилистических единиц по самой общей (…) модели: "+ 0 –" (т.е. повышение стиля – стилистическая нейтральность – понижение) у значительного количества слов, в ещё большей степени у фразеологизмов, у подавляющего большинства грамматических форм и конструкций эта модель не выдерживается либо вообще не реализуется (т.е. налицо лишь один показатель из трёх, в лучшем случае – два); парадигмы, содержащие все три члена, редки» [Кожина 1993, с. 44].

Стилевая стратификация идиолекта не затрагивает конструкций предложения, грамматики и произносительных норм. К дифференцирующим элементам можно отнести:

– просодическое оформление высказываний;

– группы лексики, различающиеся понятийной соотнесённостью со сферой обыденного, высокого или низкого;

– характер коннотативной семантики экспрессивно-эмоциональной лексики;

– единицы лексического уровня, входящие в стилевые парадигматические противопоставления.

а) Просодическими признаками низкого стиля в речи ЯЛ являются интонации неодобрения, пренебрежения, осуждения, иронии, грубый тон, отрывистость произношения: *Н.Н. Бабуся! В.П. Кого? Н.Н. Ну бутылочку дай! В.П. Да ну тебя в сра'ку! Чё тебя, успокоишь этой бутылочкой? ~ Не дам, никого не дам, у меня никого нет. Никого не дам. Н.Н. Я же вечером отдам! В.П. "Отдам!" Да был отдам, да по'мер. Н.Н. Ну пошто' по'мер-то? Я не буду помира'ть. В.П. "Не буду помира'ть". Помрёте! Совсем… совсем сдурели!* При передаче чужой речи сниженность может выражаться через произношение тонким голосом в утрированно имитируемом высказывании [Гынгазова 2000а, с. 234].

Для высокого стиля характерна некоторая напевность произношения и восходящая мелодика синтагм [Мартынова 1992 с. 20]; интонация может передавать восхищение, ласку, сожаление, драматическую взволнованность говорящего: *А рыжиков сколько! А волнушек сколько! Лохма'теньки каки' были, разми'лы; От так, Катя, правда: р'остят, ро'стят горькой горечью детей… мальчика – и сразу заберут [в армию], и всё; [Пьющему родственнику:] Да вы же погиба'те, вы же погиба'те!*

Обиходно-бытовому стилю обычно не свойственно как отрывистое, так и напевное произношение.

Интонационный рисунок, передающий эмоциональное состояние говорящего, может совпадать в смежных стилях (так, ласкательные высказывания частотны и в обиходном, и в высоком

стиле, иронические или неодобрительные – в обиходном и в низком), но никогда не являются общими для контрастных «крайних» стилевых подсистем: ласкательное невозможно в низком стиле так же, как и пренебрежительное – в высоком. Если интонация является «двустилевой», то дифференцирующим средством она становится только в сочетании с другими стилеобразующими признаками.

б) В соответствии со сферой представлений о сниженном с низким стилем соотносится лексика резко негативной оценки, инвективы, названия половых органов человека, наименования беременности и связанных с ней явлений, актов отправления естественных нужд и некоторые др. О ненормативности этих единиц можно судить на основании преимущественно заочного употребления бранных и негативно-оценочных слов в адрес субъекта оценки, отказа от использования сниженных элементов в присутствии малознакомых людей, а также скрытых показаний языкового сознания говорящего, проявляющихся в эвфемистических заменах таких наименований, их сознательном пропуске в речи, замещении слова жестом, шёпотном произношении грубых слов, формулах извинения при их употреблении, образовании смягчённых форм при отрицательной характеристике субъекта: *Ешо плиту надо выбелить, выбелит и сде'лат, а она потом засе'рит, прости господи; А мальчик и'хный на' три буквы посыла'т отца-то. У ей был муж. Не муж, а… ну полюбо'вник, верне'… друг. Она ребёнка прижила от него; Валя вяжет. Ну вот она копа'тся. Как воробей в говна'х [употребление фразеологизма в непринужденной обстановке; ср. его коррекцию в присутствии малознакомых собеседников:] Вязать она, научила я её – ну ти-ихо-тихо, копа'тся, как воробей… как воробей в мусоре роется; Бегала-бегала тут, прям… всем мужиков всех стаскала, принимала. А тепе'рича… [жестом рисует большой живот: "беременна"]. Надо делать [аборт]; А она-то… не очень: ленева'та, говорят, грязнова'та и… А он-то хороший*. Включение животного мира в

сферу низкого отражается в сниженности многих метафорических переносов "животное → человек": *сню'хаться* "вступить в любовную связь", *ощети'ниться*, *подыма'ть хвост, ска'литься* "об агрессивном поведении", *свинья, сука* "бранное" и др.: *От в феврале бы два года было, как они там с ей снюхались; Ой, она как на меня ишшети'нилась! Я говорю: "А ты чё на меня хвос-то подыма'шь?" Я говорю: "Я же [тебя] не обозвала, не обругала, чё, – говорю, – ты на меня?"; К Аксинье пришли [милиционеры:] "Улива'й давай [брагу]!" Она улива'т, да жале'т, скалится с имя'; Свинья, не несёт мне банку!; И там ночава'ли, видно, утром ушла, ли кода' ли она ушла. От сука дак сука!*

Выделение специфической лексики высокого стиля значительно сложнее, чем низкого. К ней можно отнести отдельные лексемы: *красавица, красиво, красивый, судьба, страдать, страдание, одиночество, кормилица,* в том числе некоторые старославянизмы *(истинный, воистину, вознестись*). Высокую стилевую окраску сохраняют метафоры, если первичные значения связаны с представлениями о возвышенном: *Чё там был, такой свето'чек хорошенький, молоденький мальчишка…; Миша-то у меня какой а'ндель был [о сыне]; Все его [Николая-угодника] просят: "Батюшка Мико'ла, помоги"; [Радуясь приходу старой подруги:] Солнце моё кра'сно!* В большинстве же случаев лексический состав высокого и обиходно-бытового стилей совпадает (так, общими для них являются диминутивы, лексика, отражающая положительную оценку).

в) Тесная связь стилевой дифференциации диалектов с характером экспрессивно-эмоциональных средств признается лингвистами как бесспорная. О.И. Блинова отмечает, что сниженная лексика характеризуется коннотативной окрашенностью "пренебрежительное", "уничижительное", "презрительное", "грубое", "бранное", в разговорную входит часть собственно экспрессивных слов – снисходительные, шутливо-иронические, одобритель-

ные, неодобрительные, ласкательные и уменьшительно-ласкательные; среди возвышенной лексики также часто встречаются диминутивы [Блинова 1975а, с. 79–85]. Данную градацию экспрессивов в составе говора можно соотнести со стилевой организацией экспрессивно-эмоциональной лексики в речи изучаемой ЯЛ. Чем резче характер отрицательной оценки, тем более сниженной является единица.

г) Парадигматические противопоставления в лексике, как уже отмечалось, не имеют регулярного характера, однако являются дополнительным критерием определения стиля текста. В лексиконе В.П. они представляют собой синонимические ряды. Многочленные цепочки единичны: *помереть, умереть, пропа'сть, сковырну'ться, спе'чься* (обиходно-бытовой стиль), *скончаться, уйти, погибнуть* (высокий), *издохнуть/сдохнуть* (низкий). Обычно встречаются двучленные противопоставления.

Слова грубые или грубоватые выделяются на фоне нейтральных или более смягчённых эквивалентов: *су'чить* "изменять супругу" – *бегать*, *полюбо'вник – друг*; *сню'хаться* "вступить в любовную связь" – *смотаться, связаться*; *нажра'ться* "напиться допьяна" – *напиться; обосса'ться – обпи'ситься, обпру'диться, обмочиться* и т.п. К этой группе у информанта примыкают пары *лицо/морда, голова/башка, исть/жрать,* в которых вторые члены оппозиций то употребляются в качестве нейтральных, то используются как сниженные.

Несколько реже встречаются синонимические ряды с соотношением нейтральное/высокое: *баба, жена – супруга*, *муж, мужик – супруг*, *работа – труд*, *ребёнок – дитё/дитя*, *ребяти'шки – детушки*, *поп – батюшка, исть – кушать.*

Отмечено несколько пар синонимов, в которых общеупотребительный элемент противопоставлен книжному, имеющему литературное происхождение, в текстах на медицинские темы: *дёргать (зуб) – удалять, хо'лка – ягодица, отре'зать – пути'ровать* "ампутировать", *советовать – рекомендовать.*

Наряду с противопоставленными языковыми средствами в организации стиля участвуют общеупотребительные элементы, меняющие свою активность в каждой из стилевых подсистем [Головин 1988, с. 262]. Так, большинство выразительных средств текста, встречающихся в дискурсе информанта (риторические вопросы и восклицания, образные сравнения, метафоры, гипербола, паремии и др.) можно отнести к межстилевым, но ирония и поговорки чаще встречаются в обиходно-бытовом стиле; тавтологические повторы и постоянные эпитеты используются преимущественно в высоком стиле и т.д.

Несколько замечаний по поводу других стилей, анализируемых в исследованиях по диалектологии.

Официально-деловой, профессионально-технический и публицистический стили, описываемые Л.М. Орловым, справедливо связываются им, во-первых, с редкими, «узкими» речевыми ситуациями управленческой, производственной сферы и публичных выступлений, а во-вторых, с определёнными социально-речевыми типами носителей диалекта, испытывающими сильное влияние со стороны системы литературного языка [Орлов 1970]. В.П. Вершинина как представитель архаического типа говора в силу преклонного возраста и слабой связи с общественно-производственной жизнью трудового коллектива деревни (почти 40 лет назад ушла на пенсию) названными стилями не владеет. Текстам диалектоносителя свойственны только некоторые лексические приметы этих стилей – отдельные слова или минимальные словосочетания общекнижного характера, общественно-политическая, деловая и профессиональная терминология: *Макаронные изделия, мучно' всё тоже дают по полкилограмму [на человека]; "Там дают валенки, да мне не надо их!" ~ А я говорю: "Да бери!" Однако, даром их брали-то… давали-то как спецодежду… спецу'ру. Ну он взял мне их; Ага, ана'лисы всё проходит, и это… от гл… гололи'зьм лечат, ит вина-то лечится…* Лексика книжных стилей характерна для высказываний, косвенно отражающих чужую речь – в основном информационных жанров публицистики:

официальных сообщений, хроники происшествий, метеосводок, передаваемых по радио *(Но'нче по радио передавали: двадцать семь тысяч вкладчиков… дураков [потеряли деньги]; "Конечности пути'ровали [обмороженным]. А… всё кото'ры со спиртно'м связаны"; Кватера'нтов держала, двадцать пять рублей в месяц брала. А нетрудовой доход-то. ~ Вчера передавали [о штрафах]; Да хоть бы прошёл бы [дождь]. ~ Передавали: "кратковременный")*, реже – текстов поздравительных радиопрограмм, медицинских заключений и деловых бумаг *(Сто тридцать два года женшына. "Сто тридцать втору' весну встреча'т"; Дома-то, он умер. ~ Признали алкоголь у него; С райсобеса пришла бумажка: "Уважаемая Вера Прокофьевна. Чем нужда'тесь? Берите себе какого-нибудь, чтобы за вами кто-нибудь поухаживал. ~ На ваше усмотрение. Кто будет за тобой ухаживать, в магазин сходит, и там это, в больницу сходит по лекарства тебе кто сходит, на усмотрение ваше, и кого вы запишете, снег, мо'жеть, уберёт кто у вас, – будем оплачивать девять рублей")*. Типичные для «публичного стиля» (по Л.И. Баранниковой) насыщенность новой терминологией, сознательное стремление к замене фонетических и морфологических диалектных единиц литературными, усложнение синтаксического строя фразы [Баранникова 1967, с. 31] В.П. Вершининой не свойственны. Как при цитации чужих высказываний (см.: [Гынгазова 2000а, с. 233]), так и в собственной речи информанта книжные слова сочетаются с использованием экспрессивов, прямой речи, междометий, диалектных элементов и т.д. Нивелируются в таких текстах и функция воздействия, свойственная публицистическому стилю литературного языка, и предписывающий характер деловых документов. Целостные высказывания, построенные с соблюдением норм книжных стилей, у данной ЯЛ отсутствуют.

Фольклорный стиль, существование которого признается не всеми диалектологами, у информанта не представлен. Тексты

фольклорного характера лишь воспроизводятся (сказки, собственные частушки у В.П. не зафиксированы); преимущественно это пословицы и поговорки.

О.И. Блинова выделяет в системе диалекта, наряду с высоким и обиходно-разговорным, нейтральный стиль [АКД не нашлаа, с. 18], характеризующийся информативной функцией и отсутствием экспрессивности. С.Э. Мартыновой развивается по отношению к говорам это положение литературной стилистики о делении стилей на нейтральные и экспрессивные [Мартынова 1992, с. 36]. В дискурсе исследуемой ЯЛ нейтральные тексты редки; информативные жанры входят в состав обиходно-бытового стиля. Обычным является синтез передачи объективной информации и её субъективного осмысления.

Специфика стилевой организации идиолекта ЯЛ определяется: 1) соотношением текстов разных стилей; 2) частотными показателями, отражающими представленность содержательных характеристик, экстралингвистических условий реализации того или иного стиля и его языковых средства у данного индивида в сопоставлении с узусом.

У исследуемого диалектоносителя несомненно преобладание текстов обиходно-бытового стиля. Низкий стиль, на первый взгляд, занимает более значимое место, чем высокий. Однако если последний обычно отражает собственную позицию личности, то высказывания низкого стиля очень часто являются цитацией чужой речи. Употребление элементов книжных стилей, которыми информант не владеет, также связано с категорией чужой речи.

Сравнительный анализ частотных стилевых показателей требует специального изучения, поэтому ограничимся лишь отдельными примерами. Индивидуальной чертой изучаемого субъекта является некоторая «сниженность» восприятия им религиозных понятий, а также представлений о любви как сердечной привязанности к лицу другого пола. Если в среднеобских говорах эти явления опоэтизируются в народно-поэтическом стиле диалекта

[Мартынова 1992, с. 8], то у В.П. Вершининой они в высказываниях высокого стиля не отмечены. Отсутствует в анализируемом дискурсе тема «любовь к Родине»; денотат «труд» входит в сферу «высоких», но отражается в драматических, а не в поэтических контекстах (ср.: [Мартынова, там же]). Низкочастотными для данного диалектоносителя являются ситуации конфликта (и речевой жанр ссоры); негативные эстетические оценки встречаются реже, чем этические. Круг стилеобразующих языковых средств индивида у'же, чем у коллективной ЯЛ (так, в высоком стиле не используются им отмеченные С.Э. Мартыновой на материале среднеобских говоров глаголы многократного действия, деепричастия на -УЧИ/ЮЧИ, игра ударениями, йотация гласных и др.) [Мартынова 1992]. Следует отметить также как индивидуальную черту личности частое употребление книжной и высокой лексики в иронических и шутливых контекстах: *[Родственники попали в автомобильную аварию.] Я говорю: "Ну вот, причастились!" [ирон.]; [Сватавшийся когда-то мужчина умер.] Вот опе'ть бы я вдовушка была тоже бы [шутл.-ирон.]; У Тани головушка болит всё время [ирон.], как у меня же; [Коту, шутл.-ирон.:] Чё, Вася, маловато вам питанья? Больше не поступит вам. Хватит; [Гости помогают по хозяйству. В.П. смущённо и шутливо:] Сижу, эксплуатирую чужой труд; Муж-то меня же бросил, Катя сказывала, поди? Рассказывала? всю автогра'фию сказывала? [смеётся].*

Таким образом, дискурс диалектной ЯЛ архаического типа нельзя признать моностилевым, хотя несомненно преобладание в нём обиходно-бытовой основы. Занимающие периферийное положение высокий и низкий стиль придают стилистической системе идиолекта завершённость и разнообразие красок, позволяя индивиду во всей полноте отразить свойственную ему систему ценностей. Обогащают стилистическую палитру диалектоносителя отдельные термины официально-делового, публицистического и научно-профессионального характера, хотя, заимствуя из

кодифицированного языка иностилевую лексику, информант не усваивает норм книжных стилей в целом.

Противопоставление «высокий/средний/низкий стиль», которое было свойственно кодифицированной форме национального языка на одном из этапов исторического развития, не лежит в основе современной системы его стилей[1], но оно является актуальным для традиционных говоров, как известно, сохраняющих многие черты, утраченные ныне литературным языком.

3.7. Речевой этикет

Речевой этикет определяется исследователями как «совокупность принятых правил речевого поведения в соответствующих сферах и ситуациях общения» [Дускаева, Протопопова 2003, с. 354]. Авторы этого определения подчёркивают, что речевой этикет – «неотъемлемый элемент культуры народа, важная часть культуры поведения и общения, продукт культурной деятельности человека» [Там же, с. 355].

Изучение русского речевого этикета как значимого элемента национальной культуры не раз привлекало внимание ученых. Преимущественно он описывается в педагогических целях при воспитании культуры речи русских либо при обучении языку иностранцев; объектом описания обычно является русский литературный язык. Речевой этикет в других формах национального языка − просторечии, диалектах − почти не изучен. Отсутствует до сих пор и анализ форм проявления речевого этикета в лингвоперсонологическом аспекте.

[1] Рудименты трёхстилевой градации можно найти и в современном литературном языке. В академическом 4-хтомном «Словаре русского языка» имеется помета *высок.* ("высокого стиля"). Помета "низкий стиль" отсутствует, но в предисловии упоминается о том, что просторечные единицы «из-за грубости содержания или резкости выражаемой оценки… употребляются в сниженном стиле» [МАС. Т. 1, с. 9].

Пронализируем речевой этикет В.П. Вершининой, носителя сибирского старожильческого говора.

Круг вопросов, относящихся к сфере речевого этикета, определяется в разных работах по-разному. Узкое понимание этого термина связано с принципом вежливого контакта с собеседником (приветствие, прощание, знакомство, извинение, благодарность и др.). В широком понимании к этикету относятся также этикетное использование личных местоимений, способы именования людей и обращения к ним, использование формул речевого этикета в стереотипных ситуациях.

Информанту свойственно **этикетное употребление форм личных местоимений.**

Обычным для В.П. было использование в среде односельчан местоимение «ты», поскольку она являлась одной из самых старших жителей села и пользовалась заслуженным уважением. Обращение на «вы» употреблялось ею как форма вежливости по отношению к лицам, занимающим официальные должности, и приезжим, малознакомым людям. Диалектоноситель считает «правильным» его употребление при общении с образованными горожанами, даже хорошо знакомыми, особенно в присутствии посторонних: *Людьмила Геворгевна, вот бе'лы-то, жёлты эти картошки-то у меня – вы садили , нет их?; Я уж не пойду провожать, Катерина Вадимовна, не обижайтесь на меня.* Когда это правило говорящим нарушается, нарушение комментируется: *А ты, это… «А ты»! [считая, что надо сказать «вы»] А… не знашь, каки' это таблеточки, Георгиевна?; А сколь он, Катя, сто'ит? Я тебя на «ты» называю − ну ладно… нету никого да ничё да.*

Характерно, что в этом случае переход от «вы» к «ты» происходит постепенно. При приезде собирателей в начале диалога во время обсуждения новостей используется обращение на «вы»*: Вы похудели мале'нько, да? Красавица. Ну конешно. Надо же, моя ты родна'!* Далее идёт привычное «ты», но при прощании

оно снова сменяется вежливой формой: *Вы кода-нибудь её [родственницу] привезли бы с собой. ~ Мо'жеть, выходны' будете.*

В речи информанта отмечены также особенности **употребления местоимения *я***. Видимо, у Веры Прокофьевны этикетным считается называние себя в 3-м лице без использования этого местоимения – она заменяет его на своё имя: *[Кто салат делал?] – Вера; Лена: "Ой, кака' у меня, Вера, память боуа'та была! Ой, кака' у меня память была хоро'ша!" Я думаю: "Ну и Вера ничё была!*

Значимая область речевого этикета – **называние человека**.

Способы именования людей и обращений к ним диалектной ЯЛ рассматривались в одной из глав кандидатской диссертации Е.А. Астафьевой, посвящённой исследованию идиолектного антропонимикона В.П. Вершининой. Анализируя модели полных и неполных имен, отчеств, фамилий и прозвищ в разных сочетаниях, автор выделил нормативные и ненормативные способы именования жителей села с учётом возраста и пола коммуникантов, их статуса, рода занятий, наличия/отсутствия родства и др. Формы заочного называния лишь частично совпадают с формами обращения при непосредственном контакте. Нарушением речевого этикета, по мнению крестьянки, является именование пожилого человека неполным именем без отчества (*Кузя, Сима*), взрослых – называние именами с пейоративными суффиксами -к-, -ушк-, -ишк- (*Валька, Генка, Лёньчишка, Ю'люшка* и т.п.), что считается невежливым, как и использование обидных оценочных прозвищ, допустимых только при заочном упоминании. Называя приезжих, некоренных жителей села, обычно «за глаза» используются их фамилии (*Бо'лбас, Мышкин, Зубарев...)* Диссертантом выявлены также формы именований, вышедшие в Вершинино к концу XX в. из употребления (см. подробнее [Астафьева 2017, с. 82–156]).

Рассмотрим также этикетные ситуации, в которых отражены языковые средства выражения этикета – этикетные формулы.

Формулы речевого этикета

Опираясь на авторский архив записей спонтанной речи диалектной ЯЛ, выявим круг этикетных формул, под которыми понимаются «разноуровневые языковые единицы (полнознаментальные словоформы, слова неполнознаменательных частей речи – частицы, междометия), словосочетания и целые фразы, принятые в определённых ситуациях, в разных социальных группах» [Дускаева, Протопопова 2003, с. 354].

В диссертационном исследовании Н.Г. Тырниковой, где ставилась проблема соотношения этикетных элементов структуры русскоязычного и англоязычного разговорного дискурса, были выделены в структуре устного, непринужденного дискурса этикетная рамка, этикетный каркас и этикетные вкрапления [Тырникова 2003]. К основным элементам этикетной рамки дискурса относятся обращения, приветствия и прощания. Рамка «организует общение, задаёт и проявляет характер взаимоотношений между коммуникантами, способствует успешному установлению и размыканию контакта» [Там же, с. 4]. Этикетный каркас дискурса через реплики коммуникантов выполняет функцию создания и поддержания вежливого, неконфликтного, комфортного общения. Третий компонент структуры дискурса – этикетные вкрапления: «отдельные этикетные минидискурсы или фрагменты дискурса с этикетным содержанием (просьбы, извинения, благодарности и др.)». [Там же, с. 3–5]. В отличие от двух предыдущих компонентов структуры дискурса, они не обязательны и «их употребление определяется ситуацией и целями общения» [Там же]. Описанное структурирование основано Н.Г. Тырниковой на идеях работ Н.И. Формановской и В.Е. Гольдина [Формановская 1998; Гольдин 1978].

Этикетные языковые средства дискурса В.П. Вершининой будут рассмотрены в составе этикетной рамки и этикетных вкраплений – представляется, что и в том, и в другом случае такими средствами являются формулы речевого этикета, различающиеся

функционально. Что касается этикетного каркаса дискурса, то, на наш взгляд, диалогическое взаимодействие коммуникантов отражает лишь некоторые модели поддержания и развития общения, но они не закреплены в виде этикетных формул. Эти коммуникативные стратегии и тактики в диалоге диалектной ЯЛ описаны О.А. Казаковой [Казакова 2007, с. 120–121]. Их краткая характеристика не связана напрямую с правилами РЭ и потому не будет здесь затрагиваться.

Итак, перейдём к анализу стандартных коммуникативных ситуаций, в которых формулы речевого этикета (ФРЭ) способствуют установлению межличностных контактов.

Формулы этикетной рамки установления коммуникативного контакта

Приветствие

Приветствие – одна из наиболее значимых ФРЭ. С его помощью устанавливается контакт между коммуникантами, определяются отношения между ними. «Неисполнение ожидаемых знаков речевого этикета в ситуации встречи (отсутствие приветствия) воспринимается сельскими жителями как нарушение принципа вежливости и оценивается неодобрительно» [Кузьмина 2012, с. 180].

Наиболее частотно в дискурсе информанта общерусское приветствие *здравствуй(те)*. Оно используется при общении с собеседниками независимо от их возраста, пола, образования и степени знакомства: *Т.В [подруга, соседка:] Здрасьте. В.П.* ***Здравствуй;*** *А Саша [мальчик, родственник] заходит: «Здравствуй, баба Вера». Я говорю: «****Здравствуй,*** *Саша»; Приходит ко мне он, Шыла'мов [немолодой односельчанин, бывший управляющий] этот самый. "Здравствуй, Вера Прокофьевна". – "****Здрастуйте,*** *Григорий Степаныч. Садитесь, садитесь".* Наряду с основной

формой приветствия зафиксированы формальные варианты с редукцией отдельных звуков, встречающиеся и в разговорной речи носителей литературного языка, они более редки: *[Девочка-односельчанка:] Здрасьте. В.П. Здрасьте; С. Драсьте! В.П. Дра'ствуйте. Приехали?; [Пришла молодая родственница.] В.П. Дра'сьте. Иди суда'!*

Как можно видеть, встретившиеся обмениваются приветствиями в диалогическом единстве. Порядок приветствия определяется двумя факторами: возрастом коммуникантов и их ролью в общении (гость/хозяин). С их учётом исследуемая личность как старшая чаще отвечает на приветствие, чем инициирует его; первой она всегда здоровается, приходя в чужой дом, независимо от возраста хозяев.

Диалектно-просторечная ФРЭ *здоро'во* и собственно диалектная *здоро'в был* (изменяемая по роду и числу с учётом пола и количества коммуникантов) употребляются информантом только при общении с односельчанами: *П.М. Здравствуйте. В.П. Здоро'во; [Подруге, пришедшей в гости:] Здор'ова была; [Мужчине:] Здоров был!; А я говорю, пришла [к односельчанам]: "Ну здоро'вы были". − "Здоро'вы". Ну чё, то да друго'. – "Как живёте?" − "Да ничё».* В коммуникации с незнакомыми людьми и горожанами (в том числе – с близко знакомыми диалектологами-собирателями) эти языковые единицы не зафиксированы.

Обращение

Н.И. Формановская определяет обращение как начало включения контакта с собеседником [Формановская 1987, с. 62], хотя, на наш взгляд, начало контакта маркируется прежде всего приветствием. Если оно адресовано знакомым людям, обращение может дополнять приветствие или опускаться (см. примеры выше). Исследователь подчёркивает, что обращения функционируют в виде многочисленных номинаций: антропонимов, именований родства, социальных отношений, профессиональных мар-

керов и др. [Там же]. Кроме употребления антропонимов, соответствующих этикетных норм (см. выше), при коммуникации крестьянка соблюдает также стандартные формулы этикетных обращений с апеллятивами. Их круг довольно узок: в него входят некоторые обозначения лиц по полу и возрасту (*[к собирателям:] Айда', **девки,** чай пить*; *[к молодым мужчинам:] «**Ребята**, – я говорю, – шесь часов! Давайте собирайтесь, ступайте, Юре же на работу»);* наименования родственных связей *([вспоминает детство:] И после еды опе'ть молимся Богу. "Спасибо, **тя'тя, мама!"; Кума,** ты поешь пирожок-то, о'споди!; Как мамина сноха она была раньше, мы «**тётя Нюра**» звали её – всё так говорили*). При этом многие этикетные апеллятивные обращения, широко представленные в литературной речи (см. [Балакай 2001, с. 592–610]), исследуемой ЯЛ не используются. Например, в дискурсе диалектоносительницы имеют место лексемы *женщина, мужчина, сестра, сын, брат,* но вокативные формы от них не выявлены. Как правило, их заменяют имена и/или отчества знакомых ей лиц. Так, молодого сельского фельдшера крестьянка «за глаза» называет *Ирой* и даже *Иркой (И тут фе'ршалом послали Иру, суды' работать её направили; И вот это, боль и боль лю'та, боль прямо… ~ Вчара' пошла к Ане, и говорю: "Позовите хоть Ирку, пусь посмотрит она")*, но при личных контактах – по имени-отчеству, иногда сбиваясь на форму неполного имени: *А у вас нету, **Ира Владимировна**, этого, «звёздочки»?; Я говорю: "**Ира,** у меня никакого пенцилли'на не было"*. И.А. Стернин отмечает, что «в русском речевом этикете обращения по должности, профессии и занимаемому положению употребляются очень ограниченно» [Стернин 1996, с. 46]. Это утверждение подтверждается на нашем материале.

При обращении к адресату в диалогическом общении используется в качестве отклика вопросительная частица *оу: С: Кума! В.П. О'у?; С:Баб Вера! В.П. О'у?*

В единичных случаях наблюдаются окказиональные обращения с коннотативными компонентами: *[Родственнице, которая*

ушла куда-то надолго:] Ты куда ушла-то? [шутливо:] ***Беглянка,*** *куда скрылась?; [собирателям, любовно:]* ***Дорогу'шечки мои****…; [увидев приехавшую к ней из города старую подругу, всплескивает руками и радостно говорит:]* ***Солнце моё кра'сно!***

При обращении к близким коммуникантам диалектоносительница нередко использует словосочетания оценочных прилагательных (в том числе ласкательных), иногда с именем и местоимением *мой*: *А я-то ей не пишу. А этот раз Вале: «Пиши ты,* ***моя хоро'ша****, пиши ты,* ***моя дорогая****!»; И сахарок заодномя' захвати,* ***Катенька, ми'ленька, до'бренька.***

В ряде работ наряду с обращениями рассматриваются как примыкающие к ним нейтрально-вежливые формулы привлечения внимания типа «Будьте добры, как пройти…», «Простите, вы не скажете…» и т.п. [Балакай 2001, с. 592–610; Ратмайр 1997, с. 37]. В речи исследуемой ЯЛ формулы второго типа очень редки[1]. Таким образом, для диалектного дискурса характерна персонализированность коммуникации.

Знакомство

Большинство лиц, с которыми вступает в коммуникативный контакт исследуемая ЯЛ, ей хорошо известны: в их числе родственники, односельчане, давние знакомые из областного центра и окрестных сёл, время от времени приезжающие погостить. В связи с этим эпизоды знакомства в дискурсе информанта достаточно редки; соответственно, немногочисленны и ФРЭ, связанные с ситуацией знакомства. При общении с незнакомыми людьми крестьянка обычно выясняет, как зовут собеседника: *Я говорю [печнику]: "****Как вас звать-то?****" – "«Лексе'й… Николаич". – Ну, я «Лексе'й Николаич» его… [стала звать]. Я: "Ну вот сколько будет стоить печку разобрать?".*

Если приезжие при знакомстве называют себя только по имени (обычно это молодые диалектологи), информант уточняет

[1] Такой пример *(Вы меня извините…)* приведен ниже, см. *Знакомство*.

неизвестное ей отчество. В таких случаях в Вершининском говоре используются два варианта, где диалектные лексемы употребляются как заместители отчества: *Наталья* ***че'вна? Ба'тьковна*** или ***Как вас дра'знют-то?***

При недолгом общении в прошлом, не закрепившемся в памяти, знакомство возобновляется: адресант уточняет персону адресата и представляет себя повторно: *"**Вы меня извините, Марья Михайловна, – говорю, это вы?** " Она гыт: "Я. А ты хто?" Я говорю: "**А я Вера.** С Верши'ниной, – говорю, – ездили кода'-то суды' ".*

Прощание

Этикетные формулы прерывания контакта вербализуются в конечный момент общения [Формановская 1987, с. 66].

В дискурсе диалектоносительницы прощальные ФРЭ реализуются в разных вариациях сценария расставания.

Маркёром начала прерывания контакта при достаточно длительном повседневном общении служит частица *ладно/ну ладно*, сигнализирующая о завершении разговора, в том числе при прекращении коммуникации: ***Ну ладно**, я от вас отдаляюсь, пойду покорьмить;* ***Ну ладно**. Пойду я, помале'ньку, поши'ньгаю траву*.

Наиболее распространённой этикетной формулой прощания выступает в диалогическом единстве *до свиданья/до свидания* (редко – *до свиданьица*): *Ю.Н. [собирается уходить]. Ну ладно, тётя Вера. В.П.* ***До свидания;*** *О.Л. До свиданья. В.П.* ***До свиданья.*** *Не забудь, Оля, пойдёшь там, скажи; В.П. А Катя всё уж, собралась, ехать. ~* ***До свиданья,*** *моя хорошая; С. До свидания. В.П.* ***До свиданьица.***

Этикетное *до свидания* может заменяться иными формулами. Несколько пожеланий связаны с мотивом божественного покровительства. Так, покидая хозяев, уходящий гость говорит *

ава'йся с Богом;* уходящему или уезжающему посетителю хозяйка также желает благополучного ухода *с Богом* (*Гена вчара' в окно махнул, позавчара': "Я пошёл". Я говорю: "Иди давай,* ***с Богом***"),

встречи с близкими благодаря Всевышнему *(Ну, «**дай Бог встречи за ваши речи**». Это говорят. ~ Ну, поехала от ты домой – ты с мамой встре'тисся, а там, может, с другом, с тётей, ли с подругой*).

Прощание с дорогими гостями (обычно с близкими знакомыми или родственниками из города, бывающими не часто) наиболее ритуализовано. При расставании хозяйка сопровождает гостей до калитки, напоследок вручаются гостинцы или скромные подарки; формула прощания, как правило, сочетается с рядом ФРЭ благодарности, просьбы, пожелания: *Ну, Катенька, **спасибо тебе за всё до'бро, не забывай меня**; В.П. [пришедшей односельчанке:] Зайди, зашла бы? Р.В. Нет, Вера, пойду, я уже долго... Время дополна'. ~ В.П. Ну ладно, **спасибо тебе большо', дай бог тебе здоровья.***

Важным моментом в ситуации прощания является передача приветов. Если пришедшие к информанту передают приветы от знакомых в начале установления коммуникативного контакта (*Аня пришла: «Тебе Татьяна Лексе'вна [подруга-односельчанка] привет присла'ла»*), а приехавшие издалека сообщают о приветах в беседе, где обмениваются новостями своей жизни с хозяйкой, то при расставании с гостями информант тоже передаёт приветы (*Это, **Людмиле Георгевне там привет большу'чий передайте***), в том числе родственникам гостей, даже лично незнакомым (***Привет там своей мамочке передай**, хоть я её и не знаю – передай там*). Устная и письменная передача приветов в кругу когда-то живших вместе в Вершинино поддерживает социальные связи, значимые для представителей традиционной культуры: *У меня знако'ма-то, на Пятом-то [о закрытом городе вблизи Томска], она мне письмо присла'ла. И пишет: «Передай привет Матрёне Артемьевне». Там подруга у меня в Магада'евой ~, тоже пишет мне, тоже Моте привет передаёт. Присла'ла Люда письмо, Лена гыт, «мама, гыт, просит передать привет тёте Моте». Я думаю: сколько приветов-то! Я понесу ей.*

Этикетные вкрапления

Этикетные вкрапления в дискурсе, по классификации Н.Г. Тырниковой, не обязательны, но также являются важным компонентом реализации этикетного начала в тексте. В её работе отмечены такие вкрапления, как благодарности, извинения, поздравления и просьбы [Тырникова 2003, с. 17–18].

Полный перечень подобных единиц в литературе по речевому этикету отсутствует. «Обычно называют более десяти важнейших этикетных позиций (ситуаций), отчётливо различающихся и имеющих своей этикетный словарь, который характеризуется разнообразием вариантов: обращение и привлечение внимания, знакомство, приветствие, прощание, извинение, благодарность, поздравление, пожелание, комплимент, сочувствие, приглашение, просьба, согласие, отказ» [Дускаева, Протопопова, 2003, с. 355]. Дадим обзор ФРЭ в дискурсе диалектной ЯЛ, отталкиваясь от этого списка и дополняя его с учетом данных спонтанной речи информанта. Этикетные средства обращения, знакомства, приветствия и прощания охарактеризованы выше.

Благодарность

Этикетные средства вербализации благодарности выражают в общении чувство признательности за помощь, внимание и заботу, доброе отношение. В бытовых ситуациях общения крестьянка благодарит за помощь родню и соседей: *Я в бане [у родственников] помылась, да говорю: "**Спасибо** вам!"; Ходит она всё время [ко мне соседка], **спасибо,** ходит; Мне Аксинья, **спасибо,** давала [мазь], я намажу, намажу… **Спасибо,** никто не забыл меня [в день рождения]*. Благодарность звучит и в адрес приезжих гостей: ***Спасибо** вам за проздравле'нье, открыточку; **Спасибо**, и так вы всё… [привозите]; Катерине Петровне **большо' спасибо** за ваучер и за гостинцы.*

Как можно видеть, информантом чаще всего используется самая распространённая общерусская ФРЭ *спасибо.* С ней часто сочетается пожелание *дай бог <доброго> здоровья,* отчасти также несущее семантику благодарения*: **Спасибо тебе большо', дай бог тебе здоровья;** Маруся, **дай бог тебе здоровья.** Помогли мне.* Синонимичным высокочастотному *спасибо* можно считать и нелитературную ФРЭ *спаси те бог: Посара'пай ["почеши"] мне спину мале'нько. [Так?] Ладно,* ***спаси те бог.***

Сакральное начало закреплено и в формуле *царство небе'сно* (кому), по сельскому обычаю содержащей благодарность в адрес не только того, кто угощает, но и ушедших из его жизни родных: *[Ешьте виноград.] Спасибо.* ***Царьство небе'сно вам папочке****. Вадим – че'ич был? Вадим Палыч.*

Благодарственное *спасибо* отмечено также в речи хозяйки после ритуального угощения приглашённых гостей: ***Спасибо*** *вам, пришли, поели мало-мало. Поесть-то ши'бко нечего хорошего*. В синонимический ряд входит, кроме того, устаревающая этикетная формула благодарности в ситуации угощения, сохранившаяся в речевом жанре воспоминания*: "Ну-у, садись, чашку чаю выпей!" – она садится. Правда, чашечку, не откажется. Раз скажи, два, и всё сядет. "****Покорно благодарим****". Хоро'ша старушка была*. Благодарность скончавшемуся родственнику могла встречаться и в похоронном обряде: *Привывала ешо [на похоронах]: "****Спасибо*** *тебе, что посо'бил мне малых детушек поро'стить".*

В качестве ответа на благодарность в диалогических единствах встречаются единицы *на здоровье* и *пожалуйста*: *А.Н. Спасибо, Вера Прокофьевна. В.П. На здоровье; [Спасибо.] Ой, пожалуйста. Дак а за чё спасибо-то?*

Извинение. Прощение

ФРЭ, связанные в дискурсе диалектоносительницы с нарушением этических норм, единичны. Извинение встречается в тех

случаях, когда ЯЛ нарушает правила приёма гостей, отвлекаясь на домашние работы (*Ну ладно, Катерина Вадимовна,* ***извини меня,*** *я пойду окошко вымою одно*) или не соблюдая ритуал парадного убранства стола (*Вы уж* ***меня извините,*** *я прямо за'просто вас по'тчеваю, должны быть и стака'нишки, у меня там наверьху лежут они. Рюмочки я не утаскиваю*).

Извинение и признание говорящим вины в обоих случаях обозначено императивными формами – *извини* и *прости.* Р. Ратмайер подчёркивает, что *извините* обозначает меньшую степень вины, а *простите* – более значительную вину, выражающую просьбу не сердиться [Ратмайр 1997, с. 22].

В дискурсе ЯЛ встретился канонический текст обряда прощения в Прощёное воскресенье: *В.П. За'втре ешо день последний, Прошшоный день. Прошшаются. [То есть «до свиданья» говорят?] М.А. "****Прости меня Христа ради"****. В.П.* ***Бог простит.*** *М.А. Это я вам скажу. А вы отвеча'те: "Меня простите Христа ради". – "Бог вас простит" – ты отвеча'шь. В.П. Угу. Раньше это было, так в обычае.* Вероятно, диалогическое единство с ответом на просьбу о прощении сформировало близкую формулу ответа в бытовой коммуникации. Ср.: *[Не умеющий считать деньги односельчанин пытается отдать их В.П. «на сохранение»:] В.П. Да не надо! Кто-нибудь уташшыт да всё. Кого я теперь, дурочка настоя'шша. И.К. Прости меня. В.П.* ***Бог простит тебя.*** *Давай ступай.*

Приглашение

Этикетные приглашения в речи диалектоносительницы отмечены в двух ситуациях: связанных с приглашением в гости и приглашением к угощению за столом. В первом случае используются императивные формы *приходи(те), пойдём, пригуля'йте,* во втором императив *садись,* частицы *айда'(те)* и *давай(те).* Приглашение в гости осуществляется заранее, по важным праздничным поводам: ***Приходи*** *за'втре [на день рождения]; Мне от эти,*

*наши кода' поедут, Валя, я говорю: «**Приходи**»; К нам **пригуля'йте**.* Приглашение к угощению более спонтанно, оно обращено к тем, кто зашёл без договорённости навестить односельчанку (по свидетельству В.П., таких зашедших *попроведать* иногда насчитывалось в день до двадцати и более). Хозяйка предлагает сесть за стол и присоединиться к трапезе (чаще всего – чаепитию с закусками и сладостями), перечисляя и рекламируя кушанья: *Аксинья, **садись чай пить!** Мы сёдня пироги состряпали. Семьёй!; Ты раздевайся, **садись**, всё равно **выпьеш**ь чашку чаю, не отра'висся; **Айда'те, поешьте** картошки, пока тёпленьки; **Дава**й **поедим**, хоро'ша ягодка!; **Поешь** кусочек! Возьми **поешь**. **Садись**, Катя, а?;.* В таком импровизированном застолье с небольшим числом участников прослеживаются некоторые элементы торжественного потчевания, а само общение немолодых женщин поддерживает коммуникативные дружеские связи, представляющие собой ценность традиционной культуры.

Пожелание. Поздравление

Этикетные формулы с пожеланиями отмечены в разных бытовых ситуациях. Частотны пожелания в ситуации угощения хозяйкой гостей. Они содержит прежде всего мотив здоровья: *Да пей ты пей **на здоровье**; Ну давайте, давайте, выпейте сразу да поешьте **на здоровье!*** Выходящее из употребления пожелание посетителей дома *Чай с сахаром!* в адрес принимающих пищу хозяев (фактически оно подразумевало достаток, поскольку сахар в деревне был довольно дорог), постепенно стало вытесняться более поздним пожеланием: *Ну, скажут: "**Чай с сахаром вам!**" "**Приятного ли аппетиту**", – скажут кода'.*

В быту сохранились также пожелания перед сном (*Ну ладно, спать будем. О'споди, баслови'!* ***Покойной ночи***), после посещения бани (*Быстро вы вымылись.* ***С лёгким паром вас!)*** и при чихании ***(Будь здоро'ва да сця'слива***).

Не менее значимой частью быта крестьянки являлся труд. Традиционная культура породила множество благопожеланий

успешной работы в разных видах трудовой деятельности: обработка льна и прядение, доение коровы, стирка, стряпня, рыбалка, охота и многое другое. К сожалению, многие из них сохранились в местных говорах лишь в небольшом количестве (за исключением вологодских [Зорина 2012; Новожилова, Зорина 2017 и др.]); такая же картина в среднеобском регионе.

Среди архаизирующихся ФРЭ трудовой деятельности, выявленных в лексиконе диалектной ЯЛ, некоторые из них могли заменять приветствия в ситуации встречи коммуникантов: *Ну прядёшь – "**спорина' тебе в пряжу**" [желают]; [А если стираешь, что говорят?] Тоже говорят чё-то, а я забыла. "**Беле'нько тебе в корыте**!" Раньше [говорили]; "**Море под кормилицей!**" [желали при доении коровы]. Кака' хоро'ша пословица.* Случаи спонтанного употребления устаревших благопожеланий в трудовой деятельности по нашим данным не сохранились, но словарь А.Г. Балакая относит близкие к ним варианты (*Бело в корыте!; Море под кормилицу (кормилицей)!; Спорынья' в работе!)* к теме «приветствие при встрече» [Балакай 2001, с. 587–591]. В то же время благопожелание *помогай вам Бог!* в идиолекте ЯЛ встретилось как в метатекстовом приветствии *(Захо'дют, чё-нибудь делают либо чё, в огороде делают – "**Помогай вам Бог!**")*, так и в спонтанной речи информанта, где функционально высказывание отражало не приветствие в момент уже состоявшейся встречи с адресатом, а пожелание облегчения труда: *[Копающей в огороде картошку:] Катерина Вадимовна!* ***Помогай вам Бог.*** В памяти крестьянки сохранились и паремиологические варианты ответной реплики: ***Бог-то Бог, да сам, гыт, не будь плох;*** *А и так говорят: "**Бог-то Бог, да и ты бы помогла!**".*

Сакральное начало представлено в ситуации упоминания умершего, где покойному принято желать загробной жизни в раю: ***Царство небе'сно*** *моей мамочке; А мне Коленька [брат] сделал [лавочку],* ***царствие ему небесное.*** Благопожелание дополняется диминутивными формами именования дорогих людей.

Сфера досуга в диалектном социуме связана с бытовым и сакральным началом. В ситуациях отмечания личных, государственных и церковных празднеств лаконичные этикетные пожелания, как правило, примыкают к поздравлениям с наступившей или наступающей праздничной датой: *С. Мне шестьдесят семь лет. В.П.* ***С днём ангела тебя, дай бог тебе здоровья.*** Традиционен и диалогический обмен поздравлениями с Пасхой: *С. Христос воскрес! – В.П.* ***Воистину воскрес.***

Согласие

Выражение согласия в дискурсе информанта вербализуется частицами и модальными словами. В бытовом диалогическом общении они маркируют утвердительный ответ на вопрос собеседника: *Иван Иваныч за ворота'ми: "Ты чё, Вера, устала?" – на меня говорит. Я говорю: "**Ага**"; [А кольца медные были?] **Да,** вся'ки были; "Чё, дорого?" Я говорю: "Ну дорого, **конешно**"; Это «твори'ло» называется. [Вход в погреб?] **Ну, ну.*** Этикетными языковыми средствами маркируется также подтверждение реплик, высказанных партнером по коммуникации (*С. Икону косо поставили. В.П.* ***Угу.*** *После подправлю; Лук я не солила. [Солили.] А-а, ну мало, мало солила.* ***Правильно****, солила да'йче*; *С.Н. Ну если пойдёшь [в баню], часов в восемь приходи. В.П.* ***Ладно;*** *[Я молока выпью.] В.П.* ***Давай.*** *А я это… чай попью)* или закреплённых в паремиях изречениях (*С: Дак от и рвут цветок, пока цветёт. В.П.* ***Да,*** *поблёкнет – и…; Не бойся, гыт, смерти, бойся старости.* ***Правда что,*** *придёт холера.*

Несогласие

Среди этикетных формул несогласия, выражающих негативное отношение к чему-либо, выделяются отказ и возражение.

В дискурсе исследуемой ЯЛ отказ информанта выявлен в конкретных ситуациях, где односельчане просят одолжить денег или

спиртное, а также предлагают свои услуги либо помощь. Крестьянка отказывалась в тех случаях, когда не считала это целесообразным и/или наносящим ущерб своему хозяйству. Как правило, при отказе используются частицы *(нет, не)* и категория состояния (*нету, не надо)*. Отказ смягчается разными способами: утверждением об отсутствии просимого *("Тётя Вера! Давай бутылочку! " Я говорю: "**Нету у меня**")*, важности вещи для самой женщины *(Но'нче Лёнькин это, мальчик, прибежал – ему семо'й год… А это… я у ворот. А он: "Баба Вера, ты мне ремешок этот дай!» – бич ему надо шшелка'ть, у ворот, ремешок. Я говорю: "**Не-ет, нет!**" Я говорю: "Ты чё это? А я как буду ворота' [открывать]?")*, отложенным обещанием выполнить просьбу *("**Нет, нет, не дам** [сейчас бутылку]. Идите работайте, за мной не пропадёт");* встречается также отказ с объяснением и уступкой (*Они всегда деньги занимают у меня. ~ У меня есь деньги, дак я же… возраст-то какой мне, девятый десяток − ты подумай-ка! "Дак если − вдруг я свалюсь? Да, может, ты же придёшь, да мне хоть попить подашь − я тебе пятёрку − десятку хыть и дам". ~ Я говорю: "**Две-то** [тысячи рублей] **не дам**, **а тысяч"у дам".***

Предложение о помощи отклонялось В.П. с мотивировкой отсутствия необходимости или неэффективности потенциального результата: *Предлагал мне тут дяденька один: «Возьми, возьми собачку, возьми!» Я говорю: "**Не надо**"; "Я тебе выставлю окошки" – а сама от така', вся ходенём ходит, ни ись ничё не может [больная родственница]. Я говорю: "**Ты у меня прибьёшь их все! Прилома'шь, тода' чё будем делать?**"*.

Несогласие, реализуемое через возражение, проявляется через оценку чужого мнения или мысли как неверное, не соответствующее взглядам ЯЛ. В речи информанта передающие возражение разнообразные маркеры ФРЭ (частицы *никого не, ну, нима'ло;* междометия *брат, беда,* существительное *неправда)* категоричны, нередко имеют экспрессивные, иронические коннотации:

А.П. Жарко, наверно, Вера, ты посадила [пироги в печь]. В.П. ***Никого не*** *жарко; "Батюшка – Бог" – она называ'т [священника]. Я говорю: "****Ну! Это неправда!*** *Какой батюшка Бог!"; А.П. Надо было Колю с Геной заставлять [помочь]. В.П.* ***Беда****, заставишь! Не ши'бко разбегутся, Гутя!; Надо вырастить пе'рво [огурцы]. – «Ну, вырастим». Кого,* ***брат****, наро'стит тоже.*

В речи сибирской крестьянки высказывания со значением несогласия преобладают над значением согласия, что отмечено на разном материале в других исследованиях [Стернин 2004; Крайнова 2012].

Приглашение

Этикетные приглашения в речи диалектоносительницы отмечены в двух ситуациях: связанных с приглашением в гости и приглашением к угощению за столом. В первом случае используются императивные формы *приходи(те), пойдём, пригуляйте, во втором* - частицы *айда(те),* и *давай(те),* императив *садись.* Приглашение в гости осуществляется заранее, по важным праздничным поводам: ***Приходи*** *за'втре [на день рождения]; Мне от эти, наши кода' поедут, Валя, я говорю: «****Приходи****»; К нам* ***пригуля'йте****.* Приглашение к угощению более спонтанно, оно обращено к тем, кто зашёл случайно навестить хозяйку. Она предлагает сесть за стол и присоединиться к трапезе (чаще всего – чаепитию с закусками и сладостями), перечисляя и рекламируя кушанья: *Аксинья,* ***садись чай пить!*** *Мы сёдня пироги состряпали. Семьёй!; Ты раздевайся,* ***садись****, всё равно* ***выпьеш****ь чашку чаю, не отра´висся;* ***Айд'а,*** *девки, чай пить;* ***Айда'те, поешьте*** *картошки, пока тёпленьки;* ***Дава****й* ***поедим****, хоро'ша ягодка!;* ***Поешь*** *кусочек! Возьми* ***поешь****.* ***Садись****, Катя, а?* В таком импровизированном застолье с небольшим числом участников используются элементы торжественного потчевания.

Утешение, сочувствие

Формулы речевого этикета, служащие средством выражения сочувствия, сострадания, жалости к собеседнику, немногочисленны. Два из них зафиксированы в словарях русского литературного языка и в словаре А.Г. Балакая: *Он говорит: "Вера, ты не плачь, ты* ***береги себя****, ну чё же ты так. Мы не бросим тебя, никогда тебя не бросим"; Гладит меня, да приголу'бливат: "О'споди, да* ***не плачьте****…".* Фразеологизм *пойти прахом* имеет некоторые отличия от общерусского: если в «Словаре русского языка» *он толкуется как* "погибнуть, уничтожиться" [МАС. Т. 3, с. 359], *то в идиолекте оно более узкое (*"не принести обогащения" [ПСДЯЛ. Т. 3, с. 111] и связано с воровством: *Вася приезжал тот раз, попроведовал меня, пожалел ~ : "Ну не переживай [об украденном], ну чё…* ***Всё прахом пройдёт*** *там [у воров], баб Вера!"* Собственно диалектный фразеологизм *(два, три* и т.п.*) гроба вынести* в значении "похоронить (хоронить), потерять (терять) столько-то близких, членов семьи" [Там же. Т. 1, с. 161] призван облегчить потерю родных в сравнении с горем утешающих: *"да* ***я тоже три гроба вынесла*** *да одна осталась*".

В речи диалектной ЯЛ встречается много фрагментов, где женщина, рассказывая о жизни односельчан и родственников, а иногда и посторонних для неё людей, сочувствует им, сопереживает как своим, так и чужим: *Братика-то ши'бко жалко, он был полуризо'ванный; Ой, бе'дна Вера, надо же, бабе сорок лет. Не дай бог! Так мается. Я была – она ху'денька-ху'денька, желудок болит; Он [Горбачёв], бедный, постарел даже. Похудел. Как-то тут то аварии, то т****о****, то друго'. Бедный, не знат чё применить; Он молодой, с сорок шестого года, а этот тридцать восьмого но'нче по'мер, хороший был, даже вчу'же жалко Ну, чужой – и жалко. Вчу'же жалко; Бедненькый, он сиротой остался.*

Как можно видеть, в таких высказываниях часто встречается прилагательное *бедный.* Однако разговор информанта с односельчанкой об их соседке, у которой пьющая дочь, показал особенности словоупотребления этой лексемы: *П.М. Ну, она всё*

*мне... В.П. Всё рассказала? П.М. Всё рассказала. В.П. Ой! Я говорю: "**Да бе'дна ты разбе'дна, Валька!**" − ей прямо так от в глаза говорю, назвала её так... "Бе'дна ты!" П.М. **А я «бе'дна» не сказала,** говорю: "**Валя, это твоё горе**. Ой, Валя, какое твоё горе!" Она: "Конешно, гыт, горе". В.П. Горе.* Диалог свидетельствует о том, что использование прилагательного *бедный* при непосредственном контакте с адресатом является для диалектоносительниц табуированным; предпочтительнее выразить сочувствие о горе. Возможно, запрет на эту лексему *в глаза* связан с ассоциацией бедности, нужды.

Похвала

Похвала в адрес человека представлена весьма скупо.

Одобрительная оценка свойств характера, трудолюбия, умения кого-либо обычно дается заочно с использованием оценочных слов *мастер, мастери'на, мастерица, мастеровой, молодец: **Молодец** парень. Всё де'лат; Вот у нас отец был, **мастеровой** был, брат **мастеровой** был*. Редко встречается похвала при непосредственном контакте с собеседником: *А ты хоро'шу каку' ша'ньгу-то мне прислала. **Мастерица** прям хорошо ты состряпала.*

Аналогичная картина наблюдается и при оценке внешней привлекательности человека – чаще «за глаза» *(А она така' красавица, высо'ка, краси'ва, волосы вот таки' прям; Он красивый, из-за реки можно продать – вон какой красивый!);* гораздо реже в его присутствии *([Любовно, маленькому мальчику:] Моя **кляса'вица!;** Ну давайте, идите, идите, моя хоро'ша. Спасибо вам. **Куколка).***

Итак, дискурс представителя народной речевой культуры включает не только общерусские (*спасибо, извините, будьте здоровы* и т.д.), но и диалектные, а также диалектно-просторечные ФРЭ (*никого не; брат; чай с сахаром вам; айда'те* и др.);

– значительная доля этикетных единиц относится к сакральной сфере, где переплетаются языческие и христианские мотивы

[Гынгазова 2005]. Несмотря на сомнения ЯЛ в истинности некоторых постулатов православной веры, употребление подобных единиц закрепляется в ментальных представлениях индивида;

– этикетные формулы в дискурсе крестьянки отражают систему ценностей русской крестьянской культуры: это здоровье, пища, семья (в особенности родители), свое хозяйство, достаток, общение;

– ФРЭ в дискурсе носителя традиционной культуры «работают» на коммуникативную функцию, и прежде всего не столько на контакто-устанавливающую ее подфункцию [Формановская 1987, с. 15] (так как в старожильческих селах с постоянным составом жителей эти контакты давно установлены и достаточно стабильны), сколько на регулятивную – контакто-поддерживающую подфункцию для сохранения доброжелательных отношений как одной из ценностей крестьянского мира. Можно считать, что в этой функции фактически проявляется одна из стратегий речевого поведения диалектной ЯЛ. Покажем еще более детально эти черты речевого поведения диалектной ЯЛ в нескольких речевых жанрах. Под речевыми жанрами понимаются «типы высказываний или текстов, с помощью которых осуществляется общение» [ЭРО 2014, с. 547]. Рассмотрим речевой жанр просьбы – один из самых частотных в речи нашего информанта, и речевой жанр потчевания, где отражаются не только средства выражения этикетного поведения, но и ментальные ценности, тактики и стратегии представителя традиционной речевой культуры.

Речевой жанр просьбы

Речевой жанр (РЖ) просьбы не случайно привлекает внимание исследователей. На разном языковом материале выявлено, что он тесно связан со многими другими РЖ, даёт богатый материал для изучения речевого поведения носителей языка, отражает черты национальных культур. Дефиниции этого жанра достаточно разнородны, однако большинство ученых акцентируют внимание на

том, что просьба предполагает побуждение адресата к выполнению некоего действия, в котором заинтересован проситель, а ее осуществление не является обязательным и зависит от решения адресата [Бирюлин 1992, Вежбицка 2007 и др.]; соответственно входит в состав относится к императивным [ЭРО 2014, с. 25]. В то же время иные авторы относят просьбу к группе этикетных [Дускаева, Протопопова 2003, с. 355]. Просьбу включает в «этикетные модуляции речи» и В.Е. Гольдин, также упоминая в некоторых ситуациях необходимость соблюдения ритуала просителем [Гольдин 1983, с. 53]. Рассмотрим эти ситуации и тактики, к которым прибегает диалектная ЯЛ, обращаясь с просьбой.

Анализ показал, что этот РЖ в идиолектном дискурсе сибирской крестьянки является высокочастотным и реализуется в различных дискурсивных сферах.

Просьбы в бытовой сфере

В большинстве случаев просьбы информанта связаны с бытовой сферой. Постоянное обращение за помощью обусловлено возрастом, физическим состоянием и условиями жизни одинокой пожилой женщины, живущей в сельской местности, в неблагоустроенном доме. Её просьбы касаются в первую очередь покупки продуктов в городе, деревенском магазине или у жителей села, поддержания в порядке домашнего хозяйства (принести воды из колонки, помочь с ремонтом, заготовить на зиму дрова, скинуть с крыши снег…) и трудоёмких сельхозработ (весенняя вспашка земли на огороде и в поле, посадка и уборка картофеля). Обращены они обычно к односельчанам и родственникам, иногда – к знакомым из города: *[соседу:]* ***Ты помоги мне окно выставить****; Я [говорю родственникам, сажая картофель]: "Наташшы'те мне ведро картошки, я не могу потти' [по рыхлой земле]" – они припру'т.*

Чаще всего при вербализации просьбы встречаются повествовательные высказывания с императивной формой глагола, обо-

значающего каузируемое действие. Как правило, в таких конструкциях говорящий использует обращение по имени, а также личные местоимения второго и первого лица (*ты, мне*): *Пошла копать [картошку], Валя Мотина идёт. Говорю: "**Валя, уташшы мне**". Она мне уташшыла четыре ведра; Я говорю: "**Привези мне воз навозу, Лексе'й!**" Он гыт: "Ладно, привезу"; **Коля, ты мне почисти чува'л там** [в печке], залезь к Па'ске.*

Воздействие, оказываемое на адресата при озвучивании просьбы, и возможность отказа просителю вызывают необходимость смягчения императивного начала, использование языковых средств и тактик, связанных с категорией вежливости. Как отмечает Н.И. Формановская, «императивно выраженная просьба в общении может "прочитываться" адресатом с точки зрения той или иной степени внимания, вежливости, мягкости или требовательности, проявленных к нему. Именно постулат вежливости, прагматические задачи вызвали к жизни целый ряд сопутствующих императиву выражений для отражения вежливых отношений между "я" и "ты"» [Формановская 1984, с. 70].

Языковые средства, используемые В.П. в ситуации просьбы о помощи, активно репрезентируют стратегии вежливости и смягчения при адресации императивного начала. Они реализуются через этикетные формулы, обращение по имени или имени-отчеству, фонетические, грамматические и лексические показатели, а также особые содержательные приёмы выражения просьбы, снижающие степень «давления» на адресата.

При употреблении императивных форм побуждения, воспринимаемых собеседником как наиболее категоричные, адресант широко привлекает формулы речевого этикета.

Наряду с утратившим мотивированность *пожалуйста (Катя, дай мне, **пожалуйста**, попить водички мне дай)* употребляются также синонимичные к этому слову формулы вежливости, сохраняющие прозрачную внутреннюю форму. Так, этикетные устойчивые словосочетания *будь до'бра/до'бренька, будь добрый,*

будьте до'бры соотносятся со значением слова *добрый* в значении «расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты, сочувствия к ним, готовности помочь» [МАС. Т. 1, с. 410]: *Это… сходи к Татьяне,* ***будь добрый,*** *попроси у ей… [Скажи:] "Тётя Вера просила кисточку…"; Катя! Ступай сорьви там, поишшы [огурцы в огороде],* ***будь до'бренька.***

Другой ряд вариативных формул речевого этикета содержит мотивы труда. Призыв *потрудись* как бы подчеркивает значимость потенциального оказания услуги адресатом: *В.П. Гутя,* ***потрудись,*** *мне поставь [банки]! А.П. Давай. В.П. Разломило кры'льца все* (ср.: трудиться «прилагать усилия, стараться сделать что-л.» [Там же. Т. 4, с. 417]. Этикетные формулы *не затруднись, не посчитай за трудность,* напротив, акцентируют несложность просьбы: *Кать, то блинки бы состряпала, увези [муку домой]* ***не затруднись****; А она пришла, дала – хоро-оши конфеточки, да каки'-то арома'тны прям, хоро'ши. Я говорю: "Тома, купи,* ***не пошшытай за трудность****, я говорю, купи мне!"*. Еще одно устойчивое выражение связано с понятием лени, противопоставленным действию, труду: *Сходи, Катя, в погреб,* ***не поленись***[1].

К средствам подчёркивания вежливости наряду с формулами речевого этикета Н.И. Формановская относит также «удвоение выражения просьбы», где адресантом используется не только императив, обозначающий действие, но и перформативный глагол [Формановская 1984, с. 70]. Такие конструкции отмечены в речи крестьянки – как правило, в сочетании в этикетными формулами: *Катя,* ***попрошу*** *тебя:* ***повесь*** *скатёрку,* ***пожалуйста****;* ***Попрошу*** *тебя,* ***будь до'бра****: вот к этой к Нине по молоко* ***сходи.***

На фонетическом уровне обращение говорящего с просьбой всегда отличается особой просительной интонацией.

[1] Отметим, что ни одно из этих этикетных средств с компонентом «труд» не зафиксировано во фразеологических словарях и «Словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакая. В этот источник включены только выражения *если вас не затруднит* и *если вам не трудно (не затруднительно)* [Балакай 2001, с. 165].

Смягчение императивных форм при побуждении может передавать частица -ка. Наши записи спонтанной речи подтверждают наблюдения Е.Г. Которовой, отмечающей, что присоединение -*ка* к глаголу встречается при незначительной симметричной просьбе или при более высоком статусе адресанта в сравнении с адресатом [Которова 2016, с. 71]: *Петровна,* ***подай-ка*** *мне там пирожок с чем-нибудь!; Катя!* ***Достань-ка*** *мале'нько карто'шек.*

Вопросительные конструкции также смягчают категоричность этого императивного РЖ, на что указывает Е.А. Земская [Земская 2006, с. 184]. Просьбы в форме вопроса обозначают каузируемое действие глаголами изъявительного наклонения в будущем времени или сослагательного наклонения, в том числе с отрицательной частицей *не: "****Молочка мне дашь,*** *– я говорю, –* ***банку?"*** *Она говорит: "Ладно"; Я говорю: "****Володя! Ты бы Елену*** *[сестру В.П.]* ***привёз,*** *хоть бы на недельку суда' "; Я говорю: "****Ты мне не сошьёшь платье?"*** *Она гыт: "Сошью";* ***Ты не пособи'ла мне побелить бы, мале'нько****?* По мнению Т.В. Лариной, «вопросы с отрицательной частицей *не* (…) отличаются большей степенью вежливости, так как допускают отрицательный ответ и предоставляют адресату возможность выбора» [Ларина 2009, с. 19]. Для снижения категоричности вопросительных форм побуждения используются и модальные единицы *может, может быть/мо'же быть, нельзя*: *Я говорю: "****Может,*** *ты посо'бишь мне банки вытаскать?" – он полез [в погреб]; А я говорю: "Валерий Михалыч! Ты****, мо'же быть,*** *я говорю, нам пилу… «Дружбу» достанешь? Пилу". Я говорю: "Всё людей просить н****а****до, дак… своя-то «Дружба» будет, дак лу'чче"; Взяла да Крошко'-то позвонила [в город], от наших. Я говорю: "Там* ***нельзя*** *сахарку купить у вас?" Они говорят: "Можно".*

При смягчении воздействия на адресата говорящий, кроме того, использует такие тактики, как

– подчёркивание незначительности просьбы: *Саша, ты не дашь мне тележку, навоз* ***мале'нько*** *потаскаю?; Сотри там* ***мале'нько*** *со стола; Я говорю: «Юра, ты бы достал мне лаку.* ***Хоть баночку литро'ву, мне больше не надо там****… ну пусь бы и два [литра], дак ничё".* Чаще других в этом случае привлекается маркер *мале'нько;*

– указание на несложность для адресата выполнения просьбы. Обращение за помощью озвучивается как высказывание о возможных планах или известных говорящему действиях собеседника, с учётом которых ему не составит труда сделать что-л. для адресата как бы попутно, не прилагая особых усилий: *Нина пошла, я говорю: "Там урюк, Нина, продают,* ***может, ты пойдёшь*** *[в магазин],* ***себе купишь, и мне****"; Я говорю: "Татьяна! Таня,* ***ты****, говорю,* ***всё равно же на'ймываесся – пособи' мне побелить?****"; А потом Ольга пришла, я говорю: "Ольга! Ты поедешь куды'-нибудь, будете запрягать коня, говорю, к Физе Ива'нне?" Она говорит: "Не знаю. Будем, может". Я говорю: "****Запрягите да меня итторта'йте заодномя' туды', к Ми'трий Михалычу****" – там гуляли;*

– с этой же целью оговаривается совместное участие в выполнении сложного дела, о котором просит хозяйка: *Я говорю: "****Побели, Оля, мне там чува'л, печку****,* ***а тут я сама побелю****" – рука-то не подыма'тся вверьх-то у меня!; Я хотела, просила одну женщину была, штукатур… маляр. Я ходила к ей. Я говорю: "****Посо'бишь мне? Хоть на кухне там-ка? Всё итскребу' я – ну, сама****,* ***а ты****, – говорю, –* ***вымажешь мне****". Она говорит: "Ладно".*

Этикетное оформление просьбы во многих случаях дополняется привлечением диминутивов, которые усиливают вежливость обращения за помощью: *Я говорю: "Ты купи мне* ***маслица****" – она купила; Я говорю: "Нина, это... ты мне покопи* ***сметанки****,* ***баночку,*** *хоть поллитрову".*

Диалектоносительницей широко используется тактика аргументации.

Озвучивая просьбу, адресант стремится обосновать её причины, чтобы адресат убедился в необходимости выполнения просимого: *Дочери сказали: то ли в третьей стадии, то ли чё ли уж рак [у односельчанина]. ~ Ну я Ге'ны говорю: "Увези меня, это, к Лексе'ю Макарьичу свози,* ***попроведаю****"; Она пропуска'т [молоко через сепаратор]. Я говорю: "Нина, продай мне мале'нько [сметаны],* ***ша'нежки охота постряпать"****; Гутя, может, где увидишь, купи мне столовый нож****, нету ножа****.* Виды аргументов в каждой конкретной ситуации индивидуализированы. Ср. мотивировки просьб с разными коммуникантами:

*А пошла [к соседке], яишницу [хотела пожарить неожиданно приехавшей во время ремонта гостье]… у Тани пошла, говорю: "Таня, дай мне пару яичек взаймы". Я говорю: "****Пол*** *[выкрашенный]* ***подсохнет, сёдня*** *[высохнет] –* ***дак сёдня отдам, а так за'втре****"* – обещание (скорого возврата одолженного);

А но'нче просила [родственника], я говорю: "Ты давай забор, перегораживай [мне], ***я тебе отдам****, – говорю. –****Деньги отдам, хоть на хлеб"****. Я говорю: "****Тебе десятку*** *[10 тысяч]* ***отдам****"* – обещание (оплаты труда);

*[Воры залезли в дом хозяйки, выставив оконную раму.] Пошла, гляжу, это идёт один мушшына, я говорю: "Ваня! Зайди ко мне на минутку!" – он зашёл. Я говорю: "Вставь окно!" Я говорю: "****Морози'на, всё равно, хоть и… декабрь****"* – пояснение (необходимости срочной помощи из-за погодных условий);

*Катя! Ты ему [ребёнку] помой мале'нечко [виноград], пожалуйста****. У меня вишь чё, руки-то гря'зны*** – оправдание (при невозможности сделать просимое самой).

Приведённые примеры показывают, что исследуемая ЯЛ предпочитает рациональные аргументы. Вербализация своих эмоций в этих случаях встречается редко: *Ты от придёшь с работы – давай городить [упавший забор]?* ***Помоги моему горю.***

Информант практикует также тактику подготовки собеседника к восприятию просьбы. Прежде чем попросить о чём-либо,

говорящий может спрашивать адресата о наличии/отсутствии чего-либо необходимого для просителя, осведомляться о намерениях слушающего, узнавать, не будет ли его просьба слишком обременительной или тяжёлой. Оценив реакцию коммуниканта на заданный вопрос, диалектоносительница переходит непосредственно к просьбе: *Вот чё, подруги:* ***нет*** *[в городе]* ***календарей таких, листики-то отрываются кото'ры, не видите?*** *[Есть.] Есь?* ***Купи'те, пожалуйста. Пожалуйста. Будьте до'бры****; В.П. [соседке]* ***На почту не пойдёшь? ~ Календарь купить мне надо.*** *А.П. А-а. Ну е'слив увижу, куплю; Я говорю: "****Гутя, чижело' тебе приташшыть битончик мне ягодки? Купила бы там, в городе, битончик бы взяла там****".*

Еще один вариант мягкого побуждения реализуется в форме косвенной просьбы, имплицитно предполагающей обращение за помощью через намёк. Зафиксированы в этом случае вопросы о наличии чего-либо («есть/нет вопросы»): *Георгий вышел за ворота', я говорю: "****Гоша, у тебя нету никакой досо'чки, хорошенькой такой, гладенькой?****" Он гыт это: "Есь". А… Ну, и так опеть всё. А я вышла да прибиваю, лавочку-то. А он это, несёт до'ску-то*. Обращение к соседу с целью найти дощечку для починки лавки не озвучивается. Психологическое давление на адресата минимально: формулировка вопроса даёт ему возможность как оказать помощь, так и отказаться из-за отсутствия просимого. Аналогично речевое поведение субъекта с завуалированной просьбой купить в городе ткань на юбку: *Знашь мне чё, Катя, надо?* ***Юбку мне надо. На юбку матерьял, поди, есь, вся'ки матерьялы там?*** *Мне чёрный, ли коричневый – от вза'все таскать. Недорогой бы.* ***Нету, поди?*** Женщина сообщает о необходимости сшить юбку (*мне надо*…), но затем ограничивается только вопросом, есть ли подходящая ткань в городских магазинах; собеседник должен сам понять намёк о помощи и откликнуться на него.

Изучавшая РЖ побуждения в бытовой разговорной речи Г.М. Ярмаркина делает вывод о том, что текстовые данные отражают

как спонтанные, так и риторические просьбы, «сформированные в условиях предварительного обдумывания», «при условии сознательного отбора языковых средств, спланированной стратегии и тактики речевого воздействия на адресата» [Ярмаркина 2001, с. 4, 19].

Реализация РЖ просьбы в дискурсе диалектной ЯЛ, во многом сходная по составу бытовых коммуникативных ситуаций с речевыми записями этого исследователя, представлена, на наш взгляд, только в спонтанном варианте. Правила обыденной риторики отражаются не в планировании говорящим того или иного высказывания (доказать наличие такого планирования в повседневной устной речи представляется проблематичным) – их возможно реконструировать исследователям, выявляя закономерности речевого поведения, в том числе при вербализации речевых жанров в дискурсе конкретного индивида или определённой страты социума.

Приведённый выше идиолектный материал свидетельствует о достаточно широком круге этикетных и смягчающих побуждение маркёров в РЖ просьбы. В то же время обратим внимание на разную степень их проявления в дискурсивной практике исследуемой ЯЛ. На выбор говорящим языковых средств влияют социально-ролевые отношения коммуникантов и характер просьбы, с которой обращается адресант, с учетом потраченного на неё времени и усилий [Которова 2016, с. 67].

Минимальный уровень этикетности и смягчения просьбы наблюдается у информанта при обращении к вполне определённому кругу лиц; это а) близкие родственники, взаимопомощь между которыми для крестьянки считается само собой разумеющейся (она тоже оказывает им посильную помощь); б) односельчане, если обращение за помощью к ним оценивается просителем как очень незначительное или предполагается, что её выполнение будет оплачено, в) сельский соцработник, в чьи обязанности входит помощь по хозяйству одиноким престарелым людям. Ср. рас-

сказ крестьянки об организации побелки в доме, где представлены все три категории адресатов: племянник Коля, который рано потерял мать и В.П. во многом её заменила; односельчанка Зоя, готовая работать за угощение и деньги, и сотрудник социальной службы Ольга: *А тут одна пьянчужка-то хо'ит, я попросила, говорю: "**Зоя, это, помоги мне побелить", –** говорю. Не «помоги», а «**побели**, – говорю, – **мне**". И Ольге, кото'ра ходит за старухами. ~ Я говорю: "Оля, ты придёшь? В пятницу". Я говорю, это… "Я хочу побелить, **ты посо'бишь мне побелить тут-ка, помыть, –** говорю, – **мне**… **А ты, Коля, пособи' махри'шки потрясти всё**"*. В подобных случаях при побуждении к действию этикетным маркером обычно является только обращение; просительная интонация вытесняется тональностью делового распоряжения, поскольку говорящий считает вправе брать на себя управленческие функции при коммуникативном взаимодействии с названными типами адресатов. О.А. Казакова квалифицирует такие случаи как просьбу-распоряжение [Казакова 2007, с. 61–63], однако, на наш взгляд, их можно характеризовать в качестве самостоятельного РЖ распоряжения, при котором адресант выступает в роли руководителя, распределяя обязанности, направляя деятельность привлекаемых для помощи лиц. От приказа (как и от просьбы) распоряжение отличается нейтральной тональностью, от просьбы – отсутствием этикетных формул и языковых показателей, смягчающих побуждение к действию, уверенностью субъекта в том, что его указания будут выполнены.

При обращении за помощью к другим категориям односельчан, более дальней родне и городским знакомым вербализованная просьба, как правило, содержит описанные выше языковые средства смягчения императивного начала. Их число возрастает прямо пропорционально дистанции между адресатом и адресантом, сложности и важности достижения ожидаемого результата для просителя.

Итак, РЖ просьбы в бытовой сфере дискурса диалектоносительницы содержательно является просьбой о помощи. Такие просьбы представлены разнообразными грамматическими конструкциями, реализуются через прямую или косвенную форму побуждения. Информант широко использует средства речевого этикета, различные тактики и маркёры, смягчающие категоричность императива и выражая свою просьбу максимально деликатно. Уровень этикетности просьбы снижается при обращении к близким родственникам, в ситуации помощи на условиях оплаты услуг или с учётом обязанностей адресата; в этих случаях просьба замещается распоряжением. Идиолектная реализация данного РЖ в сфере быта отражает прежде всего такие материальные ценности ЯЛ, как пища, дом, хозяйство и дающая урожай земля.

Просьбы в этической сфере

Хотя в речи исследуемого информанта преобладают просьбы, связанные с материальными потребностями и физической помощью, дискурс крестьянки не ограничивается этой областью. Встречаются просьбы, предполагающие побуждение в пользу не только адресанта, но и адресата, выходящего на первый план. Это призывы, репрезентирующие нормы поведения ЯЛ и в то же время учитывающие интересы партнера. Они могут быть связаны:

– с ситуациями денежных взаиморасчётов. Отказ гостей принять деньги за незначительные покупки или гостинцы всегда вызывает у крестьянки споры и желание расплатиться. Она не хочет наносить ущерб дарителям и не любит быть обязанной. Адресатами таких просьб являются чаще всего близкие знакомые, приезжающие навестить её из города: *Ты деньги-то взяла?* ***Ты пожалуйста возьми, за хлеб-то там*** *[купленный во время проживания у хозяйки дома]; Катя! Ты теперь кода' при...[едешь]?* ***Ты мне, пожалуйста, не покупай ничё так на свои деньги там! Ли покупай, дак деньги бери*** *[за покупки].* Реже в идиолектном

материале зафиксированы просьбы принять деньги в «товарно-денежных спорах» с односельчанами: *Я говорю [принёсшему пойманную рыбу]: "Знашь чё,* ***Лексе'й, ты бы взял деньги с меня***[1]. *Я бы развязана была, не шшыталась бы, что я до'лжна";*

– с ситуациями, оцениваемыми ЯЛ как потенциально опасные для адресата. В этих случаях информант считает, что возможные действия лица могут негативно повлиять на его здоровье или благосостояние и просит воздержаться от них: *А я всё говорю Мише [сыну]: "****Миша!****" Я говорю: "****Ты не кури****,* ***у нас в родне прямо совсем не курили никто!****"*; *Я ему говорила тода': "Володя, ты* ***не напивайся*** *[на поминках жены]!* ***Пожалуйста, не пей, тебя разорят, уташшут!****" И мясо уташшут, есь чё уташшыть, всё равно;* ***Не пей ши'бко-то, пожалуйста, Коля, я тебя прошу, прямо из милости! Не пей!*** Такие просьбы адресуются близким родственникам;

– с ситуациями, осознаваемыми информантом как конфликтогенные. Если слова говорящего могут задеть чувства собеседника, адресант использует просьбу-извинение: *А я думаю: о'споди, пошто' [калитка во двор открыта]? ~ А потом Ольга приходит, я говорю: "У тебя мамочка вчара' не упива'ла?" Говорю: "****Ты не обидься, Оля!****" ~ Я говорю: "Поди, по вино приходила ко мне, это я так думаю".* Наряду с призывом *не обидься* высказывание, дискредитирующее родственницу адресата, смягчается диминутивом *мамочка.*

В отличие от просьб бытового характера, в просьбах этической сферы редко используются формы сослагательного наклонения (*ты бы взял деньги с меня*), не зафиксированы вопросительные конструкции, модальные слова, единичны смягчающие негативное высказывание лексемы (*мамочка*). При этом неоднократно отмечены так называемые «отрицательные просьбы» (*не покупай, не кури, не пей, не обидься*…), нетипичные для просьб о

[1] В данном случае это высказывание можно рассматривать и как предложение.

помощи, а вербализация просьбы часто носит эмоциональный характер. В составе тактик отсутствуют косвенные просьбы. Аргументация в основном встречается в просьбах, где ЯЛ пытается предотвратить какие-то негативные последствия в жизни близких родственников, опираясь на свои представления об этических нормах и жизненных ценностях (в числе последних – родня, здоровье, гармоничное общение).

Просьбы в сфере обычаев и обрядов

Речевой жанр просьбы в этой сфере связан с областью сакрального в традиционной культуре, тесно переплетающихся языческих и христианских верований как одной из её ценностей.

В памяти диалектоносительницы сохранились действия и слова матери, приобщавшей детей к обряду угощения домового – хранителя дома и домашнего скота – в день сорока святых мучеников: *«Со'роки-святы'» праздник называется. Девятого марта по-старому. Со'роки-святы' – и вот скворчики прилетают. Мама нам тесто дас, а мы лепим. Вся'кив пташечек налепим… Она каки'-то булочки стря'пат… Дедушке-сусе'душке. Вот: "**Дедушка-сусе'душка, попо'й мою скотинушку, пона'стовай нас, не забывай**". Булочки эти испечёт в печке, и отец ли кто пойдёт: "Поло'жьте там под сле'гу или под ма'тку в подпо'льяв".* Обращение к «дедушке-суседушке» с просьбой *пона'стовать* семью подразумевало присмотр, уход, заботу, оберегание от всего негативного (на'стовать – «присматривать, ухаживать за кем-, чем-либо; беречь кого-, что-либо; заботиться о ком-, чем-либо» [СРНГ. Вып. 20, с. 192]).

В легенде о хлебе «на собачью долю», также запомнившейся крестьянке ещё в детстве из материнских рассказов, встречается просьба о подаянии милостыни: *А это мама говорила. А это… пошёл Ису'с Христос. И попросил под окошком: "**Сотворите ми'лостинку ради Христа истинного!**" – под окошко подошёл. Бродяга, ну, старичок.* Эта клишированная форма почти без изменений повторяется в рассказе информанта о странствующих

нищих, проходивших через Вершинино: *Подойдут под окошко – летом: "**Сотворите святую ми'лостинку, ради Христа истинного**" – от так от про'сют. Подают, подавали [им], всегда подавали.*

В воспоминаниях отражена и обращённая к хозяевам дома просьба ряженых об угощении в обрядовом тексте колядования во время Святок, когда пришедшие прославляют Рождество: *"Рожество' славим Христе' боже наш» – просла'вют его, пропоют – "**Ну, хозяин с хозяюшкой, если нету денег полтины, то дайте хлеба ломти'ну**".*

Кроме мифологических персонажей язычества (*дедушка-сусе-душка*) и реальных людей, в том числе односельчан (просьба о подаянии, колядование), адресатом просьб в области сакрального может быть также Бог. Такие просьбы в жизни верующего человека отражаются прежде всего в молитве – форме богопочитания, содержащей восхваление всевышнего и обращённую к нему благодарность [Мишланов 2003]. Хотя исследуемая ЯЛ выросла в семье глубоко верующих родителей, её религиозные взгляды сформировались как неоднозначные и отчасти противоречивые (см. подробнее [Гынгазова 2005]). Молитва в связи с этим занимала факультативное место в её жизни: *Вот это мама всё наша молилась, читала так, вся'ки молитвы. А я научилась, а тоже… ну, редко кода' так… почитаю, – кода' делать нечего. А так… не ши'бко я, ч^{и}итаю.* В полевых условиях собирателем были записаны несколько пересказанных крестьянкой вслух молитв, лишь одна из которых включала компонент просьбы: *[А ещё какую-нибудь знаете молитву?] Я забува'ю тоже… «Отче наш! Отче наш, [неразборчиво несколько слов], да святится имя твоё, да при'дет будет царьствие твоё, да будет воля твоя, яко на земле, **хлеб наш даждь нам днесь, не введи нас во искушение, но изба'ви нас от лукавого**».*

В спонтанной коммуникации просьба, обращённая к высшей силе, встречается редко. Как правило, это просьба о прощении – показатель нарушения говорящим нравственных и религиозных

норм: *Я говорю: "А кака' мука? Если высший сорт…" я говорю: "Мне высший сорт [надо], а такой… тёмну мне не надо –* ***прости меня, γосподи, грешницу!*** *может, грех"* (хлеб и всё, что с ним связано, почитается и в народной традиции, и в православии; разборчивость по отношению к сортам муки воспринимается как грех); *М.П. Видишь, ей [слепой женщине] операцию не стали делать, сердце слабое. В.П. Угу. Да ста'ра тоже, – поди, не стали делать. Ой!* ***Прости меня, γосподи, грешницу****"* (бездоказательное обвинение и осуждение считаются нарушением этических норм).

Как отмечает Л.Г. Гынгазова, в остальных случаях лаконичные клишированные формы с лексемой *Бог* или *Господи* из первичного обращения к всевышнему с просьбой трансформируются в устойчивые выражения с различными смыслами [Там же]. В их числе – фразеологизмы *боже избавь, не дай бог, спаси бог помилуй* с семантикой желательности/нежелательности (*Я говорю: "Каки' мне худы' сны снились всё. Прям* ***не дай бог****!"); господи/о'споди прости, не дай господь,* используемые для передачи негативных эмоций (***О'споди прости,*** *другой раз пирог упал!); прости <ты> бог, прости <ты меня> господи* с семантикой извинения при использовании сниженных слов и выражений (*Я говорю: "Я кого…* ***прости бог,*** *соплёй перешибить, и то, всё равно ись хочу"*) и др.

В разных ситуациях наблюдаются ритуальные просьбы о благословении. Их адресатами преимущественно выступают родители, которые благословляли своих детей в особо значимые моменты жизни не только от своего имени, но и от лица Господа [В чём сила… URL]. Одним из наиболее важных значимых событий считается благословение на брак: *Это, Степан опе'ть запрёг кони'шка, поехали [к родителям невесты]. Приезжа'м, заш… заходим в и'збу, – я стала в ноги так от кланяться: "Ну,* ***тя'тя, баслови'те меня****". ~ Ну и баслови'л.*

В речи информанта зафиксированы, кроме того, просьбы односельчан о благословении, обращённые к умирающим родителям: *...а потом же он [сын] к ей пришёл, кода' она стала болеть, он говорит: "**Мама, прости меня**" – мне Нинка Данилина сказывала. "**Мама, баслови' меня. Мама, прости меня, баслови' меня**!" – "Бог тебя баслови'т". Всё равно, мать дак мать и есть. Всё равно сказала.* Эта просьба сопровождается раскаянием сына, который просит не только благословения, но и прощения за принесённое матери горе. Аналогичная просьба-покаяние иногда звучит и на похоронах: *Ну, она так плакала: "**Ой, мамочка! Родна' моя кормилица, мамочка! Прости меня за всё**. Много я тебе горя принесла". Она же ребёночка принесла в девках, Рая-то. Ну а… позор же, как вроде бы.*

Получить благословение было важно также перед началом трудовых действий, соотносимых с сакральными сущностями. В идиолектном дискурсе встречается упоминание о молодой невестке, которая ежедневно просила у родителей мужа благословения на доение коровы: *...поста'рьше меня была [односельчанка], четвёртого году [1904 г. рождения], Ольга Иванна. Он вышла вза'муж, от тут, к Лёньке от к этому − и тоже пойдёт: "**Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня!**" − корову пойдёт доить. [Каждый день?] Ка'жный раз, в день два раза. Угу, угу. Ка'жный раз доили, и… помолится, богу пойдёт. "**Тя'тенька, мамонька, баслови'те меня**".*

Просьба о благословении на труд, а также на ночной отдых адресовалась не только родителям, но и Господу. Этому обычаю следовали отец и мать крестьянки перед началом посева: *Поедут сеять, я помню, тя'тя – поедет сеять, дак мама богу помолются, свечку зажгут. Помолются, **басловя'сь.** ~ Зажгут свечку, помолются, [когда] первый раз сеять поедут, пшеничку.* Продолжение традиции наблюдается в её собственной речи: *[начиная сажать пироги в печь:] **Господи, баслови'!**; [ложится спать:] **О'споди, баслови' Христос**; Ну ладно, спать будем. **О'споди, баслови'!** Покойной ночи.* Иногда в ситуации отхода ко

сну звучит и лаконичная просьба о прощении: *Ой!* ***О'споди, прости меня!***

Исследование дискурса диалектной ЯЛ показало, что РЖ просьбы функционирует в бытовой сфере, этической сфере и сфере обычаев и обрядов, относящихся к зоне актуального внимания. Доминируют просьбы бытовой сферы, что обусловлено условиями жизни и преклонным возрастом информанта.

Как показал материал, в каждой из выявленных сфер РЖ просьбы реализуется по-разному. Этикетное смягчение воздействия на адресата с широким набором тактик осуществляется преимущественно в бытовой сфере, в меньшей степени – в этической сфере.

Просьбы в сфере обычаев и обрядов отличаются разнообразием адресатов (наряду с родственниками, односельчанами и знакомыми, в их составе представлены сакральные персонажи православия и язычества), частой передачей просьб адресантов в составе чужой речи. Во многих случаях тексты просьб данной сферы отличаются клишированностью, отсутствием этикетных средств и тактик, смягчающих побуждение к действию.

Для РЖ просьбы в речи сибирского старожила характерно наличие многих черт, отмеченных учеными на материале разных языков: это негомогенность данного жанра, появление переходных, гибридных форм (просьба-извинение, просьба-покаяние и др.), привлечение говорящим маркеров вежливости с учётом прагматического подхода; их можно считать универсальными. Вместе с тем высокая частотность РЖ просьбы в дискурсе В.П. Вершининой и в большинстве случаев позитивная реакция адресатов на эту форму побуждения соотносится с выводами лингвистов о русской национальной ментальности, для которой более свойственна солидарность, чем дистанцирование (в отличие, например, от немецкой и английской) [Которова 2016, с. 69–70; Ларина 2009, с. 178–185].

Просьбы в речи крестьянки отражают систему ценностей носителя традиционной культуры (пища, дом, плодородная земля,

здоровье, родственные связи, гармоничное общение, верования) и соотносимые с ними жизненные правила (поддержание порядка в своем хозяйстве, участие в жизни родни, следование укладу своей семьи, нравственным и отчасти религиозным нормам, традициям, бесконфликтность существования).

Особо следует отметить, что обращение информанта с просьбой к собеседнику характеризуется гибким выбором разнообразных тактик и языковых средств в зависимости от типа дискурсивной сферы, коммуникативной ситуации, отношений адресанта и адресата. Выявленные тактики и их маркёры соотносимы со стратегиями вежливости и смягчения категоричности, которые, в свою очередь, можно считать частными проявлениями генеральной кооперативной стратегии речевого поведения информанта.

Обращает на себя внимание широкая представленность просьб в сфере обычаев и обрядов с сакральными истоками: воспроизведение соотносимых с ними текстов способствует сохранению традиций как основы крестьянского мира. Хотя некоторые ритуальные обычаи и обряды в старожильческом селе в период сбора речевого материала В.П. Вершининой вышли из употребления, часть из них сохраняется. Наиболее сохранным среди зафиксированных можно считать ритуал приёма гостей и потчевания во время важных праздников. Перейдём к анализу РЖ потчевания.

Речевой жанр потчевания

Гостеприимство как черта русского национального характера и менталитета отмечается во многих работах, посвященных народным обычаям и обрядам. Традиции приема гостей – значимая часть русской народной культуры, семейного и общественного быта. Ярким проявлением этих традиций является ритуал угощения гостей − потчевания.

Согласно определению В.И. Даля, «ПО'ТЧИВАТЬ (…) – «угощать, просить покушать и попить; радушно, хлебосольно предлагать пить и есть; настойчиво требовать или упрашивать гостя, чтобы он ел и пил. (…) Понашему, порусски, гостя надо потчивать» [Даль. Т. 3, с. 360].

Ситуация приема гостей имеет ритуальный характер. В основе ритуала потчевания лежит стремление приблизить чужого или чужое к дому, сделать его своим, обезопасив себя от постороннего воздействия, а также мифологическое представление о госте как посланнике Бога или самом Боге, принявшем человеческий облик [Байбурин, Топорков 1990, с. 122–126]. Сакральные истоки этого ритуала уже не осознаются диалектоносителями в наши дни, но важность такого события поддерживается и сейчас регулярным взаимным посещением родственников или друзей в селе или в городе, подчеркнутым вниманием к гостям, ритуализацией отдельных этапов общения с ними.

Защитную функцию, восходящую к язычеству, выполняют и другие виды угощения в традиционной народной культуре. Так, в сибирском старожильческом селе и в наши дни устраивают поминальное угощение умерших родственников − на похоронах, на 9-ый, 40-ой день, спустя полгода со дня смерти, а затем ежегодно в день смерти и в родительский день ("Агне'ю Иванну помя'нем, гыт, приходи". ~ Она, правда, кутью изде'лала, рыбу нажарила; А Гутя, за'втре Иван Васильичу память, она мне три блина принесла, ми'лостинку; В родительский день яйца красят, на кладбишше ходят); существует, хотя постепенно архаизируется обычай угощения шулю'канов − участников рождественского колядования (Рожество' просла'вют ~, пропоют – "Ну, хозяин с хозяюшкой, если нету денег полтины, дайте хлеба ломти'ну"); ещё в начале XX в. практиковалось подаяние нищим и ритуальное кормление домового (А я слыхала – ходили странники раньше, как бродяги назывались – по' миру ходили, подавали им ми'лостинку; А от кода'-то каку'-то субботу, называ'тся «суббота перед Па'ской». Вот Па'ска быва'т, Па'ска же в воскресенье всегда, а в

субботу. Она [мама] каки'-то булочки стря'пат, таки' булочки стря'пат дедушке-сусе'душке. Вот: "Дедушка-сусе'душка! Попо'й мою скотинушку, пона'стовай нас, не забывай". И булочки эти испечёт в печке и "отец ли кто ли пойдите поло'жьте там под сле'гу или под матку в подпо'льяв"). Отголоском представлений о божественной сущности гостя является известная жителям села легенда: А это мама говорила. А это… пошёл Исус Христос. И попросил под окошком: "Сотворите ми'лостинку ради Христа истинного! " – под окошко подошёл. Бродяга, ну, старичок. А одна женшына, гыт, ша'ньгу выташшыла, ша'ньга с начинкой, намазана, сметаной – как… ну, от как я пеку ша'нежки, – и подала ему в окошко. Он к другой пошёл. А у ей, гыт, ребёнок обмарался, она блин схватила да, говорит, это блином подтёрла ему, задницу-то, да и подала, гыт. Ну и вот, оспо'дь бог, гыт, прогневался, и голод созда'л. Хлеб чтобы не... не было никого. Собаки, гыт, воют все! – это мама рассказывала. Дак это ешо кода' там, кто-то будто бы говорил [ей], не мама. Ну и, говорит, собаки воют, гыт, все это… прям голод! А потом бог, гыт, послал – соба'ччу долю. Мама всё говорила: "Собак корьмить – это на соба'ччу долю счас едим". Вот это говорила, я помню. [А что бог послал?] Ну, хлеб послал. Три года хлеба, гыт, не было.

Несмотря на то, что данный ритуал уже в конце XIX в. воспринимался как устаревающий и носящий региональный характер [Русский народ 1992, с. 548−550], он до сих пор актуален в русской крестьянской культуре, многие его черты сохраняются в просторечной среде, а некоторые элементы − и среди носителей литературного языка.

Прежде всего встает вопрос о номинации исследуемого речевого жанра.

Хотя угощать и потчевать нередко выступают как синонимы, в качестве имени жанра предпочтительным является «потчевание», исходя из следующих соображений: 1) словообразователь-

ное гнездо лексических единиц с вершиной потчевать в лексиконе носителя традиционного говора более объёмно, чем гнездо с вершиной угощать (ср.: потчевать − потчеванье, потчеваться, попотчевать, попотчеваться, испотчевать, напотчевать, напотчеваться, отпотчевать, спотчевать; угощать − угощаться, угощенье, угостить, угоститься); 2) слова первого гнезда более частотны, чем второго (в «Полном словаре диалектной языковой личности» зафиксировано соответственно 68 и 57 словоупотреблений); 3) сочетаемость и стилистическая окрашенность глаголов потчевать и угощать несколько различается. Угощать можно и повседневными блюдами (С молочком ели они [кашу], меня угошшали), чем-то незначительным, не относящимся к основным продуктам питания – орехами, яблоками, конфетами и т.п. (Он кода'-то меня конфетами угошшал; С пряничком попила бы [чай]. Я тебя угостила бы пряником); потчуют же обычно сытной, «праздничной» едой (мясом, рыбой, пирогами, вкусными закусками), а также вином – непременным атрибутом праздника (Нечем потчевать, ши'бко вкусного-то нет; Вот я бы котлеты состряпала, а мясо-то не оттаяло. Надо было да'йче выташшыть… Попотчевала тебя хоть бы; Это, Володя принёс мне рыбы шшучки – кру-упны таки' принёс, я пироги с рыбой постряпала. ~ Кто придёт, дак потчевала; Я их потчевала, тоже вино было да всё; Литро'ву бутылку поставил – то ли спирт разведённый, то ли водку: "Тётя Вера, попо'тчевашь кода'-нибудь ба'ушков тут-ка"). В отличие от угощения, потчевание предполагает парадную сервировку (в противном случае следует оговорка: Вы уж меня извините, я прямо за'просто вас потчеваю). Таким образом, потчевание − не только более частотная единица в лексиконе старожила, но и лексема, по семантике и валентности явно отражающая связь с обрядовой сферой.

Требуют определения и типологические характеристики рассматриваемого жанра.

С точки зрения соотнесённости с формами бытования языка потчевание – жанр, реализующийся только в устной речи и относящийся вследствие этого к первичным РЖ [Бахтин 2000, с. 251]. Основная сфера его функционирования − диалектная коммуникация.

Исследование стилистической дифференциации идиолекта сибирского старожила даёт основания утверждать, что потчевание сочетает в себе черты высокого и обиходно-бытового стилей. Высокое начало связано, с одной стороны, с представлением о пище как одной из ценностей, составляющих основу жизни. В народной крестьянской культуре еда − не только источник поддержания жизненной энергии, основное условие жизнедеятельности, работоспособности, сохранения здоровья, но и символ достатка; она связывается и с практическими потребностями человека в труде, и с удовольствиями, отдыхом, развлечениями. С другой стороны, элементы высокой стилистической окраски обусловлены церемониальным характером процедуры угощения гостей. Потчевание − это оказание особого почета гостю, форма проявления дружеских чувств, благодарности хозяина по отношению к приглашённым, а отчасти и демонстрация благополучия в доме, где оно происходит. Вместе с тем, поскольку в церемониальном поведении имеется и утилитарный компонент [Флиер, Шишова 1998, с. 344], реализующийся также в повседневном бытовом общении, а участниками потчевания являются обычно родственники или близкие знакомые, закономерна связь данного РЖ с обиходно-бытовым стилем. Двустилевая основа потчевания отражается в просодическом оформлении высказываний (сочетание напевного, торжественного и нейтрального тона, ласкательной интонации и иронических вкраплений), параллельном использовании стилистически высоких и нейтральных синонимов (кушать / исть), «навеличивания» по имени-отчеству и неполных форм имен (Раи'за Васильевна / Рая, Авгу'ста Парме'новна / Гутя и др.).

По структурным характеристикам данный РЖ отнесён О.А. Казаковой к гипержанрам, объединяющим простые и сложные речевые жанры в единый комплекс в рамках коммуникативного события [Казакова 2007, с. 28, 155].

В соответствии с целевыми установками говорящих потчевание является жанром фатического общения [Дементьев 1999]. Если же рассматривать интенциональные характеристики этого РЖ с позиций Т.В. Шмелевой [Шмелёва Т.В. 1990], то он вбирает в себя простые РЖ всех выделенных ею разновидностей интенции: информативные (информация о предлагаемых блюдах, сообщения о желаниях и намерениях хозяйки при ухаживании за гостями), оценочные (похвала и порицание при оценке соблюдения гостями этикета), императивные (просьба, предложение и приказ попробовать те или иные блюда) и ритуальные (тост, пожелание, извинение, приветствие, прощание, благодарение)[1]. Доминирующими при этом являются императивные компоненты. Хотя В.И. Далем ритуал потчевания определяется через сочетание просьбы и требования, по языковым признакам потчевание базируется на просьбе: большинство высказываний сохраняет просительную интонацию и имеет целый набор этикетных форм, что не свойственно требованию. В то же время настойчивость, типичная для ритуала потчевания, сближает его проявления с РЖ приказа. Показательно употребление не только глагола ПРОШУ, но и не допускающих отказа, категоричных ВЕЛЮ, НАДО и КАК ХОЧЕШЬ: Да ну, покушай! Кушай давай! Слышишь? Я велю. Кушай, кушай, кушай. Е-ешь давай!; Чё ты, Катерина Вадимовна. Кушай ты кушай давай! [Не могу без конца.] Да ну уж, «без конца»! Нет, надо, надо. Ты же всё равно, не сеча'с поела-то; В.П. Садись [к столу]! К.В. Ничё не хочу я, я вам говорю. Я пить от хотела, напилась там… В.П. Нет, садись, как хочешь. Что же ка-

[1] Простые РЖ в составе потчевания выделены с опорой на общую классификацию речевых жанров в дискурсе В.П. Вершининой [Казакова 2007].

сается ритуального начала, то простые этикетные жанры маркируют в основном пролог и эпилог потчевания. В рамках собственно потчевания представлены этикетные речевые формулы просьбы и пожелания (ПОЖАЛУЙСТА, НА ЗДОРОВЬЕ); встречаются также единичные тосты (Ну давайте за встречу нашу. Будьте знакомы; Давай, выпивай, за моё здоровье. За'втре уж во'семьдесять один [год исполнится]; Ну, давайте, за Па'ску! [наливает вино] ~ С Па'ской! Христос воскрес!). Ритуальные черты этого РЖ, как отмечает Л.Г. Гынгазова, связаны с осуществлением значимых для данного социума этикетных действий [Гынгазова 2005]. На основании этих характеристик исследователи [Демешкина 1997; Гынгазова 2005; Казакова 2007] считают его ритуальным, хотя, возможно, точнее было бы называть этот жанр ритуально-императивным. Определение потчевания как ритуального в своей основе обусловлено не столько преобладанием простых этикетных РЖ, сколько сохранением передаваемого от поколения к поколению ритуального сценария и устойчивого комплекса связанных с ним речевых средств.

Развёрнутый сценарий потчевания в его наиболее полном варианте реализуется в праздники, когда гости приглашаются заранее, а хозяйка специально готовит угощение. В этих случаях собственно потчеванию предшествует приглашение (Приходил ко мне тоже, звал это, дире'кторшин муж, Нато'лий-то, знашь ты его, наверно. Колин брат двоюродный. На день рожденья приглашал. Приходил: "Пойдём, пойдём!"; А потом в воскресенье, да, её пригласили, Коля-то: "Приходи, тётя Гутя") и подготовка к потчеванию[1]. Приход гостей начинается с приветствия, приглашения раздеться, если гости пришли в верхней одежде, и пройти в комнату. Расставляется, в том числе с участием гостей, праздничное угощение. Если хозяйка и пришедшие долго не виделись, застолью

[1] Гипержанры «встреча и проводы гостей», «подготовка к потчеванию» описаны О.А. Казаковой [Казакова 2007, с. 149−154].

предшествует беседа с обменом новостями. Она завершается этикетным СОЛОВЬЯ БАСНЯМИ НЕ КОРМЯТ/НЕ ПОТЧУЮТ, означающим переход к угощению – центральной части ритуала: Давайте, соловья баснями не кормят, чай пить давайте; Ну ладно, соловья баснями не потчуют. Само потчевание происходит в торжественной обстановке, с нарядно накрытым столом, в праздничной одежде[1] и осуществляется особенно активно.

Важной характеристикой потчевания является его реализация в диалогической речи, предполагающая распределение ролей между хозяйкой дома и гостями.

Потчевание имеет сложную партитуру. Хозяйка исполняет в этом ритуале главную партию, одновременно выступая в роли дирижера. Поддерживая идущий параллельно угощению застольный разговор и отчасти направляя его, она в то же время следит за тем, что и как едят присутствующие, просит одних участников застолья что-то передать или положить другим, но главная её задача − потчевание, «пронизывающее» всю беседу с гостями. Стремясь соблюсти ритуал, хозяйка старается накормить пришедших как можно лучше и обильнее.

Рефреном проходит общее приглашение к еде (КУШАЙ/ТЕ/, ПОКУШАЙ, ЕШЬ/ТЕ/, СЪЕШЬ, ПОЕШЬ, УГОСТИСЬ, УГОЩАЙТЕСЬ, ВЫПЕЙ, ПОПЕЙ/ТЕ/, БЕРИ/ТЕ/, ВОЗЬМИ, КЛАДИ и т. п.): Давайте, кушайте; Берите!; Кушайте давайте чё-нибудь; Поешь мале'нечко, покушай!; Ну давай, будешь угошшаться? Давай!; Жела'те? – угоститесь пирожком; Давай, ешь! [Наелась.] Да е-ешь! Кушай давай; Да попей ты, о'споди, ты чё! Наелась? Ну, поешь!; Ты поешь мале'нько, чё-нибудь съешь! Помидорку не покрошила тебе, ничё… Прям ничё не ешь. Поешь чё-нибудь, хыть колбаски мале'нько!; Катя, ты бери рыбу-то, ешь! Ну ешь, ешо

[1] О культурологической составляющей церемонии потчевания см. подробнее [Иванцова 2004].

бери!; Давайте, пейте, ешьте, чё есь. [В]он яички ешьте, помидорки берите…; Пей давай, Гутя, пей давай, пей!; Нина, выпей стопку!

Постоянно звучат призывы попробовать то или иное блюдо, обратить внимание на то, что находится на столе: Давайте, давайте, пробуйте. «Хво'росты» мы зовём; Берите, с ягодкой, попейте! Мёд доставайте, поближе поставить; Ну чё тебе ешо, ну яблоко возьми погрызи; Помидоры-то ешьте! Маруся, от соль, жела'шь [если]; Давайте. Сахар вот, берите. Варенья бери, с конфе'ткими бери, ешь. Чё тут есь? Ничё тут такого нету. Холодец у меня стоит. Возьми мале'нько, с горчицей поешь!; Возьми торт! Пирог возьми… стряпаный сёдня.

После того, как гости попробовали угощение, хозяйка начинает уговаривать съесть или выпить что-либо в большем количестве: В.П. Маруся! Мо'жеть, ешо выпьешь? М.Л. Ты чё, Вера, ми'ленька моя, да ты чё. В.П. А чё, мале'нько; Ну давайте, вы выпейте давайте! Картошки подъеда'[й]те; Подъедайте пирожок-то; Попили бы досы'та чаю-то уж! При этом отказы гостей не принимаются во внимание, они лишь усиливают настойчивость потчевания: В.П. Ну попей чаёк-то. Попей чаёк-то! М.А. Не могу. В.П. Ну уж, чашечку-то выпей. Пирожок от, ола'динку, может, поку'шашь; Попе-ей! Ничё не… мёд, ничё не поела. Хоть мёд-то возьми. [Не могу.] Беда та'мо-ка, возьмёшь ложечку, чё там? Возьми, посласти' в роту'; В.П. Бери пряник-то хоть ты! С.Н. Не хочу я… В.П. Да возьми-и уж! И печеню'шку возьми.

Демонстрация позитивного настроя хозяйки по отношению к потчуемым проявляется в широком использовании ласкательных наименований кушаний, посуды и столовых приборов (их коннотация переносится на участников ситуации): Садись, Аксинья! Яичко съешь, от колбаски мале'нько, капу'ски. А?; Поешь пирожок-то, поешь! Вот с черёмушкой поешь пирожок, с этой поешь, с рыбкой, поешь!; Я так на этой сковородочке поставлю, горя'ченько. Давай угошшайся. Ешо ложечку там взять? Вот вам

ложечку; Может, сальца поку'шашь?; Конфеточки бери; Забеляйте молочком, кладите сахарок и т. п.

Доброжелательная атмосфера поддерживается также этикетным обращением гости дорогие и пожеланием НА ЗДОРОВЬЕ: Да ешьте, ешьте на здоровье!; Да пей ты пей на здоровье! Господи, воду, чё её?; Ну давайте, давайте, выпейте сразу да поешьте на здоровье!

Постоянное побуждение потчуемых к активности отражается в широком использовании обращений к участникам церемонии (Попей чай, Рая?; Зоя, ты ешь! Ешь ты! Нина, кушайте, вы поешьте!), употреблении форм повелительного наклонения, побудительной частицы ДАВАЙ(ТЕ) с семантикой понуждения к действию, усилительной частицы ДА и множества усилительных повторов: Ну давайте кушайте; Давай, пей, Катя, чай! Как хочешь. Чем я тебя буду потчевать?; Ну попей чаёк-то! Попей чаёк-то!; Да попей да поешь!; Ну Гутя, ну поешь пирог с рыбой-то, кусочек-то, ну съешь! Да съешь, да поешь!; Пейте, Гево'ргевна! Пейте! Да пейте!; Гутя, ты пошто' чай не попила? Попей! Попей! Попей! Пей, да вот помидорки поешь! Ты поешь огурец-то хоть возьми!. Частотны слово ПРОШУ, этикетная формула просьбы ПОЖАЛУЙСТА и усилительная к ней ИЗ МИЛОСТИ ПОПРОШУ: Ну попей чай-то, попей; пожалуйста, попей, я тебя прошу! Да попей!; В.П. Рая, попрошу тебя, из милости прямо попрошу. Р.В. Кого? В.П. Выпей мале'нько! Встречаются также менее категоричные побудительные конструкции с глаголом в будущем времени, в том числе в сочетании с модальным МОЖЕТ: Давай, кумушка, чай пить пойдём; Поешь, может, Лена, котлетку?; Может, водку попьёшь? В качестве приёма убеждения часто употребляются риторические вопросы: Неужели чашечку не выпьешь?

В отличие от европейских традиций приёма гостей для русского потчевания типичен принудительный характер трапезы [Байбурин, Топорков 1990, с. 120]. Если гость «потчуется» недостаточно активно (при этом неважно, стесняется ли он или уже

сыт), хозяйка использует устойчивый комплекс приёмов уговаривания, преследующий цель преодолеть сопротивление угощаемых. К их числу можно отнести:

− расхваливание угощения: Давай поедим, хоро'ша ягодка!; Ешь ягоду-то, поешь! Витами'на!; Берите огурчик! Ты попробуй, Гутя, огурец какой хороший, вкусный;

− напоминание об актуальности момента: Давайте. Гутя! Па'ска же, она раз в год, кода' дождётесь! Пейте давайте;

− выдвижение аргументов, значимых как для гостя, так и для хозяйки: Выпей! Ну выпей за моё здоровье!;

− указание на отсутствия вреда для здоровья гостя (НЕ ОТРАВИШЬСЯ, НЕ УМРЁШЬ, НЕ ЗАДАВИЛО БЫ ТЕБЯ и под.): Не отра'висся. Попей [компот], Поля. Ницё, холодненький он; Ну, Катя, уж тебя не задавило бы, поди, а? На, ешь?; Да ташшы тарелку, ташшы! [Не хочу]. Не умрёшь. Ешь, ешь, ты чё!, Правда, покушай! Ну поешь, чё это, объешься ли чё ли этим?;

− подчёркивание незначительности усилий, требуемых со стороны угощаемого: Ну, Рая, давай, не по целой, я не по целой [рюмке налила], по половинке, давайте!; Я и так тебе вот сколько налила-то, беда! Выпей!; Ну Рая, хоть глоточек, да пивнёшь?;

− ссылку на вкусовые пристрастия гостя: Помидорки-то не поели. Рая, ты любишь, ты поешь! ты любишь, солёно;

− похвалу склонившимся на уговоры: Ну давайте! Давайте. Давайте! [Гостья выпивает рюмку]. Молодец;

− апелляцию к нормам крестьянской культуры, касающимся приёма пищи (в том числе подкреплённым поговоркой): Давай налью мале'нечко! Неужели выливать будем?; Не хочешь картошки? доедайте! ~ Чем добру пропадать, пусь брюхо лопнет;

− шутливую угрозу: Допивайте, а то на голову буду выливать;

− провокацию, содержащую намёк на унижающее хозяйку чувство: Пошто' не поела? Кусочка не взяла? Брезгуешь ли чё ли?;

− выражение недоверия: Ну уж я не верю, Катя! Ей-богу! Да «всего поела», ну это-то можно ись!;

− ироническое опровержение слов гостя, утверждающего, что он уже сыт: В.П. Пей давай, Гутя, пей давай, пей! А.П. Спасибо. В.П. Пей! А.П. Напилась. В.П. Напились, прямо объелись, по чашке выпили; Ничё не поела! [Поела.] «Поела»! едок!

− взывание к «чувству стыда», которое должен испытывать мало съевший гость: Катя, как тебе не стыдно! Я поела, а она сидит. Не хочет. Мале'нько-то надо пои'сь; [Указывает на тарелку с недоеденными пельменями:] Не стыдно?

− предупреждение о возможности нарушения дружеских связей вследствие обиды хозяйки на гостя: В.П. Ну, Рая, как хочешь, выпей рюмочку. Р.В. Ой, Вера, я не буду. В.П. Да ну! Р.В. Нет-нет-нет, я, Вера, не буду. В.П. Да я прям обижусь на тебя; В.П. Ну садись чашку чаю… Г.П. Нет, меня ждёт он [муж]. ~ В.П. Да ну, Галя, я прямо обижусь! Давай!; Штук пять [пельменей] тебе поло'жу? [Нет.] Да ты чё это? Чё меня обижаешь-то?;

− упоминание о душевном дискомфорте хозяйки, вызванном отказом гостей от угощения, с целью вызвать у них жалость: Я говорю: "Да вы выпейте, выпейте!" Я говорю: "Прям замаяли меня";

− выражение огорчения (обычно при помощи междометия О'СПОДИ): Попей чай? О'споди, чё не хочешь-то?; Ничё не поели, о'споди!;

− наконец, порицание тех, кто нарушает ритуал. В таких высказываниях появляется лексика с неодобрительной коннотацией, обозначающая действия или признаки того, кто отказывается от угощения или ест, с точки зрения хозяйки, слишком мало (ВЫБРАЖА'ТЬ, МО'ДИТЬСЯ, КУРА'ЖИТЬСЯ, ЛОМАТЬСЯ, ПРЕСТАВЛЯ'ТЬСЯ, МОДНЫЙ, МОДНИЦА, МО'ДНА ПЕ'НКА): Ну ты попей мале'нько, о'споди, будешь выбража'ть теперь; [Гостья не ест угощения.] Ну Рая! Будет мо'диться-то сидеть; В.П. О'споди, гли-ка чё! Ты чё не пьёшь-то? С: Напилась. В.П. Модница!; Р.В. Нет, я чай пить не буду, не буду! Не буду, Вера. В.П. Кака' мо'дна; Катя, ну чё ты не ешь-то? «Не могу» чё-то. Ешь давай. Ну не преставля'йся, не умрёшь!; Да прям… вы

прямо лома'тесь! Давайте, выпивайте; Катя куражится не пьёт; В.П. Гутя, холодец-то поешь, о'споди! А.П. Я ела. В.П. Измо'дились прямо все. Упрёк может выражаться также фразеологическими единицами БЕДА С ТОБОЙ, ПОЧТО' ТАКА', ЧТО ЗА ЧЕЛОВЕК, Я'ЗВИ ТЕБЯ: В.П. Пирог будешь ись? М? Н.Н. Не-а. В.П. Беда-то де с тобой!; В.П. Кума, ты поешь пирожок-то, о'споди! Поешь, пошто' така'-то ты? М.А. Я ем. В.П. Совсем-то ничё не ешь; Катя, ты сахар-то бери, это что такое-то? Что за человек-то?; В.П. А мне доченька виноград привезла. Я счас намою вам. М.Д. Я не буду, Вера. В.П. Не будешь? М.Д. Нет. В.П. Пошто'? М.Д. Так. В.П. Ну, я'зви тебя! То не буду да друго' не буду. Неодобрительно звучит и присказка в ответ на реплику гостя с отказом от еды: В.П. Сосиску будешь ись? Н.Н. Не, я не хочу. ВП. Ну, всё «не хочу»!.. поцалу'й косачу'.

Завершают ритуал извинения хозяйки НЕ ВЗЫЩИ'ТЕ С МЕНЯ за недостаточно изысканные блюда, отсутствие чего-либо на столе (От вишь, даже и бражо'нку не подала. Ну ладно, не взышшы'те с меня) и её благодарность в адрес пришедших гостей: Спасибо вам, что пришли, поели мало-мало. Поесь-то ши'бко нечего хорошего.

Речевая партия гостя потчевания более проста и заключается прежде всего в поддерживании застольной беседы. Вступая в ритуальный диалог с хозяйкой, он трафаретными формулами подчёркивает отсутствие необходимости в еде вообще (А.П. Садись, Коля, пей! Пей садись! ~ Н.Н. О γосподи, я чё? С голодного мыса что ли пришёл?) и интенсивном угощении в частности (В.П. Ничё не поели, о'споди! Пелеме'шков мале'нько и то оставили! А.П. [шутит] Ну чё, с работы приехали? В.П. "Чё, гыт, молотила?" – Катерина Васильна, ца'рство небе'сно [так говорила]! − "Чё я, молотила ра'зе?" [Поясняет собирателю:] Раньше, знашь, молотили, дык… промоло'тются, прорабо'таются – много едят. Она: "О'споди, я чё, молотила?" – Катерина Васильна всё так отвечала). Этикетные реплики гостя направлены на то, чтобы не слишком обременять хозяйку: В.П. Да возьми яичко-то, возьми!

Н.В. Да я достану, я чё, у мачехи росла? Руководствуясь максимой скромности, часто бывающие в доме соседи переадресуют потчевание на более «важных», редких гостей: В.П. [обращаясь к пожилым женщинам] Давайте, садитесь, девочки! А.П. Гостью по'тчевай, мы и так… Мы и так каждый день. В.П. Гостью не ши'бко напотчуешь. А.П. Мы и так каждый день по'тчевамся. Стремясь сделать хозяйке приятное, гости хвалят угощение, в конце потчевания благодарят не только её саму, но и её покойных родственников, используя этикетную формулу царство небе'сно, и желают ей здоровья (Спасибо вам большо', за угошшенье; Спасибо. Всем царство небе'сно: Мише, и Анне Прокофьевне, и родителям, Коле и... а тебе дай бог здоровья; До свиданья, спасибо тебе. Дай бог здоровья), прощаясь, нередко приглашают с ответным визитом, поскольку потчевание предполагает ответную церемонию со стороны угощённых (В гости приходите. ~ Ой, ну ладно, до свиданья. К нам приходите).

Включение в языковое существование носителей традиционной культуры позволило обнаружить, наряду с торжественным потчеванием приглашённых гостей, его «свёрнутые» варианты, реализующиеся в быту сибирских старожилов.

Потчевание также имеет место в ситуации, когда кто-то приходит в дом без приглашения. В этих случаях гостя приглашают к чаепитию (М.П. Здравствуйте! Я уж не разулась, Вера Прокопьевна. В.П. Ми'ла ты моя! М.П. Тяжело обуваться. В.П. Да моя родна, да проходи да садись, с нами чай пить; Садись, Гутя, раздевайся, садись. Чашечку выпей) и угощают чаем с закусками и сладостями, а если хозяйка ест – предлагают присоединиться к трапезе. В отличие от праздничного потчевания, гость вправе отказаться от угощения, обычно аргументируя тем, что «только что наелся»: А.П. Здравствуйте! В.П. Здравствуйте. А.П. Приятного аппетиту вам. В.П. Садись с нами! М.Д. Садись! А.П. Нет, я сейчас только поела. Модификацией потчевания гостей можно считать и угощение нанятых для помощи по хозяйству работников, которым готовится сытный обед и подается вино. Хотя исходная

посылка здесь иная – по существу, это форма натурального расчёта, – диалог за столом в основных чертах сходен с ритуальным потчеванием: В.П. Я тебе поло'жу суды'? Будешь творо'г ись? Н.В. Мне? В.П. Ну. Н.В. Не-е, я вон огурец да яичко. В.П. А творо'г-то? Ты-то поешь! Н.В. Мале'нько. В.П. Пое-ешь! Я тебе поло'жу или сама клади. Берите! ~ Поешь, Нина Васильна! Зоя, ешьте творожок! З.Р. Нет, спасибо, я вон булочку. В.П. Ешь!

Вместе с тем потчевание в повседневном общении менее ритуализовано. Угощаемые ведут себя не так церемонно, пролог сводится к приветствию и приглашению за стол, а эпилог – к благодарности потчуемых (работников благодарит и хозяйка): Н.В. Всё, попила. Ну ладно, спасибо тебе, баба Вера. В.П. Тебе спасибо, мне за чё спасибо-то?; В.П. Ну чё, спасибо тебе, Нина Васильевна. Н.В. О'споди, за чё спасибо. В.П. «За чё»! Покопала [огород].

Итак, в русской народной культуре сохраняется восходящий к глубокой древности ритуал потчевания и обслуживающий его речевой жанр, имеющий чётко выраженные содержательные и формальные признаки. Его можно квалифицировать как гипержанр, наиболее ярко реализующийся в диалектной коммуникации, связанный с устной диалогической речью, сочетающий в себе черты высокого и обиходно-разговорного стиля, императивной и ритуальной интенций, фатический, имеющий несколько ситуативных разновидностей. Этот жанр также богат широким спектром тактик, смягчающих говорящим воздействие на гостей, но еще более интересен тесной связью носителя традиционной культуры с архаическими воззрениями и правилами сохранившегося в наши дни обряда.

Базируясь на мировоззренческих установках традиционного сельского сообщества, данный жанр отражает синтез языческого и христианского начал в его менталитете, характеризует этические нормы социума, демонстрирует высокий уровень речевой культуры диалектоносителей.

3.8. Метаязыковое сознание

Достаточно давно установлено, что метаязыковое сознание (проявляющееся в осмыслении и оценке особенностей своей и чужой речи), как и другие виды сознания, существует в форме коллективного сознания какой-либо общности, группового сознания внутри этой общности и индивидуального сознания отдельного носителя языка. Пока анализируются преимущественно способы его реализации, типичные для коллектива носителей русского языка, главным образом – диалектного социума. В работах А.Н. Ростовой, О.И. Блиновой, Е.В. Ухмылиной, Л.В. Кирпиковой, Л.К. Лыжовой, В.И. Дьяковой, С.Е. Никитиной и др. на материале говоров выявлены его формы, сферы функционирования, жанровые признаки метатекстов, описаны объекты языковой рефлексии, стратегии осознания говорящим семантики слова и др. Развитие антрополингвистики ставит перед языковедами задачу исследования индивидуальных особенностей метаязыкового сознания (МЯС) реальных языковых личностей разных типов. Конкретные носители литературного языка – как творческие, так и рядовые – в этом плане изучены мало (проанализированы лишь особенности метатекстовых вводно-модальных элементов и кавычек в научных работах В.В. Виноградова [Федорченко 2002]). Первые шаги в описании индивидуальных особенностей МЯС рядовых говорящих также сделаны диалектологами. Л.В. Сахарным и О.Д. Орловой рассматривалась специфика семантизации слов у нескольких представителей Акчимского говора [Сахарный, Орлова 1969]. В.Д. Лютиковой выделены с привлечением большого иллюстративного материала тематические области языковой рефлексии у В.М. Петуховой из Курганской области [Лютикова 1999, с. 91–110]; А.Н. Ростовой охарактеризованы яркие черты индивидуальной метаречевой деятельности

нескольких информантов на фоне однородной социально-возрастной группы носителей традиционных сибирских говоров среднеобского бассейна. [Ростова 2000, с. 170–173].

Представителями Томской диалектологической школы в рамках проекта комплексного исследования диалектной ЯЛ с 80-х гг. XX века ведётся планомерное лингвоперсонологическое описание её доминантных черт, в число которых входит и метаязыковое сознание (см. [Крапивец 1999; Иванцова 2002б, 2009]). Имеющиеся в распоряжении томских русистов материалы позволяют детально и полно охарактеризовать МЯС отдельного индивида как представителя ряда сообществ – коллектива носителей русского языка, рядовых говорящих, диалектоносителя, человека старшего поколения и др. – и в то же время наметить индивидуальные черты реализации описываемого феномена.

Данные обширного архива записей речи В.П. Вершининой свидетельствуют: речь информанта обычно спонтанна, проявления метаязыковой рефлексии в ней достаточно редки. Тем самым отчасти подтверждается тезис Л.В. Щербы о том, что «сознательность обыденной разговорной (диалогической) речи в общем стремится к нулю» [Щерба 1974, с. 25]. В то же время «стремление к нулю» не означает полного отсутствия рефлективного начала в непринуждённой речи. Разнообразные проявления МЯС нечастотны, но регулярны в обыденной речи индивида – не только при общении с собирателями, но и родственниками, односельчанами, в том числе и в отсутствие диалектологов. При этом некоторые виды рефлексии над речью встречаются исключительно в неспровоцированных высказываниях. Коррелируют с этими наблюдениями подсчёты, осуществленные А.Н. Ростовой. По её данным, в дискурсе В.П. на 180 страниц текста («плотность» записи – 260 словоупотреблений на странице) приходится всего 12 метатекстов, из которых 4 спровоцированы собирателем, а 8 заданы естественными условиями общения [Ростова, 2000, с.

57]. Приведённые цифры подтверждают как низкую встречаемость показаний МЯС в спонтанной речи диалектоносителя (ср.: в условиях лингвистического эксперимента доля метатекстовых конструкций составляет 25–34% [Калиткина 1990, с. 9]), так и кратное преобладание нестимулированных проявлений речевой рефлексии над стимулированными.

Способы экспликации МЯС в дискурсе говорящего индивида могут быть различными.

Самые яркие случаи его реализации – так называемые «показания метаязыкового сознания» – наиболее изучены в лингвистике. Под ними понимаются «…вербализованные суждения о языке как результат осознания языковой действительности» [Ростова 2000, с. 55]. Уточняя термин, обозначим эти суждения как явные показания МЯС. Они отражаются в метатекстах – высказываниях, содержащих суждения говорящего о языке. Маркёрами явных показаний МЯС в тексте служат глаголы речи (звать, говорить, называть, называться, сказать). В высказывании также обычно присутствует указание на субъект речи, выраженное местоимением, прилагательным или нарицательным существительным (я, мы, все, никто, некоторые, прие'зжи, пожилы', старики и т.п.) либо антропонимом. Возможна как нейтральная констатация какого-л. языкового факта, так и его оценка.

Какие же свойства, области и элементы речи отражаются в явных показаниях МЯС диалектоносителя?

I. В дискурсе информанта находят осмысление основные правила речевой деятельности, значимые для говорящего[1].

Находит выражение в текстах информанта такое правило, как вежливость: Как-то люди негра'мотны были [раньше], а ве'жливы, хоро'ши; А я говорю: "А чё пошла-то? Иди, говорю, чай пить пойдём, иди чай пить!" – "Нет, не хочу, не хочу. Спасибо,

[1] Отмеченнные у информанта правила речевой деятельности выделены в [Бойкова 1988, с. 12–13, Формановская 1989, с. 18–24].

спасибо, уж извините, извините…" – так-то она ве'жлива; Он вчара' пришёл… как он? [Изображает:] "Дай денег на пачку папирос!" – от так от, ты как-нибудь повежливей бы сказал бы. А то прям заревут как с полки упадут.

Вежливость в оценке информанта связана прежде всего с различными формами проявления речевого этикета. В связи с этим подлежит оценке не только тональность высказывания, но и употребление этикетных формул, местоимений "ты" и "вы", бранной лексики.

Среди многочисленных формул речевого этикета, зафиксированных в дискурсе информанта, наиболее важными являются формулы приветствия, прощания и благодарности, всегда попадающие в зону МЯС: Ну он как вроде, Юра так тут сидел – даже "до свидания" не сказал, встал и пошёл; И от она придёт, я ей чёнибудь дам – она никода' не говорит ни "царьство небе'сно", ничё, [в]станет и пойдёт. ~ Ну она ненорма'льна. Больна'.

Частое употребление грубой брани некоторыми односельчанами подлежит осуждению: А она и сама ничё, с кулаками налететь может. В общем, нехоро'ша семья. Этот Андрей матерится прям так, ругается, ой, ши'бко ругается. У нас вот Колька матерится, но уж как-то не так. Где они всё берут-то, свы'ворот-навы'ворот, да вся'ко-ра'зно. Особенно негативно бранная лексика воспринимается в отношениях между детьми и родителями: А свой мальчик, четыре года от ему было… Четыре в августе… отца зовёт «милиционер вонючий». ~ Я говорю: "Ну, раз бы его по губам-то, вот такого-то надо, можно ешо бахать"; Меня бы от назвал бы Миша [сын] бы так, например, как он и мать называ'т вс'яко: "Ты проститутка и така' и сяка'…", а меня бы назвал бы, я бы чё, я поди помешалась бы. Резко осуждается использование нецензурной брани в женской речи: Ой, как она его материла! Мужики так, Александра Степановна, не выражаются, как она; И как-то уме'т прям [ругаться], как мужики!

Важным для ЯЛ является правило предпочтения слушания перед всеми другими видами деятельности, когда ради разговора с уважаемым гостем прерываются дела: А я не люблю, когда на меня внимания, думаю, не обраща'т [хозяйка], пером занялась, дак… как… как мешаю я. Я собираюсь сразу. Она: "Сиди, да сиди". Я говорю: "Не хочу". Ну я всё равно посидела бы, если бы она перо не резала бы; Сама перо режет. А я не люблю, кода' кто у меня есь, я ничё не делаю. Ей-богу.

Этикетными нормами обусловлено и речевое поведение, в котором синтезируется ряд правил речевой деятельности: не сообщай неприятного для слушателя; говори согласно норме и как принято: Села с ей [односельчанкой]. Сижу. А идёт Коля Борин: "Ну как, ба'ушки, здоровье-то?" А я говорю: "Во!" [жест: отогнут большой палец]. А она: "Ой, ты чё это? Неужели ты така' здоро'ва? А я дак не могу". Я говорю: "А ну чё я скажу? Ну я болею, больна' я. А что он мне скажет, здоровье принесёт ли чё? Кого там! Я, говорю, сама насилу хожу".

2. Метаязыковое сознание личности отражает ее отношение к своей речи, к той форме языка, которой она владеет.

В.П. свойственно представление о диалекте как низшей, «некультурной» форме речи по отношению к литературному языку. Диалектная норма характеризуется как использование слова «в простонародье», оценивается как «неправильная» и противопоставляется «грамотной» речи: Скажем: "си'вер". Гра'мотны люди назовут "северный ветер", а мы же неправильно называ'м: "си'вер". "Сёдня си'вер".

Негативное отношение к диалектной форме языка, типичное для многих жителей села, в сознании информанта усугубляется, проявляясь в виде выраженных комплексов. Красоты и богатства своего языка диалектоносительница не осознает, но ею твёрдо усвоено внушённое сыном (единственным, любимым и рано погибшим) мнение о неграмотности, «ущербности» своей речи: Мы и говорим-то неправильно, раз мы негра'мотны. Она стесняется писать письма, особенно образованным людям: Разобрать-то

можно, ну… ху'до. Я стыдю'сь; А счас от она прислала открытку – ну ей надо ответ хоть написать бы. ~ А это… я стесняюсь. ~ Думаю: о'споди! Говорим неправильно, и то… А тут и вовсе. В письме-то ху'до; Я хотела открыточку, дак я ху'до пишу-то, кого, там будут смеяться надо мной; не любит слушать воспроизведения своей речи на магнитофоне. В то же время в МЯС информанта живёт представление о единой общерусской основе говора и литературного языка: Он раньше мале'нько покручивал. [Это что значит?] Ну, такой головорез. Ну, бойкий, развитый. По ходу речи-то мы понима'м друг друга. В метатекстах можно найти и следы представлений о норме говора как правильной, естественной – но только на фоне речи переселенцев, носителей других языков: Мы зовём «пла'стики» [солёной капусты], а она [украинка] «пилю'шки». Мы смеёмся, на' смех зовём «пилю'шки».

3. Наиболее разнообразны показания МЯС, связанные с лексическим ярусом языка.

В дискурсе В.П. очень широко представлены метаязыковые высказывания, отражающие осмысление характера именования лиц – как в обращении, так и при заочном назывании.

В большинстве показаний МЯС диалектоносителя оценивается выбор именования, связанный с нормативностью или ненормативностью употребления формы имени собственного или термина родства в реальных речевых ситуациях. Комментируется неточное употребление формы именования: его искажение (Аксинья, а он гыт «Апроси'нья». Я хохочу, пошто'-то смешно показалось), замена паспортного имени (Была я у Агани. У Аганьки, они её Анькой зовут, а я Аганькой), неточный, приблизительный характер именования и родственных отношений (А сватья-то говорит, что "Я тебе за всё заплачу' ". Анина мать [Аня – жена племянника] я сватьей зову; Тётка, родна' тётка, материна сестра ~. А Вовка [её племянник] зовёт "ба'ушка" её).

Показания МЯС фиксируют также отклонения от нормы называния при выборе формы имени, не соответствующей статусу

именуемого. При этом определяющими являются возрастные параметры, часто осложняемые ролевыми. Отмечается называние взрослого неполным, "детским" именем (Это меня в детстве… И меня Василий [брат], пока не умер, всё Веру'нькой звал – так привык, и Верунькой звали) и невзрослого полным именем ("Сергей", – всё зову Сергеем его [подростка, сына племянника], ага, я говорю: "Сергей, ты меня свози туды' "), называние старшего с позиций ровесника, по имени

(Дуня'ха – они её Дуня'хой звали, не «тётка», а «тётя Дуся» бы звали, а то… «Дуня'ха») и ровесника

с позиций младшего (А сам, как пригонит коров, так бежит [за вином]: "Пошёл до тёти Поли". [Усмехается:] "До тёти Поли" – сам чуть не с ей одного'док), выбор ребёнком нетипичной для него «взрослой» формы обращения (Не «тётя», не «ба'ушка» – ну тода'-то кака' баушка, молода' ешо была – [ребёнок сказал:] "У Вере Прокофьевне каки' светы' хоро'ши свету'т!" Ага. Я говорю, прям подивилась даже. Ну надо же такого, ребёночек маленькый, ну сказал «тётя Вера» ли кто ли, а он… ну, люди называют, и он…)

МЯС отражает в качестве отклонения от нормы называние чужого человека как родственника (Катя, итодвинь! Я как свою дочку: «Катя, Катя») и родственника как чужого человека (И её не зовёт никак [зять тёщу]. «Тётя Валя» кода' называ'т), нарушение уважительных форм именования (Старушонка-то не приехала? Я-то старушонкой зову её!; Ольга мне говорила: "Отец мне говорит… – она «отец» да «мать» зовёт; Он: "Мы сами расколем [дрова], Генка да я", – он не зовёт «Гена»-то, Коля-то; Я её зову «Нина Васильевна». Ну не буду я звать «Лабу'жиха», как люди. Мне неудобно).

В показаниях МЯС фиксируется также вариативность узуальной нормы именования. В высказываниях В.П. часто фиксируются возможные варианты называния человека, реально функци-

онирующие в семейном кругу или коллективе односельчан: Я говорю: "А у тебя как…" – Санёшкой звали её, Шурой звали и Лекса'ндрой – я её Санёшкой. Я: "У тебя, Санёшка, ноги не мёрзнут?"; Он ему звонил. А это… как её… говорит: "Илюха зво'нит… И'льша зво'нит", «Илюха» ли он… [назвал]. Говорит: "Приходи, попьём мале'нько!"; [Передаёт речь мужа сестры:] "Уснули. Слушаю, гыт – она пошла на ведро. А я говорю…" – там «мать», ли как она, «ба'ушка», ли «Прокофьевна» – он её тоже «Прокофьевна» называ'т, и «мать», и «ба'ушка" – вся'ко. "Сколько, гыт, время-то?".

Отражена также смена нормы называния, связанная как с изменением социально-возрастных отношений (Гыт, "выгнала меня тётя Вера". «Баба Вера» ешо зовёт теперь [племянник, поскольку В.П. сильно постарела]), так и с устареванием одного из дублетов (А… мы тятей звали раньше, отцов-то, «мама» да «тятя») Отметим, что переход слова «тятя» в пассивный запас для средней и младшей возрастной группы носителей говора постоянно комментируется и другими пожилыми вершининцами.

Кроме того, в МЯС информанта отражена квалификация имен как широко распространённых и редко встречающихся, модных и немодных. При этом отрицательно оцениваются редкие, труднопроизносимые имена, не одобряется тенденция к называнию детей малораспространёнными именами, употреблявшимися в прошлом, а также наречение детей именами родителей или тождественными именами: И так прямо много всяких имя'н. «Анна» дак вовсе много. А Ива'нов, дак я не знаю, прям ши'бко много. А тут таки' имена, дак даже я выговорить не могу. [У вас тоже были: Селифон…] Селифон. Селифон Иваныч был, надо же! А Еро'пия была, Николаевна – у этого… у Степана тётка. А потом… кто, Еропия Николаевна, Кирилла Николаевич, ну это тоже чеча'с дают Кириллом, а раньше-то… Я не люблю [это имя]. Кирилла Николаевич, Данила Николаевич, Опе'н Николаевич, Мирон Николаевич – от сколько таки', Никанор Иваныч – это сродный

и'хний, Макар – это всё и'хна родня была. Нет, у нас таких не было имён. Ну, Прокофий, правда [звали отца В.П.] – оно тоже како'-то немо'дно имя тако'. [Коля хотел так внука назвать.] Ага. Я говорю: "О'споди, зачем?"; Дак тоже, а у их дети – Христи'ня да Никита. Я говорю: имена-то каки' дают! Худы'; У нас у Люды муж Толя, они сын родился, они тоже Толей дали, Анатолий Нато'льич. Ни к чему; Две Анны дали – неужели имено'в больше нет?

Негативно оценивается языковой личностью фоника имён Кирилл, Вера, Дарья, Данила: Я говорю: "Не могли меня [назвать] – там Вера, Надежда, Любовь. Надя бы назвали, ли Люба. Мне не гля'нется [имя «Вера»]. Теперь мало дают. Ста'ры имена мало дают; «Даша» дак кажется ласково, а как «Дарья», так кажется грубовато; Данилой назвали ~. А это… Я говорю: "Хрести'ть хоче… хо'чете, – говорю, – это? А мне не гля'нется ваше имя". ~ Я говорю: "Ну, хоть как-нибудь бы дали. Кирилл бы

дали, и то бы лучче".

Важные данные о семантической характеристике нелитературного слова поставляют сформулированные диалектоносителем толкования значений.

В диалектологии уже была сделана попытка соотнести способы толкования значения с индивидуальными особенностями ЯЛ. Проведённое Л.В. Сахарным и О.Д. Орловой сопоставление наиболее распространённых способов семантизации у четырёх носителей Акчимского говора показало, что у каждого из них есть свои предпочтительные приёмы толкования лексем [Сахарный, Орлова 1969]. Аналогичный вывод можно сделать в отношении нашего информанта. У В.П. излюбленными способами определения лексического значения являются описательный (описательно-логический и собственно описательный) и комбинированный (наиболее распространённый – комбинация описательного и эпидигматического способов).

Метатексты с толкованием значений слов обычно спровоцированы прямым вопросом собирателя либо собственным намерением говорящего пояснить собеседнику – молодому горожанину – непонятное слово. В речи информанта встретились также отдельные показания МЯС о значении слов, зафиксированные в непринуждённых условиях общения. Своеобразные «лингвистические дискуссии» с родственниками и односельчанами раскрывают несовпадения в осмыслении значения лексемы и употребления лексических единиц у носителей одного говора:

М.А. [односельчанка, ровесница информанта] Насадила за баней боро'зку. От така' будет – как от меня и до боро'зки, от така'. Боγа'та така', то'лста. В.П. Гряда. М.А. Ну, борозка больша'. В.П. Грядка. Я шшытаю, бороздки таки' [узкие];

В.П. Вазу расколотили там. А. [жена племянника, односельчанка, некоренная] Это не ваза, стакан. В.П. Чё с его, пить? «Стакан», ваза! Всё равно светы' ставить в его, чё из его, пить? ~ Мне кажется, ваза это;

[Что такое «пря'сло» у забора?] В.П. Вот прясло тако', жерьди кладёшь… Н.Н. [племянник, односельчанин] Они не прибиты. [Какие жерди?] В.П. А вот эти до'лги палки. Н.Н. Ну вон, реше'тины. В.П. Это столбики, а вот так-то [поперёк] прибиваются «жерьди» называются. Н.Н. Реше'тины. В.П. Жерьди ведь зовут-то? Н.Н. В лесу жерьди, а кода' прибил, уже реше'тины. В.П. Всё равно жерьди. Н.Н. На крышу вот ло'жишь жерьди. В.П. Жердь, а так «реше'тина» называют.

Осмысление особенностей нормативного словоупотребления в некоторых показаниях МЯС выражается через оценку отклонения от нормы. Отмечается смешение референтных сфер при назывании (Морози'на-то какой на улице. А градусов много, восемь, девятый, полдевятого… «полдевятого» говорю! Как на часы); избыточность словесного выражения ("А я хотела тебя попросить, чтобы ты дала Володе двадцать тысяч рублей". «Руб-

лей» – пишет так); искажённое вопроизведение звуковой оболочки неологизмов, где информантом осознаётся неправильность формы новых единиц в его лексиконе: (А ей врачи сказали, у ей эти гиглоби'ны-то, я их называю неправильно, не могу я выговорить… Как их правильно?)

4. Реже, чем лексический, осмысляется фонетический ярус языка.

Диалектоносителем осознаётся отличие своего говора от говора соседней деревни прежде всего в произношении: В Бату'риной с Вершининой совсем ра'зны… Речь-то ра'зна. [Чем отличается?] Ну чем, по-другому же говорят, совсем по-другому. [Словами или как произносят?] Не-ет, так произносят, речь-то. [А слова те же?] Ну дак… Ну чё надо сказать – ну «Катя», дак я тебя назову "Матрёна"? Так и говорят.

Комментируются особенности выразительного произношения, часто используемого эмфатического ударения у некоторых людей: Кто меня звала в гости-то? Ну как-то говорит прямо это… с прижи'мом как-то так: "Приезжай! Приезжай!" Ли "приходи!" скажет, "приходи!" – как-то ит души, с прижи'мом, так от говорят. Это и Мотя тоже любит это говорить. С прижи'мом.

Отмечается убыстрённый темп и неразборчивость произношения: А у нас Аня говорит – ты её хорошо понимаешь? Она другой раз говорит, да как-то часто [быстро], я её недослышу, не пойму её; Обрашается внимание на необычность, странность произносительной манеры говорящего: Говорил чудно', кото'ры передразнивают прям… чудно' говорил… [Пытается воспроизвести:] "Ребята! я… почту…" – мне не выговорить так – "почту я потерял" – чудно' говорил. Его все передразнивали так. "По-очту"… Не выговорить, не передразнить. Вот кото'ры дак умеют точно передразнивать так, как он говорил: "Почыты… почыту-у" – от так… "Почту я потерял".

5. В отдельных случаях диалектоносительницей осознаётся различие в написании (связанное с произношением) в говоре и

литературном языке: А позавчара' Дими'трев день был, а я говорю: "От я бы стала…" – в календаре там, в чи'сленнике: дэ… дэмэ, сразу. А я говорю: "А от я бы, – Вале говорю, – а я бы стала писать: дэ–и–ми… тода' бы. А я бы, говорю, так стала писать. А там: дэ, мэ сразу".

6. Развёрнутые суждения, непосредственно связанные с осмыслением грамматического яруса языка, у диалектоносителя единичны. Отчасти затрагивает грамматику лишь иронический комментарий к слову ребёнки как отклонению от нормы образования супплетивной формы множественного числа «ребёнок / дети»: Мотя-то: "Все ребёнки у меня хоро'ши". Не «дети» назвала, а «ребёнки». Кто так называ'т, "ребёнки"? Ребёнки… жеребёнки.

Наряду с явными случаями реализации МЯС, отражающимися в метатекстах, оно существует и в скрытых, менее ярко выраженных формах. Скрытые показания МЯС, в отличие от явных, возможны только в условиях естественного, спонтанного говорения; они не реализуются в виде развёрнутых суждений о языке, хотя и отражают представления говорящего о нём. Способами их экспликации в речи диалектоносителя являются прежде всего фонетические средства (интонация, понижение тона голоса; особенности произнесения отдельных звуков), а также смех, мимика и жесты, отбор лексических единиц, эвфемистические замены, фигура умолчания, формулы извинения при употреблении грубых слов, маркеры неуверенности ли как ли, ли как, ли чё ли, как его и т.п.

Области рефлексии в скрытых показаниях МЯС частично совпадают с явными.

Наиболее типичной является рефлексия в сфере лексических явлений.

Оцениваются отклонения от нормы при воспроизведении формы слова. Чаще всего МЯС активизируется при использова-

нии говорящим лексики пассивного запаса: недостаточно освоенных неологизмов: Да чё-то я не знаю, признали каку'-то му… муню' ли кого ли… [смеётся]. А ничё, гыт, это ничё, гыт, нету, гыт. Му… мумуню' како'-то [смеётся]. [Миому?] Миому! А я «муню'» (словосочетание ли кого ли и смех указывают на то, что В.П. осознаёт неосвоенность ею нового слова); От деколо'н у меня, от «звёздочка», вот тут это… как её? ба… ба… байза'м [смеётся]. Показателями скрытых проявлений МЯС в таких контекстах являются маркёры неуверенности ли как ли, ли как, ли чё ли, как его и т.п., а также смех, усмешка как реакция на осознание искажения.

Оценка точности вопроизведения звуковой оболочки слова может быть связана и с лексикой активного словарного запаса говорящего при оговорках. Исправляются окказиональные контаминации близких по звуковой оболочке слов: Сколь там долготня'? [Со смехом:] «Долготня»! – долгота дня. Долготня [повторяет забавное слово ещё несколько раз]; Физа в больнице, у ей грыжа прогрызла в пах. Она с палочкой ~ и вот это… прогрызла у ей в пах, а в одне'м правом боху'… боку была [усмехается], в паху-боху', а счас в левом опе'ть прогрызла; оговорки при искажении формы имени: [А у второго сына нет ребёнка?] У Оле'ги нет. – "У Оле'ги нет!" У Олежки нет. Все высказывания с оговорками строятся однотипно (оговорка + её повтор с характерной интонацией, близкой к иронической, + факультативно возможное «говорю») и обычно сопровождаются смехом. Оценка сочетается с коррекцией оговорки.

Другая группа скрытых показаний МЯС связана с оценкой нарушения нормы при выборе лексической единицы. Эту значительную по количеству высказываний группу проявлений МЯС составляют оговорки, в которых нарушается референтная отнесённость наименований. В подобных высказываниях представлена как нарицательная лексика (От овца скоро отели… ягнится,

наверно. [Шутливо:] «Отелится»!; Стакан перцу… «стакан»! Килограмм перцу покупала, сказала она, болгарского), так и антропонимы (А это… она вышла вза'муж, эта Лида… «Лида» говорю! Лариса. Лариска её зовут. Средства выражения МЯС в этих случаях совпадают с оговорками, рассмотренными выше, за одним исключением: референтные оговорки не сопровождаются смехом.

Оценка соблюдения этикетных норм употребления слова также используется информантом только в сочетании с коррекцией. Корректирующими средствами можут служить:

– эллипсис ненормативного элемента. Нередки у В.П. высказывания с фигурой умолчания, когда информант предпочитает опускать нежелательное слово или заменять его жестом: Курочка-то в гнезде, а яичко… [не договаривает]. [Какая это поговорка?] Матерши'нна; А те ничё живут [жест: ладонью рисует округляющийся живот – "жена беременна"]. Не знаю, кода' будет-то [рожать];

– замена стилистически ненормативного элемента на нормативный: А Карташи'ха… Карташова не уехала? (корректируется использование прозвища в обстановке официального общения с соцработником);

– замещение ненормативного элемента эвфемизмом: [Изображая:] "Дак фамилия-то, я Вершинин, а ты чё тут написала, каку' таку'-то мать?";

– формула извинения. Ею обычно сопровождается грубая, бранная лексика в адрес людей и негативная информация о покойных: Пошто' он ей писал-то? Чёрт его знат, не знаю, прости ты меня, о'споди, грешницу: мёртвого обозвала.

Встречается также оценка нетипичного для субъекта речи словоупотребления: Всё состряпали. Шарику после… [шутит:] посля' уж (диалектный вариант посля' широко распространён на территории среднеобских говоров, но не характерен для В.П.); А чёто пожили-пожили и всё это… разошлись. [Ирон.:] Разбежались

(диалектно-просторечное разбежаться "перестать жить семьёй" употребляется, как правило, только в речи младшего и среднего поколения). Средством оформления таких высказываний является шутливая интонация. Здесь мы также наблюдаем корректировку высказывания, но при коррекции нормативный для данного говорящего элемент заменяется ненормативным с целью создания шутки, языковой игры. Эти примеры аналогичны широко представленным у носителей литературного языка случаям шутливо-иронического употребления нелитературных элементов [ср.: Опыт описания… 1989, с. 156; Девятайкин,1989, с. 60].

Область грамматики отражается при оценке оговорок с отклонениями в образовании грамматических форм: [Кошке:] Брысь! Две рыбки сожрал, ешо просит. Сожрала – «сожрал» говорю!; А.Н. А здоровье мы сами должны беречь. В.П. Да годы', годы'! Года подошли, «годы'»! [смеётся]) и в единичных примерах оценки нарушения норм при выборе грамматической формы слова: Л.И. Дядя Серёжа её звать. В.П. «Её»! Л.И. Его, уже за собой не слежу (показателем оценки ненормативного словоупотребления выступает интонация).

Фонетический ярус языка представлен в скрытых показаниях МЯС, имитирующих звучащую речь реальных индивидов и отдельные звуки, исходящие от людей и неодушевленных предметов.

Имитация чужой речи передаёт отклонения от норм стандартного произношения (Голова у меня болит. [Изображает:] "Го-wo-ва". Иван Хромой: "Гowова". Так у меня голова), а также подражание фонетическим особенностям чьей-л. речи: А это, я говорю: "Поди, купила [горбушу]?" [Изображая, говорит громко, отрывисто:] "А чё? – я говорить ши'бко не могу, а реву! – А чё? Неужели это… хочу ись, да отказывать себе?"

Во многом общую природу с подражанием чужой речи имеет звукоподражание. Звукоподражательные междометия у В.П.

очень многочисленны и разнообразны; имитируются звуки, издаваемые не только человеком, но и предметами: "Захрыпе'ла чё-то. Я, гыт, говорю: "Мать, мать!" А она: "Ва-ва-ва-ва…" – она уж всё… умерла"; Ну в обшэм, она четыре ли пять ли стопок – "бо-бо-бо!" – бутылку она выпила у меня; И на сосну де-то залетел и тут-ка на железя'гу на трубу, всю ночь буксовал, тут сидел. "Ты-ры'-тыры'-тыры'!". Исследователи отмечают, что широкое использование ономатопеи, когда говорящий как бы отождествляет себя со звучащим предметом, свойственно детям и лицам с низким уровнем образования и является одной из черт портрета ЯЛ [Дьяков 1994, с. 47; Гольдин 2000, с. 61].

Кроме рассмотренных выше случаев, в речи диалектоносителя также имеется большая группа высказываний, в которых способом отражения представлений субъекта о языке и речи является комплексная имитация чьих-либо речевых особенностей на фонетическом, лексическом, грамматическом, текстовом и отчасти невербальном уровне. В дискурсе В.П. широко имитируется речь родственников, односельчан, знакомых – взрослых и детей младшего дошкольного возраста.

Имитация чужой речи представляет собой высказывания, близкие к реально произнесённым в конкретной речевой ситуации или типичные в содержательном плане для конкретной ЯЛ. МЯС позволяет отбирать при передаче чужих высказываний лексику, соответствующую социальным и индивидуальным особенностям речи других людей, не совпадающую с нормами словоупотребления самой В.П. Для них также характерна передача особенностей тембра, темпа речи, громкости голоса, интонации, иногда в сочетании с передачей жестов, мимики, позы говорящего. Таким образом, создается представление о целостном речевом портрете изображаемого лица: Ну я пошла [со студентами к соседке]. А там известно, Катерина Васильевна [изображая, говорит очень быстро, оживлённо жестикулируя:] "От, два сына

по'мерло схоронила – всё говорила, говорила – как машиной задавило…" – ну им неинтересно (воссоздаются типичные для данного индивида тема раговора, быстрый темп речи, жестикуляция); Его одного оставляла. Да Клавде'юшка раз пошла [изображает]: "Ты ча там, ошшеле'ла, ли ча ли? Парнишка-то зарёвыватся" (при передаче речи пожилой односельчанки используется уже устаревший в говоре вариант ча; в своей речи В.П. произносит только чё; имитирует тембр и интонацию); А Де'на-то невзлюбил. Она там [жена в гостях] долго пробыла, он [изображает, грубо]: "Наела там морду! Наела морду!" (воспроизводится низкий мужской голос, отрывистость произношения, грубый тон и сниженная лексика).

Достаточно достоверно передаётся и детская речь: А он это, заходит и говорит: "Папа?" [на фотографии]. Я говорю: "Нет, это дядя Миша". – "Мися? Мися?" Я говорю: "Зови дядя Миша". – "Мися!" А потом на меня говорит: "Ве'я?" Я говорю: "Зови баба Вера". – "Вея! Кофе'тки дай, кофе'тки!"; А Анька так тут, и я, он [изображает, как бы указывая рукой поочерёдно]: "Баба Вея, баба Аня, баба Вея, баба Аня!" – от так как-то: "Баба Аня, баба Вея, баба Аня, баба Вея" [усмехается] разгова'риват; У нас вот рядом, чё, я не хвалю, Колькины ребятишки. Придут Елена раньше ма'ленька была, дак: "В магазин пошля" – по ковру идёт: "Кольбасы килогля'м взвешайте" – ма'ленька была, ничё не лезла. Ну е'ти, ну е'ти! При имитации речи маленьких детей не произносится или заменяется на [j] или [л] звук [р] (Вея, хооса, килоглям), смягчаются некоторые твёрдые согласные (пошля, банани, обижял, кольбасы, грюшку), шипящие меняются на свистящие (Мися), упрощаются сочетания согласных (кофетки, дрястуй), передаются отдельные элементы лексики (тётенька), синтаксиса (неполные, эллиптические предложения) и жесты ребёнка.

Представляется, что в основе всех случаев имитации так же, как и в других формах проявления скрытых показаний МЯС, ле-

жит аналитическая или эмоциональная оценка: оценивается своеобразие произношения звуков, индивидуальность интонационного рисунка фразы, лексический состав чужого высказывания и т.п., а на основе этой оценки строится подражание. Имитирование чужой речи тоже связано с представлением говорящего о норме: в подобных высказываниях отражены, с одной стороны, индивидуальные варианты узуальной нормы, с другой стороны – ненормативные, с точки зрения информанта, особенности речевого поведения конкретных лиц.

Таким образом, для исследуемой ЯЛ характерно низкочастотное, но регулярное осмысление особенностей своей и чужой речи в естественных условиях общения.

Метаязыковое сознание диалектоносителя относится к сфере обыденного сознания, для которого типичны неполнота и неоднородность, отсутствие строгой системы при отражении лингвистических сведений (в отличие от систематизированного, относительно полного научного сознания) [Белобородов 1987]. Обыденное МЯС «…фиксирует только некоторые характерные черты языковой структуры и языковой деятельности, значимые для данной культуры и подлежащие нормированию» [Ромашко 1987, с. 42].

Отметим прагматическую ориентированность МЯС информанта. Осмыслению подлежит прежде всего то, что необходимо для успешной коммуникации. В связи с этим отношение диалектоносителя к вопросам лингвистов, стимулирующим проявление метаязыковой рефлексии, резко дифференцировалось в зависимости от характера выясняемой информации. Охотно комментировались крестьянкой только те языковые явления, которые, по мнению диалектоносителя, неизвестны собеседникам (толкование устаревших и собственно диалектных слов, описание семантики слов, связанных с реалиями старого быта, терминологии традиционных промыслов и т.п.), а следовательно, коммуникативно значимы. Вопросы о семантизации обыденной лексики, мотивационных отношениях лексических единиц, признаках

культурных концептов и т.п. воспринимались негативно, ответы в таких случаях были предельно краткими или непределёнными, отвечающий стремился перевести разговор на другую тему. Ср.: В Бату'рино продавали, суды' привезут. Ла'дки, кринки, горшки, корчаги. [Чем ладка отличается от горшка?] Ну, вот така'. Как бы тебе сказать, как кастрюля бы счас, то'ко без крышки, вот таки'. Ставят в ладке прямо на стол [драчёну]; Прок'осок? А косишь-то когда. Видывали? Косой косют, только ряд тут травы получа'тся, а тут на выкошенное кладёшь кучки; [Когда больные лёгкие у человека, как его называют?] А то вы не зна'те! Ну туберкулёзный.

Закономерным следствием прагматической направленности метаязыковой рефлексии индивида является её сосредоточение на вопросах нормативности. Соблюдение речевых норм как частного случая проявления поведенческих норм, принятых в обществе, значимо для любой личности, а для диалектной – в особенности. С одной стороны, оно способствует осуществлению успешной речевой коммуникации. С другой стороны, осознание единых для своего коллектива норм содействует укреплению социальных связей говорящих. В деревенском сообществе в силу ряда внеязыковых причин (незначительный объём сообщества, слабая социальная дифференциация внутри него, высокая частотность тесных контактов, традиционный образ жизни, неофициальный характер общения, архаические следы общинного уклада жизни крестьянства) чувство общности индивида с социумом выражается значительно ярче, чем в городской среде. Единство коллектива и составляющих его языковых личностей, их «невыделенность» из деревенского социума [Никитина 1989; Пауфошима, 1989] проявляется прежде всего в осознании общих для своего коллектива языковых норм. Метаязыковым сознанием отмечаются как речевые отклонения от нормы, так и – несколько реже – их соблюдение. При этом язык осознается В.П. как "макромир", независимый от говорящего (по А.Н. Ростовой [Ростова 2000]): рефлексия направлена главным образом на реализацию

коллективных норм, гораздо реже – на осмысление собственной, индивидуальной нормы.

Обыденное МЯС затрагивает разные уровни языка. С.Е. Никитина утверждает, что «…рефлексии подвергается прежде всего фонетика… Морфология и синтаксис становятся предметом осознания значительно реже» [Никитина 1993, с. 20]. Анализ дискурса В.П. Вершининой, в целом подтверждая этот вывод, позволяет несколько скорректировать его: грамматический ярус языка действительно находится на периферии МЯС рядового говорящего; вместе с тем к главным областям языковой рефлексии относятся не только фонетические, но и лексические явления. Сведения о лексике представлены в показаниях МЯС наиболее полно и разнообразно: метатексты могут отражать представление говорящего о наличии слова в говоре, его форме, семантике, стилевой окрашенности и коннотации, давать информацию о системных отношениях единиц лексикона, их сочетаемости, происхождении, традиционности или новизне, частотности, о носителях языковой нормы, характере выбора номинативной единицы и т.д. Примеры осознания орфографических и грамматических явлений в бесписьменной культуре единичны. При этом в центре осмысления языковых норм информанта надходятся нормы в сфере речевого этикета: правила ведения речи, способы именования лиц, этикетное употребление личных местоимений, речевых формул вежливости, использование сниженной лексики и т.д. Видимо, важность соблюдения этикетных норм речи определяется переплетением в них собственно языковых и этических правил поведения.

Метаязыковое сознание личности реализуется в разных формах – от явных до скрытых, от развернутых суждений о языке до косвенных маркеров (чаще невербальных) восприятия и оценки особенностей своей и чужой речи. Объединяет их общий объект осмысления – речь. В то же время каждая из этих форм связана с набором типичных речевых ситуаций и имеет особые средства

выражения. Явные показания МЯС могут быть как спровоцированы лингвистом, так инициированы самим говорящим, скрытые характерны только для спонтанной речи. Они менее разнообразны, но более частотны в естественных условиях говорения. Степень выраженности рефлективного начала в проявлениях МЯС разных типов различна: одни из них стоят ближе к поверхностному уровню экспликации языкового сознания, а другие близки к глубинному уровню или находятся на грани с ним. Таким образом, языковое сознание говорящего представляет собой градуированную систему – от подсознательных ко все более четко осознаваемым и все более ясно выражаемым языковыми средствами случаям со множеством пограничных явлений.

Для МЯС В.П. Вершининой характерна высокая степень конкретности. Обобщённые оценки свойств языка и слова, развернутые суждения о них в речи информанта отсутствуют (отметим кстати, что существительные слово, язык и речь низкочастотны в идиолексиконе), число паремий на тему речи незначительно. Рефлексии подвергаются обычно только конкретные лексические единицы, речевые особенности известных говорящему людей.

Квалификация описанных выше проявлений МЯС в качестве общеязыковых, общерусских, диалектных или сугубо индивидуальных чрезвычайно сложна в связи с недостаточностью равноценного по объёму и методам наблюдения сопоставительного материала. Можно предполагать, что формы экспликации МЯС в виде явных и скрытых показаний присущи всем говорящим. Характерный для диалектной языковой личности круг основных областей языковой рефлексии (правила речевой деятельности, лексика, фонетика, грамматика) и сосредоточенность на оценке нормативности лексических и фонетических явлений, думается, типичны для рядового носителя языка вообще. Набор частных объектов метаязыкового осмысления определяется как принадлежностью личности к тому или иному социолингвистическому типу (носитель литературного языка, городского просторечия или го-

вора, представитель младшего, среднего или старшего поколения, мужчина или женщина и т.п.), так и индивидуальными склонностями говорящего.

Многие индивидуальные черты МЯС данной личности являются, по существу, более резко выраженными особенностями языковой рефлексии коллектива. представителем которого является говорящий. Этот тезис можно отнести и к негативной оценке своей речи (свойственной в целом жителям села), и к затрудненному осознанию мотивационных связей слов (характерному для диалектоносителей преклонного возраста [Ростова 2000, с. 170]).

Собственно индивидуальными особенностями исследуемого индивида, видимо, следует считать преобладание показаний метаязыкового сознания, касающихся области речевого этикета (информант строго следует этическим нормам народной культуры, в том числе речевым этикетным нормам), развитое и точное подражание чужой речи, предпочтительные способы толкования слов, некоторые отличия в осознании значений лексических единиц в сравнении с их семантизацией другими членами того же языкового коллектива.

3.9. Правила речевого поведения

Слагаемые речевой культуры, усвоенные диалектоносителями с детских лет и контролируемые

метаязыковым сознанием ЯЛ, отражаются в правилах речевого поведения носителей традиционных говоров. Рассмотрим их систему на основе речи нашего информанта.

Речевая коммуникация и правила, регламентирующие речевое поведение диалектоносителей, начали привлекать внимание учёных в период формирования лингвистической прагматики в 60–70-е гг. XX в.

Отталкиваясь от идей логики и философии языка, Г.П. Грайс выдвинул принцип Кооперации, на который опираются участ-

ники диалога, и обозначил систему соотносимых с этим принципом постулатов количества (говори не больше и не меньше, чем требуется), качества (говори правду), отношения (не отклоняйся от темы) и способа (выражайся ясно, кратко, последовательно) [Грайс 1985, с. 213]. Хотя автор отмечает, что в коммуникации могут также соблюдаться этические, социальные, моральные постулаты, он рассматривает в качестве главенствующей цели общения передачу информации; развивают эту идею Д. Гордон и Дж. Лакофф [Гордон, Лакофф, 1985]. Другие исследователи обратились к анализу этической стороны общения с учетом социолингвистических параметров взаимодействия коммуникантов. Р. Лакофф сформулировала Правила прагматической компетенции, выделив максимы «не навязывай свое мнение», «предоставляй адресату возможность выбрать» и «будь дружелюбен» [Lakoff 1972]. Дж. Лич дополнил эти правила Принципом вежливости, который включает постулаты такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия, симпатии [Leech 1983].

С развитием новых областей науки о языке – психолингвистики, генристики, неориторики, коммуникативистики, когнитивно-дискурсивного анализа – правила речевого поведения (далее также

ПРП) начинают исследоваться и отечественными учеными [Рождественский 1978; Демьянков 1982; Шмелёва 1983; Формановская 1989; Азнабаева 1999; Сперанская 1999; Гынгазова 2000б; Шумарина 2014 и др.]. Лингвисты формулируют общие принципы и более частные правила речевой коммуникации, реконструируя систему этих правил, именуемую также Кодексом речевого поведения. В качестве источников анализа используются художественная и публицистическая литература, пословицы и поговорки, значительно реже – фрагменты устной литературной речи. Заметим, что на данный момент конвенциональные ПРП в дискурсивной практике диалектоносителей системно не описаны, хотя отдельные наблюдения над ними встречаются

при анализе лексики семантической группы «речь» и метяыкового сознания в местных говорах [Крючкова URL; Юрченко 2008; Лагута 2013 и др.].

Представим реконструкцию описания этих правил, отраженных в речи В.П. Вершининой.

ПРП диалектоносителей как компонент языкового ландшафта сибирского старожильческого села в соответствии с принципами лингвоперсонологического анализа выявляются в фокусе диалектной ЯЛ типичного представителя вершининского говора.

Поскольку ПРП «относятся к сфере молчаливых соглашений между коммуникативно обязанными членами общества» [Арутюнова 1985, с. 24], встает проблема их выявления. Сущность этих правил обнаруживается в большинстве случаев на тех участках речевой коммуникации, где они нарушаются. Т.В. Шмелева отмечает, что при осознании субъектом нарушений речевых правил в высказывании эксплицируются метасмыслы, «суть которых состоит или в объяснении мотивов отступления или в извинениях по этому поводу» – они и позволяют выявлять обычно скрытые значения модуса [Шмелёва 1983, с. 73]. Ряд исследователей [Рождественский 1978; Сперанская 1999; Гынгазова 2000б; Шумарина 2014] также привлекает для реконструкции речевого кодекса пословицы, извлекая из их толкований имплицитные смыслы поведенческих норм.

С учётом упомянутых методик из текстового архива была произведена выборка высказываний, фиксирующих рефлексию сибирской крестьянки в отношении речевого поведения, а также пословицы и поговорки из её паремиологического фонда. При анализе метасмыслов рассматривались как явные, так и скрытые показания метаязыкового сознания говорящего в их разнообразных проявлениях – от развернутых суждений говорящего о языке до косвенных маркеров (интонация, эвфемизмы, формулы извинения, показатели неуверенности и др.) осмысления и оценки своей и чужой речи.

ПРП, реконструируемые из дискурсивной практики информанта, не имеют чёткой структуры, иногда не поддаются однозначной интерпретации (в некоторых случаях фрагменты живой речи синтезируют одновременно несколько правил), чаще вербализуются как антинормы, на основе которых исследователь должен составить представление о нормах. Все эти факторы осложняют решение поставленной задачи, позволяя очертить контуры речевого кодекса диалектоносителя лишь в первом приближении.

Выявленные правила кажутся весьма разнородными, однако все они прямо или косвенно соотносятся с базовыми ценностями традиционной народной культуры.

1. Центральное место в системе ПРП диалектной языковой личности занимают предписания, ориентированные на **нравственные общечеловеческие ценности**, поддерживаемые традициями крестьянского мира: это дружелюбие, уважительное к людям, честность, порядочность и др. Речевые правила в нашем материале проецируются как на этические, так и на этикетные нормы. Хотя эти понятия не тождественны, «в современных исследованиях преобладает тенденция к сближению этикета с вежливостью и нравственностью» [Фёдорова 2004, с. 7]. Их тесные связи (и этика, и этикет регулируют жизнедеятельность людей, устанавливая правила поведения; этикет является внешним проявлением этики применительно к конкретным ситуациям) дают основания объединить описание правил соблюдения речевого этикета и отражённых в речи моральных норм.

Одним из основополагающих принципов коммуникации является уважительное общение, тесно связанное с категорией вежливости. В дискурсе В.П. Вершининой рефлексируются разнообразные составляющие вежливости: использование этикетных формул, употребление антропонимов и апеллятивов, особенности произношения, следование принципам доброжелательности, тактичности и скромности. Охарактеризуем ПРП в этой области.

Используй выражения, которые принято произносить в разных ситуациях как знак вежливости

Формулы речевого этикета в ситуациях установления и завершения контакта, извинения, благодарности и др. часто являются объектом языковой рефлексии информанта. Обычно его внимание привлекает отсутствие этикетных выражений в тех случаях, когда они должны использоваться: *Дак назавтра идёт [сосед, накануне в нетрезвом виде угрожавший В.П.], смеётся, даже не сказал, что «Тётя Вера, прости меня», ли «извини» ли; Они пришли, Марина да Юра, по деньги пришли. Я говорю: «А у меня нету, мало осталось». Кто ё знат, кода' дадут? Ну они как вроде, Юра так тут сидел – даже «до свидания» не сказал, встал и пошёл; Ни «спасибо», ни насери'л, говорю. Пихнул [деньги, которые брал взаймы] и пошёл. Жалко, трезвому-то отдавать; И от она придёт, я ей чё-нибудь дам [еды] – она никода' не говорит [в благодарность] ни «царьство небе'сно», ничё, [в]станет и пойдёт. ~ Ну она ненорма'льна. Больна'.* Соблюдение нормы как признак вежливости отмечается реже, но всегда с одобрением: *А они так ве'жливы, хоро'ши. Всегда здороваются; «Иди, – говорю, – чай пить пойдём, иди чай пить!» – «Нет, не хочу, не хочу. Спасибо, спасибо, уж извините, извините…» – так-то она ве'жлива.*

Крестьянка свидетельствует также, что многие этикетные благопожелания, принятые в прошлом, на рубеже XX–XXI вв. вышли из активного употребления, сожалея об их архаизации: *Захо'дют, чё-нибудь делают либо чё, ли в огороде чё-нибудь делают – [говорили] «помогай вам Бог!». [А если хозяйка корову доит?] «Море под корьмилицей». ~ А стря'пашь… стря'пашь кода', приходят: «Спорина' тебе в тесто!» Спорина' тебе тесто… чтобы спо'ро было, чтобы много было. ~ Стирали-то – говорят. «Беле'нько тебе в корыто… в корыте». Чтобы бе'ло было бельё. ~ И всё ра'нешно это. Теперь и ничё не скажут. Кто скажет? Раньше, правда, негра'мотны были, а у'мны люди, всё равно.*

Выбирай вежливые формы именования людей

Метаязыковой рефлексии активно подвергаются антропонимы. Одобрительно оценивается уважительное обращение к старшим по имени-отчеству (*Я говорю: «Ты садила, Шура, каку' мелочь-то?» – «Нет, Вера Прокофьевна, но'нче на садила» – навели'чиват меня*), ласкательные формы имен, обращённые к детям (*У ей же [соседки] много внучат-то. Восемь штук у ей. ~ Никак не назовёт [грубо], всё «Наташа, Оля… Женечка всё там, Сашенька да Олечка да…»).* В метатекстах отражаются и комментарии диалектоносителя, в которых негативную оценку получают имена с суффиксом -к(а) в адрес взрослых, пейоративные имена и прозвища: *Я говорю: «Пошто' так зовёшь-то его? "Мишка", ему уж шеися'т… под се'мисят лет, я говорю, ты его "Мишка"»; Свекровь-то мою – Федосьюшкой*[1] *называю её! Худого-то она мне ничё не делала, а из-за Степана [ушедшего из семьи] так зову; Я её зову «Нина Васильевна». Ну не буду я звать «Лабу'жиха», как люди. Мне неудобно.* Комментируются также как отклонения от нормы вежливости пренебрежительные апеллятивы, используемые при назывании человека: *Тапе'рь всё ба'бкими зовут: «Бабке передай». Лекса'ндр Иваныч всё говорил: «Бабка у коро'ви»; Старушонка-то не приехала? − я-то её старушонкой зову!*

Контролируй употребление сниженных слов

Сниженные слова и выражения (в состав которых входят обсценизмы, бранные необсценные единицы, скатологизмы и злопожелания) не исключаются полностью из лексикона диалектоносителя, но их использование контролируется с учетом ряда факторов. Как нарушение ПРП чаще всего оценивается вербализация бранных лексем и фразеологизмов в присутствии коммуниканта – «в глаза»: *Я говорю ей [сварливой соседке]: «Ты колючка!» В глаза говорю. «Прям, колючка, ка'жного человека*

[1] В вершининском говоре имена с суффиксом -ушк- имеют уничижительную коннотацию.

ука'лывашь»; Ленка пришла, у их был день рожденья, она пришла ко мне. Это, как его, мулинэ'з, ли как ли называют. Взяла баночку. ~ А потом лежу – идут по скамейку. ~ Идут по стопки. Идут по тарелки. И – то всё брали, то то', то друго', всё брали… ~ Лена приходит: «Баб! Соли мне дай». Я говорю: «Ну-у, ядри'т твою мать! У вас и соли нету?» ~ В глаза ей сказала.

Чем больше дистанция между участниками общения, тем строже отбор сниженных средств. Нарушения этого правила (как правило, при общении с образованными горожанами) сопровождаются извинением говорящего: *А Физа сразу: «У нас [в]он Алёнка, дак всё де'лат [по дому в городе]». ~ Я говорю: «А каку' жопу там делать?» − <u>прости ты бог</u>! взяла да так сказала; Я говорю: «Гутя, чижело' тебе приташшыть битончик мне ягодки? Купила бы там, в городе». ~ А [она] свою набрала. Говна' набрала, приташшыла мне, <u>извините меня</u>)* или признанием неудачного выбора языковой единицы (*Надо было побольше дать [картошки городскому знакомому], да я два [ведра] дала. А он гыт это: «Тебе деньги отдам?» ~ Я говорю: «Ты чё, с ума сошёл?» – на его так. Как-то неудобно получилось у меня тоже. Сказанула).*

Говори доброжелательно

Звуковые особенности вежливого контакта отражаются говорящим обычно через имитирование этикетных просодических признаков: доброжелательного тона, умеренной громкости голоса и демонстрации психологической готовности к общению. Оценочное высказывание крестьянки с подражанием чужой речи иллюстрирует следование такой норме в одном случае и её нарушение в другом при сходных ситуациях: *Я говорю: "Можно?" – "Можно". Я зашла. Он [мальчик] говорит [передаёт приветливую, доброжелательную интонацию]: "К бабушке?" Я говорю: "Ага". – "Она, гыт, утром ешо убежала, и всё-то ешо нет!" ~ А мне пондра'вилось, я говорю: не Лексе'я Констинти'нычевы [внуки], те бы сказали, как от раньше они ма'леньки были, я*

помню [изображая, говорит сердито, отрывисто]: "Чё! Нету ма'ми дома, бабушки нету!" – сказали бы. А этот прям тако-ой [приветливый], я говорю, в Гошину породу-то, в эту.

Как несоблюдение нормы, наряду с недружелюбностью и отрывистостью произношения, расцениваются повышение тона в сочетании с интонациями недовольства, раздражения, язвительности: *Валя сама грубова'та, я посмотрю на её, дак она тоже… сидит да чё-нибудь рявкнет. Груба' всё равно она; Вот вишь кака', так сидит, подку'сыват, подку'сыват [изображает]: "Чё и не было, тапе'рь говорят, чё и не было!"; Я говорю: "Ты чё нава'дился на меня реветь-то таку' беду?" – говорю. – Это дома орёшь, дак я говорю, и тут на меня так же, а я тебе чё?"; А я говорю: "А Коля-то де?" А она так взъелась на меня: "О'споди, а я почём знаю? Он не был тут-ка!" ~ А я говорю: "А ты чё? Я тебя чё, обругала ли чё ли, чё ты на меня взъелась?" А она так потише, потише стала.*

Не говори о том, что может задеть чувства собеседника

Вежливость подразумевает также выстраивание деликатного, тактичного общения. Эти нормы «характеризуют обращение субъекта с другими людьми, указывая на то, что субъект избегает делать то, что могло бы вызвать у партнера неприятные чувства»; он ведёт себя так, «чтобы партнер не начал испытывать по вине субъекта отрицательных эмоций – обиды, смущения или неловкости» [Крылова URL].

С учётом бережного отношения к чувствам коммуниканта речевое правило предполагает молчаливое сопереживание при сознательном умолчании говорящего о каких-либо жизненных проблемах, касающихся личной сферы собеседника. Так, крестьянка при общении с близким родственником, у которого неудачно сложилась семейная жизнь, никогда не затрагивает эту тему: *А я, вот он так живёт, плохо, а я никода-а ему ничё не говорю [об этом]*.

При упоминании информантом *вслух* негативных склонностей собеседника или его родственников озвучивается смягчающая

нарушение правила просьба *не обижаться: Не-ет, она [односельчанка] упива'т, она только так, не пьёт, как попало, что вот… ну, как например, ты – вслух скажу я, не обижайся. Ты кода' ду'машь, тода' и вы'пешь. А она не пьёт так. А вот за конпа'нию она пьё-от!;*

На соблюдение норм деликатного речевого поведения часто указывает маркёр *неудобно: Конфеты привозили… Ну я не хожу [в магазин] – кого возьму? [А вы бы попросили соцработника.] Неудобно как-то, стеснять её; Направили холодильник Татьяне Васильевне. Она принесёт тоже всё [продукты в холодильник В.П.] – а у меня прям совершенно некуда! И сказать неудобно…; Как-то неудобно её спрашивать [о сыне, сидящем в тюрьме], она всё таит.* Осознание языковой личностью того, что её речевое действие – просьба, отказ, вопрос и т.п. – может вызвать негативную реакцию адресата, блокирует предполагаемое высказывание.

Скромность как качество человека, «не ставящего личность свою наперёд» [Даль Т. 4, с. 210], интересующегося людьми, уважающего их и при этом не акцентирующего внимания на себе, диктует в процессе выстраивания коммуникативных отношений с партнером следование правилам паритетного ведения диалога или полилога.

Не говори слишком много о себе

Нарушением правила равного вклада коммуникантов в диалогическое общение является речевое поведение того, кто слишком много говорит о собственной персоне, выставляя себя в лучшем свете: *Аксинья наша говорит: "Хоро'ша Гутя хозяйка, хоро'ша хозяйка!" ~ А Валя-то [изображает]: "А я чё, не хозяйка? А я чё, не хозяйка? Меня не похвалишь? А Гутя кака' хозяйка? Как Иван Васильич [муж Гути] по'мер, так и коров продала, и… никого, ни овечку, ни телёнка, ни ягнёнка, никого доржа'ть не стала! Хоро'ша хозяйка? Сено не косит ничё! А я? Идино'ка женшына, одино'ка! Мне столько-то лет. И я всё делаю. Гутя с 28-го, а я с 38-го хоть года, дак я всё, женшына, да вот всё работаю да, всё*

у меня, всё через мои руки идёт, да сено ставлю, да овечек держу да… Всё, всё делаю ~. Вот я так работаю-работаю», – всё себя подставля'т, – работаю так", ага. Злоупотребление местоимением *я* отражает и поговорка *Я да я – бе'ла свинья.*

Не перебивай говорящего

Как ненормативное речевое поведение воспринимается стремление участника общения захватить инициативу в разговоре, не дослушивая других: *Она приходит [на именины без приглашения]. Ну горя мало, не объела бы, ну чё, пусь, посидела… То'ко чё не ндра'вится: кто чё заговорит – она тут и есь: всех перебива'т всё. "Вот! Вот…"*; *Не даёт никому слова сказать ~ всех перебива'т, всё одно и то же, всё, всё!*; *Н.Н. Щас он там у нас, в этом, ну, у меня на покосе… В.П. Ну, ты дай им [гостям] сказать-то, пошто' перебива'шь-то? Я не люблю, кода' перебивают.*

При необходимости вмешательства в речевую деятельность присутствующего (даже письменную) информант предупреждает его о нарушении нормы: *Катя! Я перебью тебя, там ты пишешь… А у тебя нету нигде там блату, в поши'вошной, нигде, ничё? Нету? Передают, там платья лёгки шьют…*

Не спорь с говорящим, настаивая на своём

Нарушение данного правила отражается в пословице *Дарья-дыра, тут и была.* Паремия осуждает того, кто вмешивается в разговор, настаивая на своей точке зрения как единственно верной.

Следуй общей теме разговора

В диалоге важно следование общей тематике беседы. Собеседник должен поддерживать начатую партнером тему, внося в неё посильный вклад: *В.П. Этот был у меня… М.А. [диалектологу:] Говорят, ши-ибко надо верить. Там [в книге про магию]не написано, ничё? А это, а там де-то надписано есть что… В.П. Ты про своё, я про своё! М.А. Ну ладно, не буду. В.П. Зоя была Рожкова у меня.*

Вариантом отклонения от этого правила можно считать постоянный переход одного из коммуникантов на тему, интересующую только его. Эту ситуацию вербализуют известные пословицы: *В.П. А у А'нне [сестры М.Л.] зажила грудь-то? Я всё про своё, вшивый всё про баню. Так и я. М.Л. Ну она тоже какой раз отдаёт, а…; В.П. А у меня от здесь от больно, и под мышкой, и суды'; Но-оет [нога], но-оет… Всё жалуюсь! Не могу терпеть. Правда: у кого чё болит, тот про то и говорит. Думаю: никому не буду говорить. Чё, легше мне будет?*

Несколько особняком в системе ПРП, связанных с этикетом, стоит представление диалектоносителя о нормативном поведении хозяина в присутствии гостя.

Ради разговора с гостем откладывай все дела

В традиционной народной культуре гость занимает важное место; в древности он рассматривается как «лицо, соединяющее сферы «своего» и «чужого», объект сакрализации и почитания, представитель «иного» мира» [Агапкина, Невская 1995, с. 531]. Принятие гостя представляет собой ритуал, включающий обмен приветствиями, расспросы, потчевание и другие компоненты. Особо ритуализированным является общение со зваными гостями по торжественным поводам, однако в повседневной практике жителей сибирского села Вершинино основные его элементы в упрощённом виде соблюдались, по нашим наблюдениям, и при бытовых контактах односельчан. Вежливый прием гостей, по мнению информанта, предполагает максимальное внимание пришедшему с полным отказом от дел, которыми была занята хозяйка: *В.П. [пришла навестить подругу; та время разговора починяет носки. Через некоторое время гостья говорит]: Ну пойдём, Катерина Вадимовна. Хозяйка гостям не рада. А я вот не люблю – кума, не обижайся на меня... Хоть обижайся, горя мало. У меня кто зайдёт – хоть я пряду либо чё, я сразу бросаю. Не люблю я. Чё… Чё, ты бы не починила бы? Поговорила бы, посидела, да и всё. М.А. Ну ладно [откладывает починку]. Не торо-*

пи'тесь. Реализация правила подразумевает выбор между повседневной домашней работой и разговором с гостем в пользу общения как одной из ценностей народной культуры.

Ряд ПРП соотносится с категорией правдивости.

Г.П. Грайс в состав соотносимых с передачей информации постулатов включает максиму «не говори того, что считаешь ложным» [Грайс 1985]. Хотя понятие «правда» включает сему «информация», в русской культуре оно относится к ключевым концептам, связанным с нормами этики. В речевом кодексе диалектной языковой личности правдивость занимает важное место.

Говори правду

Лживость как нарушение нормы речевого поведения находит отражение в употребляемых информантом пословицах: *Да мужик-то не ши'бко самостоятельный, врёт. Скажет, где огонь, а там*

вода; В.П. Да она и наврёт, дак недорого возьмёт. Ей чё. А.П. "Какой-то, говорит, топором меня ударил по голове". В.П. Ага. [иронически:] И ты бы жила!

Отражено в паремиях также неодобрительное отношение к таким разновидностям лжи, как похвальба тем, что обычно не соответствует действительности, и лицемерие.

Не преувеличивай своих мнимых достоинств, достатка

Недостоверность сообщаемых говорящим сведений часто связана с хвастовством. Как нарушение ПРП расценивается преувеличение заслуг – обычно мнимых (*В.П. Ишь, от у Аникиных был – зачем туды' потти' тебе?! Пожилому мушшына. А.М. Тётя Вера! Ну как я не зайду? Они там все молодёжь. ~ А я их… я их всех сборол. Ей-богу! Не веришь? ~ В.П. Не похвастовать, да не пожить!*) либо достатка (*Хвастливый, человек – нету [у него ничего], а он всё равно скажет, как вчара' Валя эта была. "Насолила [огурцы]". Да у ей ни черта' нету! Она прям… Только чё купит, дак пожру'т. Ничё нету. А вишь, как хва'стоват. Всё у ей много, и всё хоро'ше. Хвастливый с богатым в ряд*).

Не одобряется в поговорке *сам с усам* похвальба мнимой самостоятельностью: *И не по'лоны [картошки], и не подбиты, так и трава, и всё. Море морем, ничё не будет. Я говорю: "Ты найми", говорю – я-то говорю. – "Я сам выполю!" Ага, и «сам», [иронически] вот тебе сам с усам!*

Если информант говорит о себе, упоминая какие-то положительные качества, им используется маркер *не хва'стоваю*, подчеркивающий правдивость высказывания: *Зубы хоро-оши были, густы', да бе'лы, не чистила никода', а хоро'ши были, не хва'стоваю. Густя'шшы, всё завидовали*.

Выражай свои чувства искренне, без притворства

В пословицах с иронией и неодобрением представлены проявления лицемерия: несоответствие слов человека его предпочтениям (*Противна нишшему гривна! [Это вы про Гену?] Да. Гена [сказал]: "Бутылка проти'вна". Любит упива'ть тоже!*) и показная доброжелательность собеседника, с которой не соотносятся его поступки (*[соседка хвалит хозяйку гостям в её присутствии:] А.Н. Она хоро'ша. Я никода' её не ругаю. ~ В.П. [иронически] А за глаза костят, а в глаза лестя'т; Таня – пошла собирать это, деньги за коров. Я думаю: счас уж она обязательно мне дас [денег в долг]. ~ Да она сама подошла: "Тётя Вера, тётя Вера", так прям, ну – куды' там!.. Я думаю: ну, я'зьви тебя, мягко стелешь, зёско спать будет. А я говорю это: "Таня, у тебя деньги есь? Дай мне сот пять, денег". – "Ой, тётя Вера, дала б, с удовольствием дала бы – нет"*).

Будь откровенен с близкими

В некоторых публикациях список ПРП включает предписание «не будь излишне откровенен» [Шмелёва Т.В. 1983; Гынгазова 2000б], однако в нашем материале это правило имеет несколько иные акценты.

Откровенность речевого поведения тесно связана с правдивостью. По мнению диалектной ЯЛ, общение предполагает возможность делиться с окружающими особенностями своего быта, отношений в семье и т.д. – в том числе и тогда, когда в этих сферах

проявляются какие- то отклонения от стандартной нормы. Открытость такой информации для родни и подруг-односельчанок оценивается крестьянкой положительно как знак доверия близкому окружению: *Ну Володя тоже вот говорит… ~ ну, он про столо'ву говорит, он откровенный так. "Я, говорит, в столовой, гыт, питаюсь"*. Питание женатого племянника в столовой не соответствует представлениям диалектоносительницы о традиционном семейном укладе, но о его речевом поведении она рассказывает с одобрительной интонацией. В разговорах с собирателем, воспринимаемым в качестве близкого человека, В.П. тоже делится подробностями собственной жизни. Признание в том, о чем обычно не совсем удобно, не принято говорить, маркируется фразеологизмом *чё/что греха таить: Да что греха таить, он кода' придёт – бражонка-то была. Я возьму да из-под стола-то выташшу – там как полочка, ему налью в кружечку; Ну, я в баню сходила – чё греха таить? Штанишек бы'шно четверо [нужно постирать], в баню сходила, − рубашонка, платьишко, кофтёнка, наволочку, простыни'шку сняла. ~ Замочила вечером.* Заметим, что близкий круг общения в старожильческом селе значительно шире, чем в городском сообществе, за счет поддерживания связей с многочисленными кровными и некровными родственниками и активных контактов соседей на территории небольшого поселения.

Противоположную оценку получает скрытность, утаивание каких-либо неприятностей от лиц из постоянного круга общения: *[Коля болеет?] Горло зажило. У его ши'бко ноги болели. И щас болят у него. А <u>он же такой скрытый</u> – ой! Ничё не говорит; А Гутя говорит: "А Нина давно не живёт» [с мужем]. ~ А но'нче, гыт, он запился, ит вина, гыт, с Вовкой [сыном Гути] вместе в больнице лежали, лечился, гыт, там ~. Надо же… А она [мать Нины] <u>даже виду не подала</u>!; Я говорю: <u>кака' же Таня скры'та-то</u>! Я говорю: ну чё, ходит, прямо как свои же тут, всё равно − у меня [в]он и Гутя, и все, как мы свои все… Я говорю: ходим всё*

[друг к другу] … ~ Я говорю: Таня таит, что Агне'я-то… А'га что там [у себя] не живёт.

Рассматривая ментальные различия жителей городского и сельского социума, психологи и социологи отмечают, что социальное уединение и недоверие горожан противопоставляются открытости и доверию сельчан в традиционной культуре [Козырева 2009].

Выполняй то, что обещал

Как с правдивостью, так и с обманом может быть связано данное человеком обещание. В ряде паремий из пословичного фонда исследуемой языковой личности отражен значимый для нее принцип выполнения договорённости, соответствия слова и дела (*Я говорю: "Вот тебе разобрал печку – десять рублей, как [договаривались] – <u>договор дороже денег</u>"; А я это, режу [дрова], он: "Да не режь да не майся, тётя Вера, не майся! Не майся! Я от за'втре не приду, а послеза'втре приду" – правда, <u>как словом, так и делом</u>. Пришёл, "и Галя, гыт, придёт". И все мне их изрезал)* и осуждение не выполняющих обещанного (*[Пообещали выделить льготнику автомобиль.] А ему фигу <u>догнали да</u> <u>ешо дали</u>. Никаких там льготных, никого; <u>Сули'ха Недава'ся</u> <u>родна' сестра</u>. Посулила – не дала. ~ Вот раньше Катерина Владимирова была – ну чё бы её ни спроси, она обязательно не откажет. Ну хоть чё так посулит и не дас. Ну я уж не надеялась на неё никода' больше).*

Сначала подумай о последствиях, потом говори

В ПРП обозначена соотнесённость слова не только с последующим делом, но и с предшествующей ему мыслью. Необдуманность речевых действий чревата негативными последствиями. Так, бездоказательное, нелепое обвинение может вызвать обиду адресата: *Аксинья мылась, мылась у меня в бане зимой, а потом и говорит: "Ты знашь чё, дорога' товарка, я у тебя в бане заразилась. Сыпь изде'лалась". Беда прямо с ей. <u>Чё на уме, то и</u> <u>на языке</u>.* Излишне откровенное сообщение в присутствии посторонних способно принести вред самому говорящему: *И вот, мы*

кода' поехали [в гости в другое село] ~ он [вор], мо'жеть, и выжидал… ~ Я говорю: «Гуля-ать поехали, на Усть-Сосновку!» А мне только бы сказать «проводить поехала» ли чё ли, надо… простота хуже воровства! Это-то уж у меня есь – болтану'ть… Ага. А он, наверно, вылил воду [из бачка в огороде] да и уташшыл кому про'дал. В последней из описанных информантом ситуаций видна соотнесенность с правилом откровенности: предписание открытости с близкими дополняется ее ограничением для посторонних, неблагонадёжных людей.

2. Г.Р. Власян отмечает, что вежливость речевой коммуникации как особая коммуникативная стратегия способствует предотвращению конфликтных ситуаций [Власян 2010]. Многие ПРП, соотносимые с категорией вежливости, действительно могут способствовать устранению конфронтации сторон. Однако в речи информанта есть не связанные напрямую с вежливостью правила, направленные на погашение уже начавшихся конфликтов или их ликвидации на предконфликтной стадии. Они связаны с такой ценностью, как **бесконфликтность сосуществования**, особенно значимой для сельского социума с частыми личными контактами жителей небольших деревень.

В ответ на нападки молчи

Эта рекомендация неоднократно зафиксирована и в спонтанной диалогической речи крестьянки (*М.Л. Вот, Ве'ронька, и ши'бко не поладили [с сестрой]. В.П. Разругались? М.Л. Ой, Вера! Ши'бко. В.П. Ну, а ты бы молчала; [Невестка жалуется на свекровь:] "Дак она на меня напада'т, напада'т всё время". Я говорю: "Ну, уж ты склоняйся как-нибудь, молчи да всё…"),* и в упоминаемой ею пословице *Ти'хо молчанье – короткий ответ.*

Еще одно правило бесконфликтного речевого поведения подразумевает сохранение конфиденциальности сообщаемых фактов и оценок негативного характера.

Не передавай другим нечто плохое об общих знакомых, не называй источник такой информации

Прежде всего это правило проявляется в речи индивида, высказывающего собеседнику отрицательную информацию о человеке или людях, которые известны им обоим. Как правило, в доверительном разговоре он предостерегает при этом слушающего о нежелательности передачи таких сведений другим, используя клише *не в обсу'д/осу'д, не в перенос* и *между нами*: *Я вот это, думаю – правда, так уж, не в обсуд, не в перенос, а… я-то прямо всё думаю: как это получа'тся-то так? Ира жили с Володей – двое детей, квартирка была двухко'мнатка ~ Ну и вот, они разошлись. ~ Им же счас трёхко'мнатну дали! Дак это де от, правда, справедливось? Де правда-то она? И вот мне-то не жалко, там не быть, и бог с им**я**, а… дак а кото'ры-то страдают, как с де**тя**ми, му'чутся-то как, живут-то, без квартир-то!*; *Наш [о родственнике] тоже где-то подпил, гыт, пришёл. Они же овечек про'дали. Ну, Физа, так уж, горя мало – не в перенос, конешно. Она [жена] бы купила ему, дала на бутылку, он бы и успокоился; Этот пил-пил – с ума сошёл. ~ Здесь, Татьяна Лексе'вна сказывала [о ссоре супругов]. Прямо, гыт, это, говорит: [муж] руга'тся… – ну не сообража'т тоже: «Я тебе не подпишу! Я полюбовнице дом подпишу!» Она [жена]: «Не зду'май подписывать!» – Валя-то тоже. Ой-ой, она прям тоже, как чёкнута. Между нами, конешно.*

В случае, если говорящий считает необходимым предать огласке отрицательные факты, он также может обратиться с просьбой не упоминать его имя третьим лицам. Передающий эти сведения далее, в свою очередь, не называет их первоисточника: *А мне пришла Таня Сивохина: "Чё, Леночка ваша вза'муж идёт? А мне её жалко, – говорит. – Он такой пьянчужка"! ~ Таня гыт: "На меня не говори. Сказать скажи гыт, мне её жалко, говорит, а он... у его таки' гыт есь заскоки, запои, гыт – не дай бог!" ~ Ну так поговорила, а я взяла да ей [матери девушки] сказала. Она: «Кто тебе говорил, кто тебе говорил?» Я говорю: «Я забыла, не знаю, кто».* Последний контекст показывает, что при выяснении

матерью невесты источника данных о пьющем женихе В.П. сознательно нарушает норму правдивости ради предотвращения конфликта родственников и ее подруги-односельчанки.

3. Особое место в системе ПРП занимают речевые правила, связанные с **верованиями традиционной народной культуры** как одной из ее ценностей. Хотя исследуемая нами языковая личность выросла в семье верующих родителей, в зрелом возрасте следование многим религиозным обычаям сочеталось у неё с сомнением в существовании загробной жизни и скептическим отношением к суевериям. Тем не менее ряд суеверных представлений «наивной религии» зафиксирован в речевых правилах информанта: они сохраняются как дань передававшейся из поколения в поколения традиции, отражая описанную Л.Г. Гынгазовой укоренённость коллективного религиозного знания в языковых формах [Гынгазова 2005].

В запретах и рекомендациях, соотносимые с этими правилами, тесно переплетаются христианские и языческие верования. Прежде всего они касаются умерших.

Нельзя говорить плохое об умерших

Это ПРП относится не только к славянам: оно существует в традициях и верованиях многих народов, у которых существовал культ предков с почитанием душ умерших. В христианстве злословие – большой грех: только Бог вправе судить о поступках ушедшего из жизни. Считается, что на протяжении сорока дней после смерти душа может посещать землю; если о человеке говорят плохо, она не сможет попасть в рай [Эдем URL].

Комментарии относительно этого запрета отмечены в речи крестьянки только в случаях нарушения нормы. Сказав что-либо негативное о покойном, обвинив в чем-то или употребив его адрес бранное слово, говорящий осознает свое прегрешение и использует формулы извинения, обращенные к Богу: *Пошто' он ей писал-то? Чёрт его знат, не знаю, <u>прости ты меня Господи</u>, <u>грешницу: мёртвого обозвала</u>; Он [отец] же у нас сердитый был. А это… царьство небесное, <u>грех, поди, говорить, а я так</u>*

говорю на него; А он же пил. Мо'жеть, и он [украл]. Не знаю. Конечно, грех на его говорить на мёртвого. Мо'жеть, и не он; В тридцать девятом году мы горели, всё [сгорел дом]. Дак вот Степана-то кода' ругаю (а так говорят, грех мёртвых ругать-то), он... пойду там пла'чу, он подойдёт угова'риват, уговорит меня, чё-то... мы вдвоём пережили всё. В аналогичных ситуациях используется также выражение *не тем помянуть,* подразумевающее, что этическая норма требует вспоминать о хороших качествах ушедшего из жизни: *Мама ~ любила ходить лечить. Уйдёт, дома всё бросит, а хозяйство, да дети, − она уйдёт! Ей море по колено. Царьство небе'сно ей. Не тем помянуть*.

Нельзя упоминать умерших перед наступлением ночи

Не рекомендуется говорить о покойном, когда заканчивается день. В народных представлениях славян дневная часть суток – время активной деятельности человека, ночь же принадлежит потусторонним существам, опасным для него, и потому приближение чужого, ночного времени налагает запрет на упоминание мертвых [Раденкович URL]. В этих случаях используется выражение *не к ночи помянуть*: *Тя'тя у нас аржано'й хлеб не любил, покойничек, царьство ему небе'сно. Не к ночи помянуть; Зелёно сено, хоро'ше! Сметали. Вот Анна Петровна-то была, царьство небе'сно, не к ночи, гыт, помянуть. Я её поминаю всё. ~ Она сразу на стог, така' ёмка была она.*

Нельзя разговаривать через порог

С культом умерших соотносится не только время, но и пространство. В архаических представлениях древних славян порог считался границей домашнего и чужого, местом пребывания предков и домашних духов. «Бытовой этикет и ритуалы при вступлении в дом или уходе из дома предполагают особое почитание порога. (…) Через порог с пришедшим не здороваются, не прощаются, не подают руки, не беседуют, не передают предметы…» [Плотникова 2009, с. 173–174]. Следы эти верований сохраняются и в речевом поведении сибирской крестьянки: *К. [заглядывает в комнату, обращаясь к крёстной матери:] Лёля!*

В.П. А? К. Куда это, мелкую картошку? В.П. Ну идите, зайди, чё, через порог нельзя разговаривать!

Если хвалят детей или животных, используй оберег

Вера в сглаз («уро'к») – «вредоносное магическое воздействие на человека, его хозяйство, работу и скот посредством взгляда, слов похвалы, злых, завистливых мыслей и намерений», но иногда происходящее и без злого умысла [Левкиевская 2009, с. 597], по нашим наблюдениям, широко распространена среди жителей старожильческого села Вершинино и в наши дни. Хотя диалектоносительница критиковала многие суеверия и суеверных людей, обереговые сигналы при потенциальной возможности сглаза в ее дискурсе встречаются регулярно. Она корректирует речевое поведение односельчанки, похвалившей маленького сына хозяйки (*А она приходит к нам. Ну, и… посидела-посидела: "Минька, а Минька?" – на Мишу. ~ «Какой хороший стаёт [сын], большой». Я говорю [с усмешкой]: "Типун тебе на язык. Ты чё, изуро'чишь!" Ну и поговорили, так посмеялись, всё…*); если в её собственной речи появляется похвала, звучит маркер опасности (*До'ма всё де'лат [сын племянника]. Он и корову может доить, и всё. [Работящий?] Аγа, работяшшый, правда… не сглазить бы*) или междометие-оберег, сопровождаемое символическим жестом (*Коровка-то шла, кака' хоро'ша, краси'ва-то кака'. Тьфу-тьфу-тьфу [сплёвывает через левое плечо], не изуро'чить бы!*). Опасность сглаза, как можно видеть по примерам, касается прежде всего детей и домашних животных.

Говоря о чьей-либо серьёзной болезни, используй оберег

Упоминание какой-либо серьёзной болезни также расценивается говорящим как опасное для себя и окружающих и сопровождается обереговой формулой *не к нам сказано: Особенно-то как вроде бы горло у его [болит]. Я говорю: это же у нас у многих, не у нас, ну… у знакомых. То ли рак, то ли кто ли, горла. И то и … трубочки вставляют, не к нам сказано, я говорю: " Будешь шептаться!"; А потом из арьмии пришёл, женился, потом пошто'-то стал толстеть. Прям от такой стал! Ой! Сдумали они*

это обреза'ть, жир. Тринадцать килограмм сре'зали, у его заражене пошло, и ногу отня'ли – о'споди, не к нам сказано! И… по'мер.

4. Последняя из выделенных групп ПРП соотносится с такой ценностью традиционной культуры, как **речь.** Правила этой сферы касаются норм словоупотребления языковых единиц и выстраивания говорящим текста с позиций эффективности коммуникации.

Соблюдай языковые нормы

Метатекстовые показатели относительно языковых норм нельзя назвать высокочастотными в речи В.П. Вершининой, но они регулярно встречаются в ее высказываниях при оценке нарушений нормативного словоупотребления и в чужой, и в собственной речи. Так, ею отмечается избыточность словесного выражения (*А тепе'рича приезжают, а он мёртвый виси'тся на удавке. [Усмехается:] «Мёртвый виси'тся на удавке!» На удавке виси'тся, дак какой живой будет?)*, неверный выбор лексемы *(А потом шла [односельчанка], ни'мо меня идёт: «Коня ставила, а он хра'пат». «Ржёт» надо сказать, а она «хра'пат». [Так не говорят?] Ну говорят, дак хра'пат как уж редко, как испуга'тся кого-то. Так идёт, он никода' не хра'пат),* искажённое воспроизведение звуковой оболочки слова *([Вспоминает раннее детство:] Едут из городу, кото'ры на теле'гав-то там. А я спрашиваю: «Тя'тю там нашего не на'лили?» «Не видали» [надо], а я «не на'лили»).*

Своеобразие реализации этого правила у диалектоносительницы проявляется в том, что она опирается прежде всего на представления об узусе своего родного говора, но при общении с собирателями обращает внимание и на осваиваемые ею литературные единицы. В таких случаях ЯЛ уточняет их нормативное произношение или обозначение в кодифицированном языке: *А ей врачи сказали, у ей эти гиглоби'ны-то, я их называю неправильно, не могу я выговорить… Как их правильно? А это, у ей чё-то мало*

было; У меня есь мале'нько бутебро'дно [масло.] Как его правильно говорят?; Тоже дочка у ей гра'мотна, она преподаёт, только у ей таки' – как их называют? – стеби'льны, ли каки' ли? Дураки, в обшэм и т.п.

ПРП, отражающие ориентацию на логичность и информативность речевого общения, в дискурсивной практике диалектной ЯЛ немногочисленны. Прежде всего они касаются логической стройности и завершённости повествования.

Рассказывай по порядку

Начав рассказывать не с самого начала, информант корректирует свое речевое поведение, возвращаясь к описанию завязки происшествия: *В обшэм, Аксинья говорит… Ну, с краю уж [начну рассказ]. Овечек гнали, а к Владимиру Прокофьичу забежала чужа' овечка…* Пословица предписывает также необходимость завершения начатого сообщения или разговора: *«Ой, не знаю, сказать – не сказать тебе, тётя Вера?» – «Надсе'кла, дак отрубай!».* Ведя развернутое повествование, говорящий иногда подчёркивает связи между отдельными его частями, если отвлекается от центральной темы рассказа: *Мне кажется, Катя, всё равно, это ничё не изде'лать счас с народом. Как уж они заставляют – или стали, может, кото'ры? Ну, кото'ры они и раньше ве'ровавши были, так и счас, тем на' руку, хорошо. Это, один зашёл у нас – и упив**а**л он, и бабу, се'мью бр**о**сил свою, на Степановке взял жену, женился… [затем рассказывает подробнее о биографии односельчанина] ~ А теперь – вот я к чему разговор-то завела! А теперь боуу молится, лечит, как Кашпировскый, он, всё... ~ Это, упива'ет тоже, упива'л, и всё, и за бабами бегал, а тепе'рича такой боуомол! ой, даже и не знаю, какой, господи, ши'бко.*

Несколько правил связаны с информационной насыщенностью высказывания.

Поясняй неясное собеседнику

Исследуемая ЯЛ, в лексиконе которой достаточно много диалектных слов и фразеологизмов, обычно не комментирует нелитературные единицы в присутствии носителей литературного

языка, очевидно, считая их общепонятными: *По ходу речи мы-то понима'м друг друга*. Пояснения семантики языковых средств в спонтанной речи носителя диалекта встречаются только при некоторых устаревших лексемах – как областных, так и общерусских: *Наснуёшь та'мо-ка стену, «стена» называлась» – десять аршин [холста], это стена; Дак они [пряники], поди, были, нет ли мя'гки-то? От есть поскрёбыши, как раньше называли – ква'шню выскребут, да поскрёбный калачик испекётся – раскусить нельзя!; А раньше-то ведь это фунты были, четыреста граммов фунт.*

Не повторяй уже сказанного

При оценке содержания речи как нарушение нормы информативности говорящим оцениваются содержательные повторы. Такие случаи единичны: *Н.Н. Здоро'во. А чё за яшшык там? В.П. Ты вчара' спрашивал, сёдня опе'ть спра'шивашь. ~ А это… солнышко позавчара' было! Я взяла яшшык, думаю: хоть посижу… да села [около дома]. Ну и мале'нько посидела*.

Говори определённо

В отдельных примерах слушающий обращает внимание на отсутствие точности, определенности высказывания партнера: *В.П. Жирная [свинина], не рубил так? Н.Н. Ну-у… В.П. Ну чё ны'кашь-то? Ну, жирный, ли не жирный? Ну так, кажется, жирный. [Передразнивает:] "Ны-ы…"*

Таким образом, дискурсивные материалы диалектной ЯЛ демонстрируют наличие развернутой системы правил речевого поведения.

Ядерную зону этой системы составляют правила, соотносимые с базовыми нормами морали. В целом они близки к постулатам, которые отражены в Правилах прагматической компетенции Р. Лакофф и Принципа Вежливости Дж. Лича, но более детализированы и высокочастотны в метаязыковой рефлексии носителя говора. Периферию кодекса занимают правила, касающиеся логичности и информативности речи. Обращает на себя внимание

отсутствие у диалектоносительницы некоторых правил, выявленных Т.В. Шмелевой с опорой на художественные и публицистические тексты («не сообщай банального», «избегай штампов», «говори точно, стремясь найти единственно верные слова») [Шмелёва 1983, с. 76]. Очевидно, что высокий уровень информативности, логичности и оригинальности речи коммуникантов неактуален для устного бытового общения в целом и диалектного дискурса в частности.

К специфике ПРП носителя сибирского старожильческого говора можно отнести: норму открытости личной сферы для людей из близкого круга общения (не ограничиваемого только семьей), ориентацию на бесконфликтность коммуникации, следование языковым нормам своего говора и традициям народных верований.

Выявленные правила, вероятно, имеет индивидуальные акценты. Вместе с тем совпадение многих языковых и ментальных черт языковой личности В.П. Вершининой с чертами, отмечаемыми у диалектоносителей разных регионов (см. детальнее [Иванцова 2014]), позволяет предполагать, что речевой кодекс традиционной речевой культуры имеет много общего с системой ПРП сибирской крестьянки.

В главе, посвященной речевой культуре текстовой организации диалектной ЯЛ, были выявлены общие особенности строения текста сибирской крестьянки, проанализирована стилевая дифференциация диалектного дискурса, формулы речевого этикета и некоторые речевые жанры, демонстрирующие тактики информанта, достигающего поставленных целей, при этом соблюдая этикетное общение в разных ситуациях. В этих текстах выявляются не только языковые средства тактик, но и значимые для представителя традиционной культуры ценностные смыслы ЯЛ данного типа. Описание метаязыкового сознания и правил речевого поведения расширяют эти данные. Рассмотрим еще несколько текстов, дополняющие эти сведения.

3.10. Вариативность текста

Возвращаясь к утверждению лингвистов, оценивающих уровень текстовой организации диалектоносителей весьма критически, вернемся к этому вопросу. Включение в языковое существование носителя диалекта, продолжавшееся в течение 23-х лет, позволило пронаблюдать ряд ситуаций, когда одно и то же событие несколько раз служило предметом обсуждения с различными партнёрами по коммуникации. Неоднократно зафиксирован собирателем, например, рассказ о большом пожаре 1939 г. в Вершинино, когда в результате неосторожного обращения односельчанки с огнём сгорел и дом информанта, и значительная часть родного села. Повторяемость этой темы в дискурсе диалектоносителя не случайна: дом – одно из ключевых понятий русской национальной культуры, особо значимое в культуре крестьянской. Трагичность утраты дома воспринимается как одно из судьбоносных событий в жизни диалектной ЯЛ.

Три спонтанных текста на эту тему записаны с интервалами в 2–3 года (1988, 1991 и 1993 гг.) и различаются по объёму (238, 325, 832 слова). Рассматриваемые фрагменты дискурса выдержаны в монологической форме, с единичными вкраплениями вопросов слушателей. Все рассказы прозвучали в доме информанта в присутствии диалектолога в качестве человека близкого, не постороннего. Приведём зафиксированные тексты[1]. Текст рассматривается как «целостное речевое произведение, коммуникативно обусловленная речевая реализация авторского замысла», единство которой определяется категориями темы (предмета речи), композиции, субъекта (автора), локации, тональности и др.» [Матвеева 2003, с. 352−353].

[1] Каждый из приведенных текстов был рассказан крестьянкой вследствие предшествующих ею рассказов, вызванных по ассоциации к близким темам: № 1 -«кража во время войны», № 2 – «пожар в своём доме», № 3 – «пожар у городских знакомых». Тексты-стимулы не приведены в связи с ограниченным объёмом.

1

А тут в тридцать девятом году тридцать первого мая сгорели. Тоже Степан [муж] на полях был где-то, в Луча'нове, а я тоже на полях там, до'ма была. Пришли – вся деревня сгорела. Не вся деревня сгорела, а знашь, откэ'дова? Где вот Физа живёт, подальше Физы ешо один дом, вот этот дом загорелся. Двадцать четыре дома сгорело. Вот эта Татьяна Лексе'вна, – я тебе говорила, однако? – она пришла домой, только вза'муж вышла, молода', ну лет 18 ей было, 19, может, было. Постирала, а раньше угли замачивали, таки' чугу'нки были больши', в чугу'нку угреба'ют из русской печки – ка'жный день печку топили (у меня голосу нет, перехва'тыват, мне грудь стеснило), – угли угреба'ют, ну сковородо'й ли чем складу'т туды', самовар грели угля'ми, и закроют сковородой ли чем-нибудь так, они там потухнут. А Татьяна-то пришла домой да и сду'мала постира'ться. А там корьзина стояла, большу'ча така' корзина, называ'тся «двухру'шна», – она у ей стояла в къладо'вке, они угли ссыпа'ли туды', как вот у меня же кладовка, там окошечко, и половик тут висе'лся. Она вы'сыпала чугу'нку-то, а ветерок-то подул, раздул их. Они вроде бы чёрны изде'лались-то, а горя'чи были. Ну, она пока попарила, постирала, пошла полоска'ться, пришла домой, а уж дом-то догора'т у ей. Там снутра' загорелось всё. Все сгорели. И вот мы тоже тода' сгорели. Там – ой! Сколько хлеба было. Степан трактористом работал, сколь хлеба у нас было – дак, наверно, до сех пор всё это… Рожь-то как сгорела, пашени'ца, зёрнышки-то как сгорели, они долго-долго всё были там.

2

Ой!.. Я горела. Всё гыт: два раз сгореть, чем раз обгореть. А… мы тоже там жили подальше. Тут от… ну, сколько там? Ну, не так далёко тут жили. Домик хоро-ошенькый был у нас. Такой… ну, только крытый так на' два ската. Как у Лексе'й Николаича, такой от был дом. Ага. Наличники были, всё, окна хоро'ши были… А потом это… Мы только пять лет прожи'ли.

Кухня больша-а была! Комнатка-то поменьше. Хороший дом был. Новый, прямо карниз был, и всё хорошо было сделано. И там одна женшына – Татьяна Лексе'вна – пришла домой, с работы – на горке, там, де Пана Кузина-то жили, – пришла домой она, да и сду'мала постира'ться. А раньше ить всяко жили, тоже... А у их така' чугу'нка больша' была, чугун такой большу'чий, угли туды' накладу'т, потом их это, зальют там, да и закроют, сковородой либо чем-нибудь, какой крышкой. А она пришла домой-то, да и сду'мала постира'ться, взяла да эти угли-то вывалила, там в корзинку вываливали. Корзинка была больша'. А над корзинкой гыт половики висе'лись. Она в эту корзинку-то – они чё-орны, угли-то, она молода' была… Ну, ей сколько? лет 18 было, наверно. Ли побольше, может, было. Может, 20. Вот она двадцать первого году, а это было в тридцать девятом году. Ну, она вза'мужем была, долго уж жила. И она взяла да эту корзинку-то и вывалила, в къладо'вку. А в къладо'вке-то окошечко, ветер-то стал поддувать, и всё загорелись: эти угли, и корзинка загорелась. А она ушла на' реку полоска'ться, идёт – уж там пыл, всё пыла'т. И всё сгорело. И вот 24 дома, 25 сгорело. И наш домик-то сгорел, кода мы жили со Степаном-то. И всё сгорело. И он был… в Луча'новой был, а я на Ела'ни была. Приходим – только пеньки одни. Всё сгорело. Всё сгорело. Ага. И картошки-то, и хлеб-то сгорел…. Таскали нам всё. Вот Колин отец принёс: ведро картошки принёс да это… А мы жили, де Анна Григорьевна живёт. Тут моя подруга была, дак она: «Пойдём…» [жить к нам] – [село] Магада'ево знашь где? У меня там подруга, от она тут жила.

3

Дак а от я тоже так же [сгорела]. Ушли на работу мы: Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля. А потом это, все спят, а мне пошто'-то не спится. Я говорю: «Давайте, порабо'тамте пораньше, да… побольше, да это, не будем долго итдыха'ть», – всё равно всё с меры

да со шшоту было-то, хоть чё делали, – я говорю: «Да домой подёмте пораньше». Много нас там женшын было! – «Ну, чё! Ну да, чё да… Давайте, итдохнёмте!» Ну мне не спится! Ну не я одна, много там сгорело так баб-то. А от эта са'ма Татьяна-то Лексе'вна наду'малась тоже… Вышла вза'муж – ну лет ей 18 было, кода' она уходила, может, не было ешо восемнадцать-то? Она с двадцать первого году, а пожар был в тридцать девятом, весной. Ешо, наверно, восемнадцать ей не было. Ага. А раньше это, – она вышла тут, на Горке, де Пана Ку'зина, ты бува'ла у ей раньше тут-то, а'ли нет? Как де загорело… Ну, Физа де жила, Василия Егорьича живёт-то, – мале'нько подальше туды', через… ну, через один дом, один дом только рядом с Физой. Она тут в этот дом выходила вза'муж. А раньше это, чигу'нки были таки' больши' – ну он у меня в бане есь одна чигу'нка… угли замачивали, самовары-то грели. Она взяла да это… пришла, из госсорфо'нд-то, а угли эти – корзинка стояла, гыт, тут двухру'шна така', плетёна, из прутьев, в къладо'вке. А тут спичка, гыт, така'. А на спичке полови'чка висе'лась, половик, видно… так, как раньше это всё было, я всё знаю. И она вы'сыпала в корзинку эти угли-то. Они вроде тёмны; а там окошечко – а их стало раздувать. И это, угли-то разгорелись, как бы от так от, как в печке бы разгорелись. И половичка тут-ка как-то спы'хнула, нагрелась. И корзина, корзинка-то загорелась. И всё загорелось, она пока выпарила бельё-то, да пошла полоскать, и оттэ'дова-то идут – а там уж дом-то догора'т! Тоже всё сгорело. Дак её – ой, её так срамили её, ругали так! Хотели даже – она пряталась, её хотели в огонь бросить. Угу. Ругали, ши'бко её ругали. [Не били?] Нет. Да она пряталась, кто будет бить её, она пряталась. [Где?] Бегала куды'-нибудь, спрячется да и всё.

А я-то… И я – с полей-то иду, а тут пеньки, только дымочек идёт! А у нас домик-то был в тридцать девятом только… В тридцать девятом сгорели, а мы перешли в тридцать пятом. Хороший домик был! От как рядом с этим от – Лексе'я

Николаича, Каря'кина дом такой… Напро'ти Поли мы жили-то. Ой, Степан приехал – тоже к пеплу. Встреча'т меня бежит – он уважал меня, правда, дружно мы жили. Он бежит меня, стреча'т: «Ну ничё, не мы одни, ничё, не горюй уж, ну чё, не мы одни…» – угова'риват меня. А чё «не мы одни»? – прям нагишом остались. Картошки все сгорели, пашени'ца была, и рожь была и, мука и… – всё сгорело! Анба'р сгорел, коню'шна сгорела, курицы… – и всё погорело. А поросята… свиня' с поросятами была – кто-то куды'-то выташшыли, выгнали. [Спаслись?] Спаслись, ага. Коровы на полях были. Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым! От мы тода' к Нюре Ко'лчиной, она: «Вера, пойдёмте к нам!» От письмо-то [от неё получила]. Мы с ей подруги были. Вместе работали. Вязали помно'го. Больше меня дак нихто' не навязывал, ей-богу, Катя! А я это она от и счас [в письме] помяну'ла: «Тысячу снопов нихто' не навя'зыват».

Вот сколько тода', я не знаю, домов… Двадцать с чем-то сгорело. Ну-ка, счас я пошшытаю. Это, так: Кара'мышев – раз, Андрей Иваныча – два, Василия Егорьича – три, Миха'л Егорьича – четыре, Прокофий Степанычев – пять, Лексе'я Ларионыча – шесь, Иван Афанасьича – семь, Иван Миха'лыча – восемь, Кири'лин – девять, Марьи Матве'внин – десять, Михаил Степанычев – одиннадцать, наш – двенадцать, наш последний. На нашем пожар остановился. Наш – двенадцать… [Далее считает дома по другой стороне улицы:] Трифон Афанасьичев – тринадцать, Миха'л Гаврилычев – четырнадцать, сельсоветскый дом был – пятнадцать, тут Пётра Михалыч… Пётра Дими'трич – семнадцать… винопо'лка была…. здесь винопо'лка была – восемнадцать… Марьи Мефодьевны – девятнадцать, Василь… как его? пошто' я забыла-то? Фёдор Васильич, ли как ли его? – двадцать. Двадцать, двадцать, двадцать… Забыла, как?.. Ланпе'й, о'бшем, был – баба-то [его],

ши'бко уж она ругалась! О'бшем, двадцать три ли чё ли дома сгорело.

[Что такое винопо'лка?] Ну, вино продавали, винопо'лка была. Там сколько вина-то было? [Там только продавали, не делали вино?] Продавали только, привозили. Ликёры вся'ки, и четвертя'ми, и буты'лкими, и литровыми, и шкалики, и каки'-то ма'леньки таки', чету'шки и вся'ки… Каки' только не было. Всё сгорело.

У меня сколько половиков было, сгорело. Яшшык [сундук] от спасся, выташшыли. У нас бы… много выташшыли так бы всё… ну хлеб-то не ута'скывали. Муку-то там не'кода было. А это, на зады выташшыли. А там стоял анба'р у нас, и коню'шна. А как – они выташшыли, трюмо большо' было, это… модно было тода' всё… Всё повытаскали… сгорела. И Степан ушёл [из семьи]. И Мишенька – вон чё наделал. От сколько я пережила. Да говорят, «худа' да ши'бко ста'ра» – небось, соста'рисся, будешь!.. Ешо дюжила как-то, терьпела. Не дай бог.

Как можно видеть, все рассматриваемые тексты имеют общую ядерную часть, посвященную собственно пожару. Через всё повествование прослеживается рефреном тема «утрата дома». С незначительными различиями обозначается хронотопная рамка события (текст № 1: называется год и точная дата; № 2: только год; № 3: год и время года; место происшествия указывается как через топоним *на Горке,* так и через соотнесение с усадьбами односельчан), даются сведения о виновнице несчастья (во всех случаях упоминается ее имя и возраст, подчёркиваются молодость и недавнее замужество как косвенное смягчение вины; в двух текстах назван год рождения) и причине пожара (описаны действия женщины, предметы утвари, связанные с происшествием, и ситуация появления открытого огня).

Все три фрагмента дискурса содержат характерные для диалектной ЯЛ особенности. Дискурс диалектоносителя ярко отражает типичный для всех форм разговорной речи коммуникативный антропоцентризм и эгоцентризм: тексты сосредоточены на

теме «человек» и воплощаются как «я и событие», «событие в моей жизни», событие моими глазами» [Матвеева 1990, с. 47; Юнаковская 1998, с. 196]. Осознание себя частью крестьянского социума проявляется через местоимение *мы* (*мы* – семья, *мы* – вершининские жители), вербализованное или подразумеваемое при употреблении глагольных форм *сгорели, прожили, хотели, перешли, остались* и т.п. Рассказы отличаются фактичностью, большим количеством деталей. Несмотря на наличие ситуативных отвлечений от темы (в тексте № 1 – *у меня голосу нет, перехва'тыват, мне грудь стеснило,* в тексте № 3 – упоминание о только что полученном письме от подруги и пояснение о *винопо'лке* в ответе диалектологу), повествование развивается логично, последовательно: в каждом случае можно вычленить завязку рассказа, развитие темы, кульминацию и развязку. Соблюдается общий для ЯЛ принцип создания связного текста посредством служебных слов *а, ну, и, и вот, и это, а это, ага, угу, вот* и повторов одних и тех же лексем в смежных высказываниях: *Пришли – вся деревня сгорела. Не вся деревня сгорела, а знашь, откэ'дова?; Корзинка была больша'. А над корзинкой гыт половики висе'лись; Я'шшык от спасся, выташшыли. У нас бы…. много выташшыли так бы всё…* и т.п. В каждом из текстов имеют место многократно повторяющиеся ключевые слова раскрываемой темы: *сгореть* (8, 8 и 12 раз соответственно), *дом/домик* (4, 5, 10), *всё/все* в обобщающем значении (4, 6, 4), *угли* (4, 3, 4). Кроме указаний на точное время и место происшествия, все варианты рассказа содержат большое количество онимических, пространственных и количественных конкретизаторов: упомянуто в общей сложности 27 поименованных персон и 4 топонима; обозначаются место нахождения рассказчицы и её мужа в момент события, место расположения нескольких домов односельчан и сгоревшего дома повествователя, место работы виновницы происшествия и теперешнее место жительства подруги, когда-то позвавшей погорельцев пожить у неё; указываются число сгоревших домов, год постройки своего утраченного дома и прожитое

там время. Тексты включают модально-вводные и служебные слова, маркирующие характерную для диалектного дискурса некатегоричность повествования: *однако, может, ли, ли чё ли, наверно.*

В содержательном плане эти фрагменты достаточно близки; однако налицо и ряд существенных различий в объёме повествования, композиции, деталях, используемых говорящим языковых средствах.

Часть особенностей, определяющих вариантность текстов, связана с их структурно-композиционными характеристиками.

1. В более кратких вариантах (тексты № 1 и 2) описание события является лишь одним из звеньев общей канвы повествования о пережитом.

В первом случае воспоминания до темы пожара начинались с краткого повествования о краже в начале войны (*Война началась, а девятнадцатого сентября меня обокрали. ~ До капельки всё уташшыли, в чем была, в тем осталась*), продолжаются темой пожара и завершаются темой «приобретение и достройка нового дома без ушедшего на войну мужа» (*В тридцать девятом сгорели, а в сорок первом война уж началась, мало пожи'ли. ~ А он кода' ушёл тут – я не знаю, в каки'м году, – ну он ушёл, я перестроила её [избу], всю…*).

Во втором рассказе и состав тем, и их порядок меняются: «пожар в доме из-за неисправной печи» (*Я открыла дверь-то – тут ничё не видать. А у меня уж – и постель горит, подушки все сгорели, половина подушки, на'волоки – всё сгорело!*) –> «пожар в деревне» –> «покупка нового дома» (*Ну и вот, и мы сгорели. И перешли тут-ка. Дом купили, Николай Васильичев мы купили дом-то, Степан купил…)* –> «уход мужа на фронт» (*А он ешо в сороковы'м ушёл на фи'нску. Год служил тоже в арьмии, был на войне там. А тут это, война в сорок первом-то*) – > «неоднократные кражи» (*Ой, у меня так обворовали тут-ка – не дай бог! С берега прям захо'дют тут и всё… Да сколько раз прям… ~ У меня эти шеися'т мешков уташшыли, капуста была в кастрюле,*

больши' таки' кастрюли-то, кастрюлю эту капусты уташшыли, и это, бутылки эти все уташшыли. Угу. Прямо от… А но'нче сколько раз – но'нче светы' только рвали всё в огороде…) Попутно заметим, что частная тема кражи тоже варьируется, наполняясь описанием разных эпизодов.

Наиболее развёрнутому описанию сельского пожара (текст № 3) предшествует рассказ о жизни соседей и их городских родственников, в квартире которых произошло короткое замыкание (*Сгорели они прошлого'д. ~ С того угла загорелось, де телеви'зер шёл…*). По ассоциативной связи (*Дак а от я тоже так же [сгорела]*) возникает повествование о пожаре в собственном доме, неразрывно связанное с трагическими событиями для всего села. Данная тема не даёт толчка развитию новых, являясь завершающей в дневном дискурсе информанта (разговор ведётся перед сном, общение заканчивается репликой *Иди ложись давай* в адрес собеседника), но в резюмирующей части намечены оставшиеся не раскрытыми в рассказе другие эпизоды нелегкой личной судьбы: *…сгорела. И Степан ушёл [из семьи]. И Мишенька – вон чё наделал. От сколько я пережила.*

Таким образом, степень развернутости рассказа о событии связана с его **ролью в общей структуре коммуникации** с собеседниками. В зависимости от общего замысла говорящего выстраивается сценарий повествования с порядком переходов от эпизода к эпизоду и «масштабирования» при описании событий в тексте (максимально крупный план в данном случае представлен в третьем варианте рассказа).

2. Сопоставляемые тексты отличаются также **составом частных подтем,** развивающих и дополняющих ядерную часть с собственно описанием пожара.

В наиболее лаконичном варианте рассказчица завершает описание пожара упоминанием о сгоревшем семейном запасе зерна (*сколь хлеба у нас было… рожь-то как сгорела, пашени'ца…*). Значительное место в преамбуле второго текста занимает аксиологически выделенный образ утраченного дома (*Домик хоро-*

ошенькый был у нас. Такой… ну, только крытый так на' два ската. ~ Наличники были, всё, окна хоро'ши были… ~ Кухня больша-а была! Комнатка-то поменьше. Хороший дом был. Новый, прямо карниз был, и всё хорошо было сделано), а в развязке намечается подтема «помощь односельчан» (*Таскали нам всё. Вот Колин отец принёс: ведро картошки принёс…; тут моя подруга была, дак она: «Пойдём…» [жить к нам]*). В третьем случае сюжет начинается с предыстории пожара (описание предчувствия беды, разговора крестьянки с деревенскими женщинами и их отказа закончить работу раньше положенного); намечаются подтемы «отношение погорельцев к виновной односельчанке» (*Дак её – ой, её так срамили, ругали так! Хотели даже – она пряталась, её хотели в огонь бросить…*), «взаимоотношения рассказчицы с мужем» (*Ой, Степан приехал – тоже к пеплу. Встреча'т меня бежит – он уважал меня, правда, дружно мы жили…)*, даётся картина села после пожара (*Коровы на полях были. Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым!*). Получают детальное развитие подтемы «личный ущерб» (*…прям нагишом остались. Картошки все сгорели, пашени'ца была, и рожь была. И мука и… – всё сгорело!..*) и «ущерб для села» (с полным перечислением владельцев сгоревших домов). Таким образом, при сохранении подтем ядерной части повествования второстепенные подтемы в сжатом варианте рассказа могут опускаться, в развёрнутом – вербализуются.

3. Еще более низкий уровень содержательной вариативности появляется на уровне **детализации повествования** в границах обозначенных тем и подтем. Несовпадение текстов в данном случае проявляется посредством

а) замены обобщённых названий конкретными и наоборот. Так, местонахождение рассказчицы варьируется от наиболее неопределённой номинации (№ 3: *Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля*) до лексических маркеров, разными способами уточняющих близость повестовователя к родному селу (№ 2: *И он [муж] был… в Луча'новой был, а я на Ела'ни*

была; № 1: *Степан на полях был где-то, в Луча'нове, а я тоже на полях там, до'ма была*); виновница происшествия в тексте № 2 *пришла домой, с работы*, в тексте № 3 упоминается название склада, где хранились семена зерновых культур (*пришла, из госсорфо'нд-то*);

б) обозначения деталей / пропуски деталей. В тексте № 1, например, героиня *пришла домой* (ср. № 2: *пришла домой, с работы;* № 3: *пришла, из госсорфо'нд-то*); только в одном случае (текст № 2) упоминается такая деталь старого деревенского быта, как *спичка* – деревянный штырёк, на котором висел загоревшийся половик; во всех трёх текстах с разной степенью детализации обозначаются этапы процесса стирки (№ 1: *вздумала постираться, постирала, попарила, пошла полоска'ться;* № 2: *сду'мала постира'ться, ушла на' реку полоска'ться,* № 3: *выпарила бельё-то, да пошла полоскать*) и др.;

в) изменения отдельных деталей. В рассматриваемых рассказах они касаются числовых данных и вызваны временной отдалённостью передаваемых событий. В одном из текстов утверждается, что Татьяна Алексеевна *только вза'муж вышла,* а во втором – *вза'мужем была, долго уж жила;* варьируется её возраст (18–19 лет/18–20 лет / ещё не было 18 лет) и число сгоревших при пожаре домов (25/23).

Все названные выше проявления вариативности обусловлены, очевидно, как общими закономерностями мыслительной деятельности человека по свертыванию/развертыванию смысла в процессе создания текста [Новиков А.И., 1973], так и реализацией авторского замысла повествования. В то же время ряд параметров вариативного текста определяется коммуникативными условиями его порождения.

4. В рассматриваемых эпизодах прослеживается определённая зависимость между степенью близости собеседников и **объёмом создаваемого спонтанного текста**. Самым кратким является рассказ, обращённый к трём молодым диалектологам, двое из ко-

торых встречаются с информантом впервые. Наиболее развёрнуто описание пожара при общении с собирателем материала, включённым в языковое существование говорящего в течение многих лет. Промежуточный случай представлен рассказом, адресованным пожилой собеседнице, родственнице собирателя.

Отношения ЯЛ с участниками коммуникации определяют также **коммуникативный регистр повествования** (по [Золотова 1996]) и связанный с ним **способ представления субъекта речи.**

В тексте № 1 преобладает информативный регистр, характерный для дистанцированного общения. Говорящим используются нейтральные фонетические, лексические и грамматические средства. Эмоциональное начало очень незначительно (встретились лишь единичные *ветерок*, междометие *ой!* и усилительный повтор *долго-долго*). Повествование отстранённое, рассказчик ретуширует своё присутствие за неопределённо-личными конструкциями (*тридцать первого мая сгорели; раньше угли замачивали; ка'жный день печку топили…),* лишь однажды появляется *и вот мы тоже тода' сгорели.* Рассказ «погружён» в прошлое, однако в одном из высказываний В.П. переносит повествование в настоящее: *пришла домой, а уж дом-то <u>догора'т</u> у ей.*

В тексте № 2 ядерная часть во многом напоминает первый вариант, однако в обрамляющих его фрагментах поддерживаются регистры, только намеченные ранее. Особенно усиливается субъективная окрашенность повествования, связанная с подтемой сгоревшего дома: она проявляется через частотные формы положительной рациональной оценки (*окна хоро'ши были; хороший дом был; всё хорошо было сделано*), диминутив *домик,* протяжку гласных, восклицательные конструкции *(домик хоро-ошенький был у нас; кухня больша-а была!).* Здесь доминирующим является мы-повествовование (*мы тоже там жили подальше; Мы только пять лет прожи'ли; И наш домик-то сгорел, кода мы жили со Степаном-то; А мы жили, де Анна Григорьевна живёт*), в кото-

ром рассказчица, мысленно объединяя себя с мужем, передает ситуацию от имени семьи. Конец рассказа отмечен возрастанием доли глаголов настоящего исторического времени (*идёт – уж там пыл, всё пыла'т; приходим – только пеньки одни*), появлением высказывания с чужой речью (*Тут моя подруга была, дак она: «Пойдём…»*).

В тексте № 3 типичное для данной ЯЛ сочетание информативной доминанты со сдержанным эмоциональным началом (по-прежнему умеренно используются диминутивы и восклицательные конструкции) дополняется резким усилением репродуктивного регистра, при котором «говорящий из хронотопа происходящего воспроизводит средствами речи сенсорно воспринимаемые действия в их конкретной длительности или последовательной сменяемости, предметы и признаки – в их непосредственной наблюдаемости» [Золотова 1996, URL]. Доверительное общение один на один вызывает передачу обстоятельств, произошедших более полувека назад, так зримо, как будто всё случилось только вчера. Возрастает доля глаголов в настоящем историческом времени, высказываний с прямой речью – имитирующих как реплики отдельных субъектов, так и диалог: *«Да домой подёмте пораньше». ~ – «Ну, чё! Ну да, чё да… Давайте, итдохнёмте!» Ну мне не спится!; С полей-то иду, а тут пеньки, только дымочек идёт!; Он бежит меня, стреча'т: «Ну ничё, не мы одни, ничё, не горюй уж, ну чё, не мы одни…»; Идут – реву-ут коровы, не знают, куды' заходить-то: дым! От мы тода' к Нюре Ко'лчиной, она: «Вера, пойдёмте к нам!».* Текст открыто личностный, преобладает обозначение субъекта через местоимение первого лица: *Дак а от я тоже так же [сгорела]; Я говорю: «Давайте, пора-бо'тамте пораньше…»; Ну мне не спится!; И я – с полей-то иду, а тут пеньки…; От сколько я пережила.* «Мы»-семейное здесь тоже имеет место, но встречается реже: *Ушли на работу мы: Степан уехал в Луча'нову, по конба'йну, а я ушла тоже, на поля; Напро'ти Поли мы жили-то; От мы тода' к Нюре Ко'лчиной…*

Поскольку представителем диалектной речевой культуры всегда учитываются различия в фоновых знаниях участников общения, тексты отличаются также характером **комментариев, выравнивающих эти знания** и предотвращающих коммуникативные неудачи. Так, рассказы № 1 и № 3 с участием молодых горожанок порождают более развернутые пояснения относительно реалий деревенского быта (*чугу'нка, двухру'шна корзина*) и условий этого быта в прошлом (*ка'жный день печку топили; угли замачивали, самовары-то грели*) – ср. в тексте 2 краткий комментарий для пожилой собеседницы, касающийся только употребления *чугунки.* Поясняющий характер имеет также предваряющее антропоним словосочетание *одна женшына* во втором тексте (*И там одна женшына – Татьяна Лексе'вна – пришла домой, с работы*).

Вариативность текста проявляется также в **использовании средств различных языковых ярусов, имеющих формальные различия при смысловом тождестве или близости.** Отмечено интонационное (№ 1: *Они [угли] вроде бы чёрны изде'лались-то;* № 2: *они чё-орны, угли-то*), морфологическое (№ 1: *Степан на полях был где-то, в Луча'нове;* № 2: *И он был… в Луча'новой был*) и синтаксическое варьирование (№1: *Она вы'сыпала чугу'нку-то, а ветерок-то подул, раздул их [угли];* № 2*: ветер-то стал поддувать, и всё загорелись: эти угли;* № 3: *Они [угли] вроде тёмны; а там окошечко – а их стало раздувать*). На лексическом уровне наиболее широко представлены формальные лексические варианты (№ 1: *чугу'нка;* № 2: *чугу'нка/чугун,* № 3: *чигу'нка;* № 1, 2: *половик,* № 3: *половичка, половик;* № 1: *корзина,* № 2: *корзинка,* № 3: *корзина, корзинка;* № 1, 2: *полоскаться,* № 3*: полоскать;* № 1 *постирать/постираться,* № 2: *постираться*), встречаются отдельные синонимические пары (№ 1: *Они [угли] вроде бы чёрны изде'лались-то;* № 2: *они чё-орны, угли-то*; № 3: *Они [угли] вроде тёмны*). В каждом из текстов тема пожара, наряду с ключевыми словами, также поддерживается менее частотными лексемами с семантикой горения: № 1 *загореться, догорать*; № 2 *обгореть,*

загореться, *пыл, пылать*; № 3 *пожар, спы'хнуть, нагреться, догорать, огонь, дым/дымочек, погореть*.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют, с одной стороны, о наличии константных признаков диалектного дискурса, типичных для представителя речевой культуры, с другой – о высоком уровне вариативности текстов, порождаемых диалектоносителем в условиях спонтанной речевой деятельности.

Вариативность текста проявляется в реализации способности говорящего к выстраиванию повествования в соответствии с замыслом представления события в ряду других, регулированию степени развернутости рассказа, структурированию текста на частные подтемы (с возможностью выбора порядка их подачи и эллиптизации второстепенных тематических линий); изменению деталей и объёма текста, мене коммуникативных регистров и способов представления субъекта речи, наличии/отсутствии поясняющих комментариев, использовании разнообразных по форме и семантике языковых средств.

Вариативность текста обусловлена многими факторами. В числе объективных причин, которые дают говорящему возможность создавать вариативные фрагменты дискурса, – устройство языковой системы, допускающей передачу смысла множеством различных способов, и общие закономерности мышления человека при порождении речи. К субъективным факторам относится степень развития речевой способности homo loquens, позволяющая автору текста реализовывать замысел повествования с учетом коммуникативно-прагматической ситуации (в первую очередь – умение чутко реагировать на фактор адресата) и опорой на разнообразие ресурсов, усвоенных из общенародного языка. Поскольку реализация этой способности обусловлена коммуникативной целесообразностью и базируется на богатстве языковых ресурсов диалектной ЯЛ, вариативность порождения текста можно считать, по выражению Л.И. Скворцова, сердцевиной речевой культуры [Скворцов 1994].

3.11. Речевое поведение в конфликтных ситуациях

Исследование речевого общения и речевого поведения носителей языка входит в круг активно изучаемых проблем современного языкознания. Лингвисты обращаются к выявлению принципов и правил речевого поведения, их национального своеобразия, стратегий и тактик в речи коммуникантов, системы речевых жанров и многих смежных с названными вопросов.

Одним из аспектов изучения речевого поведения является анализ общения носителей языка в конфликтных ситуациях. Актуальность работ в этой области на стыке интересов прагмалингвистики, коммуникативной конфликтологии, эколингвистики обусловлена их междисциплинарностью и значимостью развития навыков эффективной речевой коммуникации в современном социуме.

Речевое поведение участников коммуникации в конфликте все чаще привлекает внимание ученых [Н.В. Муравьева, В.С. Третьякова, И.И. Гулакова, Д.В. Иванова, Е.В. Белова и др.]. В связи со сложностями сбора таких данных в спонтанной речи лингвисты опираются главным образом на фрагменты диалогических текстов персонажей из беллетристики и кинофильмов, рассматривая их в качестве художественного аналога естественной речи; в редких случаях используются экспериментальные материалы [Комалова 2018] и полученные методом скрытой фиксации записи разговорных дискурсивных практик [Черных 2016]. Важной задачей можно считать сбор и анализ материалов реального общения представителей различных страт социума в ситуации речевого конфликта.

Под конфликтной ситуацией вслед за И.И. Гулаковой понимается ситуация, «в которой происходит коммуникативный конфликт – столкновение двух сторон (участников конфликта) по поводу несоответствия целей, интересов, взглядов, в результате ко-

торого одна из сторон сознательно, либо бессознательно, действует в ущерб другой (вербально или невербально), а вторая сторона, осознавая, что указанные действия направлены против ее интересов/целей, предпринимает ответные действия» [Гулакова 2004, с. 3–4].

Типы конфликтов в идиолектном дискурсе

Конфликтологи в зависимости от характера субъекта/субъектов коммуникации выделяют такие разновидности конфликтов, как межличностные, внутриличностные и групповые [Шейнов URL]. Анализ дискурса рассматриваемой ЯЛ свидетельствует о том, что в нем представлены только межличностные конфликты. Их участниками являются обычно родственники или односельчане; в отдельных эпизодах зафиксирована также коммуникация ЯЛ с посторонними или неизвестными людьми. Обратим внимание на то, что в речевой практике информанта отсутствует конфликтное взаимодействие с должностными лицами.

Отсутствие конфликтов внутриличностного и группового характера, очевидно, можно объяснить спецификой традиционного сельского социума, в котором целостность внутреннего мира входящих в него членов и относительная однородность сообщества определялась силой традиции, единством ценностных установок, во многом сохраняющихся и в наши дни.

Возникновение конфликтов в среде диалектоносителей обусловлено разнообразными причинами, среди которых можно выделить имущественные, поведенческие и мировоззренческие.

Имущественные конфликты связаны с ущемлением имущественных прав индивида. В дискурсивной практике крестьянки отражены такие поводы для возникновения конфликта, как раздел земельных участков между пользователями, присвоение чужого имущества или чужого труда, самовольное распоряжение чужой собственностью. Интересен тот факт, что этот вид конфликтов между сельчанами, как правило, касается не денег, а природных ресурсов (земля) либо собственноручно сделанного

или выращенного в своем хозяйстве (дом, скот, овощи и цветы со своего огорода, продукты питания).

Поведенческие конфликты возникают в связи с нарушением принятых в социуме этических норм, осознаваемых в качестве значимых для личности. Они проявляются вследствие супружеской измены, пьянства, ненормативных отношений между родственниками, соседями и друзьями при несоблюдении законов добропорядочности, взаимоуважения, гостеприимства и др. Отметим, что конфликтогенным фактором могут быть как аморальные поступки, так и речевые действия (неудачная шутка, обидное замечание, бранное слово и т.п.); во многих случаях имеет место и то, и другое.

Мировоззренческие конфликты отражают различие взглядов коммуникантов и их отстаивание в процессе общения. Примером такой конфликтной ситуации можно считать речевое взаимодействие двух диалектоносительниц близкого возраста с разногласиями по поводу религиозных убеждений.

Следует заметить, что границы между обозначенными типами не всегда являются четкими: некоторые конфликтные ситуации можно интерпретировать как синтез двух, а иногда и трех разновидностей конфликтов. Так, в эпизоде конфликта, вызванного подменой при продаже качественной вещи на некачественную, нарушение имущественных прав завуалировано обманом как несоблюдением этической нормы. Этическое и мировоззренческое начало сочетаются в конфликте информанта с молодой приезжей соседкой, устраивающей скандал из-за того, что В.П. печет к Пасхе кулич для бывшей жены ее сожителя. Нарушение норм этики проявляется в неуважительном, агрессивном речевом поведении младшего из коммуникантов по отношению к старшему; мировоззренческий компонент отражает несовпадающие взгляды участников конфликта на их право вести себя так или иначе в определенных ситуациях.

Среди выявленных разновидностей конфликта основная доля в идиолектном дискурсе приходится на поведенческие. Имущественные конфликты занимают второе место, а мировоззренческие единичны. Последние, вероятно, редко вербализуются при непосредственном общении рядовых носителей языка. Преобладание конфликтных эпизодов первого типа можно считать закономерным: нормы этики являются базовыми в функционировании любого социума; еще более значимы они в старожильческих селах с высокой плотностью личных контактов и ориентацией ядра таких коллективов на веками поддерживавшиеся традиции.

Речевое поведение языковой личности на этапах конфликтной коммуникации

Исследователи рассматривают конфликт как коммуникативное событие динамического характера, подразумевающее выделение этапов конфликтной коммуникации [Анцупов, Шипилов 2000; Кашапов 2003; Третьякова 2003; Гулакова 2004; Черных 2016 и др.]. Они выделяются с разной степенью детализации, однако внимание ученых сосредоточивается в первую очередь на этапе межличностного взаимодействия с момента начальных проявлений противодействия сторон до окончания конфликта. Периферийные «околоконфликтные» явления обычно не рассматриваются. В центре такого анализа – стратегии и тактики поведения коммуникантов.

В теории конфликтологии стратегии понимаются как личностные «установки на определенные формы поведения в ситуации конфликта»; как средство реализации стратегий выделяются тактики – «совокупности приемов воздействия на оппонента» [Анцупов, Шипилов 2000, с. 238]. Исследователи говорят о разном наборе таких ментальных установок и соотносимых с ними приемов речевого поведения в ситуации конфликта, используя для их обозначения вариативные номинации, но при этом наиболее общим можно считать противопоставление кооперативных и конфронтационных стратегий и тактик. В первом случае участ-

ник коммуникации стремится к гармонизации отношений с учетом интересов партнера, во втором – любыми средствами добивается реализации только собственных интересов, что не приводит к восстановлению нормативного общения.

Представляется, что в рамках когнитивно-дискурсивного подхода при исследовании ЯЛ в коммуникативном аспекте

а) наряду с собственно конфликтным взаимодействием коммуникантов должны учитываться предконфликтный и постконфликтный этапы речевого общения;

б) при анализе речевого поведения индивида значима квалификация выявленных в дискурсе индивида тактик, ориентированных на кооперативное/конфронтационное взаимодействие с оппонентом;

в) стратегии говорящего как явление ментального порядка могут быть реконструированы исследователем с преобладанием применяемых ЯЛ тактик.

Рассмотрим выявленные эпизоды идиолектного дискурса с учетом этих установок.

1. В дискурсивной практике диалектоносителя можно отметить распространенность ситуаций предотвращения конфликта на **предконфликтном этапе,** до начала собственно конфликтного взаимодействия коммуникантов.

В одном из эпизодов ЯЛ воздерживается от планируемого поступка, который, по ее предположению, может спровоцировать конфликт. Крестьянка не решается унести на кладбище для обивки столика подаренную подругой клеенку – та может подумать, что подарок не понравился, и обидится: *У меня есь клеёнки, много, подарила мне Татьяна Алексевна но'нче бо'ле двух метров на Восьмое марта принесла. А я хотела её взять – думаю, неудобно: скажет, «Вере не погляну'лась, она на кладбишше сташшыла». Я не понесла*. Профилактика конфликта, как можно видеть, заключается в тактике **отказа от намерения,** которая не содержит вербальной составляющей и отражается при передаче субъектом его внутренней речи.

Отмечено несколько случаев, в которых исследуемая личность применяет тактику **отказа от уже осуществляемого действия**, оценив его как потенциально конфликтогенное. Оба эпизода связаны с денежными вопросами. В одном из них женщина некоторое время помогает не умеющему считать односельчанину пополнять вклад в сберкассе, но потом прекращает оказывать эту помощь*: Он же не понима'т мале'нько. Он шшэту' [«счёта»] не знат. ~ Он всё на книжку деньги клась как он ко мне приносил. А поцьта рядом была. «Поло'жь мне деньги на книжку!» Ну я думаю: пойду да поло'жу. Потом думаю: како'-нибудь недоразуменье ешо может быть. Он вишь, не понимает. И она [его жена] така' же, не понима'т, дурочка*. Аналогичным образом она перестает давать в долг деньги соседке, которая однажды возвращает ей меньшую сумму, чем заняла: *Она приходит ко мне: «Ты мне дай, Вера, пятнадцать рублей». Я ей дала пятнадцать рублей. А она говорит, это… Приходит, деньги получила, приходит: «Я у тебя десять брала?» Я говорю: «Знашь чё? Я тебе больше деньги давать не буду». Я говорю: «Ты вот вишь чё, взяла пятнадцать, а говоришь «десять». Я говорю: «А люди вправду подумают, что как вроде может… да и ты сама поду'машь, что я тебя обманула». Я говорю: «Никого, раз памяти нет, и не даю больше». Она не была, счас ходит занима'т, у меня не берёт*. Сообщение об отказе в дружеской услуге (очевидно, оно имело место и в коммуникации с односельчанином) сопровождается говорящим объяснением причин прекращения помощи – возможным *недоразумением.*

Выделяется также ряд ситуаций, в которых ЯЛ дистанцируется от конфликта между известными ей лицами, используя тактику **невмешательства.** Крестьянка следует своим принципам поведения, руководствуясь пословицей *не наш конь, не наш воз, не нам везти* «не следует вмешиваться в чужие дела» из ее цитатного фонда.

Информант не вмешивается, например, в разгорающийся имущественный конфликт односельчан. В отличие от соседки, начавшей принимать активное участие в обсуждении подозреваемых в краже овцы, В.П. отстраняется от обсуждения этой темы, считая обвинение бездоказательным: *Овечек гнали, а к Владимиру Прокофьичу забежала чужа' овечка. ~ А он его, видно, приэкономил ли чё ли. ~ А Нюра-то сказала, что он заколол, эта хозяйка барана-то. «Заколол Владимир, гыт, закололи». А е'той-то [соседке] кра'йно надо, она ши'бко така', ей кра'йно надо сказать. Ну я услыхала, а мне-то како' дело? Меня же не задевает, заколол он – не заколол. Не пойманный – не вор.* В другом случае, оказавшись невольным свидетелем враждебного отношения мачехи к маленькому мальчику, крестьянка не заступается за племянника, хотя глубоко сочувствует ребенку: *А я легла на это, как её? На скамейку, на лавку-то. Лежу. А пирог с рыбой испекла, с горбушей, эта Вера. [Изображает в лицах услышанный диалог, меняя просительную, жалобную интонацию на враждебный тон:] «Мама, дай! Мама, дай!» – «Поди ты к чёрту от меня! Поди ты к чёрту, худой, навязался на меня, чёрт!» – она. Она ду'мат, я сплю лежу, да чё я хоть… пропа'шша [«мёртвая»] ли чё ли? Аγа. Он: «Ма-ама, дай!» Ну чё, ребёнок дак ребёнок и есь. А он в школу пошёл, ему, наверно, семь лет было. ~ «Ма-ама, дай! Ма-ама, дай!» Я думаю: γосподи! Ну отре'зала [бы], ну кусочек, они [дети брата] каки'-то ись-то не жа'дны… ~ «Ма-ама, дай! Ма-ама, дай!» – ну как от за' душу тянет. А я лежу да прямо плачу помале'ньку так, про себя.* Такое поведение объясняется ей невозможностью изменить ситуацию и убежденностью в том, что вмешательство в жизнь чужой семьи только ухудшит положение сироты: *Пана [односельчанка] гыт: «Надо чё-то делать, говорить ей [мачехе] чё ли надо, чё?» Ну, а чё говорить? Наругает тебя, да и всё, вся и разговор.*

Типичным для диалектной ЯЛ является также поведение в ситуациях, когда при диалогическом взаимодействии с собеседни-

ком говорящий предпочитает умолчать о возникшей у него отрицательной эмоциональной реакции. Такая реакция (недовольство, раздражение, чаще всего – обида) не озвучивается оппоненту «в глаза» даже в мягкой, тактичной форме; субъектом используется тактика **умолчания о негативной эмоции.** Пережитое эмоциональное состояние отражается в речи информанта только в доверительном общении с близкими тогда, когда контакт с участником диалога уже остается в прошлом.

Показателен пример рассказа о близкой подруге, высказавшей сожаление об участии в чаепитии, поскольку, по ее мнению, оно требует ответного потчевания: *Ко мне не стала ходить она, не ходит. Я позвала чай пить раз, она попила пришла, а потом мне говорит: как вроде потчевать ей меня надо – как у меня чай попила, потчевать надо. Дак я разве за этим её звала, чтоб обязательно пойти чай пить? А она говорит: «Ой, я так каюсь-каюсь, что к тебе пошла». А мне не погляну'лось. Так рассердилась на неё. Ну, не ругалась, ничё, так в уме-то думаю: господи, чай попила да кается.* Заключительный фрагмент повествования детально обозначает мысли и чувства субъекта (*не погляну'лось, рассердилась на неё, в уме-то думаю: господи*…), не высказанные собеседнице вслух, и воздержание от проявления агрессии, грубых слов (*ну, не ругалась, ничё…*). Обратим внимание на маркер *думаю,* часто встречающийся и в других конфликтных эпизодах при передаче внутренней речи.

Аналогичным образом описывается встреча с другой подругой, которая долго не приходила попроведать больную: *Вот Рая у меня не была, это Аксиньина дочка, всё лето, всё лето не была, – а я обиделась на её. ~ Ну я думаю: не идёт – не надо, чё, не идёт дак… Я как болела, ши'бко нога-то у меня, думаю: господи, не идёт ко мне. А теперь она заявля'тся. Мне получше стало, я уж ходить стала.~ Ну, она заявилась, арбузик принесла мне маленькый, и два яблока. А мне неохота их брать, а как не возьмёшь?* В этом случае сохранить с односельчанкой дружеские отношения, наряду с умолчанием об обиде, позволяет акциональная тактика

принятия гостинцев как знака дружеского внимания (*неохота их брать, а как не возьмёшь?*).

К умолчанию женщина прибегает и в случае, когда продавщицы сельского магазина утаивают от ветеранов положенный им продуктовый паек: *А я обиделась так вроде, ничё не сказала хоть, а… Фи**з**а приходит ко мне, а нам же дают, как ветеранам войны-то это… это, таким, старым-то. А Физа говорит: «А вам там паёк дают». ~ Завтра Коля пошёл – они колбасы' прода'ли ~ а это, мяса уже, гыт, нету. И Таня продавец говорит: «Мясо нехоро'ше было, уже припахывает, и жирно ши'бко». ~ А я говорю: «Врёт она. Никого! Себе взяли, да и всё».* По сравнению с предыдущими эпизодами комментарий говорящего более грубый (*врёт*; *себе взяли да и всё*), В.П. вполне определенно обвиняет работников магазина в обмане и присвоении продуктов. Тем не менее она не жалуется в официальные инстанции, следуя привычной тактике поведения (*А я обиделась так вроде, ничё не сказала хоть, а…*).

В дискурсивных материалах отражена также тактика **отказа от возражений,** при реализации которой несогласие ЯЛ с собеседником переходит в сферу внутренней речи. Реплики, выражающие несогласие, отстаивание своей позиции реплики, как и при переживании обиды, воспроизводятся субъектом постфактум, в разговоре с близкими. Реконструкция того, что не было высказано вслух, также маркируется глаголом *думаю: …Шура Викторова: "Я бы давно…" – вот эта юбчонка така' ху'денька Еленина [у меня] была, она гыт: "Я бы давно её выкинула, по'д берег ли куды' либо сожгла ли бы, я всё там приеду, дак… к Гале [дочери], да всё жгу, всё жгу…" Я думаю: "Тебе чё надо-то?" Ничё не со'дит, и никого не де'лат и… и сама ничё. ~…приходила ко мне, давно уж: «Ты, Вера, купи от этот, пла'тельный… шифонер купи, пла'тельный шкаф купи, купи стол ку'хольный…» А я думаю: "Т**ы**-то пошто' не покупа'шь? Ты же дочь моя [по возрасту], пошто' не покупа'шь-то ничё?"*

Как можно видеть, ЯЛ последовательно избегает и поступков, и высказываний, которые могли бы запустить механизм конфликтного взаимодействия. К ним относятся такие тактики, как отказ от потенциально конфликтогенных намерений и действий, невмешательство в конфликты между другими лицами, умолчание говорящего о негативной эмоции в диалоге с собеседником, отказ от речевого противодействия в случае несогласия с ним, принятие подарков в подтверждение дружеских отношений. На этом этапе речевого взаимодействия выявленные тактики редко подкреплены вербальными средствами: среди всех перечисленных лишь решение об отказе от ранее осуществлявшейся услуги (одалживание взаймы небольших сумм, помощь в перечислении денег в сберкассе) озвучивается информантом; редки и тактики, подкрепляемые акционально (принятие гостинцев). В остальных случаях только с опорой на рассказ о прошедшем событии можно реконструировать потенциально возможный деструктивный характер реплик и/или поступков индивида (отраженный при передаче внутренней речи) и сопоставить его с выбором ЯЛ иного, кооперативного способа взаимодействия с оппонентом в реальной коммуникации. Конфронтационной среди выявленных тактик можно считать только частный случай отказа от осуществляемого действия – прекращение дружеской услуги, поскольку такое действие ущемляет интересы партнера. Однако отметим, что отказ смягчается объяснением причин прекращения помощи.

2. В дискурсе исследуемой ЯЛ также представлены эпизоды, отражающие ее непосредственное речевое взаимодействие с коммуникантами на **этапе открытого конфликта.**

Д.В. Иванова отмечает: «Как правило, в конфликтных ситуациях задействованы два участника, один из которых ведет себя более агрессивно, нападает, а второй пытается сгладить ситуацию, погасить агрессию собеседника, выйти из ссоры, стараясь при этом, чтобы его собственные речевые действия не были агрессивны» [Иванова Д.В. 2015, с. 226]. В.П. крайне редко является инициатором конфликта; обычно она вступает в диалог с его

зачинщиком, используя богатый спектр смягчающих агрессию **кооперативных тактик.**

В отличие от предконфликтного этапа коммуникации, на котором тактики слабо вербализуются, на этапе открытого конфликта (по В.Д. Третьяковой, в коммуникативной фазе его развития [Третьякова 2003]) они регулярно поддерживаются вербальными и невербальными средствами.

Широко применяет информант тактику **объяснения.** По мнению Д.В. Ивановой, «спокойные доброжелательные ответы, подробное объяснение своей позиции и своего взгляда на ситуацию способствуют эффективному общению, а в конфликтных ситуациях помогают донести до собеседника свою точку зрения и улучшить коммуникативную тональность общения» [Там же, с. 12]. Исследование фрагментов речевой практики сибирской крестьянки показывает, что в составе приводимых аргументов ЯЛ не только называет факты, дающие собеседнику информацию о мотивах своих поступков в той или иной ситуации, но и в некоторых случаях отстаивает право поступать в соответствии со своими взглядами и убеждениями. Так, накануне Пасхи крестьянка стряпает куличи и хочет *кра'дучи* передать гостинец своей бывшей соседке, которая после развода с мужем переехала в другое село. Однако тайну сохранить не удается, и новая сожительница соседа устраивает скандал, с грубой бранью обвиняя пожилую женщину в угодничестве: *Она пришла, как давай материться! ~ «Лёша меня [ругал], что ты па'ски стря'пашь там да… она продавцом рабо'тат, дак вы ей жопу лижете» – вот так вот давай на меня.* В.П. отражает нападки, объясняя, что посылка кулича – знак благодарности женщине, которая поддерживала с ней добрососедские отношения: *«Для меня Таня хоро'ша, я её век не забуду. ~ Бежит: «Чё у тебя, тётя Вера, есь огурчи'шки мале'нько, давай!» ~ увезёт продас. И деньги ташшыт. ~ Ну, выручала она меня»*. Она говорит также о том, что межличностные негативные отношения – не повод их распространения на других людей (*Я говорю: "Вот у меня Степан [муж] ушёл, и ходили они там [к*

нему], хо'дют, дак я чё, буду сердиться на всех, что «Вы не принимайте Степана там, вы Маньку не принимайте та'мо-ка"? Я, говорю, при чём?") и подчеркивает, что посторонние не имеют права диктовать, как ей поступать (*Я говорю: "Зря я не спросила вас [ирон.], надо было потти' вас спросить, можно ли нет состряпать па'ску?"*).

Более редки иные тактики. В ситуации, когда В.П. прячет в своем доме соседку с детьми от угрожающего оружием пьяного мужа, на грубое требование открыть дверь (*А у меня ворота'-то на зало'мке уж, а он сту'кат в окошко: «Сука!» − на меня*), она прибегает к **лести** (выдавая желаемое за действительное), а также использует **просьбу** и **уговаривание,** подчеркивая свой возрастной статус, требующий уважительного отношения: *Я говорю: "Не открою я тебе, Лёня", – а его уговариваю, говорю. – "Ты хороший сосед, ну, говорю, ты меня не беспокой, ты чё меня беспокоишь, ста'реньку, говорю, таку'? " – ему*.

Как можно видеть, в рассмотренных примерах информант как бы не замечает речевой агрессии другой стороны конфликтного взаимодействия. Вместо зеркального отражения чужих провокационных тактик и языковых средств (угрозы, обвинения и требования, брань и крики) ЯЛ опирается на кооперативные тактики объяснения, лести, просьбы, уговоров. Противодействие зачинщику конфликта осуществляется информантом в спокойном тоне, при воздействии на собеседника он может прибегнуть к просительной интонации. При выборе лексических средств говорящий отдает предпочтение безоценочной апеллятивной лексике, в тактике лести отмечен маркер позитивной оценки собеседника (*ты хороший сосед*). Для обращения к оппонентам используются полные или нейтральные неполные имена (*Лексе'й, Аксинья, Лёня*).

Конфронтационные тактики также используются ЯЛ при конфликтном взаимодействии. Преобладающей среди них можно считать **упрек.** Он относится к конфронтационным приемам воздействия: целью говорящего в этом случае является «выражение

неудовольствия, неодобрения, обвинение» [СОШ 2009, с. 836], которые могут быть восприняты в качестве конфликтогенов. Упрекая, носитель традиционной народно-речевой культуры делает акцент на необходимости следования моральным нормам, нарушаемым участниками конфликта.

Чаще всего при генерировании упрека диалектоносительница опирается на базовые для обыденной морали понятия внутренних регуляторов поведения в соответствии с системой ценностей социума, выработанной в течение многих столетий. Одно из таких понятий – стыд. Нередко упрек вербализуется в клишированном высказывании *как тебе не стыдно.* Оно звучит в ответ на грязную брань молодого мужчины в ее адрес (*"Б***ю'га, открывай, проститутка!" – на меня. Я говорю: "И не стыдно тебе, Лексе'й? – говорю, – как тебе не стыдно, ты чё говоришь-то?»*); аналогичным образом информант реагирует на слова родственника, который хочет выпить спиртного (*Кружечку надо выпить, да идти. – Как не стыдно, ей-богу!*), неподобающий внешний вид односельчанина (*Я говорю: "Не ходи, как тебе не стыдно в таком… с такими рваными штанами, по улице-то идти, надо же?"*) и т.д. В дискурсе встречается, кроме того, единичное упоминание такой нормы отношений между людьми, как милосердие: *Ермаков, выкопал у меня два ряда' [картошки]. Две сотки, о'бшэм. А я говорю: "От дак милосердие, – говорю. – Старым людя'м все говорят помогать да всё, а вы, – говорю, – после'дне у меня итобра'ли"*.

Упрек в отсутствии совести воспринимается говорящим, очевидно, как наиболее жесткий коммуникативный ход и редко озвучивается при личном контакте. Показательно при этом использование приемов смягчения осудительной коннотации лексемы *бессовестный*. Так, в присутствии конкретного человека информант может выразить негативную оценку его поступка обобщенно, как бы в адрес неопределенного множества лиц (прием генерализации): *Галька-пьянчужка [вырвала в огороде В.П. тюльпаны. Далее передает диалог с ней:] "А хочешь, я тебе*

скажу, кто у тебя вырвал?" Я говорю: "О-ой! Неужели нет? Хочу!" – "Я" – гыт. (...) Я говорю: "Бессо'вестны-то каки'", – говорю. Ага. "Ну не ругайся, не ругайся". В качестве другого приема используется эвфемизация. В рассказе о залезших в огород воришках можно видеть, как изначально предполагавшаяся реплика В.П. с осуждающей оценкой меняется на высказывание с предположением: *А этот залазит в огород. ~ А я-то лежу на этой, на раскладушке, а он-то [сын] тут на койке. "Мама, гыт, идут! Идут, гыт". А я тапочки не могу найти, – я бы хыть это, постыдила бы так, вышла, скажу: "Куды' вы лезете, бессо'вестны?" Думаю, схожу – тапочки не могу найти. ~ "Вы заблудились, наверно, куды' зашли?" – я не заругалась, ничё, так это: "Заблудились, гыт? Вы куды' залезли гыт?" Они побежали. И вот это, с тех пор не лазили.* Кроме замены грубого *лезете* на *заблудились,* позволяющее ворам «сохранить лицо», опускается и прилагательное *бессовестные.*

Эллиптизация названия действия или признака коммуниканта, вызвавшего недовольство говорящего, встречается при смягчении упрека и во многих других случаях: *А теперь знашь каки' детки, Катя? Не дай бог же! От у их тут койка стоит, а тут это, стол. А он [мальчик] на стол заскочил и, гляжу, на кровать. А ему было – ну, лет восемь, девять ли, уж такой. Я ему: "О'споди, Дима, ты чё де'лашь?" Я говорю: «Ты пошто' так, койка заправлена» – ну скака'т туды' прямо безо всяких!* Систематически привлекается с этой же целью и генерализация: *[пьяному мужчине:] Ты куды' идёшь-то? Пошто' таки'-то?* Для сглаживания упрека может использоваться также шутливая интонация: *А я говорю [почтальону, которая, не застав хозяйку дома, велела ей самой прийти за пенсией на почту]: "Дак а вот у вас если денег не бува'т, если вы не прино'сите пенсию ~ – дак вам ничё это, та'мо-ка можно, а нам нельзя?" – вроде шуткой, а сама в обиду говорю.*

Уступают упреку по распространенности другие конфронтационные тактики, используемые информантом в тех случаях, когда кооперативные тактики не дают должного эффекта. **Угрозы** и **приказ** отмечены, например, в конфликтном взаимодействии с непослушным мальчиком, оставленным на попечение женщины родственниками: *Я пошла и звала-звала, звала-звала его, он ни за что не идёт. Я говорю: «Я тебя на замок закрою и оставлю сейчас». ~ "Ты пойдём, – говорю, – а то папа приедет, я нажалуюсь папе и маме расскажу всё, что ты меня ниско'ль не слу'шашь». ~ Потом я на него как крикнула! Я говорю: «Что ты де'лашь? Айда'!» За руку взяла. А он: «Я сам наемся и пойду к тёте Ане наработу». Я грю: «Спаси Бог!"*. Когда речевое воздействие не приводит к желаемому результату, В.П. подкрепляет тактику приказа (*Айда'!)* акционально (*за руку взяла)* и меняетинтонацию увещевания на повышенный тон (*как крикнула!*). Показательно, что использование приказа отмечено по отношению к ребенку: в адрес взрослых эта тактика обычно заменяется просьбой (что совпадает с выводами О.А. Казаковой [Казакова 2007, с. 65]).

Разновидностью угрозы можно считать тактику **апелляции к властным структурам,** которая встречается в конфликтах с односельчанами. Так, при краже ведер из ее усадьбы крестьянка делает попытку вернуть свое имущество у воровки, угрожая, что иначе заявит о ее поступке в сельсовет: *"Принесу, принесу в понедельник". От понедельник прошёл, авто'рник – и опе'ть понедельник. Я взяла да это… записку пишу: "Галя! Без греха отдай вёдра. Я пока'месь в сельсовет не обратилась, никуды', – говорю. – Я ши'бко никому не говорю… – а сама всё равно всем говорю. – Я, – говорю, – никому не разглашаю ши'бко, ничё – ну тут без сельсовета, говорю, не обойдётся, я должна пойти в сельсовет». Я говорю: "Принеси без греха!"*.

В конфликтном диалоге у диалектоносительницы отмечено и **декларативное отрицание** тезиса оппонента. Данная тактика используется, когда положение дел для ЯЛ настолько очевидно,

что, по ее мнению, не требует объяснений и доказательств. Отрицание такого рода встречается, например, в эпизоде конфликта с односельчанкой во время работы на поле: *А тут одна старуха была ~ А вязали-то со снопа. А там за сноп… фи'га получишь. ~ Овёс-то коро-отенькый тут остался! на вя'зки [«жгуты из соломы для связывания снопов»] делать. Она: "Это ты, Вера, у меня вязки украла!" Я говорю: "Да ты чё? Я пошто' буду у тебя брать? " Ну, молчу, чё она… Она така' ругательница была – я молчу. ~ А потом, кода' стала: "Ой, Вера, ты меня прости. Это они тут от валялись под снопом, а я не видала". Я говорю: "Ну дак ты пошто' на меня-то говоришь? Неужели пойду вязки у тебя брать?* Не считая нужным оправдываться, В.П. реагирует на обвинение только риторическими вопросами: *Я пошто' буду у тебя брать? Неужели пойду вязки у тебя брать?* За этими репликами стоит и отсутствие для крестьянки необходимости в вещи, которую она способна сделать за секунды сама, и усвоенная с детства заповедь «не брать чужого».

Аналогичным является ее речевое поведение в эпизоде мировоззренческого конфликта: *Вот у Поли сестра четырнадцатого году, ну она сильно регио'зна, в це'рькву ходит чуть не ка'жный день, у ей забота одна – в це'рькву притти', – она себя шшыта'т святой. Я картошки копала, она говорит: "Ну чё, я, как вроде, свята' ". Я говорю: "Ну кака' же ты свята'-то?". Батюшка [о священнике] – «Бог» она называ'т. Я говорю: "Ну батюшка – не Бог же!" ~ Ну если она в це'рькву ходит, молится – ну не свята' же она? Кака' она свята'? Я говорю: "Ну! Это неправда, говорю. Какой батюшка Бог?" Ой, она как вскочила на меня, По'лина сестра ~. [Так это вы с ней поссорились?] Нет, не поссорились, в обшэм, перебросились словами.* Не признавая религиозную участницу спора святой, а священника Богом, информант так же, как в ситуации с ложным обвинением, ограничивается лаконичным отрицанием (*это неправда*) и риторическими вопросами (*Ну батюшка – какой Бог? Ну какой Бог батюшка? Ну если она в*

це'рькву ходит, молится – ну не свята' же она? Кака' она свята'?).

Оба эпизода, кроме риторических вопросов, объединяет также категоричность интонаций говорящего, отсутствие аргументов и приемов смягчения конфронтации.

Близкой к тактике декларативного отрицания по использованию языковых средств является тактика **категорического отказа.** Кроме риторической фигуры утверждения в форме вопроса, ее маркерами являются лексемы *нет/нету, ничё, никого* (в значении «ничего»), часто повторяющиеся многократно: *"Мне надо выпить, хоть гушшу давай каку'-нибудь". Я говорю: "Вот нет у меня!" – "Ну это… хоть деколо'н давай!" Я говорю: "А я де возьму-то его?" ~ Я говорю: "Никого у меня нету. Ничё нету"*.

Материал, таким образом, показывает, что в составе конфронтационных тактик ЯЛ встречается в первую очередь упрек, значительно реже – угроза (в том числе – через апелляцию к власти), приказ, декларативное отрицание при несогласии с оппонентом, категорический отказ. При их реализации говорящим используются неодобрительный, раздраженный тон, отрывистость произношения, иногда ироническая интонация, отдельные клишированные конструкции *(как тебе не стыдно; пошто' таки'),* увеличивается доля императивов, сокращается объем высказываний. Вместе с тем обращает на себя внимание частое смягчение средств, которые могут восприниматься собеседником как конфликтогенные, посредством эвфемизмов, эллипсиса негативных номинаций, шутки, замены прямой критики собеседника на косвенную через деперсонализированные, обобщенные критические суждения.

В развернутых конфликтных диалогах для исследуемой ЯЛ при речевом взаимодействии характерно **сочетание различных тактик.**

Показателен в этом отношении диалог В.П. с родственником средних лет, который настойчиво просит у нее взаймы денег на спиртное. Начало конфликта отражает открытое противоборство

субъектов. Конфликтогеном выступает требование мужчины (*Вы дайте!*) Собеседница не одобряет его пристрастия к алкоголю и использует все возможные средства, чтобы коммуникант отказался от своего намерения. Ее речевая партия в диалоге включает многократный **категорический отказ** в просьбе (*Не дам, никого не дам, у меня никого нет. Никого не дам).* Используется нетипичная для информанта резкая **негативная оценка** поведения собеседника при очном общении (*Совсем… совсем сдурели; Чё, с ума сошёл нагото'во, ли чё ли?).* Женщина широко привлекает разнообразные виды **упреков.** Она укоряет племянника в том, что он мало занимается хозяйством (*Ну и правда: ты подумай сам, ни черта' не де'лате, абсолютно ничё не де'лате! С домом никого не де'лате, ни с баней, ничё! Взял бы баню да склал бы!*), не жалеет жену (*тебе ничё не жалко, и не жарко, и не холодно*) и наносит ущерб семейному бюджету (*Ешо деньги на вино просит! А каки' деньги, кода' на хлеб нету денег? Ты ись-то всё равно ешь*). Заметим, что обвинения в безделье и больших расходах на еду в пылу полемики сильно преувеличиваются: в других ситуациях она характеризует родственника иначе. В качестве наиболее «сильной» тактики озвучивается ультимативная **угроза разрыва семейных отношений:** *и без вас обойдусь и проживу как-нибудь и… не ходите больше ко мне, вот так*.

ЯЛ при этом опирается на конфликтогенные средства всех ярусов языковой системы. Не сдерживая эмоций, она ведет диалог раздраженным тоном; реплики отрывисты, используются иронические эхо-повторы слов собеседника, который пытается шутить: *Н. Видишь, жарко, [в]он спотe'л. – В.П. "Спотe'л"! ~ Никого не дам. – Н. Я же вечером отдам. – В.П. "Отдам! " Да был отдам, да по'мер. – Н. Ну пошто' по'мер-то? Я не буду помира'ть. – В.П. "Не буду помира'ть". Помрёте!* В речи присутствует пейоративная лексика и фразеология (*сдурел; с ума сошёл; тебе … не жарко и не холодно*), в том числе бранные фразеологизмы (*Да ну тебя!; Да ну вас к чёрту! К чёрту тебя*), употребляемые крестьянкой только в ситуациях крайнего раздражения, а

также паремия *был отдам, да по'мер* со значением отказа на просьбу дать что-либо взаймы.

Привлекает она и конструктивные тактики речевого взаимодействия. В первую очередь это разнообразные приемы воздействия, в которых переплетаются **убеждение** (где говорящий опирается прежде всего на логические доводы) и **уговаривание** (с воздействием преимущественно на эмоции адресата) [Горшкова 2018]. В их числе – аргумент, подразумевающий личную заинтересованность оппонента в сохранении своего здоровья и жизни *(Да вы же погиба'те [от пьянства]),* подчеркивание снижения социального статуса пьющего человека (*Как Саша Пега'сьев, ешо хуже будете!),* взывание к чувствам – попытка вызвать жалость к состоянию больной жены (*и её жалко – ить она человек*! *То больна' ешо!)* и к ее собственному состоянию как близкой родственницы *(Хыть бы меня пожалел уж, ты её [жену] не слу'шашь. Я же тебе как мать родна', я же вас – сколько я вам помогала… ~ Уж и глаза не глядят, и руки не движутся, тянет руки все…)*. Изначальная резкость отказа смягчается вымышленными причинами *(А у меня отку'дова деньги? Ты сам видел, что я Поле итдала' все деньги*), в том числе – для большей убедительности – ссылкой на свидетелей (*Не дам никого, у меня нету, я вот Лёньке итдала' – вот свидетель, Катя. И Илья взял бутылку, Рае). Звучит* **призыв** к преодолению пагубной привычки, также смягчаемый модальным словом *поди*: *Ну, поди, можно бросить-то это дело?*

При реализации кооперативных тактик, которые в первой половине диалога чередуются с конфронтационными, а к его концу начинают преобладать, информант опирается на безоценочные лексические единицы; эмоциональность синтаксиса сохраняется, но речь становится более плавной, появляются сравнительные конструкции, исчезают эхо-повторы, интонации иронии и раздражения. Отметим также используемый на протяжении всей ссоры прием смягчения негативных оценок в адрес виновника конфликта через генерализацию с заменой личного местоимения

ты на обобщенное *вы* и глаголов единственного числа на множественное (*да вы же погиба'те; совсем сдурели; ни черта' не де'лате*).

Речевой конфликт разрешается благодаря акциональной **уступке,** к которой прибегает В.П. Она не дает просителю требуемых денег, но позволяет ему выпить домашней браги. Уступка сопровождается определенными «воспитательными» условиями: *Вон, бражо'нку выпей мале'нько, ешо в бутылке, и всё. ~ Если не будешь вино покупать – дам брагу, а будешь – ничё не дам. ~ [наливает стакан] Пей, и больше не пей! И не проси у меня никаки' деньги, никого не проси.* Набор тактик и принципы их комбинирования во многом сходны с выделенными А.В. Масловой при анализе подробного рассказа этого информанта о другом конфликтном эпизоде по поводу кражи ведер [Маслова А.В. 2014].

Как уже говорилось выше, для исследуемой ЯЛ нетипична роль инициатора речевого конфликта. Тем не менее конфликтные ситуации, в которых она выступает как зачинщик, тоже имеют место в дискурсе индивида.

Один из таких эпизодов отражает ссору диалектоносительницы с подругой. Она наряду с другими гостями пригласила на именины односельчанку, с которой дружила много лет, приготовила ее любимые кушанья (*А я для её старалась всё, я ши'бко старалась, ей-боγγ, от ей-боγγ! Думаю, всё получше иставля'ла всё, чё она любит, вку'сненько, све'же всё*), а та пришла только на следующий день. Огорчение хозяйки в связи с тем, что потчевать было уже почти нечем, спонтанно вербализовалось в упреке с беззлобным, полушутливым использованием бранного слова (*"Ну, п***а же Поля ты, – говорю, – ты! Не могла прийти-то вчара'?" От так от взяла да и сказала*). Обида подруги (*"Ы! Ой! О!" – от э'дак она как заплачет, заревёт, бежать…*) вызвала мгновенное извинение (*Я за ей: "Да Поля, да ты чё? Ну прости меня, ну чё, вырвалось у меня так да всё… прости"*), тем не менее общение между ними надолго прекратилось.

Данный конфликт можно рассматривать как коммуникативную неудачу. Сложно однозначно сказать, что именно так сильно задело Полю – упрек в том, что не пришла вовремя, или сниженность формы выражения этого упрека. Реакция хорошо знакомой гостьи оказалась для хозяйки неожиданной и долго подвергалась рефлексии: *Ну, это бы не вхо'жи были, сроду пе**р**во ба, ну, на вас бы [обращаясь к диалектологам] я могла сказать [и вызвать обиду]. Ну, чё-нибудь, ну, тут-то?.. Ну, я прям не подумала*. Она не считала свою вину значительной, поскольку обсценная лексема была употреблена *не со зла*, однако дружеские отношения восстанавливались более полугода.

Рассмотренный эпизод коммуникативной неудачи можно считать нехарактерным для данной ЯЛ, которой свойственна тактичность общения, следование нормам речевого этикета и хорошее знание психологических особенностей людей из ее близкого окружения. Однако в дискурсивной практике крестьянки выявлена своеобразная серия конфликтных эпизодов, где она выступает инициатором конфронтационного взаимодействия вполне осознанно.

Эти эпизоды связаны с ситуацией измены и ухода из семьи любимого мужа. По этическим причинам воспоминания информанта о них приводятся предельно кратко. Отметим лишь, что оскорбленной женщиной использовались как акциональные, так и вербальные деструктивные тактики поведения – от тайной **мести** изменнику (*А он уж стал ходить, бегать к этой, к Маньке-то. Я украла у него ве'лик-то. Уташшыла, да к Сергею Прокофьичу на вышку [«чердак»] запихала. ~ И он меня добивался, добивался, я так ему и не сказала [где велосипед]*) и **«разборок»** с соперницей (*К которой Степан-то ушёл – я с ей дралась даже. Дрались мы. Аγа. Я подошла да палочку таку' взяла небольшу', таку' то'лсту. ~ И пришла да окошко выбила. И стою. ~ Она выскочила, и нечего ей схватить-то – она палку таку' то-олсту, дрова лежали, она поймала да за мной. Ну этой палкой разе можно ударить? Её надо поднять да всё, она здоро'ва была – ну*

как я же, обо'е одина'ковы. Ну она моложе меня намного. А я-то этой палочкой: раз-раз-раз-раз!) до её **оскорбления** (*Мы поехали со Степаном, а куды' поехали – не знаю. А она идёт, а мы её догнали. ~ А он уж с ей таскался. А я это… догнали её, мале'нько стали обгонять-то… ~ А я: «Куть-куть-куть-куть-куть!*[1] *на её. – Сучка, сучка!» И он ничё мне не сказал*) и **декларации разрыва отношений** с мужем (*Он придёт но'ччу там-ка, налюбуется да придёт, а я: "Уходи к чёрту совсем туды', иди!" Я говорю: "Кусок в пепел помочу, да может, слаще мёду съем, на чёрта мне твоё от это всё?"*).

Хотя формально в эпизодах этой тематики информант выступает инициатором агрессивного взаимодействия, истоки конфликта восходят к поступкам других лиц. Поведение В.П. по отношению к супругу и сопернице оправданно в ее представлении: истинные виновники конфликта разрушают семейные связи – одну из главных общечеловеческих ценностей, имеющих особую значимость в традиционной культуре. Оправданно такое поведение и в коллективном моральном кодексе сельчан: в числе прочих конфронтационных действий рассказчицей упомянута распространенная в сельском социуме практика разбивания оконных стекол в доме любовницы мужа. Битье окон, очевидно, не только преследует цель нанесения ущерба из ревности, но и выполняет символическую функцию разрушения преступной связи. Эти эпизоды занимают особое место в дискурсивной практике ЯЛ, являясь исключением из характерных для крестьянки правил речевого общения.

3. Этап постконфликтного взаимодействия довольно слабо представлен в речевых свидетельствах информанта. Тем не менее материалы показывают, что в ситуациях, где причиной конфликта было агрессивное поведение (в том числе речевое) односельчан и родственников, после его завершения коммуниканты возвращаются к нормативному повседневному общению. Приве-

[1] Диалектное междометие, используемое для подзывания собаки.

дем примеры из нескольких эпизодов. Хотя «за глаза» В.П. квалифицирует действия ломившегося в дом пьяного мужчины с оружием как *фулюга'нство* и считает, что хулиган должен был попросить прощения за свое поведение, на следующий день они здороваются как обычно. При этом она не напоминает соседу о вчерашнем происшествии и воздерживается от упрека: *Дак не извинился! От какой! Наза'втре шёл, едет: "Здравствуйте!" Я говорю: "Здравствуй"*. В другом эпизоде его сожительница, устроившая скандал из-за состряпанного В.П. кулича, вскоре приходит к ней с просьбой, и та по-соседски ей не отказывает: *И она тут наревела-накриче'ла [на меня], гляжу – она идёт ко мне опе'ть. "Уж ты меня извини, баба Вера, ты меня извини, я это, пришла бутылочку [спиртного] у тебя попросить". А я ей дала бутылку.* Диалектоносительница не порывает отношений ни с девушкой, без спроса сорвавшей у нее в огороде тюльпаны, ни с женщиной, укравшей с ее двора вёдра. После примирения с подругой, обидевшейся на упрек с грубым словом, между ними было восстановлено прежнее дружеское общение. Выделить на этом этапе специфические тактики речевого поведения не представляется возможным: остаточные явления недавнего конфликта в межличностном взаимодействии не наблюдаются. Только конфликт с мужем и «разлучницей», к которой он ушел из семьи, не завершается прощением и примирением; эти люди исключаются языковой личностью из круга коммуникации навсегда.

Материалы идиолектного дискурса позволяют сделать предварительные выводы о речевом поведении диалектной ЯЛ в конфликтных ситуациях. Установлено, что для информанта типичны межличностные конфликты в бытовой сфере. Наиболее частотны поведенческие конфликты или конфликты с поведенческой составляющей, что свидетельствует об ориентации на этические нормы как мотивационной доминанте личности.

В дискурсивной практике индивида отмечены эпизоды разного порядка – с кооперативной и конфронтационной линией коммуникации и соответствующими им тактиками. Однако кооперативное

начало в общении диалектоносительницы явно преобладает. В предконфликтных ситуациях, которые несут в себе опасность перерастания в открытое противоборство, а также на этапе собственно коммуникативного конфликта в ее поведении доминирует кооперативная стратегия, направленная на предотвращение конфронтации с собеседниками, ее сглаживание и примирение сторон. Инициирование конфликта и агрессивное противодействие коммуниканту наблюдается только в ограниченной группе эпизодов, связанных с распадом семьи по вине мужа. Согласно классификации Е.А. Ничипорович [Ничипорович 1998], исследуемый индивид является представителем ЯЛ кооперативного типа.

Можно предполагать, что выявленные особенности речевого поведения крестьянки базируются на установках традиционной народной культуры. Анализируя бытование традиционных сообществ, в том числе сельских, историки и антропологи указывают на то, что конфликтные ситуации ставят под угрозу социальные связи и сохранность структуры социума [Кушкова 2016]. Вследствие этого и община в целом, и ее члены заинтересованы в примирении противоборствующих сторон конфликта [Рулан 2000, с. 170]. Кооперативная речевая стратегия способствует поддержанию дружелюбных отношений, значимых для обеспечения безопасного и комфортного сосуществования в деревенском сообществе. Ориентация на данную стратегию поддерживается и индивидуальными качествами исследуемой языковой личности, которой присущи доброжелательность, толерантность, сдержанность в проявлении эмоций, следование базовым нормам этики и этикета.

3.12. Эпистолярный текст речевого жанра письма

В начале этой главы уже отмечалось, что у исследуемой диалектной ЯЛ, представителя старшего поколения, преобладающей

является устная форма речи. Тем интереснее рассмотреть эпистолярный речевой жанр в дискурсе В.П. Вершининой: ею было написано несколько писем к собирателям.

В.В. Дементьев обращает внимание на то, что М.М. Бахтин в известной статье «Проблемы речевых жанров» «заложил основы будущей теории речевых жанров, а в этой будущей теории им уже был намечен личностный аспект речевого жанра» [Дементьев 2011, с. 313]. Так, Бахтин, в частности, отмечает соотнесённость личностей говорящих с различными жанрами, возможными предпочтениями в их выборе, что позволяет портретирование ЯЛ с определением типа речевой культуры и речевого поведения, нравственного развития; говорится и о необходимости внимания к языковым составляющим РЖ [Там же, с. 313–314]. «Жанроведение, – подытоживает В.В. Дементьев, – успешно взаимодействует с теорией языковой личности» [Дементьев 2010, с. 271].

В учебном пособии И.Н. Горелова и К.Ф. Седова «Основы психолингвистики», где один из параграфов назван «Речевой жанр и языковая личность», авторы отмечают: «В ходе своего социального становления языковая личность «врастает» в систему жанровых норм. В свою очередь эта система «врастает» в сознание говорящего индивида по мере его социализации, определяя уровень его коммуникативной компетенции, влияя на характер его дискурсивного мышления» [Горелов, Седов 2001, с. 161].

Эпистолярные материалы из личного архива автора относятся к естественной письменной речи (ЕПР) – новой области жанроведения, который изучается в последние десятилетия Н.Б. Лебедевой [Лебедева URL; 2000; 2001 и др.] и её последователями. Характерными признаками ЕПР считаются письменная форма, спонтанность и непрофессиональность исполнения [Там же].

Письмо, по определению Т.В. Шмелевой, – «письменный (рукописный) текст, имеющий обращение в сфере межличностного общения» [ЭРО. 2014, с. 438].

Родители Веры Прокофьевны были неграмотными, в школе она не училась, как и её братья и сестры. Минимальные навыки чтения и письма были получены девушкой в подростковом возрасте на курсах ликбеза, которые организовывались на селе в первые годы советской власти: **Ходила на ликбез вечером. Никого я не кончала. Самоу'ком, мале'нько ходила – «ликбез» назывался*[1].

Отметим языковую рефлексию диалектоносительницы, отражающую оценку собственной речи. Она самостоятельно осуществляла переписку с адресатами из близкого круга кровных родственников или находящихся в дружеских отношениях хорошо знакомых односельчан – видимо, оценивая их уровень речевой культуры как близкий к своему (так, женщина писала письма племянникам, служившим в армии; переписывалась с двоюродной сестрой, жившей на Дальнем Востоке, и с подругой, переехавшей из Вершинина в другое село). В то же время не слишком грамотная крестьянка стеснялась посылать эпистолярные тесты образованным людям, входящим в круг более отдалённых контактов. Например, она упоминала образованную знакомую, у которой жил в городе сын В.П. во время учёбы в техникуме: **А тут она: «Ми'ленька моя, дорогой ты мой целове'к! Да пиши ты сама! Да никода'-то я тебя не обсужу'!» – Мишина хозяйка, Лизавета Дими'тревна [говорит]*. Осознание недостаточного владения культурой письма, вызывающее у крестьянки чувство стыда (**А мне и стыдно: думаю, ху'до пишу-то я; Я писарь-то такой. Пишу мал-ма'ло),* думается, сформировалось под влиянием сына, который критиковал нелитературную речь матери и обращал внимание на ошибки в её письмах. Однако отношение к диалектологам, в течение многих лет собиравших речевой материал В.П. методом включения в языковое существование говорящего, было несколько иным. Диалектоносительница была благодарна диалектологам за посильную помощь в покупке лекарств и

[1] Знаком * маркируются высказывания информанта в устном бытовом дискурсе.

продуктов, уборке урожая на огороде, участия в её жизни. Она, в свою очередь, старалась помогать сама в установлении контактов с вершининцами, воспринимая образованных горожанок как близких, родных: **Как всё равно родня больша' приехала ко мне.* Приравняв систематически посещающих Веру Прокофьевну собирателей спонтанного речевого материала к родственникам, крестьянка сделала исключение из общего правила: отбросив стеснение, она написала несколько ответных писем, откликаясь на письма или открытки.

особенности освоения информантом эпистолярный РЖ и личностные характеристики изучаемого диалектоносителя: его уровень речевой культуры и систему ценностей диалектной ЯЛ, отражённые в письмах.

Объём имеющихся в нашем распоряжении немногочисленных писем информанта невелик – в общей сложности около 6 рукописных страниц. Письма были адресованы автору статьи; одно из них – Л.Г. Гынгазовой, также участвовавшей в сборе материала. Письма диалектологов, адресованные В.П., к сожалению, не сохранились: она считала общение с близкими людьми важным, а поздравление с праздниками – знаком уважения, но полученную корреспонденцию как представитель традиционной культуры не хранила, сжигая после прочтения в печке.

Анализ писем опирался на триаду признаков РЖ, обозначенных М.М. Бахтиным (тематическое содержание, языковой стиль и композиция) [Бахтин 2000, с. 249] с привлечением моделей РЖ, предложенных Т.В. Шмелёвой [Шмелева 1997] и Н.Б. Лебедевой [Лебедева URL]. Имеющийся эпистолярий не позволил в полной мере выявить все параметры моделей, обозначенных исследователями (например, образ прошлого и образ будущего, среда коммуникации, коммуникативное время, ход коммуникации). Отталкиваясь от эпистолярного РЖ, лингвоперсонологический аспект предполагает не только описание отдельных параметров РЖ письма, но и выявление характеристик диалектной ЯЛ: её уровня культуры, интересов, ценностей, типичных и индивидуальных

черт в создании эпистолярных текстов. Пониманию не всегда вербализованных в письмах крестьянки смыслов способствовали долговременное включение собирателей в языковое существование говорящего и обширный архив спонтанных записей устной речи В.П. (в расшифровке около 10000 печатных страниц).

Создатели моделей РЖ Т.В. Шмелева и Н.Б. Лебедева ставят параметр «Автор» на первое место. Т.В. Шмелева вслед за В.В. Виноградовым называет его «образом автора», считавшего этот феномен организующим моментом художественного текста [Шмелёва 1997, с. 95], а Н.Б. Лебедева подчёркивает, что автор «является создателем письменно-речевого знака» [Лебедева URL].

Важны при изучении эпистолярия и образы адресатов, поскольку переписка – результат коммуникации, значимой для обеих сторон, однако при отсутствии не сохранившихся писем диалектологов их образы можно отчасти восстановить лишь через образ самой диалектоносительницы, её отношения к ним. Поэтому в лингвоперсонологическом исследовании основной акцент сосредоточивается прежде всего на образе автора, представленном в его письмах.

Авторский образ исследуемой ЯЛ многогранен. Он постепенно раскрывается в эпистолярном тексте ее писем – как через языковые черты, так и с учетом содержательной стороны РЖ письма.

Отметим вначале особенности графики, орфографии, пунктуации автора в эпистолярном дискурсе.

Письма информанта – рукописные, написаны кириллицей. Почерк В.П. довольно разборчивый. Слова ровно расположены в строках на разлинованных линиях:

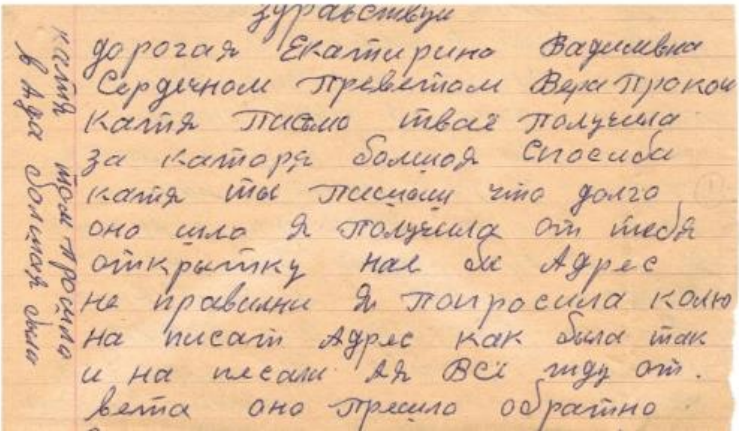
здравствуй
дорогая Екатерино Вадимовна
Сердечном приветом ВершININа
Катя тесно твоё получила
за которую большое спасибо
Катя ты пишешь что долго
оно шло я получила от тебя
открытку нам ох адрес
не правильно я попросила Колю
на писать адрес как была так
и на писали Ая всё шло от.
вета оно пришло обратно
Катя мой пришла
в Адра большая сила

Рис. 1. Фрагмент письма В.П. Вершининой

В тексте отсутствует правильное соединение букв в слове (иногда они не соединяются вообще), высота букв или их частей не всегда одинакова, нет и равномерного расстояния между буквами, не всегда соблюдены одинаковый наклон слов в строке, плавность письма. В некоторых случаях сложно разобрать, начертана заглавная или строчная буква.

Обращает на себя внимание отсутствие некоторых букв. Не зафиксирован мягкий знак – как в середине слов (*бол**[ь]**шоя Спасиба*; *А Ете [девушки] малоден**[ь]**ке; А мы Скол**[ь]**ко рас званили [по телефону]),* так и в их конце (*Я Катя дома боюс**[ь]***; *Помедоры Посеила А как буду содит**[ь]** не езвесно*). Не отмечен, кроме того, и краткий, заменяемый в тексте на *и* (*здравству**и**; хлеп 5 р с копе**и**кеми*), реже – на *е* (*по**е**мёш* «поймёшь»)[1].

Причиной возникновения этих особенностей, отмечаемых также и у осваивающих письмо детей, предполагают либо из-за неумения обозначать мягкие и твердые согласные звуки на

[1] Полужирным шрифтом выделены особенности написания автора. В квадратных скобках диалектологом восстановлены пропущенные крестьянкой буквы.

письме [Большой вопрос…. URL], либо из-за несовершенства слуховой дифференциации звуков [Короткова URL]. В очерке современного состояния фонологических систем среднеобских говоров Г.А. Садретдинова отмечает «на путях перехода от еканья к иканью неразличение Е и И, произношение Е на месте фонематического И» [Русские говоры… 1985, с. 83]. Это явление наблюдается в письмах информанта – представителя старшего поколения: *Адрес как была так и на п**е**сали, как будеш[ь] читат[ь] токую П**е**санину [писанину]; за летел [односельчанин] Пот камас [Камаз]сам ж**е**вои; Пож**е**вёш[ь] у нас.* Об аналогичной орфографии как у школьников, так и у малограмотных колхозников с. Вершинина, пишет О.И. Блинова [Блинова 1976, с. 46]. В то же время текст диалектной ЯЛ даёт несколько примеров разрушения еканья: *п**и**сьмо тваё Получила; Коля Взял конверт и нап**и**сал; Ж**и**вут С моти врят [с Мотей в ряд].*

Автор часто пропускает в словах гласные буквы, сохраняя согласные (*г**[о]**варят хорошы [картошки]; Вадим**[о]**вна*; *Я стех Пор не б**[ы]**ла уних; сах**[а]**ру савсем нет; дум**[а]**ю была ба Катя [дома] я бы Позванила*), поскольку последние более информативны при реализации смыслоразличительной роли. В некоторых случаях безударные гласные тем не менее сохраняются: *не кто не отвеча**и**т [по телефону]; боле**и**т Саша Гутин брат***.**

Встречается иногда замена букв по невнимательности: *Поемёте нет маю **В**есанину ["писанину"].*

Ошибки в написании текста отражают фонетические особенности говора с. Вершинино. Широко представлено аканье: *Позв**а**нила; в**а**руют; др**а**ва; л**а**мали; б**а**лел; болит н**а**га; в к**а**ропке; меня з**а**вёт Валя к себе* и др. – но отмечено также и *о* в безударной позиции: *х**о**тела; вых**о**дны, д**о**р**о**гия; х**о**р**о**шо; в гор**о**де; **о**дна* и др. При написании согласных также виден фонетический принцип. В слабых позициях отражается оглушение звонких: *драва были 5 берё**с**; ездет в гор[о]**т**, В каро**п**ке [картошка]* и т.п. Наблюда-

ется также смешение парных звонких и глухих в сильных позициях: *не знаю что бу**т**ет [будет] им [убившим женщину] каторы гаварят не чего не бу**д**ет*

Не передаются на письме долгие согласные (*ист[ь] не магу обе**с**илела*). Имеется упрощение групп согласных (*с пра**сн**яком [праздником]; серде**ц**а [сердится]*), отражающееся и в устной речи, нарушение слитного или раздельного написания предлогов, союзов или приставок со словами разных частей речи (*Я пошла **с**ними**; не** извесно ["«неизвестно"]*; ***А**тут Валя*; ***на** ругала*; ***в**камнатушке)* и даже членение при написании самих приставок (*драва были 5 берёс **и** **з**рез[а]ли ["изрезали"]).*

Распространены вариативные написания в одних и тех же словах или корнях слов: ***Л**юдмила **Г**еворгевна; **л**юдмила **г**еворгевна**;** Екат**и**рина; Екат**е**рина; **К**оля Взял конверт и нап**и**сал; Попросила **к**олю на п**и**сат[ь]; Адрес как была так и на п**е**сали.*

Что касается пунктуации, то знаков препинания в письмах информанта почти нет. Отмечены только дефисы при обозначении дат (например: *13-2- 1990 года).* Отсутствие точек и не всегда определённое написание слов с заглавной или строчной букв затрудняет членение текста; абзацы также не выделяются.

Письма информанта написаны на листах, вырванных из тонких ученических тетрадей в линейку или в клетку, с односторонними полями. Объём каждого эпистолярного текста – от страницы до двух. Носителем субстрата являются конверты. Крестьянка, невысоко оценивая свое владение письменной речью, обычно просила надписать адрес на конверте более грамотного родственника. Одно из писем, переданное в Томск адресату через племянницу вместе с посланным для посадки картофелем, было приложено к посылке без конверта. Орудие и средство написания анализируемых писем во всех случаях – шариковая ручка с пастой фиолетового цвета.

Таким образом, эпистолярные тексты демонстрируют неполное освоение малограмотной крестьянкой норм письменной

речи. Вместе с тем ЯЛ освоила основные правила написания письма при соблюдении композиции этого речевого жанра.

Специфика эпистолярного дискурса диалектной ЯЛ заключается в том, что каждое её письмо не ограничивается одним из наиболее крупных, обобщённых видов речевых жанров, выделенных Т.В. Шмелевой в предложенной ею модели РЖ [Шмелёва 1997]. Исследователь отмечает, что «Содержание П. [письма] отражает практически всё разнообразие первичных речевых жанров, т.е. с помощью П. могут решаться любые коммуникативные задачи: отмечают более двух десятков смысловых типов текста – сообщение, благодарность, соболезнование, просьба, совет, приглашение и т.д.» [ЭРО 2014, с. 438]. Письма В.П. Вершининой также отличаются этим признаком, представляя собой, таким образом, гипержанр.

В композицию писем информанта входят зачин, основная часть и заключительная. Каждый из них имеет свои особенности.

Зачин содержит РЖ приветствия с обращением к адресату и представление автора.

Приветствие обозначено общерусским «здравствуй(те)»; вслед за ним используется этикетная формула «с сердечным приветом и с низким поклоном» (иногда в усечённых вариантах): з***дравствуи*** *наша дорогая Екатирина Вадим[о]вна* ***[С] Сердечном Преветом и Снискем Поклоном; здравствуи*** *дорогая Екатирина Вадим[о]вна* ***[С] Сердечным Преветом*** *Вера Прокоп[ьевна];* ***С Преветом*** *Вера Пр[окофьевна]*

Краткие варианты этого клише зафиксированы в некоторых словарях XX – начала XXI вв.: «с дружеским, сердечным, большим и т.п. приветом» в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова [Кузнецов URL]; «с (горячим, пламенным, сердечным…) приветом» в «Словаре русского речевого этикета» А.Г. Балакая [Балакай 2001, с. 405, 466]; как устойчивые словосочетания «с приветом» и «сердечный привет» отмечены в словаре Д.Н. Ушакова [ТСУ, стб. 770] и *сердечный привет, поклон* – в Большом академическом словаре русского языка [БАС.

Т. 20, с. 376]. Все они обозначают дружеское расположение, доброжелательность, как и в письмах Веры Прокофьевны, однако лексикографические источники указывают, что такие единицы употребляются в заключительной части письма, тогда как в нашем материале они входят в начальную часть эпистолярного текста.

Развёрнутая клишированная конструкция «с сердечным приветом и низким поклоном» ни в названных толковых, ни во фразеологических словарях А.И. Молоткова, А.И. Фёдорова и Ю.А. Ларионовой [Молотков 1978; Фёдоров 2008; Ларионова 2014] не обнаружена. В то же время она встречается в близких к нашему варианту в письмах разного времени и лиц из разных культурных и социальных слоев: *Нижайший поклон и привет из глубины сердца. (А.П. Чехов – А.С. Суворину; 11(22) декабря 1897 г. Ницца)* [Этикетно-эпистолярные единицы… URL]; *Шоколад этот съеден и шлет Вам сердечный привет и с любовью низкий поклон. (А.Н. Жиглинский – матери. 25 ноября 1916 г. Действующая армия).* [Жиглинский 1997]; *Крепко жму Вашу руку и шлю самый сердечный привет. Не откажите передать мой низкий поклон Татьяне Марковне. (Г.В. Адамович – М.А. Алданову. Париж, 7 мая 1947 г.)* [«Не скрывайте от меня…», URL]. Возможно, функционирующее в письмах XIX – первой половины XX в. клише постепенно устаревало и в связи с этим не нашло отражения в современных словарях.

Как можно видеть, приведённые выше примеры приветствий в зачине эпистолярных текстов диалектоносительницы содержат обращение к адресату[1]. При этом автор использует уважительные

[1] Исследователи рассматривают обращение неоднозначно. Ряд лингвистов относит его к речевому жанру (см., например: [Бирюлина, Моисеев 2009]; есть также мнение, что обращение можно считать субжанром – тактикой в составе РЖ [Седов 1999, с. 303]. В данном исследовании под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный член предложения» [Русскй язык 1997, с. 289–290].

именования адресата (*Людмила геворгевна, Екатирина Вадим[о]вна*), часто сопровождаемые эпитетом *дорогая/дорогие* и местоимениями *моя/мои, наша,* и сам называет себя по имени-отчеству.

Зачин писем с этикетными клише приветствия и именования того, к кому обращено письмо, подчёркивают дружеское отношение автора к близкому (приравненному родственнику) человеку, которому адресовано послание, написан высоким стилем. Обязательная персонализация обозначений автора и адресата обозначает линию коммуникации, а языковые средства (приветственные клише, официальные обращения по имени-отчеству с позитивными оценочными эпитетами и притяжательными местоимениями) выполняют контактоустанавливающую функцию конкретных лиц.

Созданные диалектной ЯЛ эпистолярные тексты – преимущественно моноавторские, однако в одном из писем автор включает в приветствие не только свое именование, но и имена нескольких односельчан, хорошо знакомых как автору, так и адресату, общающихся в селе с информантом: *здравствуи наша дорогая Екатирина Вадим[о]вна. [С] Сердечном Преветом и Снискем Поклоном* ***Вера П[рокопьевна] Гутя коля Аня*** Здесь перечислены её родственники – племянник Коля с женой Аней, а также соседка Гутя. Антропонимы и местоимение «наша*» (наша дорогая)* эксплицитно расширяют образ автора, подчёркивая дружеские отношения не только между адресатом и автором письма, но и с близким кругом общения крестьянки, хорошо известным диалектологу.

От начальной рамки, маркирующей зачин письма, В.П. переходит к основной его части. Этот раздел эпистолярного текста менее стандартен: в нем нет строгих правил содержания письма, излагаемых на усмотрение пишущего. Центральная часть, занимающая самую большую долю всего письма, представляет собой разные жанры, отличающиеся значимой для автора тематикой, стилем и разновидностями РЖ.

Переход от зачина письма к главному разделу также нередко связан с установлением или поддержанием контактов. Так, автор сообщает адресату о получении от него письма или поздравления с праздником по телефону от второго диалектолога. Информативная констатация такого факта всегда дополняется речевым жанром благодарности: *Людмила геворгевна тожа Позванила Поздравила с Празднеком Спосиба Вам завсё.*

Неоднократно поднимается в переписке тема коммуникативных сбоев между автором и адресатом.

В одном из отправленных в Москву писем, где диалектолог проходил повышение квалификации и поздравил Веру Прокофьевну с праздником, ответное письмо крестьянки значительно задержалось. Этот эпизод в письме информанта занимает важное место. Сообщение информирует адресата о получении письма и дополняет его этикетной формулой благодарности: *Катя Письмо тваё Получила за катора бол[ь]шоя Спасиба* Комментарий диалектолога о длительности доставки письма (*Ты пишешь что долго оно шло*) вызывает у автора детальное описание ситуации, поясняющей причины задержки ответа и попытки его исправить: *Катя ты Пишеш[ь] что долго оно шло Я получила от тебя открытку* [2 слова написано неразборчиво] *Адрес не правил[ь]ни Я Попросила колю на писат[ь] Адрес как была так и на песали А Я Всё жду ответа оно Прешло обратно Елена [дочь Коли] Почту носет Коля Взял конверт и написал Адрес мы разгаварев[а]ли П[о]телефону С Екатерини Петровни [матерью адресата] Она дала Адрес Ваш от катен[ь]ка оно так и долго шло*

РЖ сообщения реализуется здесь в виде объяснения. В отличие от сферы науки, где «объяснение предполагает использование метаязыка, что исключено в определении, которое лаконично, стремится к универсальности, не предполагая авторской включённости» [Шкурина 2014, с. 52], в сфере повседневной обыденности – это «причина, разъясняющая что-л.» [Ефремова 2000 URL]. Если в научной речи при объяснении маркёрами при-

чинно-следственных связей какого-либо явления выступают причинные союзы (так как, потому что, поскольку…), каузальные глаголы и краткие причастия (это зависит от…, происходит от…, это связано с тем, что…, обусловлено…) [Трошева 2003, с. 261], то в письме автора аргументация задержки в переписке с адресатом представляет собой перечисление цепочки причин длительной доставки корреспонденции: неверный адрес в присланной открытке; возврат письма информанта с повтором неверного адреса; выяснение правильного адреса у родственницы. Завершается описание подытоживанием: *от катен[ь]ка оно так и долго шло.* При объяснении ситуации диалектоносительница, возможно, чувствует себя виноватой за медлительность ответа близкому человеку и упоминает имена родственников и знакомых (Коля, Лена, Екатерина Петровна), принимающих участие в отправке её письма по верному адресу.

В другом письме В.П. описывает адресату (ещё находящемуся в командировке) неудачные попытки связаться с его мамой, чтобы пригласить её к себе в гости на два совпавших по времени праздника: *А мы Скол[ь]ко рас званили [по телефону] не кто не отвечаит катя званиле Екатерине Петровне Я хотела чтоба она Пр[и]ех[а]ла камне не ково нет дома ран[ь]ше званили и Вас[ь]мова марта нет ~ А Я Пекла пероги дум[а]ю была ба Катя я бы Позванила какрас масленка [совпала с 8 марта.]*

Крестьянка выбрала для коммуникации с родственницей адресата не письмо, а телефонный звонок – возможно, отчасти стесняясь своей малограмотности, отчасти – предпочтя более оперативный вариант связи. В данном случае в письме к адресату также используется РЖ сообщения.

Как можно видеть, приведённые выше примеры приветствий в зачине эпистолярных текстов диалектоносительницы содержат

обращение к адресату[1]. При этом В.П. использует именования адресата по имени-отчеству (*Людмила геворгевна, Екатирина Вадим[о]вна*), часто сопровождаемые эпитетом *дорогая/дорогие* и местоимениями *моя/мои, наша,* и сама называет себя по имени-отчеству.

Зачин писем с этикетными клише приветствия и уважительными именования того, к кому обращено письмо, подчеркивают дружеское отношение автора к близкому (приравненному родственнику) человеку, которому адресовано послание, написан высоким стилем. Обязательная персонализация обозначений автора и адресата обозначает линию коммуникации, а языковые средства (приветственнные клише, официальные обращения по имени-отчеству с позитивными оценочными эпитетами и притяжательными местоимениями) выполняют контактоустанавливающую функцию конкретных лиц.

Созданные диалектной ЯЛ эпистолярные тексты – преимущественно моноавторские, однако в одном из писем автор включает в приветствие не только свое именование, но и имена нескольких односельчан, хорошо знакомых как автору, так и адресату, общающихся в селе с информантом: *здравствуи наша дорогая Екатирина Вадим[о]вна. [С] Сердечном Преветом и Снискем Поклоном* ***Вера П[рокопьевна] Гутя коля Аня*** Здесь перечислены её родственники – племянник Коля с женой Аней, а также соседка Гутя. Антропонимы и местоимение «наша*» (наша дорогая)* эксплицитно расширяют образ автора, подчёркивая дружеские отношения не только между адресатом и автором письма, но и с близким кругом общения крестьянки, хорошо известным диалектологу.

[1] Исследователи рассматривают обращение неоднозначно. Ряд лингвистов относит его к речевому жанру (см., например: [Бирюлина, Моисеев 2009]; есть также мнение, что обращение можно считать субжанром – тактикой в составе РЖ [Седов 1999, с. 303]. В данном исследовании под обращением понимается «грамматически независимый и интонационно обособленный член предложения» [Русский язык 1997, с. 289–290].

От начальной рамки, маркирующей зачин письма, крестьянка переходит к основной его части. Этот раздел эпистолярного текста менее стандартен: в нем нет строгих правил содержания письма, излагаемых на усмотрение пишущего. Центральная часть, занимающая самую большую долю всего письма, представляет собой разные жанры, отличающиеся значимой для автора тематикой, стилем и разновидностями РЖ.

Переход от зачина письма к главному разделу также нередко связан с установлением или поддержанием контактов. Так, В.П. сообщает адресату о получении от него письма или поздравления с праздником по телефону от второго диалектолога. Информативная констатация такого факта всегда дополняется речевым жанром благодарности: *Людмила геворгевна тожа Позванила Поздравила с Празднеком Спосиба Вам завсё.*

Неоднократно поднимается в переписке тема коммуникативных сбоев между автором и адресатом.

В одном из отправленных в Москву писем, где диалектолог проходил повышение квалификации и поздравил Веру Прокофьевну с праздником, ответное письмо крестьянки значительно задержалось. Этот эпизод в письме информанта занимает важное место. Сообщение информирует адресата о получении письма и дополняет его этикетной формулой благодарности: *Катя Письмо тваё Получила за катора бол[ь]шоя Спасиба* Комментарий диалектолога о длительности доставки письма (*Ты пишешь что долго оно шло*) вызывает у автора детальное описание ситуации, поясняющей причины задержки ответа и попытки его исправить: *Катя ты Пишеш[ь] что долго оно шло Я получила от тебя открытку* [2 слова написано неразборчиво] *Адрес не правил[ь]ни Я Попросила колю на писат[ь] Адрес как была так и на песали А Я Всё жду ответа оно Прешло обратно Елена [дочь Коли] Почту носет Коля Взял конверт и написал Адрес мы разгаварев[а]ли П[о]телефону С Екатерини Петровни [матерью адресата] Она дала Адрес Ваш от катен[ь]ка оно так и долго шло*

РЖ сообщения реализуется здесь в виде объяснения. В отличие от сферы науки, где «объяснение предполагает использование метаязыка, что исключено в определении, которое лаконично, стремится к универсальности, не предполагая авторской включённости» [Шкурина 2014, с. 52], в сфере повседневной обыденности – это «причина, разъясняющая что-л.» [Ефремова URL]. Если в научной речи при объяснении маркерами причинно-следственных связей какого-либо явления выступают причинные союзы (так как, потому что, поскольку…), каузальные глаголы и краткие причастия (это зависит от…, происходит от…, это связано с тем, что…, обусловлено…) [Трошева 2003, с. 261], то в письме автора аргументация задержки в переписке с адресатом представляет собой перечисление цепочки причин длительной доставки корреспонденции: неверный адрес в присланной открытке; возврат письма информанта с повтором неверного адреса; выяснение правильного адреса у родственницы. Завершается описание подытоживанием: *от катен[ь]ка оно так и долго шло.* При объяснении ситуации диалектоносительница, возможно, чувствует себя виноватой за медлительность ответа близкому человеку и упоминает имена родственников и знакомых (Коля, Лена, Екатерина Петровна), принимающих участие в отправке её письма по точному адресу.

В другом письме автор описывает адресату (ещё находящемуся в командировке) неудачные попытки связаться с его мамой, чтобы пригласить её к себе в гости на два совпавших по времени праздника: *А мы Скол[ь]ко рас званили [по телефону] не кто не отвечаит катя званиле Екатерине Петровне Я хотела чтоба она Пр[и]ех[а]ла камне не ково нет дома ран[ь]ше званили и Вас[ь]мова марта нет ~ А Я Пекла пероги дум[а]ю была ба Катя я бы Позванила какрас масленка [совпала с 8 марта.]*

Крестьянка выбрала для коммуникации с родственницей адресата не письмо, а телефонный звонок – возможно, отчасти стес-

няясь своей малограмотности, отчасти – предпочтя более оперативный вариант связи. В данном случае в письме также используется РЖ сообщения.

Празднование *ма'сленки* и ставшего официальным уже при советской власти Международного женского дня (наряду с праздничными датами народного календаря) значимо для пожилой женщины как продолжение привычного для диалектоносителей поддержания традиции. Информативный РЖ далее переходит в оценочный, отражающий сравнительное восприятие диалектоносительницей праздничных дат в прошлом и настоящем. Оценка проведения сельских праздников в начале XX в. даётся предельно кратко в позитивном ключе, в условиях современности ситуация характеризуется более детально и получает негативную оценку: *катЯ спомним как ран[ь]ше была Весело А Сечас не где нет неково П[ь]ют кто где ~ смот[ря]т Поуглам да варуют маих соседев двере изламали и Всё Уташил у обоих итак увногев дачнек[о]в Предут мелиц[и]Я Посмотрют д[а]и всё.* Праздники прошлого ностальгически запомнились пожилому информанту как весёлое времяпровождение, разнообразное и радостное общение односельчан. Масленица, восходящая к языческим праздникам и частично трансформированная после принятия христианства, отмечалась в Вершинино выпеканием блинов и различными увеселениями (по устным рассказам ЯЛ, прежде катались на санях и с горок; мужчины соревновались, залезая на гладкий столб, чтобы получить прикреплённый наверху приз; посещали родственников с угощением блинами; сжигали чучело, символизирующее уходящую зиму…). Письмо, датированное началом 90-х гг. XX в., отражает разрушение традиционных обрядов, сокращение коллективного досуга членов сельского сообщества и увеличение в быту спиртных напитков в связи с изменением социальных причин жизни крестьянства, размыванием бытовой и обрядовой сферы [Гынгазова, Иванцова 2017, с. 27–28].

Обращённый к молодому диалектологу в другом письме призыв приехать, чтобы повидаться, представляет императивный

РЖ. В этом случае автор использует речевые тактики: он начинает с более типичной для информанта смягчённой просьбы (*катя* ***я хотел[а]ба чтоба Вы Пр[и]ех[а]ле*** *комне* ***хот[ь] одна када будети Выходны)*** и завершается в более категоричной форме – с опережающим возможный отказ адресата аргументом о занятости и использованием повелительного наклонения (***Я знаю что Вам нет Время ну на идити и Пре[ез]жаити)***.

При общении диалектологов и крестьянки поддержка дружеских контактов осуществлялась не только в вербальных формах: этикет предполагал также дарение небольших подарков и гостинцев. В одном из писем Веры Прокофьевны отражается ситуация, в которой она посылает через племянницу клубни картофеля для посадки, прилагая к посылке короткое сообщение без конверта. Автор сообщает о своей посылке картофеля и его сортов: *Пос[ы]лаю Вам кортошку В каропке Внизу жолты А тут разныя ~ А я хотела [чтобы] С вали [Валей]от правили* Информативный РЖ сообщения затем переходит в императивный РЖ наставления, связанный со статусом старшего адресата и большим жизненным опытом крестьянки в сфере сельского хозяйства: *Вы их разлошти тонкем Слоим Они не будут так расти* Попутно заметим, что в этом письме, обращаясь к диалектологу, автор использует грамматические формы множественного числа (*Здравствуити маи дорогия*) и местоимение *Вы/вам,* подразумевая в образе адресата не только женщину, но и её мужа как неотъемлемую часть семьи.

В письмах диалектной ЯЛ регулярно встречаются и другие темы. Она сообщает адресатам о происшествиях в селе, собственном здоровье и здоровье односельчан, событиях в их семьях, ценах в магазине, природных явлениях. За каждым из таких кратких сведений, которыми В.П. хочет поделиться с адресатами, стоят значимые для нее события, отражающие систему ценностей.

В сообщении о криминальном событии, произошедшем в селе, поднимается тема пьянства и бездуховности, грубого нарушения

норм морали: *А тут Еще новас[ь] котори Живут С моти [Мотей] врят [в ряд] В нашу Сторону они гуляли книим Прешла женщена ~ Она бела [была]п[ь]янеца 26 лет Они все на пилис[ь] и иё розняли ["раздели"] до нага и убили и уташила до коли бросили как мат[ь] радела не знаю что бутет ["будет"] им каторы гаварят не чего не будет она Пела ["пила"] не работ[а]ла ну таскают [воруют] катя Страшно она человек не сабака* Сдержанно осуждая тех, кто выбросил из дома на мороз нетрезвую женщину, В.П. говорит о молодой односельчанке и ценности человеческой жизни: в представлении крестьянки смерть человека намного значительнее, чем смерть животного.

Рассказ о размолвке с давней подругой, в дом которой дочь Матрёны Валя не пустила студенток и сопровождающую их подругу матери, отражает значимость для автора нормативного гостеприимства, при нарушении которого разрушаются дружеские связи: *Матрёна Артем[ь]евна бегит мала м[а]ла комне не ходет не знаю толя [то ли] Сердеца или так Я тожа не хожу кода быле дев[о]чке [на диалектологической практике] Я пошла сними Валя нас не пустило на ругала ~ А Ете малоден[ь]ке Пошли на хлебалис[ь] не солу от Я стех Пор не б[ы]ла уних*

В текстах писем информант регулярно затрагивает тему здоровья. Сведения о болезнях драматичны для одиноко живущей пожилой женщины в ситуации, когда хозяйство требует постоянной физической нагрузки: *Сечас мален[ь]ко Получша Ест[ь] не магла тол[ь]ка Сухарик ивсё белила к паске на кухне 2 дня А вкамнатушке тожа день белила* Состояние здоровья в сознании крестьянки тесно связано с трудом и витальными потребностями: *Помедоры Посеила А как буду содит[ь] не езвесно так и болит нага и рука тепер[ь] лекша нечего ждат[ь] тол[ь]ко жде хор[о]ша Пензию Я получила 436 рублеи А кто 500 бол[ь]ша Всё дорого тожа Превозют в магазин дорого; А Я Катя болею болит желудок токия Приступы от месяца ист[ь] не магу обес[с]илила Смерте нет* Аналогичную информацию ЯЛ передаёт о здоровье односельчан: *Тат[ь]Яна Васил[ь]евна В городе*

Физа уже Пр[и]ех[а]ла болеит Саша Гутин брат в больницы леж[и]т тоже за балел камене в Почкев

Сведения о природных явлениях в Вершинино для диалектоносительницы гораздо важнее, чем для жителей города: информация об обильном снегопаде и морозе зимой *(Снегу Внога холодно)*, а также о весеннем половодье (*катя [река] том[ь] Прошла вАда бол[ь]шаЯ была)* значима для сельчан: большое количество снега и мороз затрудняют уборку двора и отопление дома; разлив полноводной реки, на берегу которой стоит Вершинино, с одной стороны, заливает трассу, препятствуя рейсам автобусов в областной центр; под угрозой высокого паводка могут оказаться избы, построенные слишком близко к воде; с другой стороны, *большая вода* подпитывает почву на заливных лугах, пополняет водой пересыхающее летом озерцо в середине села.

В письмах к обоим диалектологам встречается метаязыковая рефлексия автора, где диалектоносительница оценивает текст своего письма; за оценкой скрывается и извинение, и отношение к адресату как родному человеку: *Екатирина Вадим[о]вна на сарапаю ну где Поемёш где здогадася я чюж[и]м не пишу да грам[о]тным ну ты тоже Свая радна Катя; Людмила геворгевна Поемёте нет маю Весанину [писанину].*

В основной части письма преобладает обиходно-бытовой стиль, соотносимый с понятийной сферой быта информанта. Там, где затрагивается тема смерти, есть элементы высокого стиля. Содержание этого раздела и по тематике, и по языковым средствам напоминает устный рассказ новостей, адресованный приехавшим или пришедшим гостям. Здесь отсутствуют этикетные клише, в основном используется общерусская лексика с вкраплениями диалектных вариантов общерусских единиц (*Снегу* ***внога*** *["много"] было; В июле Поедет на* ***Перацею*** *["операцию"]*), немногочисленны диалектно-просторечные слова и фразеологизмы (*Матрёна Артем[ь]евна бегит* ***мала м[а]ла;*** *Пошли* ***на хлебалис[ь] не солу*** ("ничего не добившись, обманувшись в своих ожиданиях"). Доминируют в эпистолярном тексте, как и в устной

речи информанта, общерусские единицы. При обращении к адресатам часто встречаются неполные имена и диминутивы (*катя; катен[ь]ка*), В.П. называет и имена односельчан, отмечены также сравнительные обороты (*бросили [раздетую женщину на морозе]* ***как мать родела*** – об обнажённом человеке; *она человек* ***не сабака*** *– о человеке, не заслуживающем жестоком обращении*). Отсутствует сниженная лексика.

В финальной части писем диалектная ЯЛ использует формулы прощания и шлёт адресату пожелания (*досведанеца; ну Пока бут[ь] здорова*; *ну буть здарова***),** передаёт приветы *(Передаи Превет людмиле геворгевне и сваёй маме),* символически обозначает свое доброе отношение (*целую),* просит писать письма и навещать её *(Пишы; Пре[из]жаи В гости).* В одном из писем автор поздравляет с праздником (не называя его), дополняя поздравление обобщённым пожеланием *(С прасняком Вас хорошо Превисти [«провести»]).* Завершает письма датировка *(10-3-92 г; 13-2 1990 года; 1.5 93 года*) и фамилия автора (иногда – с сокращёнными до первых букв имени и отчества (*Вершин[и]на; Вершинина В.П.),* в двух письмах подписи отсутствуют. Этот раздел самый краткий, в нем наблюдается смешение обиходно-бытового стиля и элементов высокого стиля с этикетными клише. Так замыкается этикетная рамка письма, обрамляя эпистолярный текст в единое целое.

Итак, анализ писем сибирской крестьянки ЕПР свидетельствует о недостаточно освоенных индивидом навыках грамотного письма (особенно в пунктуации), однако созданные ею эпистолярные тексты демонстрируют освоение их трёхчастной структуры с основной частью, рамочно обрамлённой этикетными зачином и концовкой. В каждой из этих частей различаются языковые средства и стили. В зачине письма представлен высокий стиль и преобладание этикетных клише, в средней части – обиходно-бытовой стиль с нейтральной общерусской лексикой, диалектными вариантами общерусских единиц, а также диалектно-

просторечной и просторечной лексикой и фразеологией, в концовке – смешанные стилевые черты от обиходно-бытового до высокого. Все эти признаки ЕПР базируются на естественной устной речи, сформировавшейся через коллективное общение и традиции социума.

Центральная часть письма наиболее ярко отражает речевые компетенции диалектной ЯЛ. Её письменной речи присущи логичность, связность, отбор разнообразных сюжетов, которые связаны с ее жизнью и жизнью родственников и односельчан. В них представлены РЖ всех основных типов, выделенных Т.В. Шмелевой, с преобладанием информативных, более редки – оценочные и императивные. Письма-гипержанры включают разновидности РЖ (так, наряду с сообщениями имеют место сообщения-объяснения, сообщение-наставление), встречаются и гибридные РЖ.

Тематическое содержание жанров (коммуникативные сбои в переписке или общении; происшествия в селе, здоровье автора и односельчан, события в их семьях, цены в магазинах, природные явления) раскрывают систему ценностей носителя традиционной культуры. В их числе – здоровье, достаток в хозяйстве, этические нормы речевого поведения, традиции. При этом главная цель писем информанта – коммуникативная, предполагающая сохранение коммуникации, по определению Энциклопедии эпистемологии и философии науки – «общения, приводящего к взаимопониманию, устанавливающее как личностные отношения, так и тип гибкого социального порядка…» [Федотова URL]. Эта цель, так или иначе проявляющаяся во многих фрагментах письма, говорит о потребности носителя народной речевой культуры в личностном общении как одной из главных ценностей, которых в течение всей её жизни сформировали в сельском сообществе большая семья, многочисленные родственники, взаимопомощь сельчан в коллективном труде, общее участие в праздниках и обрядах, закрепившие необходимость и привычку постоянного общения.

Прочные дружеские связи в составе семьи, родных и близких помогают в трудных жизненных ситуациях, создают ощущение комфорта.

Отражённый в письмах образ автора репрезентирует типичного представителя старожильческого села, сохранившего черты среднеобского говора, нормы речевого поведения, глубоко заложенные нравственные устои этики. Как кооперативная языковая личность ЯЛ широко владеет этикетными формулами, может использовать варьирующиеся стратегии, регулируя речевые контакты с собеседником. Интересно, что автор выступает в письмах не как отдельный субъект, а как группа близких родственников и сельчан, представляющий в эпистолярии единую группу, в которую входит и он. Адресаты, с которым переписывается информант, также воспринимаются автором как родственные семейные группы – жена и муж, дочь и мать…

Потребность в контактах с диалектологами и письмах, относящихся к фатическим речевым жанрам, была особенно важна нашему информанту, потерявшему семью и нуждающемуся в общении, воспринимая вузовских преподавателей из другой социальной страты как родных.

Заключение

Подведем результаты изучения речевой культуры Веры Прокофьевны Вершининой − типичного представителя сибирского старожильческого говора Среднеобского бассейна.

Как уже отмечалось в первой главе, изучение русской речевой культуры всё более интенсивно исследуется лингвистами (О.Б. Сиротининой, В.Е. Гольдиным, Е.П. Ширяевым, Т.В. Шмелёва, З.Д. Поповой, И.А. Стерниным и др.) в наши дни, прежде всего обращая внимание на уровень этой культуры среди носителей литературного языка. Вслед за предложенной Н.И. Толстым классификацией славянской национальной культуры В.Е. Гольдин и О.Б. Сиротинина разработали типологию уровней речевой культуры горожан, владеющих литературным языком [Гольдин, Сиротинина 1997]. Хотя диалектологи тоже начали анализировать черты крестьянской речевой культуры [Блинова 1996, 2002, 2005 и др., Ярмаркина 2019; Зорина 2012, 2015, 2017; Крючкова 2008; Гольдин 1997 и др.], типы диалектной речевой культуры с их языковыми признаками пока не стратифицированы. В связи с этим возьмём за основу параметры наболее детально охарактеризованного элитарного (полнофункционального) типа речевой культуры [Стернин 2013; Сиротинина 2003, с. 106–111; Кочеткова 1996], чтобы описать близкие к ним черты диалектной ЯЛ. При этом следует иметь в виду, что «элитарный тип – это тип, к которому надо стремиться, но он как идеал реально недостижим. Элитарный тип – это идеальная модель речевой культуры, к которой надо стремиться, но в полном объеме воплотить данный тип практически невозможно» [Стернин 2013, с. 3].

Богатство речи. Лингвисты, изучающие речевую культуру, единодушно отмечают, что богатство речи – «одно из коммуникативных качеств речи, выделяющее соотношение речи и языковой компетенции говорящего: количество и разнообразие языко-

вых средств, которые находятся в употреблении индивида» [Матвеева 2003, с. 31]. Полевой сбор спонтанного речевого материала и составление словарей по его данным позволил установить количественный объем идиолексикона диалектной языковой личности, составляющий не менее 27435 единиц с учётом каждого значения однозначных и многозначных слов и фразеологизмов. Качественный состав идиолексикона представляет собой множество лексических единиц, характеризующих его с точки зрения соотнесенности

–с основными формами русского национального языка (общерусские, собствено диалектные, диалектно-просторечные с преобладание общерусских),

– активного и пассивного словарного запаса (неологизмы, устаревшая и устаревающая лексика, лексика чужой речи, окказионализмы). Установлено, что лексика активного запаса постоянно пополняется у информанта даже в преклонном возрасте, в том числе за счет развития образных средств устаревающих слов. Лексика активного словаря отражает номинации новых явлений, артефактов, общественно-политических и экономических понятий; лексика пассивного словаря преимущественно диалектная, отражает материальную (предметы быта, термины ремёсел и промысел) и духовную культуру говора (названия обрядов, игр, верований, этикетных формул и др.).

Лексика чужой речи при её передаче отражает индивидуальные особенности словоупотребления, случаи ненормативного использования слов, окказионализмы заменяют неизвестные В.П. слова;

– системных связей единиц идиолексикона: мотивационных, формального варьирования, полисемии, синонимии, антонимии, семантических полей, представленных в идеографическом словаре. В количественном отношении первенство занимают мотивационные связи; лексикон особенно богат синонимами и формальными вариантами;

– экспрессивно-эмоциональная лексика.

Все эти группы взаимодействуют между собой и выполняют в текстах разнообразные речевые функции (уточнения, замещения, противопоставления, самокорректирования, языкового перевода, коннотативной функции и др.).

Использование синонимов в речи. Синонимы – богатый состав системных отношений (467 синонимических рядов, включающих 1144 единицы), с не менее богатым спектром функций (замещения, языкового перевода, уточнения, усиления или ослабления коннотации). Длина синонимических цепочек отражает фрагмент языковой картины мира – наиболее значимые для информанта стороны окружающей действительности.

Способность контролировать свою речь в её процессе. Контролирование в процессе речи наблюдается в функциях замещения новых, трудно произносимых или устаревших формальных вариантов или дублетных синонимов.

Привычка проверять свои языковые знания, *пополнять их по словарям и справочникам*, ***спрашивать у специалистов.*** У малограмотного диалектоносителя нет возможности обращаться к словарям и справочникам, но при неполной освоенности новых слов информант задаёт вопросы диалектологам: *Двери-то оббивают. Как её называют? Пласт-пена, ли кто? У меня есь мале'нько бутебродно [масло]. Как его правильно говорят?*

Умение использовать сниженную лексику и фразеологию в экспрессивных, художественно-изобразительных целях. В идиолексиконе В.П. представлены подгруппы лексики с разной степенью сниженности. Максимально сниженные единицы табуированы в определённых ситуациях (родители с детьми, мужчины и женщины), в редких случаях используются в катартической функции (психологическая разрядка), при необсценной бранной лексике и злопожеланиях − для выражения неодобрительной оценки людей и животных.

Владение речевым этикетом и соблюдение его норм во всех стандартных коммуникативных ситуациях. Владеет фор-

мулами речевого этикета в необходимых ситуациях, использованием этикетных речевых жанров, этикетных форм именования людей в соответствии с правилами речевого этикета.

Неукоснительное соблюдение этических норм общения, уважение к собеседнику и вообще к людям. Строго соблюдает этические нормы коммуникации, обращение на ТЫ или на ВЫ, уважение к собеседникам и людям вообще.

Логичность мышления. Проявляется последовательно при устной монологической и диалогической речи. Повествование последовательно развивает изложение; текст структурирован с выделением завязки, развития сюжета и концовки, в том числе и в письмах. В устных контактах при нарушении собеседником композиции возвращается к пропущенным частям рассказа для соблюдения логики.

Некатегоричность в оценках. Категорически утверждает только известное из личного опыта; разнообразны языковые показатели для выражения неуверенности в достоверности информации. Категорические высказывания встречаются гораздо реже, средств обозначения категоричности гораздо меньше.

Знание прецедентных текстов, имеющих общекультурное значение, понимание их в тексте и использование их в общении. В составе прецедентных текстов диалектной ЯЛ выявлены пословицы и поговорки, присказки, загадки, заговоры; немногочисленны цитаты из музыкальных произведений с установленным авторством. Идиолектный цитатный фонд составляет около 400 единиц, центральное место в нём занимают паремии. Пословицы и поговорки нередко используются крестьянкой как нравоучительные элементы, обозначают нормы и оценки диалектной ЯЛ, отражают систему ее взглядов на мир в русской традиционной культуре.

Соблюдение норм литературной речи. Коренные жители старожильческого села Вершинино, родившиеся до Октябрьской революции и не получившие образования, не владели норм лите-

ратурной речи: нормы вершининского говора были диалектными. Имеет ли диалектная форма языка нормативный характер, единого мнения у лингвистов нет. Точка зрения зависит от того, как понимается сама норма. Языковеды, связывающие данное понятие с кодификацией, не используют термин «норма» применительно к диалектной речи. Они считают, что «правил, соответствующих законам диалектной речи, говорящие на диалекте не знают, над ним не задумываются и строят свою речь только в соответствии с узусом» [Гольдин, Крючкова 2010, с. 15]. Сторонники другой позиции, разделяемой и в данном исследовании, признают существование диалектной нормы на основании системности диалектного языка и возможности осознания правильности/неправильности тех или иных речевых особенностей [ефимов 2003].

Усвоение родного говора – основополагающая черта диалектной ЯЛ. С детства впитав характерные свойства речи окружающих его носителей народно-речевой культуры, индивид осваивает их (так же, как осваивает в процессе социализации и этические правила, эстетические предпочтения и ментальность деревенского социума), в дальнейшей своей речевой практике транслируя усвоенные нормы.

В наиболее целостном виде система территориально ограниченных норм отражена в дискурсе диалектоносителей архаического типа говора, к которым принадлежит и наш информант.

В речи В.П. Вершининой последовательно представлены фонетические, грамматические и лексические черты Вершининского говора, а также многие закономерности, свойственные русским старожильческим говорам среднеобского бассейна. Наибольшую идентичность идиолектная и диалектная языковая системы обнаруживают на уровне фонетики и грамматики: как известно, эти ярусы языка наименее индивидуализированы и в них значительно больше общего, чем встречающегося у отдельной личности. Сопоставление данных «Полного словаря диалектной языковой личности» [2006–2012], «Вершининского словаря»

[1998–2002] и сведений о русских говорах Среднего Приобья [Русские говоры… 1985, 1989] подтверждает этот тезис.

Владение всеми функциональными стилями устной речи. В речи диалектной ЯЛ преобладает обиходно-бытовой стиль, понятийной сферой которого является обыденное. Тематика коммуникации в этом случае сосредоточена на описании повседневных забот и проблем, общения с близкими, мелких происшествий, болезней. Обиходно-бытовой стиль – слабо маркированный член оппозиции и выделяется на фоне периферийных высокого и низкого.

Понятийной сферой низкого стиля является безобразное, вызывающее неприятие как с этической, так и с эстетической точки зрения (грубое нарушение этических норм поведения; область секса и физиологии, в традициях христианского мировоззрения осознаваемая как сниженная; конфликты в межличностных отношениях; высказывания в ситуации негативной оценки).

Понятийная сфера высокого соотносится с особо значимыми ментальными сущностями (прекрасное, любимое, сакральное, трагическое, жизнь, смерть…) и связанными с этими понятиями реалиями. Как высокое оцениваются красота человека, животных, природы и ценности, составляющие основу жизни: семейные узы (в первую очередь кровные: мать, отец, дети), источники поддержания жизненной энергии (солнце, хлеб, корова), некоторые явления и предметы религиозного культа (Бог, икона, церковь). В аспекте трагического воспринимается жизнь, сопряжённая со страданием, и преждевременная смерть. Фрагменты высокого стиля представлены в воспоминаниях с опоэтизацией богатой дарами, не тронутой человеком природы. Встречаются также отдельные вкрапления в текст элементы официально-делового, публицистического и научно-профессионального характера.

Владение эпистолярным жанром, умение развертывать свою мысль как устно, так и письменно. Информант недостаточно владеет графикой, орфографией и пунктуацией, но компо-

зиционно, содержательно и стилистически развертывает повествование, использует этикетные формулы, достигая цели коммуникации.

В дополнение к перечню И.А. Стернина [Стернин 2013] отметим также два важных параметра:

Выразительность речи. Спонтанная речь исследуемой ЯЛ отличается яркой, запоминающейся формой. Выразительность складывается из многих составляющих: широкое использование фонетических, грамматических и лексических экспрессивных элементов; отсутствие слов-паразитов; богатство синонимических, антонимических, мотивационных, вариантных связей лексем; различные типы повторов, использование рифмы и ритма, тропов и фигур речи, пословиц, поговорок и присказок. При этом нет впечатления перенасыщенности текста выразительными средствами: использование каждого из них относительно редко, но в совокупности они вызывают интерес и внимание адресата к повествователю. Особо следует подчеркнуть высокий уровень образности диалектной речи. Первенство в системе образных средств крестьянки принедлежит сравнению и метафоре.

Нестандарный, лишённый шаблонов текст диалектной ЯЛ, создаваемый в процессе спонтанного речепорождения, по силе воздействия нередко приближается к художественным текстам талантливых писателей.

Метаязыковое сознание. Установлено, что проявления МЯС в спонтанной речи диалектоносителя довольно редки, но регулярны.

Носителю местного говора свойственно представление о диалекте как низшей, «некультурной» форме языка в сравнении с кодифицированной языковой подсистемой.

Типична для диалектоносителя сосредоточенность на вопросах нормативности. Метатексты фиксируют: нарушения языковой нормы собеседником или самим говорящим;

синхронное варьирование или диахроническое изменение нормы; соблюдение норм речевого поведения.

Сведения о лексике в показаниях МЯС разнообразны: могут отражаться представления говорящего о наличии слова в говоре, его форме, семантике, стилевой окрашенности и коннотации, встречается информация о системных отношениях единиц лексикона, их сочетаемости, происхождении, традиционности или новизне, частотности. К лексической сфере относятся и метатексты, отражающие осмысление семантики слова в говоре его носителями. Отметим, что в дискурсе исследуемой ЯЛ отсутствуют рефлексивные высказывания, отражающие обобщенные представления о языке, его происхождении, роли в жизни человека, влиянии сказанного на адресата речи и т.п. (в связи с этим показательна довольно низкая частотность существительных *слово, язык, речь* и небольшое количество паремий, посвященных речи.

Следование речевым нормам как частный случай проявления поведенческих норм, принятых в обществе, значимо для любой личности, а для диалектной – в особенности. С одной стороны, оно способствует осуществлению успешной речевой коммуникации. С другой стороны, осознание единых для своего коллектива норм содействует укреплению социальных связей говорящих. В деревенском сообществе в силу ряда внеязыковых причин (его незначительный объем и слабая социальная дифференциация, высокая частотность тесных контактов, традиционный образ жизни, неофициальный характер общения, архаические следы общинного уклада жизни крестьянства) чувство общности индивида с социумом выражается значительно ярче, чем в городской среде. Единство коллектива и составляющих его языковых личностей, их «невыделенность» из деревенского социума [Никитина 1989; Пауфошима 1989] проявляется прежде всего в осознании общих для своей социальной группы языковых норм.

Поскольку осмысление особенностей своей и чужой речи в речевой культуре изучается на материале различных русских говоров, достоверность квалификации выделенных черт речевого поведения, следование традициям старожильческого села, нормам

наивной этики и речевого этикета, доброжелательного поведения как типичных подтверждается наблюдениями других диалектологов (О.И. Блиновой, В.И. Дьяковой, Л.В. Кирпиковой, Т.С. Коготковой, О.Ю. Крючковой, Л.К. Лыжовой, В.Д. Лютиковой, С.Е. Никитиной, А.Н. Ростовой, Е.В. Ухмылиной и др.). (см. подробнее [Иванцова 2014]. Сопоставление представителей традиционных говоров и исследуемого информанта позволяет сделать вывод о том, что диалектная языковая личность, сложившаяся в условиях семейного воспитания, постоянного общения и влияния фольклорных текстов в среде близких родственников и односельчан, транслирующих черты народной речи, передающихся из поколения в поколение, способствовало формированию высокого уровня речевой культуры.

5. Список использованных источников и литературы

Словари

Балакай – *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета: Формы доброжелательного обхождения. 6 000 слов и выражений. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2001. 672 с.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. Т. 1–17.

БАСРЯ – Большой академический словарь русского языка. Т. 20. М.: СПб: Наука, 2012. URL: https://nenadict.iling.spb.ru/publications/2627 (дата обращения: 16.07.2024).

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз; под ред. А.П. Евгеньевой.

2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

ПСДЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности. Т. 1–4. / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006–2012.

ПССГ – Полный словарь сибирского говора. Т. 1−4 / Главный ред. О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1995.

СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ИНФОТЕХ, 2009. 944 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. / АН СССР, Институт русского языка, Словарный сектор. Вып. 1–47. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965– 2014 (изд-е продолжается).

ТСУ – Толковый словарь русского языка / гл. ред. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Т. 1–4. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей. М., 1938–1940.

ЭРО – Эффективное речевое общение (базовые компетенции): Словарь-справочник. Электронное издание / Сибирский федеральный университет; под ред. А.П. Сковородникова. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: Сиб. федеральный ун-т, 2014. 852 с.

Литература

Агапкина Т.А., Невская А.Г. Гость // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 531–533.

Азнабаева Л.А. Принципы речевого поведения адресата в конвенциональном общении: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1999. 46 с.

Актуальные проблемы культуры речи. М.: Наука, 1970. 403 с.

Андреева Л.К., Горланова Н.В. Существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами в народно-разговорной речи // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1971. Вып. 2. С. 71−78.

Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: учеб. для вузов. М. : ЮНИТ, 2000. 551 с. URL: http://sdo.mgaps.ru/books/KP1/M11/file/1.pdf (дата обращения: 25.02.2024).

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.,1985. С. 3–42.

Астафьева Е.А. Идиолектный антропонимикон как источник изучения языковой личности диалектоносителя: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2017. 244 с.

Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1990. 165 с. +

Балакишева Е.Ю., Щукина И.Н. Устойчивые сравнения в речи носителей диалекта // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1992, с. 116–124.

Баранникова Л.И. Русские народные говоры в советский период. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1967. 206 с.

Баскакова Л.И. Языковая личность А.П. Чехова (на материале записных книжек и дневников писателя) // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ставрополь, 2003. Ч. 2. С. 183–195.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 249−299.

Белобородов А.А. Языковое сознание: сущность и статус. // Современная наука и закономерности её развития. Томск, 1987. Вып. 4. С. 131–147.

Белова Е.В. Речевые маркёры бытового конфликта // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2017. № 2. С. 157–161.

Белякова С.М. Эстетическое начало народной речи. Тюмень, 2018. 192 с.

Берневега С.И. Проблема повтора в лингвистической литературе // Духовная культура: проблемы и тенденции развития Всерос. науч. конф. 11–14 мая 1994 г.: тез. докл. Сыктывкар, 1994. С. 124–125.

Беспамятнова Г.Н. Языковая личность телевизионного ведущего: автореф. дис. … канд. филол наук. Воронеж, 1994. 19 с.

Бирюлин А.Г. Теоретические аспекты семантико-прагматического описания императивных высказываний в русском языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук. СПб., 1992. 42 с.

Бирюлина А.И., Моисеев А.П. Функциональная направленность средств художественной выразительности в жанре речевого этикета обращения // / Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 8 (76). С. 223–228.

Блинов И.Я. Выразительное чтение и культура устной речи. М.: Учпедгиз, 1946. 58 с.

Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: дис. … д-ра филол. наук. Томск, 1974. 190 с.

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию: Материалы для спецкурса. Изд. 2-е, испр. и доп. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975а. 257 с.

Блинова О.И. Проблемы диалектной лексикологии: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1975б. 44 с.

Блинова О.И. Фонетические особенности говора с. Вершинина Томской области // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. С. 40–56.

Блинова О.И. О явлении лексикализации внутренней формы слова (на диалектном материале) // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1979. Вып. 8. С. 106–116.

Блинова О.И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект: Учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 89 с.

Блинова О.И. Языковое сознание и теория мотивации // Язык и личность. М., 1989. С. 123–126.+

Блинова О.И. Введение // Полный словарь сибирского говора. Т. 1. А − З / главный редактор О.И. Блинова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. С. 5−14.

Блинова О.И. Областной словарь как памятник народной духовной культуры // Языковые единицы в семантическом и лексикографическом аспекте. Новосибирск, 1996. Вып. 1. С. 115−121.

Блинова О.И. Язык как средство образного отражения мира // Картина мира: Модели, методы, концепты: материалы Всерос. междисциплинарной школы «Картина мира: язык, философия, наука». Томск, 2002. С. 35–39.

Блинова О.И. Словарь антонимов сибирского говора. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 243 с.

Блинова О.И. Народная речевая культура сквозь призму лексикографического текста // Вестник Томского государственного педагогического ун-та. 2005. № 3 (48). С. 78–82.

Блумфилд Л. Язык. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1968. 606 с.

Богин Г.И. Разговорная речь и индивидуальные характеристики личности // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Горький, 1973. Сб. 4. С. 3−11.

Богин Г.И. Современная лигводидактика. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1980. 61 с.

Богословская З.М. Явление варьирования слова в системе говора: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1984. 19 с.

Богословская З.М. Словарь вариантной лексики сибирского говора. Т. 1: А–К. / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Том. гос. ун-т, 2000. 304 с.

Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1–2.

Бойкова Н.Г., Коньков В.И., Попова Т.И. Устная речь: учеб. пособие для студентов ф-та журналистики. Л.: Ленингр. гос. ун-т, Ф-т журн., 1988. 87 с.

Большой вопрос. ru. Почему ребёнок при письме пропускает мягкий знак. URL: https://www.bolshoyvopros.ru/questions/3130876-pochemu-rebenok-pri-pisme-propuskaet-mjagkij-znak.html?ysclid=lv5jcfyx3s883204879 (дата обращения: 19.04.24).

Брагина А.А. Синонимы в литературном языке. М.: Наука, 1986. 125 с.

Будагов Р.А. Человек и его язык. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1976. 430 с.

Букринская И.А., Кармакова О.Е. Языковая личность и жанры диалектного монолога // Русская устная речь: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «2 Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения». Вып. 2. Саратов: Амирит, 2016. С. 140–146.

Бухарева Н.Т. О специфике лексического состава русских говоров Сибири // Вопросы языка и литературы. Новосибирск, 1968. Вып. 2, ч. 1. С. 88–100.

В чём сила родительского благословения // Кириллица. URL: https://cyrillitsa.ru/tradition/54368-v-chyom-sila-roditelskogo-blagosloven.html. (дата обращения: 25.08.2023).

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа: пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.

Вандриес Ж. Язык: пер. с франц. М.: Соцэкгиз, 1937. 410 с.

Введенская Л.А. Проблемы лексической антонимии и принципы составления антонимов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Ростов, 1973. 36 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 410 с.

Вежбицка А. Англоязычные сценарии против «давления» на других людей и их лингвистические манифестации // Жанры речи. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 131–159.

Виноградов В.В. О художественной прозе. М.: Госиздат, 1930. 186 с.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 614 с.

Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 256 с.

Винокур Т.Г. Речевой портрет современного человека // Человек в системе наук. М.: Наука, 1989. С. 361–370.

Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий: варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

Власян Г.Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости // Вестник Нижневартовского государственного гуманитарного университета. 2010. № 3. С. 29–39.

Волкова Т.Ф. Сравнения в речи диалектной языковой личности: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2004. 237 с.

Вопросы культуры речи. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 1955 – по наст. время.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки. 2001. №1. С. 64–72.

Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). // Лингвистика на исходе XX века: итоги и перспективы. М., 1995. Т. 1. С. 116–117. Алматы: Казак университеті, 2002. 141 с.

Галуза О.Ю. Лексико-морфологическое варьирование имен существительных в амурском

говоре: к проблеме тождества слова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1982. 17 с.

Головин Б.Н. Основы культуры речи: учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.». 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1988. 320 с.

Гольдин В.Е. Этикет и речь. Саратов, 1978. 112 с.

Гольдин В.Е. Речь и этикет. М.: Просвещение, 1983. 109 с.

Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии: Дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1997. 52 с.

Гольдин В.Е. Внутренняя типология русской речи и строение русистики // Русский язык сегодня. М., 2000. Вып. 1. С. 53–65.

Гольдин В.Е. Доминанты традиционной сельской культуры речевого общения // Аванесовский сборник. М.: Наука, 2002. С. 58–64.

Гольдин В.Е. Имена речевых событий, поступков и жанры русской речи // Жанры речи. Саратов, 1997. № 1. С. 23–34.

Гольдин В.Е. Повествование в диалектном дискурсе // Известия Сарат. ун-та. Нов. серия. 2009. № 9. С. 3–7.

Гольдин В.Е. Проблемы жанроведения // Жанры речи. Вып. 2. Саратов, 1999. С. 4– 6.

Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи. 2002. № 3. С. 5–8.

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Текст и знание в диалектной коммуникации // Материалы и исследования по русской диалектологии. Кн. 3 (9). М., 2008. С. 401−403.

Гольдин В.Е., Крючкова О.Ю. Русская диалектология. Коммуникативный, когнитивный и лингвокультурный аспекты. Саратов: Наука, 2010. 120 с.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б. Речевая культура // Русский язык: Энциклопедия. Изд. 2-е, перераб. и доп. / ред. Ю.Н. Караулов. М.: Большая Рос. энцикл.: Дрофа, 1997. С. 413–415.

Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А. Русский язык и культура речи: учебник для студентов-нефилологов / под ред. О.Б. Сиротининой. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2003. 216 с.

Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 276–306.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Языковая личность и речевые жанры // Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: учеб. пособие. 3-е изд-е, перераб. и доп. М.: Лабиринт, 2001. С. 161–175.

Горшкова К.Ю. Речевые жанры аргументативного дискурса: убеждение и уговаривание // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (128). С. 108–116.

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 208–228.

Граудина Л.К., Виноградов С.И., Даниленко В.П., Карпинская Е.В. Культура русской речи. Юр. изд-во Норма, 2020. 560 с.

Гришанова В.Н. Устойчивые сочетания со значением недоброго пожелания носителей говора // Славянский альманах 2000. М., 2001. С. 467–471.

Грузберг Л.А., Егорьева М.П. О соотношении языка говора и речи одного носителя говора (на материале вводных элементов) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1969. Вып. 1. С. 65–75.

Гулакова И.И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения: автореф. дис. …. канд. филол. наук. Орел, 2004. 19 с.

Гуц Е.Н. Ненормативная лексика в речи современного городского подростка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 1995. 23 с.

Гынгазова Л.Г. Жанр оценки в языке личности // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 40−49.

Гынгазова Л.Г. Тональность текстов-воспоминаний в языке личности // Язык и культура: сб. науч. ст. XIII междунар. науч.-метод. конф., посвященной 120-летию Том. гос. ун-та. Томск, 1999. С. 50–55.

Гынгазова Л.Г. Чужая речь в языке диалектной личности // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000а, с. 230–238.

Гынгазова Л.Г. Кодекс речевого поведения в пословицах и поговорках В.И. Даля // Православие и Россия: канун третьего тысячелетия: материалы Духовно-исторических чтений. Томск, 2000б. С. 57–59.

Гынгазова Л.Г. О речевом жанре воспоминания (на материале языка личности) // Актуальные направления функциональной лингвистики: Материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века» (1–3 декабря 1997 г.). Томск, 2001. С. 167–174.

Гынгазова Л.Г. Картина мира языковой личности диалектоносителя: наивная религия // Язык и общество в синхронии и диахронии. Саратов, 2005. С. 158–165.

Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др.; отв. ред. проф. З.И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. С. 78–109.

Гынгазова Л.Г. Ключевые концепты традиционной народной культуры в речевых практиках сибирской крестьянки // Словесная культура сибиряков в общероссийском и европейском контекстах (XIX – начало XX в.) / И.А. Айзикова, С.В. Волошина, Л.Г. Гынгазова и др.; под общ. ред. И.А. Айзиковой. Томск, 2019. С. 55–95.

Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Трансформация сибирской пищевой традиции в дискурсе диалектной языковой личности: напитки // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 17–35.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1–4. М.: Русский язык, 1989–1991.

Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь: Синтаксис и лексика. М.: Междунар. отношения, 1979. 256 с.

Девятайкин А.И. Устная речь писателя // Язык и личность. М., 1989. С. 58–63.

Девятайкин А.И. Устная речь писателей и ученых. Соотношение общеустного и функционально-стилевого. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1992. 180 с.

Дементьев В.В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37−55.

Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с. (Коммуникативные стратегии культуры).

Дементьев В.В. Аспекты проблемы «Речевой жанр и языковая личность» // Учен. зап. Таврического национального ун-та им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 24 (63). 2011. № 2. Ч. 1. С. 313–318.

Демешкина Т.А. Типы смысловых отношений мотивационно связанных слов (лексикологический аспект): дис. … канд. филол. наук. Томск, 1984. 237 с.

Демешкина Т.А. Жанровая типология диалектного высказывания (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. С. 67–69.

Демешкина Т.А. Жанровые формы диалектной речи (на материале языка личности) // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1997. С. 122–129.

Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания: Аспекты семантики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 188 с.

Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 327–33.

Долгова О.В. Синтаксис как наука о построении речи. М.: Высш. шк., 1980. 191 с.

Дружинина В.В., Ворожбитова А.А. Лингвориторическая парадигма идиостиля как выражение менталитета языковой личности ученого (А.Ф. Лосев). Сочи: РИО СГУ ТиКД, 2005. 152 с.

Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Речевой этикет // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М.: Флинта; Наука, 2003. С. 354–358.

Дьяков Ю.А. Семантика звукоподражания и языковая личность // Языковая личность и семантика: тез. докл. науч. конф. 28-30 сентября 1994 г. Волгоград, 1994. С. 46-47.

Ермакова О.П. Об иронии и метафоре // Облик слова: сб. ст. памяти Д.Н. Шмелёва. М., 1997. С. 48–57.

Ерофеева Е.В. К вопросу о соотношении понятий норма и узус // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2003. Вып. 2. С. 3–8.

Ерофеева Т.И., Скитова Ф.Л. Развитие социальной диалектологии в Пермском университете // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1988. С. 60–68.

Ефимов А.И. О культуре речи агитатора и пропагандиста. Калуга, 1948. 68 с.

Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 т. М.: Астрель: АСТ, 2006.

Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М.: Ладомир, 2001. 350 с.

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. 5-е изд. испр. и дополн. Назрань: Пилигрим, 2010. URL: https://rus-lingvistics-dict.slovaronline.com/3386-%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5 (дата обращения: 10.09.2024).

Жиглинский А.Н. «Я горд тем, что могу быть полезен России...» (Письма русского офицера) // *Сенявская Е.С.* Человек на войне. Историко-психологические очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 111–135.

Земичева С.С. Перцептивная картина мира диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 208 с.

Земичева С.С. Идеографический словарь диалектной языковой личности как модель индивидуального лексикона // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: Сб. научных статей по материалам Междунар. науч. конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». СПб., 2018. С. 316–324.+

Земичева С.С. «Идеографический словарь диалектной языковой личности» как средство изучения картины мира // Лексикография цифровой эпохи: сб. материалов Междунар. симпозиума / отв. ред. Е.А. Юрина, С.С. Земичева. Томск, 2021. С. 344–346.

Земичева С.С. Идеографический словарь диалектной языковой личности. URL: https://losl.tsu.ru/sites/dictionary/ (дата обращения: 05.09. 1924).

Земичева С.С., Иванцова Е.В. Проект создания Томского диалектного корпуса в свете тенденций развития корпусной лингвистики // Сибирский филологический журнал. 2018. № 3. С. 192−205.+

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения: учебное пособие. М.: Наука, 2006. 238 с.

Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество: Сб. науч. тр. к 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996. С. 284–296. URL: http://www.philology.ru/linguistics2/zolotova-96.htm (дата обращения: 02.07.2023).

Зорина Л.Ю. Вологодские диалектные благопожелания в контексте традиционной народной культуры. Вологда: ВГПУ, 2012. 216 с.+

Зорина Л.Ю. Пословицы и поговорки в режском дискурсе как отражение системы ценностей сельских жителей // Народная речь Вологодского края: между прошлым и будущим. *Андреева Е.П., Зорина Л.Ю., Драчёва Ю.Н., Громыко С.А., Иванова Е.Н., Ильина Е.Н., Колесова И.Е., Комлева Н.В., Овсянникова Т.Г., Парменова Т.В., Яцкевич Л.Г., Загумённов А.В., Зубова Н.Н.* Вологда, 2015. С. 30–39.

Зорина Л.Ю. Обращения в вологодских народных говорах как отражение особенностей +традиционной коммуникативной культуры // Вестник Костромского гос. ун-та. 2017. Т. 23. С. 76−80.

Зорина Л.Ю. Употребление имен собственных в составе формул народного речевого этикета // Ономастика Поволжья. Материалы XVIII Междунар. науч. конф. Кострома. В 2 т. Кострома, 2020. С. 335–338.

Иванова В.А. Антонимия в системе языка. Кишинев: Штиинца, 1982. 163 с.

Иванова Д.В. Речевые способы преодоления конфликта (на материале русского и английского языков): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2010. 21 с.

Иванова Д.В. Приём объяснения в ситуации преодоления конфликта: эколингвистический аспект // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 225–231.

Иванова Е.Н. Языковая личность в условиях формирования норм русского литературного языка (первая половина XVIII века). На материале писем и распоряжений А.Н. Демидова: автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2008. 18 с.

Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002а. 312 с.

Иванцова Е.В. О скрытых показаниях языкового сознания говорящего субъекта // Вестник / Кемеровский гос. ун-т. Сер. Филология. Вып. 4 (12). Кемерово, 2002б. С. 66–71.

Иванцова Е.В. О полисемии в идиолекте носителя говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. II (VIII). М., 2004а. С. 316–326.

Иванцова Е.В. Ритуал потчевания в традиционной народной культуре // Теоретические и прикладные аспекты филологии. Томск, 2004б. С. 141−145.

Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожила. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005а. 162 с.

Иванцова Е.В. Источниковая база лингвоперсонологии: реальность и стратегии развития // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2005б. № 3–4. С. 61–70.

Иванцова Е.В. Живая речь русских старожилов Сибири: сборник текстов. Томск, 2007. 104 с.

Иванцова Е.В. Метаязыковое сознание диалектной языковой личности // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 1: коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. С. 321−356.

Иванцова Е.В. Лингвоперсонология: Основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 160 с.

Иванцова Е.В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: Моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. Ч. 1 / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 308–347.

Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 132 с.

Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002а. 312 с.

Иванцова Е.В., Соломина Е.В. Об эффективных методах записи спонтанной устной речи при изучении языковой личности // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2014 № 3 (29). С. 14–27.

Иванцова Е.В. Исследование типологических черт диалектной языковой личности // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование (Сибирская лингвоперсонология) / под ред. Н.Д. Голева, Н.Н. Шпильной. М.: Ленанд, 2014. С. 309–348.

Идиолектный ономастикон сибирского старожила / авт.-сост. Е.В. Иванцова, Е.А. Берестова; под ред. Е.В. Иванцовой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. 308 с.

Кабанова Т.Н. Эпистолярный текст частной переписки в аспекте теории речевого общения: на материале рукописных и опубликованных текстов XX в.: автореф. дис. … канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 24 с.

Казакова О.А. Диалектная языковая личность в жанровом аспекте. Томск: Изд-во Том. политехнич, ун-та, 2007. 200 с.

Калентьева Т.Л. Индивидуально-типические особенности устного способа формирования и формулирования мысли студентом на родном языке // Сб. науч. тр. Моск. гос. ин-та иностр. яз. им. М. Тореза. М., 1989. Вып. 327. С. 72–76.

Калиткина Г.В. Формы субъективной оценки имён в аспекте теории мотивации: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1990. 20 с.

Канчер М.А. Языковая личность ведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ): автореф. дис. … канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002. 20 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.

Караулов Ю.Н. О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 5–18.

Кашапов М.М. Теория и практика решения конфликтных ситуаций: учеб. пособие. Москва; Ярославль : Ремдер, 2003. 183 с.

Кибрик А. Полевая лингвистика // Энциклопедия Кругосвет. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/POLEVAYA_LINGVISTIKA.html?paqe=0,1 (дата обращения: 1.10.2024).

Киселёва Т.В. Рациональное/эмоциональное в национальном языковом сознании // Актуальные проблемы филологии в вузе и школе. Тверь, 1997. С. 111−112.

Клюева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1956. 280 с.

Кнорина Л.В. Словоупотребление – компонента индивидуального стиля (на материале разговорной речи) // Язык и личность. Тверь, 1989. С. 69−73.

Коготкова Т.С. К вопросу о диалектной стилистике // Ученые записки / Моск. обл. пед. ин-т. им. Н.К. Крупской. М., 1967. Вып. 13: Русский язык в вузе. С. 310–321.

Коготкова Т.С. Заметки об изучении лексики в индивидуальной речи диалектоносителя (по материалам современных областных словарей) // Русские говоры: К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 285–301.

Коготкова Т.С. Русская диалектная лексикология (состояние и перспективы). М.: Наука, 1979. 333 с.

Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1993. 224 с. +

Козельская И.В. Синтаксическая структура и компонентный состав диалектных устойчивых выражений со значением недоброго пожелания как отражение мировосприятия носителей говоров: автореф. дис. … канд. филол. наук. Орел, 2004. 25 с.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Языковое образование и языковая личность // Вестник Герценовского университета. 2008. № 1 (51). С. 30–36.

Козырева М.П. Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 43–54.

Комалова Л.Р. Реконструкция образа предконфликтной ситуации на основе речевой продукции коммуникантов // Этнопсихолингвистика. 2018. № 1. С. 126–140.

Кондратьева-Фишер И.С. Особенности устных выступлений носителей элитарной речевой культуры // Вопросы стилистики. Саратов, 1993. Вып. 25. С. 151−160.

Короткова О.В. Дифференциация Й–Е // Открытый урок Первое сентября. URL: https://urok.1sept.ru/articles/585138?ysclid=lv5l3uko36540175961 (дата обращения: 19.04.24).

Котелова Н.З. Неологизмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Главный редактор Р.В. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 331.

Которова Е.Г. Модель речевого поведения «просьба» в русском и немецком языках: сопоставительное исследование // Жанры речи. 2016. № 1 (13). С. 65−77.

Кочеткова Т.В. Проблема изучения языковой личности носителя элитарной речевой культуры (обзор) // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26. С. 14−24.

Кочеткова Т.В. Языковая личность в лекционном тексте. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1998. 216 с.

Кошкарева А.М. Из наблюдений над лексикой одного сибирского говора // Проблемы грамматики, словообразования и лексики сибирских говоров. Красноярск, 1978. С. 152–156.

Крайнова А.С. Согласие и несогласие в русском речевом общении: лингвистический и коммуникативный аспекты // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2012. № 4 (14). С. 81–86.

Крапивец Е.А. Средства выражения экспрессивности в лексиконе одной языковой личности // Juvenilia. Томск, 1996. Вып. 1. С. 126−128.

Крапивец Е.А. Оценка диалектоносителем поведения человека в труде и в быту // Juvenilia. Томск, 1998. Вып. 2. С. 95–98.

Крапивец Е.А. Языковое сознание диалектной личности как важнейший источник информации о семантике экспрессивного слова // Juvenilia. Томск, 1999. Вып. 4. С. 15–17.

Крапивец Е.А. О семантических типах экспрессивных лексических единиц в языке диалектной личности // Juvenilia. Томск, 2000а. Вып. 5. С. 46−48.

Крапивец Е.А. Ценностная картина мира диалектной личности (на материале экспрессивных лексических единиц) // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всерос. науч. конф. Омск, 2000б. Ч. 1. С. 114–118.

Крапивец Е.А. Специфика употребления языковой личностью экспрессивных лексических единиц в речевых жанрах // Филологические исследования. Томск, 2000в. С. 87–94.

Крапивец Е.А. Языковые средства создания экспрессии в речи диалектной личности // Актуальные проблемы лингвистики. Томск, 2001. С. 166–173.

Кривонкина М.Л. Синонимы в повести М. Горького «Мать». Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. пед. ин-та, 1967. 60 с.

Крылова Т.В. Понятие деликатности и такта в русском языке и наивно-языковые представления о негативной вежливости // Доклады международной конференции Диалог-2004. URL: http://www.ruslang.ru/doc/krylova/ponyatiya%20delikatnosti%20-%20krylova%202004.pdf (дата обращения: 03.09. 2024).

Крюкова И.В. Речевой акт проклятия и лексико-грамматические средства его осуществления: автореф. дис. … канд. филол. наук. Ставрополь, 2011. 20 с.

Крючкина Н.Ю., Рабенко Т.Г. Личное письмо как жанр естественной письменной речи: гендерный аспект // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. Кемерово, 2016. С. 175–180.

Крючкова О.Ю. Рефлективность диалектной речи // Язык. – Сознание. – Культура. – Социум. Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. С. 214−223.

Крючкова О.Ю. Оценки речи как выражение специфики народного речевого сознания. URL: http://sarteorlingv.narod.ru/dialekt/ocenki.html (дата обращения: 27.08.2024).

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144−238.

Кудреватых И.П. Коммуникативная лингвистика 2020. URL: https://bspu.by/blog/kudrevatyh/article/lection/kommunikativnaya-lingvistika?ysclid=m1klns6l6l663785424. (дата обращения: 27.09.2024).

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: https://gufo.me/dict/kuznetsov/%D0%BF%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%B5%D1%82?ysclid=lsg7y020vr240043499 (дата обращения: 15.07.2024).

Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1989. 216 с.

Кузьмина Е.Б. Формулы приветствия в псковских говорах // Русский язык в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы Междунар. науч. конференции. В 2-х частях. Ч. 1. Псков, 2012. С. 180–184.

Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Ширяева Е.Н., Иванова Л.Ю., Сковородникова А.П. М.: ФЛИНТА: Наука, 2007. 840 с.

Куприна С.В. Устная и письменная монологическая речь одного лица: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 2000. 21 с.

Куроедова М.А. Лексическая репрезентация концепта «радость» в творчестве публициста В. Пескова // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Благовещенск, 2005. Вып. 3. С. 18−24. +

Кушкова А.Н. Крестьянская ссора: опыт изучения деревенской повседневности: по материалам европейской части России второй половины XIX – начала XX века. СПб. : Изд-во Европейского ун-та, 2016. 318 с. (Studia Ethnologica; вып. 13).

Лаврентьева Н.Б. Экспрессивно-выразительная глагольная лексика (на материале говоров Новосибирской области): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1980. 18 с.

Лагута Н.В. Размышления о языке в речи носителей диалекта // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. № 10. С. 107–124.

Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.

Ларионова Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка. М.: Аделант, 2014. 512 с.

Лебедева Н.Б. Жанровая модель естественной письменной речи (коммуникативно-семиотический аспект). URL: https://dzen.ru/a/ZDxPRrn_KwCffAzm (дата обращения: 01.09.2024).

Лебедева Н.Б. Русская естественная письменная речь: проблемы и задачи лабораторного исследования // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 257–263.

Лебедева Н.Б. Естественная письменная русская речь: проблемы изучения // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2001. С. 260–261.

Лебедева Н.Б., Рабенко Т.Г. Тексты естественной письменной речи как проявление ценностных доминант рядового носителя языка (на материале родительских писем) // Культура и текст. 2020. № 3 (42). С. 112–125.

Левкиевская Е.Е. Сглаз // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 597–602.

Левковская К.А. Лексикология немецкого языка. М.: Учпедгиз, 1956. 247 с.

Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 682 с.

Лукьянова Н.А. Системные отношения в лексике говоров Сузунского и Ордынского районов Новосибирской области: автореф. дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 1966. 19 с.

Лукьянова Н.А. О семантике и типах экспрессивных лексических единиц. II. Семантические классы экспрессивов русского языка // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск, 1983. С. 12−41.

Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1986. 230 с.

Лыжова Л.К. Об особенностях синонимов разных частей речи (на материале говоров одного из сел Воронежской области) / Изв. / Воронеж. пед. ин-т. 1969. Т. 68. С. 169–175.

Лютикова В.Д. Социальная дифференциация лексики говора на территории позднего заселения: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1984. 16 с.

Лютикова В.Д. О пословицах и поговорках одного носителя диалекта // Региональные аспекты лексикологии. Тюмень, 1994. С. 73–-78.

Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект: монография. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 1999. 188 с.

Лютикова В.Д. Языковая личность: идиолект и диалект: автореф. дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000а. 41 с.

Лютикова В.Д. Словарь диалектной личности. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2000б. 188 с.

Малышева В.А. Идиолект как лингвистическая реальность // Антропонимический подход к языку. Пермь, 1998а. Ч. 1. С. 66−79.

Малышева В.А. Функционирование обращений в речи диалектоносителя // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: материалы науч.-практ. конф. (3−5 декабря 1998 г.). Бийск, 1998б. Т. 2. С. 5−7.

Малышева В.А. Идиолексикон сквозь призму лексикографии. Вып. 1. учеб. пособие по спецкурсу «Идиолект как лингвистическая реальность». Пермь, 2007. 136 с.

Малышева В.А., Скитова Ф.Л. Общее и индивидуальное в речи носителя диалекта // Материалы междунар. съезда русистов в Красноярске (1–4 октября 1997 г.). Красноярск, 1997. Т. 1. С. 138–140.

Малышева В.А., Скитова Ф.Л. Повтор в обиходной диалектной речи // Актуальные проблемы русистики. Томск, 2000. С. 239−244.

Малышева Е.Г. Попытка описания языковой личности (на материале высказываний спортивного комментатора Омского телевидения Андрея Блохина) // Язык. Человек. Картина мира. Омск, 2000. Ч. 1, с. 127–130.

Мандрикова Г.М. Инвективная лексика в студенческой речи (на примере русского и польского языков) // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2011. № 1. С. 208–216.

Маркина Л.В. Бранные формулы как средство выражения вербальной агрессии в диалектной коммуникации // Известия Волгогр. гос. пед. ун-та. Филологические науки. 2019. № 7 (140). С. 157–161.

Мартынова С.Э. Народно-поэтический стиль диалекта: дис. … канд. филол. наук. Томск, 1992. 257 с.

Маслова А.В. Реализация установки на гармоничное общение в речи диалектной языковой личности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 1. С. 143–149.

Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М.: Academia, 2001. 203 с.

Матвеева Т.В. Тематическое развёртывание разговорного текста // Языковой облик уральского города. Свердловск, 1990. С. 46–54.

Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.

Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-н/Д: Феникс, 2010. 561 с.

Матяшевская А.И. Сниженная лексика в СМИ: классификация, употребление, этнокультурные различия: на материале российских и британских газет: Автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2014. 23 с.

Мельниченко Г.Г. Характеристика словарного состава местного говора по степени употребительности слов // Доклады на научных конференциях 1962. Ярославль, 1962, Т.1. Вып. 2. С. 245–254.

Минакова Е.Е. Сопоставительный анализ многозначных существительных в немецком и русском языках // Лексикон человека и речевая деятельность. М., 1991. С. 31–38.

Мишланов В.А. Молитва как речевой жанр // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов: Колледж, 2003. С. 290–302.

Мотивационный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). Т. 1–2. / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982–1983.

Муравьева Н.В. Речевые механизмы коммуникативных конфликтов: автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 2002. 50 с.

Мурзин Д.Н. Антропологическая ниша в языковой науке // Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург, 1995. С. 11−12.

Мягкова Е.Ю. О двух подходах к исследованию эмоциональности лексики // Языковое сознание: Тез. IX Всесоюз. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». М., 1988. С. 124.

Найдён Е.В. Функции мотивационно связанных слов в народно-разговорной речи (на диалектном материале): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2001. 22 с.

Наумов В.Г. Явление мотивации слов в системе диалекта (лексикологический аспект): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1985. 17 с.

Некрасова Е.А. Сравнения в стихотворных текстах (А. Блок, Б. Пастернак, С. Есенин) // Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М.: Наука, 1982. С. 5−189.

«*Не скрывайте* от меня вашего настоящего времени»: переписка Г.В. Адамовича с М.А. Алдановым (1944–1957). Предисловие, подготовка текста и комментарии О.А. Коростелева.

URL: https://readli.net/ne-skryivayte-ot-menya-vashego-nastoyashhego-mneniya-perepiska-g-v-adamovicha-s-m-a-aldanovyim-1944-1957/ (дата обращения: 17.08.2024).

Нефёдова Е.А. Экспрессивный словарь диалектной языковой личности. М.: Изд-во Московского ун-та, 2001. 144 с.

Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре // Язык и личность. М., 1989. С. 34-40.

Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 186 с.

Николаева Т.М. Категория связности Категория связности текста как многокомпонентное иерархическое образование // Текст и аспекты его описания. М., 1977. С. 48–49.

Ничипорович Е.А. Кооперативная языковая личность в открытом коммуникативном эпизоде: автореф. дис. … канд. филол. наук. М., 1998. 22 с.

Новиков А.И. Алгоритмическая модель смыслового преобразования текстов: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 1973. URL:

http://www.childpsy.ru/dissertations/id/19272.php (дата обращения: 17.07.2023).

Новиков Л.А. Типы антонимов в русском языке (структурная классификация) // Русский язык в школе. 1973. № 3. С. 69–76.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш. шк., 1982. 272 с.

Новиков Л.А. Русская антонимия и ее лексикографическое описание // Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка. М., 1985. С. 5−30.

Новиков Л.А. Лексикология // Современный русский язык. М., 1989. Ч. 1. С. 165–297.

Новожилова Н.А., Зорина Л.Ю. Благопожелания в режской коммуникативной культуре // Родная речь: сб. научных статей. ВОО «Русское географическое общество», Вологодское областное отделение; Вологодский гос. ун-т. Вологда, 2017. С. 120−152.

Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. 228 с.

Общение. Текст. Высказывание. М.: Наука, 1989. 175 с.

Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.

Опыт описания языковой личности. А.А. Реформатский // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 149−212. +

Орлов Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных территориальных говорах: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1970. +

Основные понятия лингвокриминалистической экспертизы: справочное пособие / Под ред. И.А. Стернина. Ярославль: Канцлер, 2013. 80 с.

Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 197 с.

Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста. М.: Наука, 1990. 304 с.

Парсамова В.Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах (на материале писем Ю.М. Лотмана): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2004. 23 с. +

Пауфошима Р.Ф. Житель современной деревни как языковая личность // Язык и личность. М., 1989. С. 41–48.

Перетрухин В.Н. Беседы о языке и культуре речи. Тюмень, 1962. 72 с.

Плотникова А.А. Порог // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 4. М., 2009. С. 173–177.

Попова О.В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий) : Автореф. дис. … канд. филол. наук. Омск, 2004. 19 с.

Порядина Р.Н. О «магической» функции деминутива (на материале среднеобских говоров) // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998. С. 249−255.

Прокофьева Е.В. Диалектная языковая личность на Алтае: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2012. 21 с.

Прокошева К.Н. Очерк афористики Прикамья // Литературное краеведение. Пермь, 1988. С. 3–19.

Раденкович Любинко. Опасное время в народных представлениях славян. URL: http://book.lib-i.ru/25kulturologiya/566313-1-lyubinko-radenkovich-institut-balkanistiki-sani-belgrad-opasnoe-vremya-narodnih-predstavleniyah.php. (дата обращения: 10.09.2024).

Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Лексика / под ред. О.Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. 253 с.

Райская Л.М. Антонимия в лексической системе говора (на материале нарымского говора): автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1985. 18 с.

Раков Г.А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. 272 с.

Ратмайр Р. Функциональные и культурносопоставительные аспекты прагматических клише // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 15–22.

Резанова З.И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1996. 218 с.

Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни: монография / [Е.Н. Ильина и др.; научный редактор Е.Н. Ильина]; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Вологодский гос. ун-т. Вологда: ВоГУ, 2021. 683 с.

Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в её преодолении / А.Н. Байкулова, Е.Ю. Викторова, М.А. Кормилицына [и др.]; под ред. О.Б. Сиротининой, М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2015. 188 с.

Рождественский Ю.В. О правилах ведения речи по данным пословиц и поговорок // Паремиологический сборник: пословица, загадка (структура, смысл, текст). М., 1978. С. 211–230.

Романова Т.В. Языковая личность Д.С. Лихачева как элитарная языковая личность русского интеллигента // Мир русского слова. 2006. № 4. С. 7–13.

Романцова Т.Д., Филатова А.Д. Речевой портрет губернатора Иркутской области А.Г. Тишанина // Мир русского слова. 2007. № 3. С. 18−54.

Ромашко С.А. Культура, структура коммуникации и языковое сознание. // Язык и культура. Сб. обзоров. М., 1987. С. 37−58.

Ростова А.Н. Показания языкового сознания носителей диалекта как источник лексикологического исследования: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 1983. 22 с.

Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (на материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 194 с.

Рощина Л.М., Яковлева М.П. Автор мемуаров как языковая личность // Этническое и языковое самосознание. М., 1995. С. 126–127.

Рулан Н. Юридическая антропология: учеб. для вузов / ред. В.С. Нерсесянц. М.: Норма, 2000. 312 с.

Русские говоры Среднего Приобья / О.И. Блинова, Л.А. Захарова, О.Н. Киселева, В.В. Палагина, Г.А. Садретдинова. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. Ч. 1. 208 с.

Русская речевая культура: Учебный словарь-справочник / под общей ред. В.Д. Черняк. СПб.: САГА; Азбука-классика, 2006. 224 с. Авторы статей не указаны

Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: БРЭ; Дрофа, 1997. 704 с.

Русский язык и русская культура. 100 очерков и бесед на радио. Под ред. Л.А. Глинкиной. Челябинск, 2003. 478 с.

Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия / Собр. М. Забылиным. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 541 с.

Рымарь С.В. Лексическая синонимика А.С. Пушкина: качественный и количественный анализ: на материале лексического словника и рядов с разным числом синонимов: автореф. дис. … канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2008. 23 с.

Сахарный Л.В., Орлова О.Д. Типы употребления в речи нескольких вариантов одной гиперлексемы (опыт психолингвистического анализа текста) // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1969. Вып. 1. С. 83−113.

Седов К.Ф. Становление структуры устного дискурса как выражение эволюции языковой личности: дис. … д-ра филол. наук. Саратов, 1999. 428 с.

Седов К.Ф. Психолингвистический аспект изучения речевых жанров // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007. С. 14–15.

Седов К.Ф. Языкознание. Речеведение. Генристика // Жанры речи. Саратов: Наука, 2009. – Вып. 6. Жанр и язык. – С. 23– 40

Сенкевич В.А. Исследование лексических и аффиксальных особенностей функционирования русского языка. Челябинск, 1973. 267 с.

Сердобинцев Н.Я. Семантическая структура слова и его коннотации // Теория слова и функционирования словарных единиц. Саратов, 1981. С. 4–25.

Сиротинина О.Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М.: Просвещение, 1974. 143 с.

Сиротинина О.Б. Человек и его язык // Вопросы стилистики. Саратов, 1996. Вып. 26: Язык и человек. С. 3−7.

Сиротинина О.Б., Беляева А.Ю., Нагорнова Е.В., Соколова О.И., Аблаева Е.В. Зависимость текста от его автора // Вопросы стилистики. Вып. 27. Саратов, 1998. С. 3–9.

Сиротинина О.Б. Речевая культура и культура речи: сходства и различия понятий // Вопросы культуры речи. Вып. 9. М., 2007. С. 127–132.

Сиротинина О.Б. Состояние русской речи // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4 (2). С. 112.

Сиротинина О.Б. Основные критерии хорошей речи. URL: https://gramota.ru/journal/stati/pravila-i-normy/osnovnye-kriterii-khoroshey-rechi (дата обращения: 01.09.2024).

Скворцов Л.И. Культура речи // Русский язык: Энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 119−121.

Скворцов Л.И. Язык, общение и культура // Русский язык в школе. 1994. №1. С. 10–15.

Скитова Ф.Л., Огиенко Е.А. Из наблюдений над словарным запасом одного человека // Живое слово в русской речи Прикамья. Вып. 2. Пермь, 1971. С. 26–39.

Скребнев Ю.М. Ирония // Русский язык: энциклопедия. М., 1979. С. 98.

Словарь образных слов и выражений народного говора / под ред. О.И. Блиновой. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. 312 с.

Словарь синонимов русского языка / гл. ред. А.П. Евгеньева. Л.: Наука, 1970–1971. Т. 1–2.

Словарь языка русских произведений Шевченко. Киев: Наукова думка, 1985–1986. Т. 1−2.

Словарь языка Пушкина / под ред. В.В. Виноградова. М., 1956– 1961. Т. 1–4.

Соколовская Т.Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени): автореф. дис. … канд. филол. наук. СПб., 2002. 20 с.

Соломина Е.В. Языковая личность носителя городского просторечия: автореф. дис. … канд. филол. наук. Томск, 2016. 23 с.

Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. М., 1988. 52 с.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 232 с.

Сперанская А.Н. Правила речевого поведения в русских паремиях: автореф. дис. … канд. филол. наук. Красноярск, 1999. 21 с.

Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж, 1996. 73 с.

Стернин И.А. Лексическое значение и энциклопедическое значение // Аспекты лексического значения. Воронеж, 1982. С. 10−18.

Стернин И.А. Можно ли культурно формировать культуру в современной России? // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы образовательных технологий. Екатеринбург, 2000. С. 161–165.

Стернин И.А. Основные особенности русской коммуникативной культуры // Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет. Мат-лы 2-й междунар. конф. «Jezyk rosyjski w przestrzeni jezykowej i kulturovej Europy i swiata: Czlowek. Swiadomosc. Komunikacja. Internet» (Warszawa, 6-9 maja 2004). Варшава: Изд-во Варш.ун-та, 2004. С. 32−55.

Стернин И.А. К теории речевых культур носителя языка // Вопросы психолингвистики. 2009. С. 22–29.

Стернин И.А. Типы речевых культур: учебное пособие. Воронеж: Истоки, 2013. 23 с.

Супрун А.Е. Повтор в лексической структуре текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. М., 1995. С. 135–139.

Сусов И.П. Лингвистика между двумя берегами // Языковое общение: единицы и регулятивы. – Калинин, 1987. С. 9–14.

Тимофеев В.П. Диалектный словарь личности. Шадринск, 1971а. 141 с.

Тимофеев В.П. Личность и языковая среда: учеб. пособие. Шадринск, 1971б. 122 с.

Толстова Г.А. Словарь языка Агафьи Лыковой. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2004. 560 с.

Толстой Н.И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.

Толстой Н.И. Язык и культура // Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Изд. 2-е, испр. М.: Индрик, 1995. С. 15–26.

Третьякова В.С. Речевой конфликт и гармонизация общения: дис. … д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2003. 301 с.

Трошева Т.Б. Объяснение // Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь. – М.: Флинта, 2003. – С. 261.

Туранина Н.А. Реализация ассоциативного потенциала в словаре // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 1998. 166 с.

Тырникова Н.Г. Общее и специфически национальное в речевом этикете (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2003. 24 с.

Тюрина Р.Я. Об энантиосемии в среднеобских говорах // Говоры русского населения Сибири. Томск, 1983. С. 104–111.

Уфимцева Н.В. Доминанты образа мира современных русских // XII междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание и образ мира». М., 1997. С. 157–158.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: АСТ: Астрель, 2008. 878 С.

Фёдорова Т.В. Семантика вежливости и средства её выражения в современном русском языке (на материале произведений современной

драматургии): автореф. дис. … канд. филол. наук. Калининград, 2004. 18 с.

Федорченко И.А. Метафорическая и метатекстовая константы языковой личности академика В.В. Виноградова: дис. … канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 245 с.

Федосюк М.Ю. Нерешенные вопросы теории речевых жанров // Вопросы языкознания. 1997. № 5. С. 102–120.

Фельде О.В. Свои и чужие в языковом сознании сибиряков // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2011. № 3 (15). С. 59–64.

Флиер А.Я., Шишова Н.С. Церемониальное поведение // Культурология. XX век: Энциклопедия. СПб.: Университетская книга, 1998. Т. 2. 447 с.

Формановская Н.И. Способы выражения просьбы в русском языке (прагматический подход) // Русский язык за рубежом. 1984. № 6. С. 67–72.

Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1987. 158 с.

Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. М.: Высш. шк., 1989. 159 с.

Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М.: Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. 291 с.

Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Русский язык, 1978. 543 с.

Фрумкина Р.М. Объективные и субъективные оценки вероятностей слов // XVIII Междунар.

Психологический конгресс: Тез. сообщ. Т. 2: Проблемы общей психологии. С. 343.

Ханпира Э. Окказиональные элементы в речи // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М., 1972. С. 245–317.

Херольянц Р.В., Кретова В.Н. Лексическая синонимия в народном говоре // Известия Воронежского педагогического института. 1966. Т. 53. С. 149–162.

Хорошая речь: коллективная монография / [О.Б. Сиротинина, Н.И. Кузнецова, Е.В. Дзякович и др.]; под ред. М.А. Кормилицыной, О.Б. Си-

ротиной; Головной совет по филологии М-ва образования Рос. Федерации. Ин-т рус. яз., лит. и журналистики при Филол. фак. Сарат. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. 316, [1] с.

Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия. М.: БРЭ, 1999. С. 717–774.

Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. 240 с.

Черемисина М.И., Рыжкина О.А. Экспрессивно-лексический фонд русского языка // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1977. Вып. 6. С. 3−24.

Черепанова О.А. К оценке вариативности в речи индивида // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск, 1976. С. 74–78.

Черных З.В. Композиционные элементы конфликтных эпизодов в студенческой коммуникации // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 177–187.

Чулкина Н.Л. Модель лексикона носителя русского языка как способ представления лексической системы: автореф. дис. … с канд. филол. наук. М., 1987. 14 с.

Шайкевич А.Я. Статистический словарь языка Достоевского. М.: Яз. славян. культуры, 2003. XLVIII, 832 с.

Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч. 2. Словообразование. Морфология. М.: Просвещение. 1981. 270 с.

Шарифуллин Б.Я. Обсценная лексика: терминологические заметки // Речевое общение. Вып. 1(9). Красноярск, 2000. С. 108–111.

Шейдаева С.Г. Русское слово в контексте языковом и национальном // Духовная культура: проблема и тенденции развития: Всерос. науч. конф. 11–14 мая 1994 г: Тез. докл. Сыктывкар, 1994. С. 22−23.

Шейнов В.П. Управление конфликтами. URL: https://bookap.info/book/sheynov_upravlenie_konfliktami/gl55.shtm (дата обращения: 11.03.2023).

Шершевская Е.В. О некоторых особенностях лексической синонимии в художественной прозе И.А. Крылова // Синонимия в языке и речи. Новосибирск: Изд-во АН СССР. Сиб. отд-ие, 1980. С. 122−137.

Ширяев Е.П. Культура речи // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. С. 287−289.

Шкурина Н. В. Объяснение и определение: специфика текстовой организации // Филологический класс. 2014. № 4 (38). С. 50–53.

Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997. Вып. 1. С. 88– 99.

Шмелёва Е.Я. Языковая личность // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. С. 804−805.

Шмелёва Т.В. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. 1983. №1. С. 72–77.

Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Русистика. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. С. 20–32.

Шмелёва Т.В. Повседневная речь как лингвистический объект // Русистика сегодня: Функционирование языка: лексика и грамматика. М., 1992. С. 5−15.

Шмелева Т.В. Эффективная речь с позиций речеведения // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 12 (20). Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. С. 77–90.

Шумарина М.Р. «Народная лингвистика» в русских пословицах и поговорках // Вестник Новгородского гос. ун-та. 2014. № 77. С. 98–101.

Щерба Л.В. О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // История языкознания XX–XX вв. в очерках и извлечениях. В 2-х ч. Ч. 2. Л., 1974. С. 24−39.

Щукина И.Н. Функционирование устойчивых сравнений литературного языка в речи диалектоносителя // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1991. С. 164–168.

Эдем // URL: https://edemrs.com/pochemu-o-pokojnikah-ne-otzyvayutsya-ploho-istoki-obychaya/ (дата обращения: 10.09.2023).

Экология языка и коммуникативная практика. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2013−2020 (дата обращения: 09.11.2023).

Этикетно-эпистолярные единицы в письмах А.П. Чехова. URL: https://studbooks.net/2147271/literatura/kontsovka_pisma?ysclid=lznb42su3q658388843 (дата обращения: 25.08.2024).

Юнаковская А.А. Детерминанты частной языковой картины мира (на примере общерусского просторечия) // Человек – коммуникация – текст. Барнаул, 1998. Вып. 2, ч. 2. С. 195−196.

Юрченко С.А. Речь как базовая ценность в языковом сознании донского казачества (на материале донских казачьих говоров): автореф. дис. ... канд. филол. наук Волгоград, 2008. 24 с.

Янко-Триницкая Н.А. «Штучки-дрючки» устной речи (повторы-отзвучия) // Русская речь. 1968. № 4. С. 48–52.

Ярмаркина Г.М. Обыденная риторика: просьба, приказ, предложение, убеждение, уговоры и способы их выражения в русской разговорной речи: дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2001. 149 с.

Ярмаркина Г.М. Русская устная речь современного сельского жителя как носителя народно-речевой культуры // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 80–99.

S.S. Holden. On the Numaer of Words Usidin Spaeking and Writing.Bull.Phiios Soc (Washinton). Uol. II, 1874–78, App. I. p. 16.

Lakoff R.T. Language in Context // Language. 1972. Vol. 48, No. 4. Pp. 907–927.

Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Речевая культура и языковая личность 3

1.1. От термина «культура речи» к «речевой культуре» 3

1.2. Типы речевой культуры 9

1.2.1. Элитарный тип речевой культуры 13

1.2.2. Народная / крестьянская / народно-речевая / речевая культура и её изучение 16

*1.2.3. Изучение феномена языковой личности сибирского старожил**а*** 23

2. Идиолексикон 39

2.1. Количественные оценки идиолексикона 39

2.2. Состав и функционирование единиц идиолексикона 44

2.2.1. Общерусская, просторечная и диалектная лексика 44

2.2.2. Активный и пассивный словарный запас 48

2.2.3. Экспрессивно-эмоциональная лексика 75

2.3. Системные отношения единиц идиолексикона 99

2.3.1. Мотивационные отношения слов 99

2.3.2. Формальное варьирование 110

2.3.3. Полисемия 125

2.3.4. Синонимия 133

2.3.5. Антонимия 154

2.3.6. Идеографическая организация лексикона 163

3. Текст и языковая личность 169

3.1. Общие особенности строения текста 171

3.2. Выразительные средства 184

3.3. Диалогичность и цитирование 213

3.4. Некатегоричность повествования 228

3.5. Личностная окраска речи 231

3.6. Стилевая стратификация диалектного текста 232
3.7. Речевой этикет 247
3.8. Метаязыковое сознание..... 299
3.9. Правила речевого поведения 320
3.10. Вариативность текста 344
3.11. Речевое поведение в конфликтных ситуациях 359
3.12. Эпистолярный текст речевого жанра письма 382
Заключение 405
5. Список использованных источников и литературы..... 414

Научное издание

Екатерина Вадимовна ИВАНЦОВА

Речевая культура диалектной языковой личности

Компьютерная верстка А.А. Цыганкова
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 18.11.2024 г. Формат 60×84 1/16.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 28. Усл. печ. л. 26.
Тираж 500 экз. Заказ № 6102.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: http://publish.tsu.ru

E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907890-24-4

9 785907 890244 >